

Героическое подполье

В тылу деникинской
армии.

Воспоминания

Издательство
политической
литературы
Москва 1976

9(С)22

Г39

Редакционная коллегия:

И. П. ДОНКОВ (руководитель),
В. Ф. ВАСЮТИН, С. Ф. НАЙДА, А. И. МЕЛЬЧИН,
М. М. ТЕМКИН

Составители:

О. Н. ПЕТРОВСКАЯ, А. М. СЕДИНА

**Героическое подполье. В тылу деникинской
армии. Г39 Воспоминания. М., Политиздат, 1976.**

416 с. с ил.

Это — одна из книг о гражданской войне, сборник воспоминаний, биография большевистского подполья во время деникинщины, рассказанная коллективом его участников, старых коммунистов. Книга содержит множество фактов, достоверно переданных, о самоотверженной, героической борьбе подпольщиков в тылу врага: на Кубани и Дону, на Украине — в Харькове, Одессе, Киеве, на Черниговщине, в Крыму и Приднестровье. Все события жизни, описанные в этой правдивой и мужественной книге, могут служить примером, достойным уважения и восхищения нашего юного современника, к которому она прежде всего обращена.

10604—194
Г 079(02)—76 Без объявления

9(С)22

© ПОЛИТИЗДАТ, 1975 г.

К читателю

Разгромом деникинской армии завершилась полоса решающих сражений гражданской войны. «Попытка всемирного империализма задавить нас военным путем потерпела полное крушение»,— говорил Ленин в апреле 1920 года на IX съезде партии...

Давно отгремела гражданская война, а отзвуки героического прошлого прочно живут в умах и сердцах тех, кто горел в огне грозных событий тех дней, кто проливал кровь на полях жестоких битв в первые революционные годы.

Перед нами одна из книг о гражданской войне, сборник воспоминаний, биография большевистского подполья во время деникинщины, рассказанная коллективом его участников, старых коммунистов. Сборник содержит множество фактов, документально точных и достоверно описанных.

Однако повествование о былом — это не простое воспроизведение событий. В них многосторонне и сложно перекрещиваются и сплетаются разнообразные явления общественной и личной жизни. История острых классовых противоречий, стойкой революционной борьбы рассказана на страницах этих воспоминаний.

Вчитываяешься в них и с удовлетворением открываешь черту, характерную для каждого из авторов — борцов за великий Октябрь,— стремление подняться выше узколичного пересказа эпизодов своей жизни, описать ее творчески, обобщенно, так, чтобы все

существенное отступило перед главным и типичным. Памятные события, личные драмы и переживания, сюжетные эпизоды — все это органически переплетается в едином, цельном, последовательном историческом рассказе.

Перед нами произведение, которое заключает в себе особый мир, в то же время мир обыкновенный в тех условиях напряженной и беззаветной борьбы с врагами. Мир этот — революционное большевистское подполье. Читатель видит его в деталях, как бы изнутри, видит методы героической работы и механизм руководства революционной борьбой народных масс в условиях самого лютого денкинского террора.

Узнает читатель и о тех, кто творил дела подполья. Авторы раскрывают свой огромный опыт. В нем — следы пережитого, выстраданного, продуманного. И не только ими или теми, с кем довелось идти одной дорогой. Память сохранила незабываемые черты духовного облика большевиков, встретивших смерть в застенках денкинской контрразведки. Это были отважные и самоотверженные герои, суровые и чистые в своих моральных представлениях. Знакомясь с ними, мы проникаемся мыслями о немеркнущем величии ленинских революционных идей, которые эти люди несли в себе, ощущаем живую теплоту их личностей.

Эта книга о неиссякаемой молодости целого поколения, через долгие годы непоколебимо пронесшего верность идеям служения людям, общественным целям, коммунистическому революционному долгу.

Осмысление происшедшего и происходящего — это постоянная устремленность в будущее. Ощущение молодости, энергии, кипения

лей и страстей, нравственное возвышение людей, прошедших сквозь бури времени,— в этом пафос книги, ведущий человека всегда вперед. В этом великие традиции прошлого, мужество и обаяние партийных людей, отдавших всю жизнь партии и народу. Все события жизни, описанные в этой правдивой и мужественной книге, могут служить примером, достойным уважения и восхищения нашего юного современника, к которому она прежде всего обращена.

Ф. Н. Петров

член КПСС с 1896 года, дважды Герой
Социалистического Труда

Предисловие

После победы Октябрьского вооруженного восстания рабочие и крестьяне, взявшие власть в свои руки, стремились выйти из мировой войны, укрепить свое государство и приступить к мирной преобразовательной деятельности по восстановлению разрушенной экономики и развитию страны на путях строительства социализма.

Однако значительная часть свергнутых эксплуататорских классов не смирилась с диктатурой пролетариата и с первых же дней социалистической революции развязала гражданскую войну в нашей стране, продолжавшуюся более трех лет. Столь длительная и кровавая война стала возможной лишь потому, что вооруженная борьба внутренних сил российской контрреволюции была поддержана крупнейшими империалистическими державами, организовавшими военную интервенцию против молодой республики Советов, на первых порах прикрытую, а с начала 1918 года — открытую.

Судьба завоеваний революции, судьба нового общественного строя — социализма решалась не только на полях сражений созданной и руководимой Коммунистической партией Красной Армии с войсками белогвардейцев и интервентов, но и в развернувшейся всенародной борьбе в тылу врага. Никогда ранее история не знала столь массового и подчиненного единой цели освободительного движения, какими были большевистское подполье и партизанское движение в годы гражданской войны в нашей стране.

Успех партийного подполья и партизанского движения определялся прежде всего тем, что оно организовывалось, направлялось и проходило под руководством Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета, как непосредственно, так и через местные партийные органы, командование и политические органы Красной Армии.

Партийные и комсомольские подпольные организации, партизаны вели агитацию среди городского и сельского населения занятых противником местностей, разоблачая преступные цели и политику врагов, освещали положение на фронтах, укрепляли уверенность в неизбежность победы советского народа и его вооруженных сил, подрывали тыл врага, совершали на-

леты на вражеские гарнизоны, военные и продовольственные базы, взрывали железные дороги, мосты, уничтожали склады врага. Подпольщики и партизаны вели широкую разведывательную работу во вражеском тылу. Получаемые ими сведения срочно передавались центральным органам партии и Советского правительства, советскому военному командованию.

При наступлении Красной Армии боевые операции советских войск на всех театрах военных действий нередко поддерживались массовыми восстаниями трудящихся. Известно немало случаев, когда партизаны и восставшие рабочие и крестьяне еще до подхода частей Красной Армии занимали в тылу врага города и целые районы.

Всенародные формы борьбы в тылу врага дополняли и расширяли фронт борьбы против сил внутренней и внешней контрреволюции.

До декабря 1918 года в лагере контрреволюции на юге России не было сколько-нибудь прочного единства. Так, донская контрреволюция во главе с атаманом Красновым ориентировалась на германских интервентов; деникинцы и связанные с ними казачьи верхи Кубани и Терека — на империалистов Антанты, рассчитывая получить от них серьезную помощь в борьбе против Советской России после поражения Германии и ее союзников в мировой войне. Феодално-националистические элементы горных районов Дагестана, Ингушетии и др. ориентировались на Турцию, надеясь с ее помощью создать зависимые от нее государства.

Не было должного единства и между деникинцами, опиравшимися на белогвардейско-добровольческую армию, и казачьими верхами Дона, Кубани и Терека. Деникинцы стремились упразднить отдельные проявления казачьего сепаратизма и ввести в казачьих областях порядок, насаждавшиеся ими повсеместно в захваченных районах.

Более тесное сближение между деникинцами, казачьими верхами и некоторыми феодално-буржуазными элементами Северного Кавказа началось после поражения Германии и ее союзников, а также провалившегося наступления Краснова в конце 1918 года, начавшегося разложения белоказачьего войска. Следовательно, этому сближению способствовала реально возросшая угроза разгрома сил контрреволюции юга России в связи с нараставшим наступлением советских войск на Южном фронте.

Объединение сил контрреволюции юга России вокруг Деникина, его правительства и Добровольческой армии происходило при полной поддержке правящих кругов США, Англии и

Франции, видевших в Деникине одного из наиболее надежных представителей контрреволюции, способного, по их расчетам, сплотить всех врагов Советской власти и потопить в крови диктатуру пролетариата. Широкая поддержка деникинцев со стороны Антанты позволила им к весне 1919 года значительно увеличить численность белогвардейских войск, в том числе за счет начавшейся мобилизации населения, и перейти в наступление на Южном фронте. К исходу мая белые армии добились существенных успехов на фронте, захватив ряд стратегически важных районов, и начали готовиться к широкому задуманному походу на Москву.

Установление деникинского режима в южных районах России, а также подготовка и развертывание летом и осенью 1919 года военного наступления проходили в условиях кровавого буржуазно-помещичьего террора против трудящихся масс. Наряду с возвращением капиталистам и помещикам их прежней собственности, жестокой эксплуатацией рабочих и крестьян велось поголовное ограбление деникинцами трудящегося населения. Повсюду проходили массовые аресты и расстрелы всех, кто принимал участие в революционной деятельности, в строительстве Советской власти, служил в Красной Армии или проявлял малейшее недовольство белогвардейским режимом.

В этих условиях начала развертываться деятельность большевистского подполья, партизанское движение, все формы народного сопротивления деникинщине в тылу врага.

Все подпольщики самоотверженно выполняли указания Ленина, данные им в историческом обращении Центрального Комитета РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!». В нем вождь революции требовал: «Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить наступление Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь».

Это письмо и решения июльского (1919 года) Пленума ЦК РКП(б) стали боевой программой всех партийных и советских организаций страны.

Руководствуясь этими указаниями партии, активно действовали подпольные большевистские организации и партизаны в тылу Деникина.

В первой части предлагаемой вниманию читателей книги воспоминаний освещаются многие важные страницы истории зарождения и героической борьбы против деникинщины большевистских подпольных организаций и партизан в Кубанской и Терской казачьих областях, на Ставрополье, в горной части Северного Кавказа.

Организаторами партийного подполья и вооруженной борьбы на Северном Кавказе стали коммунисты и рабочие Екатеринодара, Новороссийска, Ставрополя, Армавира, Майкопа, других городов, казачьих станиц и железнодорожных станций.

В марте 1919 года подпольщиками был создан Екатеринодарский областной подпольный комитет РКП(б).

В мае ЦК РКП(б) утвердил этот комитет как Северо-Кавказский и дал ему директиву развернуть подпольную работу среди трудящихся всего Северного Кавказа. В Екатеринодаре, кроме того, после прошедших среди подпольщиков арестов оставшиеся на свободе большевики в июле создали новый Екатеринодарский комитет на правах областного партийного центра. Подпольщики и партизаны Северного Кавказа уделяли большое внимание развитию партийной работы и партизанского движения в районе Новороссийска, являвшегося основной военно-морской базой Деникина, через которую интервенты снабжали его войска оружием, боеприпасами, обмундированием и т. д., а из России вывозили за границу награбленные ими хлеб, сырье и многое другое.

Деникинская контрразведка наносила неоднократно удары как по Екатеринодарскому, так и по Новороссийскому и другим партийным комитетам. Но подполье жило, крепло и ширило свою деятельность. Краевой комитет установил связь со многими партийными организациями подполья и партизанскими отрядами Причерноморья.

Партизанское движение уже к лету 1919 года стало массовым. Партизанской борьбой были охвачены вся территория Черноморской губернии, включая район Новороссийска, многие районы Кубанской области, Ставрополя, горные районы Северного Кавказа.

В партизанской краснозеленой армии Причерноморья насчитывалось около 15 тысяч бойцов *, в Прикубанье и на Ставропольщине действовало около 60 тысяч партизан^{1 2}.

Среди партизан и населения горных районов Северного Кавказа большую работу проводил Кавказский краевой комитет РКП(б), имевший связи с Северо-Кавказским краевым комитетом. Коммунисты завоевали основную часть трудящихся горских народов на сторону Советской власти, изолировав националистов и феодально-клерикальные элементы от масс, и возглавили повстанческую борьбу против деникинцев.

¹ См. «Из истории гражданской войны», т. 2. М., 1960, стр. 616.

² См. «Борьба за Советскую власть на Кубани». Сборник документов и материалов. Краснодар, 1957, стр. 345.

В руководстве партизанским движением здесь ведущую роль играли коммунисты: член Кавказского комитета Н.Ф.Гикало, А. Шерипов, Б. П. Шеболдаев и другие.

Многие события подпольной и партизанской борьбы в этом районе нашли отражение в книге. Она открывается воспоминаниями одного из видных организаторов и руководителей Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) — В. Ф. Черного. В этом очерке рассказывается, как создавалось подполье на Северном Кавказе, как под руководством Центрального Комитета РКП(б) развертывалась его деятельность. В очерке, принадлежащем перу активного работника партийного подполья Н. А. Пшеничного, освещаются некоторые вопросы руководства подпольем на Северном Кавказе со стороны ЦК партии и деятельность краевого комитета по созданию партийных организаций, руководству ими и развитию партизанского движения на Северном Кавказе.

В воспоминаниях Д. Ф. Синченко рассказывается о борьбе с проникавшими в ряды борцов подполья провокаторами, о развертывании партизанской борьбы в казачьих станицах Кубани в марте 1920 года в связи с наступлением Красной Армии. Автор пишет о попытке подпольщиков войти в соглашение с левой частью Кубанской рады в интересах расширения борьбы с деникинщиной.

В очерках В. И. Бойко, М. И. Романова и Р. И. Шаинской «На переднем крае», А. Ф. Акименко «Смелые операции», М. Г. Бобрук, П. М. Пушнова, И. Ф. Ткаченко и Д. В. Лискевич «С оружием в руках» ярко характеризуется работа подпольных партийных организаций и развитие красноезеленого партизанского движения в Причерноморье, прежде всего в районах Новороссийска, Геленджика, Сочи. Очерк П. П. Соркина посвящен борьбе коммунистов с эсерами за овладение партизанским движением в районе Адлера — Сочи.

В воспоминаниях А. З. Дьякова «Красный Дагестан» показывается роль коммунистов в борьбе против буржуазных националистов и их турецких наемников за развитие подлинно всенародного повстанческого движения против деникинщины в этом горном крае. Действиям партизан Северной Осетии посвящен очерк М. Д. Ботоева. Интересно и ярко описываются события, свидетельствующие о самоотверженной, полной героизма борьбе трудящихся против сил контрреволюции, в очерках Е. И. Жугиной, С. А. Воробьева, М. М. Репетуна, И. П. Червякова, С. В. Расторгуева, А. И. Савенко, Х. И. Грибенника.

В следующей части книги помещена группа материалов о деятельности большевистских подпольных организаций Дона.

Для руководства партийным подпольем в этом районе было создано Донбюро ЦК РКП(б), работавшее в тесном контакте с политотделом Южного фронта. При его содействии в конце 1918 года в Ростове-на-Дону — в самом центре деникинской контрреволюции — образовался подпольный областной комитет партии, который возглавлял сначала Г. А. Мурлычев, а после его казни белогвардейцами А. Е. Васильев-Шмидт. Комитет организовал типографию, широко поставил печатное дело, распространение газет и листовок среди рабочих и крестьян и даже в войсках Деникина.

Контрразведка не раз нападала на след Донкома партии, арестовывала его работников, разгромила две его типографии, но подпольщики снова и снова восстанавливали комитет, типографию и продолжали работу.

Под руководством Донкома вели работу подпольные партийные организации Таганрога, Новочеркаска, рабочих районов Донбасса. С помощью Донкома большевики промышленных центров организовывали рабочие забастовки, развешивали партизанское движение, готовили восстания трудящихся при подходе советских войск. Донком насаждал в деникинском военном и административном аппарате, в частности в судебных органах и в тюремной охране, своих доверенных людей, нередко коммунистов, руководил агитационной работой в войсках противника, в первую очередь среди мобилизованных солдат. Используя своих людей, Донком развернул разведывательную деятельность, при этом наиболее важные сведения передавались в политотдел и командованию Южного фронта.

В декабре 1919 года — январе 1920 года Донком провел большую работу по организации помощи наступавшей Красной Армии.

С неослабевающим интересом читаются воспоминания подпольщиков Дона. В содержательном очерке руководителя Донкома РКП(б) А. Е. Васильева-Шмидта приводятся основные события истории создания Донского областного комитета партии, характеризуется его состав, рассказывается о работе подпольной типографии и распространении большевистской литературы. Автор называет многих участников партийного подполья, разведывательных и диверсионных групп, пишет о своей поездке в Москву и встречах с работниками Реввоенсовета республики.

Один из бывших активных подпольщиков, Е. В. Романов, приводит характерные факты о террористическом режиме деникинцев, деятельности партийной организации в Главных мастерских Владикавказской железной дороги в Ростове, о разо-

блачении предательской политики эсеров и меньшевиков, верой и правдой служивших белогвардейцам, о диверсиях подпольщиков, выведивших из строя боевую технику деникинцев.

Большой интерес представляют воспоминания О. Ф. Ильиной, в которых наряду с освещением некоторых общих вопросов работы Донкома говорится о героических подвигах женщин-коммунисток, которые выполняли трудные и полные опасности задания связных Донкома с Донбуро и ЦК РКП(б).

В очерке Г. Я. Спирина, работавшего в первой нелегальной типографии Донкома, рассказывается о ее разгроме контрразведкой, об аресте и пытках арестованных, судебной расправе над ними, о борьбе коммунистов за жизнь своих товарищей, сумевших вырвать их в результате подкупа деятелей деникинской «юстиции» из рук белогвардейских палачей. П. Ф. Крылов в своих воспоминаниях сообщает о приведении в исполнение подпольщиками приговора над предателем, в котором автор сам принимал участие.

Значительное место в книге занимают материалы, посвященные большевистскому подполью на Украине.

Захват деникинцами Украины, повсеместное восстановление ими буржуазно-помещичьих порядков вызвали бурное нарастание революционно-освободительного движения рабочих, трудящихся крестьян и лучшей части трудовой интеллигенции.

К осени 1919 года вся Украина покрылась разветвленной сетью подпольных организаций и создававшихся при них ревкомов и военных штабов. Партийные комитеты возглавили борьбу против белогвардейщины, руководили диверсионно-подрывной работой в тылу врага, организовывали сбор разведывательных данных для командования Красной Армии. Они же подготавливали массовые вооруженные выступления рабочих и крестьян, особенно при наступлении советских войск в конце 1919 — начале 1920 года.

Создание и деятельность подпольных организаций проходили под руководством ЦК КП(б)У и его Зафронтового бюро. Зафронтбюро ЦК КП(б)У направляло во вражеский тыл опытных подпольщиков и партизанских руководителей, которых за время борьбы с деникинщиной было послано на Украину более 800 человек. По решению ЦК КП(б)У были созданы реввоенсовет и штаб повстанческих войск Левобережной и юго-восточной части Правобережной Украины. Организация главного командования повстанческих войск сыграла важную роль в развитии мощного партизанского движения в важнейших стратеги-

ческих районах Украины, содействовала успеху наступательных операций Красной Армии на завершающем этапе борьбы с деникинщиной. В ноябре 1919 года, когда развернулось мощное наступление советских войск на Южном, а затем и на Юго-Восточном фронтах, в огромном партизанском районе в полосе этих фронтов действовали сотни партизанских отрядов, около двух десятков партизанских бригад, несколько партизанских полков и одна дивизия, насчитывавшие 65—70 тысяч бойцов.

Быстро ширилось партизанское движение и за пределами этого района. Например, в прифронтовой полосе Черниговской, Киевской и Волынской губерний в партизанской борьбе, руководимой местными подпольными партийными организациями, принимали участие не менее 10 тысяч человек; в Таврической и южных районах Херсонской губерний — около 20 тысяч человек. Массовыми были восстания рабочих Донбасса против деникинцев.¹

При подходе советских войск партизаны Украины повсеместно переходили в решительное наступление против деникинцев, лишая их возможности свободно отступать на Дон.

По мере освобождения Украины легализировались подпольные организации и ревкомы, которые сразу же приступали к восстановлению Советов и развертыванию их деятельности.

Б публикуемых в этой книге воспоминаниях затрагивается ряд важных вопросов истории большевистского подполья и партизанского движения на Украине против деникинщины. В нескольких очерках рассказывается о деятельности одесской подпольной организации. Р. М. Лучанская, являвшаяся в дни деникинщины секретарем «пятерки» по руководству подпольной борьбой в Одессе, подробно характеризует структуру городской и районных партийных организаций, их руководящий состав, говорит о нелегальной городской партийной конференции и значении ее решений для развертывания подпольной работы, о первых успехах и неудачах подпольщиков.

Немалый интерес представляют воспоминания и другого члена руководящей «пятерки» — В. Н. Лапиной, ведавшей работой политического Красного Креста, много сделавшего для облегчения участи арестованных подпольщиков и даже освобождения некоторых из них из белогвардейских застенков.

Авторы других очерков — активные участники подполья Н. Л. Соболев, Б. В. Гумперт, Н. Л. Александрович, Р. Э. Лари-

¹ Подсчеты численности партизан на Украине сделаны автором предисловия на основе документальных источников и воспоминаний участников борьбы. — С. Н.

на, С. И. Котляр-Тонина, С. Б. Ингулов, Х. С. Топоровская, П. В. Китайгородский, Б. М. Яковер раскрывают многие важные стороны деятельности Одесского подполья: работу коммунистов в районах и на предприятиях города, завоевание большевиками на свою сторону профессиональных союзов, постановку военно-боевой работы, приемы конспирации и т. д. Они содержат запоминающиеся характеристики видных подпольных работников, таких, как, например, Е. Соколовской, впоследствии крупного работника Коминтерна, А. М. Панкратовой, ставшей известным советским историком, действительным членом Академии наук СССР, общественным деятелем. Подробное освещение получили в воспоминаниях материалы, связанные с выпуском нелегальной партийной газеты «Одесский коммунист». В условиях невероятных трудностей, разгула белогвардейского террора, постоянной слежки газета выходила регулярно, разоблачая антинародную сущность деникинского режима, зверства контрразведки, неся в массы большевистскую правду, вселяя в них твердую уверенность в торжество дела ленинской партии.

Несколько особо стоят очерки П. Т. Пастернака, С. Гайдука и С. Теселько о массовых крестьянских восстаниях в селах Висунск и Баштанка вблизи города Николаева. Эти широкие выступления крестьян с оружием в руках против деникинщины были непосредственно связаны и получали эффективную поддержку большевистских подпольных организаций Одессы, Николаева и Херсона.

В вошедших в книгу воспоминаниях о харьковском подполье большой интерес представляет очерк бывшего секретаря городского подпольного большевистского комитета Л. С. Леонова. Из него читатель получит представление о многих существенных сторонах работы подпольной организации, ее задачах и характере, о причинах отдельных провалов, о связях харьковского подполья с другими подпольными организациями и партизанскими отрядами в уездах Харьковской губернии.

В воспоминаниях А. М. Яновой подробно показана работа политического Красного Креста в Харькове (ею руководила автор), героические подвиги участников этой работы, как коммунистов, так и беспартийных. Многим арестованным и их семьям удалось сказать материальную помощь, поддержать морально, ряд товарищей освободить из застенков контрразведки и тюрем. Автор рассказывает о некоторых видных партийных работниках, в том числе членах ЦК КП(б)У М. Черном и П. Слинко, посланных в Харьков Центральным Комитетом Компартии Украины. Петр Слинко не успел включиться в ра-

боту, так как сразу же по приезде был арестован и вскоре расстрелян. М. Черному за недолгое время его работы в харьковской подпольной организации удалось многое сделать, но и он по доносу провокатора был также арестован и казнен.

М. Я. Левитин пишет в своем очерке о деятельности боевой группы харьковских подпольщиков. Расследование кровавых преступлений деникинцев, проведенное в Харькове после освобождения города Красной Армией, составляет тему очерка П. И. Долгина.

На страницах книги публикуются воспоминания о большевистском подполье и партизанском движении и в других районах Украины. В этой части сборника читатель найдет очерк бывшего члена Киевского подпольного комитета партии Г. П. Полянской, которая кратко рассказывает о положении в захваченном деникинцами Киеве, о подпольщиках города, об установлении связи с партизанами Киевской и Черниговской губерний, об изгнании белогвардейцев из столицы Украины. Бывший секретарь Амур-Нижнеднепровского подпольного райкома партии Р. И. Левикова вспоминает о борьбе против деникинцев в этом крупном пролетарском пригороде Екатериносла-ва. В очерке Н. Ф. Кожухаря освещается участие рабочих Луганска, возглавляемых коммунистами, в героической обороне города при наступлении Деникина весной 1919 года.

В воспоминаниях П. К. Хижняка, бывшего красноармейца, а затем сотрудника Новомосковской уездной ЧК и партизана, говорится о боевых операциях партизан Екатеринославщины, деятельности подпольных революционных комитетов в селах Новомосковского уезда.

Несомненную ценность представляют воспоминания одного из организаторов и руководителей партизанского движения в прифронтовой полосе на Черниговщине — Н. И. Точеного. В ходе боевых операций партизаны, как показывает автор, не только наносили большой военный урон врагу, но и постоянно вели политическую работу среди крестьян, разоблачая антинародную сущность белогвардейского режима, агентуру Махно и Петлюры, стремившуюся подчинить своему влиянию повстанческое движение, разложить и ослабить красные партизанские отряды.

О героических делах подпольщиков и партизан Крыма в мрачную пору деникинщины рассказывается в воспоминаниях М. А. Егерова и К. К. Кожинной.

Написанная ветеранами ленинской партии, активными борцами большевистского подполья на решающем этапе гражданской войны, эта книга воспоминаний, безусловно, будет поло-

жительно воспринята как советскими историками, так и широкими читательскими кругами. На мой взгляд, она имеет не только большое познавательное значение как труд, повествующий об одной из самых героических страниц борьбы советского народа за свое освобождение, за утверждение нового общественного строя. Велико вдохновляющее воздействие на умы и сердца нашей советской молодежи героического примера их отцов и дедов, отдававших все свои силы, без страха шедших на смерть во имя торжества великих идеалов ленинской партии, во имя светлого будущего человечества.

Публикуемые мемуары послужат также важным источником для дальнейшей, более глубокой разработки истории Коммунистической партии и руководимой ею освободительной борьбы советских людей против интервентов и сил внутренней контрреволюции в годы гражданской войны.

Доктор исторических наук,
профессор *С. Ф. Найдя*

От инициативной группы до краевого комитета ¹

...Всего пять с половиной месяцев просуществовала Советская власть на Кубани в 1918 году — с 14 марта до 28 августа.

Здесь, на юге России, куда стекались разбитые и изгнанные из центральных районов страны силы контрреволюции, гражданская война приняла особенно ожесточенный характер.

Сосредоточившиеся на территории Кубанской и соседних областей белогвардейские банды Корнилова, Покровского, Краснова, Шкуро и других генералов и атаманов держали Советскую власть под постоянной угрозой свержения. Каждый день приходили известия о нападениях белогвардейцев на станицы, о кулацких восстаниях то в одном, то в другом месте. Уже в апреле генерал Корнилов попытался захватить областной центр Екатеринодар, но в упорных боях его войска были разгромлены, а сам он убит.

Однако в августе над Кубанью нависла новая страшная угроза... Добровольческая армия Деникина, хорошо обученная и снаряженная империалистами Антанты, подступила к Екатеринодару. Силы были неравными. Красная армия Северо-Кавказской республики^{1 2} с боями отступала на территорию Терской области и Ставропольской губернии.

В те тяжелые дни отступления советских войск я находился в Геленджике. Лишь в начале сентября, когда Геленджик был захвачен белыми, мне удалось выехать в Екатеринодар. Первыми, с кем мне довелось там встретиться, были большевички Сина Полуян и Ольга Волощук-Тимофеева (последняя до падения Советской власти на Кубани работала комиссаром здравоохранения Северо-Кавказской республики). От них узнал, что партийного центра по руководству подпольной работой в городе не существует.

Мне удалось связаться с несколькими оставшимися в городе большевиками. С помощью этих товарищей — их было чело-

¹ Печатается в сокращенном виде.

² Северо-Кавказская республика была создана в июле 1918 года для объединения всех сил советских районов на Северном Кавказе. В нее вошли существовавшие тогда Кубано-Черноморская и Ставропольская республики и Терская область. — *Сост.*

век десять — удалось создать инициативную группу РКП(б). В нее вошли Михаил Маслиев, Николай Пшеничный, Алексей Черный (мой брат) и другие.

Вскоре инициативная группа выпустила и распространила свое первое воззвание к рабочим и казакам. Оно привлекло внимание большевиков, по тем или иным причинам не успевших отступить из Екатеринодара вместе с советскими частями. Через Сину Полуян я познакомился с членом партии А. А. Лиманским. Он имел большие связи среди рабочих, что для нас было особенно ценным. Было решено создать Екатеринодарский подпольный партийный комитет. В его состав вошли четверо: Лиманский, Михаил Кочин, Михаил Маслиев и я. Мы не сочли возможным на первых порах привлекать к подпольной работе некоторых коммунистов, находившихся на легальном положении, но состоявших на подозрении у денкинцев. Тем не менее я часто встречался с ними, советовался по тем или иным вопросам подпольной работы.

Обязанности между членами комитета распределили так: Лиманский стал председателем, я — секретарем и одновременно начальником военно-революционного штаба. В мои обязанности входило руководить военной работой организации, направлять боевую деятельность стихийно создававшихся в горах отрядов краснозеленых К. М. Кочину поручили организацию партийных ячеек; М. Маслиеву — Красный Крест, который должен был налаживать связь с местами заключения, собирать средства для оказания помощи политическим заключенным и их семьям, а также паспортное бюро.

На первом же заседании договорились организационно-партийную работу вести таким образом, чтобы, создавая базы в Екатеринодаре, распространить свое влияние на всю область. Вскоре мы установили связи с Темрюком, Новороссийском, Армавиром, Ейском, Славянской, Крымской, Тихорецкой, Геленджиком и другими крупными населенными пунктами.

После организации комитета немедленно приступили к созданию штаба. Во главе отдела связи вновь созданного штаба стал Николай Пшеничный вместе со своим помощником Алексеем Черным; заведовать подрывным делом назначили Игоря Киселева; несколько товарищей направили в отдел разведки; на самый важный отдел — формирования боевых дружин — назначили Карпуценко¹, екатеринодарского жителя, имевшего обширные знакомства среди местного населения.

¹ Краснозеленые — так называли в годы гражданской войны повстанческо-партизанские отряды Кавказского Причерноморья. — *Сосн.*

² Впоследствии оказался провокатором. — *Сосн.*

Н. Пшеничный через своих знакомых связался со скрывавшимися в темрюкских плавнях отрядами зеленых, добился подчинения их военно-революционному штабу. Постепенно эти связи расширились, охватывая все большую территорию и большее количество людей.

Весной 1919 года, воспользовавшись пасхальными праздниками, я вместе с подпольщиком Г. И. Сергеевым для личного ознакомления с положением в области и составом краснозеленых отрядов выехал в Анапу, а затем через Новороссийск в горы, где эти отряды базировались. Выяснив все, что интересовало комитет, я возвратился в Екатеринодар, а Сергеев остался у повстанцев продолжать организацию отрядов и осуществлять руководство ими. Свою задачу наш представитель Сергеев выполнил блестяще.

Это время — весну 1919 года — и можно считать началом создания Краснозеленой армии. С нашей помощью был организован новороссийский подпольный комитет, в который вошли А. Воронин, А. Ронис и другие товарищи, фамилии которых не помню. Начальником новороссийского военно-революционного штаба мы назначили Воронина.

Боевые дружины нами были созданы и в Екатеринодаре; к маю в них числилось до 200 человек.

В общем, работа Екатеринодарского подпольного комитета развертывалась довольно быстро. В областном центре имелось несколько подпольных партийных ячеек, разными путями мы добывали оружие, выпустили несколько воззваний. Надо сказать, что особенно успешной была наша разведывательная работа, так как военно-революционный штаб имел негласную связь с одним из работников денкинского штаба.¹ От него мы получали самые последние секретные сведения о вооружении, помощи иностранных государств белогвардейцам, дислокации войск, узнавали вражеские пароли и отзывы на них. Эти сведения представляли колоссальную ценность, но мы не могли использовать их в полной мере из-за отсутствия связи с Москвой и советским командованием Южного фронта.

И только когда в начале апреля 1919 года по заданию ЦК РКП(б) в Екатеринодар прибыл «товарищ Антон», нам удалось организовать пересылку в Москву, в ЦК партии военных сведений, информации о партийных делах. Однако вскоре мы убедились, что наша информация ввиду длительности поездок связных в центр в значительной мере утрачивает ценность и становится лишь документом для истории. Кроме того, работа

¹ Это был наш разведчик Валентин Степанович Борисов.— *Сост.*

у нас была поставлена настолько широко, что требовалась оперативная и к тому же непосредственная связь с ЦК партии. И не только для передачи нужных центру материалов, но и для получения указаний и средств. «Товарищ Антон» посоветовал поехать вместе с ним в Москву кому-нибудь из нас. Так и решили.

Оставив своим заместителем по штабу М. Маслиева как человека, имевшего военное образование, я 3 мая вместе с «Антоном» выехал в Ейск. Оттуда мы добрались до Ростова и, получив через одного подпольщика явку в Таганроге, перешли фронт, который тогда проходил между Таганрогом и Мариуполем. В Таганроге нас встретили подпольщики, активно работавшие среди железнодорожников, и рабочие какого-то эвакуированного петроградского завода. Они нас направили на так называемую Курячью косу, откуда рыбак за деньги согласился перевезти в Мариуполь.

После довольно долгого плавания по волнам мелководного Азовского моря прибыли на рассвете в Мариуполь. С облегчением вздохнули после многомесячного постоянного нервного напряжения, радуясь тому, что наконец оказались у своих. Но радость оказалась преждевременной...

Едва мы сошли на берег, как нас окружила вооруженная охрана порта, потребовав сдать оружие, которого у нас не было. Под конвоем нас повели в штаб, как потом оказалось, одной из махновских частей. Оттуда мы попали в махновскую контрразведку. Здесь нас приняли за «своих», благодаря документам, изготовленным нашим паспортным бюро. Документы были сделаны настолько искусно, что по ним можно было свободно передвигаться по территории, занятой как белогвардейцами, так и махновцами.

После долгих и томительных переездов по «махновскому царству», которое оставило у нас тягостное впечатление, а затем по центральным губерниям прибыли, наконец, кажется 21 мая 1919 года, в Москву. Прямо с вокзала направились в Центральный Комитет партии. Так как за несколько недель до нашего отъезда мы посылали в Москву нашего подпольщика Кондрата Ващенко, который уже информировал о нашей работе, то мое появление в ЦК не оказалось такой уж большой неожиданностью.

Секретарь ЦК Елена Дмитриевна Стасова встретила меня словами: «А мы вас давно ожидаем». Здесь только я узнал, что под кличкой «Антон» скрывался видный партийный работник, один из организаторов большевистского подполья на юге России — Н. И. Галаган.

На другой день я сделал доклад о нашей подпольной деятельности, который был одобрен. ЦК РКП(б) утвердил Екатеринодарский подпольный комитет в качестве Северо-Кавказского комитета партии. Мы получили директиву шире и глубже развернуть работу на всем Северном Кавказе...

В Москве я связался с Реввоенсоветом республики, где сделал сообщение заместителю председателя Э. М. Склянскому о военном положении на Кубани. Вскоре от Е. Д. Стасовой пришло извещение, что ЦК партии получил телеграмму о созыве совещания северокавказских коммунистов в Киеве, куда мне и надлежало выехать.

Прибыв в Киев, я встретился с бывшими северокавказскими работниками — Соркиным, Сухим, Асаульченко и другими, которые горели желанием поскорее узнать, так сказать, из первых рук о положении на Кубани и сами стремились вернуться в родной край для партийной работы. Моя информация окрылила их надеждой на скорое возвращение. На совещании образовали Бюро Северо-Кавказского подпольного комитета. Находясь на советской территории, Бюро должно было служить связующим звеном между нами, подпольщиками, и партийными и военными организациями Москвы. В состав Бюро вошли: Асаульченко, Соркин и Яков Полуян. Распрощавшись с товарищами, я покинул Киев.

Когда добрался до Симферополя, узнал, что началось отступление Красной Армии с Украины. Не буду рассказывать обо всех перипетиях драматических событий, разыгравшихся в Симферополе, где я едва не был схвачен белогвардейцами и где в нескольких шагах от меня арестовали бывшего руководителя новороссийской большевистской организации А. Худанина, в то время секретаря Алуштинского партийного комитета. Как потом стало известно, его расстреляли. С помощью случайных знакомых мне удалось добраться до Карасу-Базара, оттуда я попал в Феодосию, затем в Керчь и, наконец, в Новороссийск.

Из Новороссийска выехал в Екатеринодар. Здесь меня ожидали трагические вести. Наш подпольный комитет был разгромлен, ряд его членов и активистов арестованы, в том числе председатель А. Лиманский, член комитета М. Кочин, мой брат Алексей. Только Маслиеву и Пшеничному удалось скрыться в горах в отрядах Краснозеленой армии. Арест товарищей, которым были предъявлены обвинения в проведении подпольной работы, несомненно, грозил им расстрелом.

Выясняя причины ареста, удалось установить, что арестованный ростовский подпольщик Василий Абросимов выдал

членов своей организации, а поскольку наш комитет был связан с ростовским, то последовали аресты подпольщиков и в Екатеринодаре. Второй причиной был случайный арест моего брата Алексея, в блокноте которого оказались адреса разных лиц. Арест брата и некоторых других подпольщиков можно объяснить только их неосторожностью и неопытностью в делах конспирации.

Уже 6—8 августа 1919 года в докладе Центральному Комитету партии я писал, что «в течение полумесяца удалось создать новый Екатеринодарский комитет, в который вошло два работника прежней организации и три новых. Этот комитет будет центральным для Кубанской области». Среди новых были Л. А. Яичников и Сина Полуян. Далее я сообщал в письме, что комитет, обсуждая вопрос о формах работы, считает необходимым использовать все возможности развертывания борьбы с деникинщиной. Полагая, что господство контрреволюции на юге России носит до известной степени затяжной характер, комитет, направляя главные усилия на подпольную работу, будет тем не менее в пределах возможного оказывать влияние и на легальную жизнь, принимать участие в деятельности легальных профессиональных организаций, толкая их на путь не только экономической, но и политической борьбы. Надо сказать, что работа в профсоюзах имела большое значение, поскольку меньшевистско-эсеровские представители Северо-Кавказского объединения профсоюзов вошли в контакт с деникинцами. Мы намечали с помощью создаваемых на предприятиях партийных ячеек вовлекать рабочих в подпольную борьбу. «До сих пор,— отмечал я в письме,— эти возможности бойкотировались, теперь же необходимость требует стать на указанную точку зрения и всячески проводить ее в жизнь...»

Этот доклад не был еще отправлен в ЦК, как из Краснозеленой армии прибыли два товарища — Репетун и Ушаков, которые рассказали о состоянии армии и о работе в ней наших товарищей — Маслиева, Сергеева, Пшеничного. Последние просили меня приехать в горы. Несмотря на ненастную погоду — все время шли дожди,— нам удалось дня через два добраться до селения Левая Щель, где находился штаб краснозеленых.

Снова очутившись среди своих близких друзей, я вместе с ними побывал в различных отрядах, провел несколько совещаний военного характера. Поскольку два члена Северо-Кавказского подпольного комитета РКП(б) — Лиманский и Кочин — находились в белогвардейской тюрьме, коммунисты-партизаны сочли нужным провести довыборы. Председателем комитета избрали меня, секретарем — Пшеничного.

На мне, как и раньше, лежали обязанности начальника военно-революционного штаба, теперь уже Северо-Кавказского.

В связи с крайней необходимостью наладить подпольную работу в других районах Северного Кавказа комитет решил послать нескольких своих представителей во Владикавказ. Сначала туда выехал Николай Пшеничный, чтобы связаться с местными большевиками и подготовить явочные квартиры. В середине октября выехал и я. Встретившись с Пшеничным, узнал, что он разыскал членов Владикавказского подпольного комитета и оказал им возможную помощь.

К нам во Владикавказ приходили вести и с Кубани, и из Ставрополя, и Кизляра, в районе которого действовал Н. Ф. Гикало со своими партизанскими отрядами, а также из горной части области, где то и дело вспыхивали восстания чеченцев.

Спустя некоторое время во Владикавказ прибыл Г. Сергеев. Мы его командировали в Тифлис для установления связи с Кавказским краевым комитетом РКП(б). В декабре он вернулся и сообщил, что побывал не только в Тифлисе, но и в Баку и Порт-Петровске.

Пользуясь тем, что я был лично знаком с некоторыми подпольными работниками в Минеральных Водах, я выехал туда и установил связи с рабочими местных железнодорожных мастерских. Затем побывал в Георгиевске и Грозном. При встречах с минераловодскими железнодорожниками я видел, с каким воодушевлением они готовы оказать нам помощь в подпольной борьбе. От них узнал, что неподалеку от Минеральных Вод и Железноводска действуют группы краснозеленых, основное ядро которых составляют рабочие. Мне удалось установить связи с рабочими-подпольщиками стекольного завода.

В общем, работа Северо-Кавказского подпольного комитета стала налаживаться, хотя и не в такой степени, в какой хотелось бы.

27 декабря 1919 года во Владикавказ по поручению Екатеринодарского подпольного комитета приехала связная Нелли Жугина. Она передала мне требование немедленно вернуться в Екатеринодар. На следующий день мы уехали.

В Екатеринодар я прибыл в начале января 1920 года, когда Красная Армия уже громила белогвардейцев на подступах к Ростову. В связи с этим положение на Кубани стало совсем иным, чем до моего отъезда во Владикавказ. Отступление деникинцев скорее походило на беспорядочное бегство, и соответственно этому изменялось настроение в белогвардейских войсках. А трудящиеся края жили ожиданием скорого прихода Красной Армии.

Наша работа усилилась, оживилась. Нужно отдать должное екатеринодарским подпольщикам — они сделали все, что было в их силах, чтобы ускорить победу.

За время моего отсутствия выдвинулись новые подпольные работники, среди которых необходимо особенно отметить Таню Цейтлин. Ее ввели в состав Екатеринодарского комитета в качестве секретаря. Подпольный комитет, существовавший на правах областного, состоял теперь из товарищей: Т. Цейтлин, Л. Яичникова, С. Полуян и других.

Вскоре после моего приезда мне сообщили, что появилась новая организация, никем не утвержденная, которая называет себя «Кубанским краевым комитетом». Наряду с полезной, нужной работой она занималась налетами, экспроприацией. Потом Сина Полуян передала мне, что с ней добивается встречи военный руководитель этой организации Тихон Панько, действовавший под кличкой «Сергей». На свидание с ним пошел я. Договорился с Сергеем о наших дальнейших взаимоотношениях, дал ему определенные указания. Первое время они выполнялись безоговорочно, а затем между нами стали возникать конфликты.

В распоряжении «краевиков», как мы называли людей, принадлежавших к новой организации, находился печатный станок, на котором они печатали воззвания, часто неумело составленные, политически безграмотные. Эпиграфом на одном из воззваний, например, стояло: «Интеллигенция — это передовой революционный мозг страны: она не может быть контрреволюционной, ибо в самом факте ее существования — залог морального возрождения мира...» — и т. д.

Я предложил представителям так называемого «Кубанского краевого комитета» передать нам печатный станок. По этому поводу начались переговоры. В окончательном ответе «краевиков» чувствовался вызов нам. Все наши подпольщики склонялись к тому, чтобы немедленно порвать всякие отношения, бойкотировать эту, с большим уклоном в сторону эсеровско-анархистских методов работы, организацию.

19 января на окраине Екатеринодара, Дубинке, мы провели подпольное партийное собрание, которое осудило деятельность «краевиков». Так началась борьба с этой самозванной организацией. Мы выпустили к членам партии и сочувствующим обращение, где рассказали об анархистских полубандитских действиях «краевиков», игравших только на руку денкинским властям, разъяснили анархо-эсеровскую суть их воззваний и заявили, что «никакого официально утвержденного Кубанского краевого комитета не существует и что коммуни

стические группы и лица должны прервать всякие сношения с организацией, присвоившей себе это наименование, не подчинившейся партийной дисциплине и вносящей разьединение в ряды коммунистов». Северо-Кавказский краевой комитет, говорилось далее в нашем обращении, «напоминает, что Коммунистическая партия — партия прежде всего централизованная и дисциплинированная и путь претензий, самостийности и независимости местных организаций от высших партийных органов не может быть в ней терпим, как путь хаоса и анархии, и предупреждает, что все самостоятельно возникшие и при участии центра созданные организации входят в партию и согласно уставу подчиняются общему руководству и общему плану революционной работы...».

Наша тактика бойкота «краевиков» оказалась правильной. В этом мы особенно убедились накануне прихода Красной Армии.

Член Екатеринодарского комитета Таня Цейтлин держала связь с генералом Болховитиновым, который оказывал нам большую помощь, в том числе и в разоблачении «краевиков».

Генерал Болховитинов вскоре после Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти, был назначен членом Высшего военного совета. Когда началась гражданская война, он на каком-то фронте попал в плен к белогвардейцам, был судим и разжалован в рядовые. Позже белые его восстановили в правах и в звании, но тем не менее он числился в разряде опальных. В последние дни деникинщины на Северном Кавказе, когда поражение белых стало очевидным и возник острый кризис в военном ведомстве контрреволюционного кубанского краевого правительства, ему предложили занять пост военного министра. Болховитинов по нашему совету дал согласие.

Должен отметить, что все наши поручения, и в частности мои, как начальника Северо-Кавказского военно-революционного штаба, передававшиеся ему в виде записок и устно через Таню Цейтлин, генерал Болховитинов выполнял точно и безоговорочно.

Однажды, помню, пришла ко мне Таня и начала рассказывать о своих свиданиях с генералом Болховитиновым и о «крае-виках». Из ее рассказов стало ясно, что «краевики» окончательно скатились в пропасть анархизма и стали бандитами. Так, она указала, что налетчики из этой организации совершили экспроприацию большого количества золотых монет, о чем появилась заметка в газетах. Захваченные деньги были немедленно поделены между участниками налета, а когда один из активных работников-«краевиков» потребовал половину денег

передать Северо-Кавказскому комитету, желая таким образом придать экспроприации характер политического акта, то за это был убит «краевиками», а труп его брошен в Карасун.

С другой стороны, по словам генерала Болховитинова, основанным на официальных сведениях контрразведки, среди «краевиков» было множество провокаторов, белогвардейских агентов.

Таня передала также, что сейчас «краевики» согласны передать типографию и что они предложили ей в тот же день вечером прийти на угол Ставропольской улицы на Дубинке, где ей передадут станок и помогут его перенести в заранее обусловленное место. Я, не возражая против обзаведения собственной типографией, ответил согласием.

Таня ушла. Больше ни я, ни кто-либо другой ее не видели. Три дня мы гадали, что с ней случилось. Кто-то высказал мысль, что ее взяли в качестве заложницы «краевики». Так оно и оказалось. Позже нам стало известно, что «краевики» увезли Таню из города, подвергли допросу и пыткам и, ничего не добившись от нее, убили.

Страница жизни Тани Цейтлин, прошедшая на моих глазах,— это образец бескорыстия, мужества и самоотверженности во имя высоких идеалов партии большевиков.

Как во время моей поездки во Владикавказ, так и теперь наши подпольщики поддерживали связь с товарищами, находившимися в тюрьме. Мы получили сообщение о том, что в тюрьме политические заключенные организовали своеобразный «ревком» из нескольких товарищей. В него вошли А. Ли-манский, В. Цейтлин и другие. С тюремным «ревкомом» мы наладили письменную связь через сочувствовавших нам надзирателей. Члены «ревкома» информировали нас о жизни в тюрьме, о своих намерениях, интересовались работой на воле.

Вскоре мы наметили организовать побег политических. Выдвинули несколько планов, довольно точно и тонко технически разработанных. Но осуществление их откладывалось со дня на день: надо было подобрать людей для столь сложной операции, подтянуть отряды краснозеленых к Екатеринодару для нападения на тюрьму. Однако, чем дальше, тем больше выяснялось, что с расправой над политзаключенными денкинские судебные власти не торопились. Видимо, боялись огласки, что еще больше усилило бы недовольство населения белогвардейским режимом.

Не ослабевали наши связи со Ставрополем и Терекком. Там продолжалась работа в соответствии с общим направлением деятельности Северо-Кавказского комитета. Н. Пшеничный

нам писал об оживлении подпольной работы во Владикавказе, о начавшихся волнениях крестьян в Ставропольской губернии.

Ободряющие вести приходили с Черноморья. Исполнявший обязанности начальника штаба Краснозеленой армии М. И. Фадеев сообщал комитету об успешных боевых операциях партизанских отрядов между Новороссийском и Геленджиком. Чрезвычайно важными оказались сведения о появлении эсеровского Комитета освобождения Черноморья в Сочинском округе. Нам стало известно, что в эту контрреволюционную организацию проникли прибывшие из Грузии кубанские большевики Ивницкий, Соркин и другие и ведут там успешную работу по ее разложению, по отрыву от этой организации входивших в нее крестьян ¹.

В первой половине января 1920 года у нас установилась связь с левыми элементами из Кубанской казачьей рады.

Дело в том, что между Деникиным и Радой отношения были далеко не столь уж дружественными, как это могло показаться на первый взгляд. Будучи белогвардейской, откровенно контрреволюционной организацией, Рада тем не менее считала, что Деникин и Добровольческая армия находятся на Кубани временно, что высшей властью в Кубанской области является она сама. Деникин же считал себя представителем всероссийской власти, которому подконтрольны и подчинены все занятые его войсками губернии и области. Так, в Черноморской и Ставропольской губерниях имелись губернаторы, назначенные деникинским военным командованием. На Дону, Кубани и Тереке, где существовали круги и рады, атаманы также назначались Деникиным и были ему во всем послушны. Деникин стоял за «единую неделимую Россию», а Кубанская рада ставила своей задачей обособиться в самостоятельное «государственное образование», независимое или только в некоторой мере зависимое от Деникина. Но для осуществления своей главной цели — недопущения освобождения Кубанской области Красной Армией — рада вынуждена была во всем подчиняться воле Деникина.

Разногласия между Деникиным и Кубанской радой подчас принимали острый характер. Дело дошло до того, что по указанию Деникина 12 членов Рады были преданы военно-полевому суду, а один из них, Калабухов, даже повешен на крепостной площади в Екатеринодаре. Среди некоторой части членов Рады существовало глухое брожение, недовольство Деникиным.

¹ О работе большевиков в «Комитете освобождения Черноморья» см. воспоминания П. П. Соркина «Тактика, подсказанная жизнью», публикуемые в настоящей книге. — *Сост.*

Ее мы и называли левой частью Рады. Потому-то нам и хотелось установить связи с ее представителями, чтобы использовать их в борьбе против деникинщины. Кое с кем мы имели беседы и после довольно продолжительной дискуссии установили с «левыми» контакт.

Продолжая вести переговоры с левой частью Рады, я наблюдал по-прежнему ее колебания, нерешительность, безволие. Люди не знали, на что решиться.

Не прерывались связи комитета с заключенными в тюрьме членами нашей подпольной организации. Нам удалось войти в курс судебного разбирательства их дел. Стало известно, что в предательстве многих товарищей повинен провокатор Карпущенко, являвшийся начальником формирования боевых дружин в нашем штабе. После ареста большой группы подпольщиков он отошел от нашей организации и жил легально.

Когда я вернулся из Москвы и об этом в городе пошли слухи, деникинская контрразведка стала усиленно меня разыскивать, назначив за мою голову сто тысяч рублей (по тогдашнему курсу это была довольно значительная сумма). Однажды на квартиру, где я жил, явились двое. Одним из них был Карпущенко. Он начал осторожно расспрашивать обо мне. Люди, у которых я проживал, были предупреждены о Карпущенко как о провокаторе и, конечно, ничего не сказали, а я в это время сидел в дальней комнате запершись. Позднее Карпущенко был уничтожен, как предатель.

На исходе 1919 года я свалился от тифа. Помнится еще, как ' при высокой температуре пришлось диктовать доклад в Реввоенсовет республики и ЦК партии. Этот мой отчет сохранился в архиве.¹ В докладе характеризовалось политическое и военное положение на Северном Кавказе, а также сообщалось о переговорах с левой частью Рады. Уже когда я был без сознания, с этим документом и другими сообщениями в Москву тайно выехал член нашего комитета Яичников. Сколько мы ни ждали представителя левой части Рады, чтобы он согласно договоренности поехал в Москву вместе с нашим делегатом, но так и не дождались. Яичникову только дали в провожатые казака, который должен был помочь перейти белый фронт.

Ко мне, больному тифом, Сина Полуян пригласила врача О. Ф. Волощук-Тимофееву, чтобы решить, что делать со мной. Ольга Фоминична настояла на немедленном переводе меня в тифозный барак, и благодаря ее знакомству с доктором Жадневичем это было сделано.

¹ ЦПА НМЛ, ф. 80, оп. 3, ед. хр. 4, л. 115.

Когда я уже мог вставать с постели, Сипа Полуян проводила меня на конспиративную квартиру. Постепенно я стал входить в курс дела.

В весенние дни 1920 года деникинский фронт трещал по всем швам. Началось массовое дезертирство рядовых казаков. Добровольческая армия панически отступала. По улицам Екатеринодара тянулись вереницы телег с награбленным добром, которое везла с собой разбитая в боях контрреволюция...

В это время наши подпольщики развили усиленную деятельность. Спешно создавалась база для организации Советской власти после прихода Красной Армии. Формировались вооруженные отряды рабочих...

Будучи связанными с некоторыми членами Рады, мы добивались от них содействия в освобождении политических заключенных. Наши усилия увенчались успехом. За две недели до прихода в Екатеринодар частей Красной Армии вышли на волю Лиманский, В. Цейтлин, Евменьев, Копчинский и другие. Они немедленно потребовали от Рады освобождения остальных товарищей. После напряженных переговоров мы получили на это согласие. В свою очередь члены Рады выдвинули условие не преследовать после прихода Красной Армии членов семей видных белогвардейских деятелей. Пришлось согласиться. За два-три дня до ухода деникинских войск были освобождены и остальные политические заключенные — около 200 человек.

Примерно 15—16 марта состоялось заседание Северо-Кавказского подпольного партийного комитета совместно с тюремным «ревкомом», на котором решался вопрос об организации власти до вступления в город Красной Армии. Создали ревком, распределили обязанности.

...17 марта послышалась орудийная стрельба со стороны Динской. Она продолжалась часа два. И вот все ближе и ближе ружейная и пулеметная перестрелка. Часа в два пополудни я впервые после перенесенного тифа вышел днем из дома и отправился на розыски товарищей...

На улицах появились уже разъезды Красной Армии. Я был свидетелем того энтузиазма, с которым жители Екатеринодара встречали своих освободителей. Всюду раздавались крики «Ура!».

На Красной улице встретил освобожденных из тюрьмы товарищей — Коржева, Байдикова, и мы вместе направились к зданию окружного суда, где собирался ревком.

Мы уже знали, что в город вступили 22-я дивизия 9-й армии и конный корпус Жлобы. Я на автомобиле поехал в штаб Жлобы. Поскольку командира на месте не оказалось, мы

попросили политработников корпуса прибыть в здание бывшего окружного суда. Они явились. Условились утром на следующий день встретиться снова и договориться об организации власти.

На следующий день утром был сформирован временный Кубанский областной ревком в составе А. А. Лиманского, С. В. Евменьева и меня. На первом же заседании ревкома, пополненного представителем реввоенсовета 9-й армии, было принято постановление о введении в действие на территории Кубанской области Конституции РСФСР. Затем ревком обратился с воззванием ко всем рядовым солдатам белой армии о добровольной явке с повинной. Бывшим белогвардейцам давалась гарантия, что Советская власть к ним не применит репрессий.

Гражданская война на Северном Кавказе близилась к концу. Ставропольская губерния уже целиком была освобождена Красной Армией. Очищался от белых Терек. Во Владикавказе начал действовать взявший в свои руки власть ревком. На Черноморье ярким пламенем разгорелась борьба крестьян-повстанцев. Краснозелеными были заняты Сочи, Туапсе, Геленджик, а позже с частями Красной Армии они вступили в Новороссийск...

Н. А. Пшеничный

Нас вдохновляла партия большевиков

Прежде всего мне хочется сказать несколько слов о председателе Северо-Кавказского подпольного партийного комитета Владимире Федоровиче Черном. Работая рука об руку с ним в дни подполья, я особенно глубоко ощутил его высокие моральные качества, увидел его негибаемую волю, преданность нашей борьбе. Он никогда не выставлял напоказ своих заслуг, всегда помнил о товарищах и заботился о них. Не случайно после ареста первого председателя Северо-Кавказского подпольного комитета А. А. Лиманского выбор пал на Владимира Черного, он заменил его на этом ответственном посту.

Вспоминаю первую поездку В. Черного в Москву для установления связи с Центральным Комитетом партии, а также высшими военными органами. Как впоследствии рассказывал

мне находившийся с ним вместе в этой поездке Н. Галаган, заместитель председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склян-ский хотел представить Черного и Галагана к правительственной награде. Однако Владимир Федорович категорически запротестовал :

— Мы не имеем никакого права на награду, ибо в подполье работаем не только мы, а много и других товарищей, и они подвергаются не меньшему риску, чем мы...

Таким был двадцатитрехлетний руководитель большевистского подполья на Северном Кавказе В. Ф. Черный.

Первые шаги

На первых порах наша подпольная организация связалась с коммунистами, работавшими на екатеринодарских предприятиях и на железной дороге, которые не смогли по разным причинам отступить вместе с нашими войсками. От этих коммунистов мы получили важные сведения, которые во многом помогли нашим подпольщикам, когда они приступили к диверсиям на предприятиях. Возьмем, к примеру, завод «Кубаноль», ныне носящий имя Седина. Здесь выполнялись военные заказы деникинского командования на ремонт бронепоездов, бронемашин, танков. Большевики учили рабочих, как нужно «ремонттировать», чтобы эта техника быстрее выходила из строя. Бывало, появится мастер в цехе и начнет кричать:

— У вас что, вместо рук медвежьи лапы? Из машин лом делаете. В тюрьму захотелось? Так это у нас недолго...

— Не виноваты мы,— «оправдывались» рабочие.— Мы таких машин сроду не видели. Привезли-то их из-за границы. А мы по-заграничному не знаем. Пока разберешься, что к чему, глядишь, уже и поломалось...

Часто перед отправкой с завода отремонтированных танков рабочие бросали в коробки скоростей болты, гайки, разные обрезки железа. На бронепоездах вместо железных ставили деревянные заклепки, окрашивая их под цвет металла.

Успешно действовали подпольщики екатеринодарского железнодорожного узла, где диверсионную группу возглавлял С. А. Воробьев. Эта группа произвела несколько взрывов вагонов с боеприпасами. На перегоне между станциями Тимашов-ская и Краснодар на воздух взлетел целый поезд со снарядами и боевой техникой деникинцев.

Диверсионную работу вели созданные при партийных ячейках предприятий боевые дружины. Средствами для подобных

операций служили бомбы замедленного действия, так называемые «адские машины», и другие хитроумные приспособления. Изготовление их в условиях подполья было, конечно, делом весьма сложным: готовых деталей, как правило, у нас не было, все приходилось делать самим.

«Мастером адских дел» был мой хороший товарищ Игорь Киселев, который по поручению военно-революционного штаба подпольного комитета ведал подрывной работой. Бывая в «лаборатории» Киселева, я всегда поражался его искусству. Собственными руками в самых примитивных условиях он изготавливал бомбы, которые оказывались весьма надежными. Занимаясь таким делом, Киселев, можно сказать, постоянно находился рядом со смертью. Стоило допустить малейшую ошибку, и он немедленно погиб бы от взрыва. Удивительно мужественный был человек. По существу, каждый день он совершал подвиг.

Изготовленные бомбы требовалось доставить по назначению. Это также было связано с риском для жизни. Но Игорь никогда не пытался уклониться от опасного задания, переложить его выполнение на других. Конечно, товарищи по подполью старались всячески помочь Игорю. Приходилось и мне бывать у него в помощниках, переносить взрывчатку или готовые «адские машины»...

Росла партизанская рать

Разумеется, мы, подпольщики, не ограничивали свою деятельность только пределами Екатеринодара. Нам было известно, что по всей Кубани ширилось народное сопротивление белогвардейцам. Рабочие, беднейшие иногородние и казаки уходили из городов и станиц в горы, леса, плавни и там под руководством коммунистов начинали вооруженную борьбу. Появились партизанские группы, которые у нас на Кубани называли краснозелеными. Ряды их пополнялись за счет призывников, уклонявшихся от денкинских мобилизаций. Среди партизан выросло немало отличных вожаков. Об одном из них мне и хотелось бы рассказать.

Когда белогвардейцы захватили Тамань, бывший председатель ревкома Таманского отдела¹ М. И. Фадеев с небольшой группой товарищей ушел в горы и там в труднодоступном, хорошо защищенном месте устроил свой лагерь.

¹ По старому административному делению, отдел соответствовал примерно уезду.— *Сост.*

Спускаясь с гор, партизаны вели среди жителей ближайших станиц и сел разъяснительную работу. В результате было создано несколько новых партизанских отрядов.

Встал вопрос о снабжении отрядов продовольствием. Тогда Фадеев обратился за помощью к трудовому населению станиц. В Славянской жил его отец. Он горячо откликнулся на просьбу сына, переговорил со станичниками, которые охотно помогли партизанам. В отряд Фадеева они послали около ста пудов хлеба. Когда об этом узнали деникинцы, то направили в станицу карательный отряд, который жестоко расправился с теми, кто помог партизанам. Отца Фадеева жестоко избили шомполами.

Естественно, партизанское движение находилось в центре внимания подпольного комитета. В горы часто приходилось выезжать мне, М. Маслиеву и другим. А такие поездки всегда были связаны с большими опасностями. На подступах к горам повсюду белогвардейцы расставляли дозоры, и проскочить мимо них удавалось с трудом.

С каждым днем ширилось партизанское движение, нанося белогвардейцам ощутимые удары, ослабляя тылы деникинцев. Забегая немного вперед, скажу, что к концу 1919 года все больше солдат и казаков белой армии стало переходить на сторону красных партизан. Этому содействовала наша агитация в воинских частях, распространение среди солдат листовок. В декабре, например, многие казаки Елизаветинской, Полтавской, Славянской и других станиц Кубани ушли в горы и леса. Там они создали свои казачьи отряды, вошедшие в нашу партизанскую армию. Северо-Кавказский подпольный партийный комитет обеспечил военное и политическое руководство казачьими партизанскими отрядами, укрепил коммунистами.

Помощь Центрального Комитета партии

В своей практической деятельности мы очень нуждались в помощи подпольных организаций, имевших связь с Москвой. Такой организацией оказалась ростовская. В Ростов поехал Владимир Черный. Он ознакомил подпольный Донской комитет РКП(б) с нашей работой, договорился о том, как нам координировать действия, помогать друг другу. Владимир Федорович был очень рад тому, что добыл у ростовских подпольщиков более свежие, чем имевшиеся у нас, номера центральных газет «Правда» и «Известия».

Связь с Ростовом поддерживалась и в дальнейшем. Оттуда мы получали большевистскую литературу, газеты. Донской комитет выпускал листовки, обращения к рабочим, крестьянам и казакам Дона и Кубани с призывом срывать деникинские мобилизации, усиливать борьбу с контрреволюцией. Немало экземпляров таких листовок направлялось к нам, и мы наладили их распространение на Кубани.

Однако связь с Ростовским подпольным комитетом не могла заменить связей с Центральным Комитетом партии, откуда мы могли бы непосредственно получать руководящие указания, материальную помощь, в которой крайне нуждались, а также посылать разведывательные данные как в ЦК партии, так и в Реввоенсовет республики.

О поездке председателя нашего комитета В. Ф. Черного вместе с Н. Галаганом в Москву коротко рассказывается в воспоминаниях Владимира Федоровича, публикуемых в этом сборнике. Но на этом, конечно, связь не оборвалась. Она продолжалась до самого освобождения всего Северного Кавказа от белогвардейцев.

В середине 1919 года наша партизанская армия значительно выросла. Она нуждалась в командирах, имевших военное образование. На содержание партизанских отрядов требовались средства, а их у нас не было. И вновь Северо-Кавказский комитет обращается за помощью в ЦК РКП(б). В письме, подписанном В. Ф. Черным, говорилось: «...уже организованному Черноморскому штабу Советской красной армии подчинено в данный момент до 15 тысяч бойцов, находящихся в Черноморских горах... Советская красная армия ведет партизанскую борьбу с белогвардейцами, устраивая налеты на приморские города, селения и станицы, захватывая вооружение, продовольствие и пленных, которых затем отпускает, подкупая даже добровольцев (деникинцев)».

Далее Северо-Кавказский комитет просил Центральный Комитет партии об ассигновании крупной денежной суммы на военные нужды.

Касаясь партийной работы в тылу врага, которая приняла широкий размах, комитет сообщал, что он «стал перед острым недостатком ответственных работников», и просил ЦК разрешить: а) прислать в Москву работников на партийные агитаторские курсы; б) дать несколько стипендий для Северного Кавказа в Центральной школе советского и партийного строительства, откуда выходили бы опытные работники, могущие пополнить небольшой кадр ответственных работников Северного Кавказа... Курсанты, окончившие Центральную школу»

обладая опытом и знаниями, будут работать в подполье и готовить аппараты Советской власти».¹

Центральный Комитет партии пришел нам на помощь. Так, нам было разрешено направить в Москву на курсы красных командиров четырех молодых партизан, имеющих необходимое образование. Мы тщательно обсудили кандидатуры тех, кого собирались послать в столицу. С ними должен был быть передан в Центральный Комитет партии ряд ценных разведывательных данных, которые помогли бы в проведении военных операций против денкинцев.

Обработку и подготовку собранных разведчиками материалов поручили мне. Я в это время выполнял обязанности секретаря Северо-Кавказского комитета. Пришлось немало потрудиться, так как времени до отъезда наших товарищей оставалось в обрез. В результате удалось подготовить и отправить большое количество материалов. В их числе был доклад о партизанском движении на Кубани и в Черноморье с указанием дислокации отрядов и групп, их численности, вооружения, последних боевых операций. Один из документов содержал характеристику политической обстановки на юге России, взаимоотношений между отдельными соперничающими и враждующими группировками в стане белогвардейцев. Разнообразны были военно-разведывательные данные. Мы указывали численный состав, вооружение и дислокацию частей и соединений Добровольческой армии, различных белоказачьих формирований, сообщали пароли и отзывы по Добровольческой армии на месяц вперед.

Все эти материалы одна из наших подпольщиц, Афина Григорьевна Калифатиди, аккуратно отпечатала на длинных полосках белой бязевой ткани. Большая часть их была послана с командированным на курсы красных командиров молодым партизаном М. Ушаковым. Он удачно перешел линию фронта, прибыл в Москву и передал наши материалы в ЦК РКП(б) и в Реввоенсовет республики.

В Северной Осетии

Кроме Кубани и Черноморья нам надлежало развернуть подпольную работу и в других районах Северного Кавказа. Прежде всего решили послать людей во Владикавказ. Должны были поехать Черный, я, Сергеев, Камышан-ская и Калифатиди. Первым выехал я.

¹ *Н. Пшеничный*. Бойцы подполья. Краснодар, 1971, стр. 140.

Я знал, что во Владикавказе находится мой земляк — темрючанин Григорий Осипенко. Хотя он и не был большевиком, но к Советской власти относился с полным сочувствием.

— Понимаешь, Николай, — взволнованно говорил Григорий, — здесь я встретил Степана Марченко и Михаила Губского, которые учились вместе с тобой в реальном училище. Теперь они деникинские офицеры. Им известно, что ты стал большевиком. Они мне заявили, что если повстречаются с тобой, то тут же пристрелят. Оставаться тебе здесь опасно.

Ну что ж, к опасностям мы были привычными...

Я спросил, не знает ли Осипенко кого-либо из местных коммунистов. Он назвал Николая Алейникова, работавшего в пошивочно-ремонтных мастерских военного интендантства.

Через два дня на квартире у Осипенко я встретился с Алейниковым. Алейников подробно рассказал о положении в городе, а вскоре познакомил меня с одним из членов партийной группы — Христофором Ивановичем Грибенником, местным рабочим. Последний произвел на меня хорошее впечатление. По всему было видно, что он обладает выдержкой, хладнокровием и осмотрительностью, то есть качествами, столь необходимыми для большевика-подпольщика, ведущего борьбу в тылу врага.

Христофор Иванович ввел меня в курс работы во Владикавказе, занятом белогвардейцами. Оказалось, что подпольная работа велась отдельными группами и ячейками. Я договорился с ним, а затем и с другими коммунистами, с которыми удалось побеседовать, что необходимо создать городской партийный центр. Вскоре был образован Владикавказский городской подпольный комитет РКП(б), в который вошли Грибенник, Чернявский, Алейников и другие. Тут же я выдал членам комитета удостоверения, написанные чернильным карандашом на белой бязевой ткани. Под удостоверениями стояли подписи председателя Северо-Кавказского комитета РКП(б) В. Ф. Черного и моя как секретаря. С этого дня вся подпольная работа большевиков во Владикавказе объединялась и направлялась из одного центра — городского подпольного партийного комитета.

Я привез с собой во Владикавказ листовки и воззвания Северо-Кавказского партийного комитета, инструкции по организации коммунистических ячеек, нелегальную литературу. Но самым драгоценным подарком для владикавказских подпольщиков оказались вырезки из газет с письмом июльского Пленума ЦК партии «Все на борьбу с Деникиным!», написанным Лениным, и другими ленинскими выступлениями и статьями.

По ним была развернута политическая агитация в депо и Главных железнодорожных мастерских, среди рабочих завода «Алагир», трамвайного парка, электростанции, в Курской и Осетинской слободках, где проживала беднота, в воинских частях.

Узнал я, что в Длинной долине в Ингушетии действуют красные партизаны под командованием Хизыра Орцханова. Существовал еще один отряд — владикавказский, которым руководили Павел Огурцов и Петр Перепелицин. Мы установили с партизанами связь, стали направлять им людей, оказывать материальную и всякую другую помощь. Вскоре связались с осетинскими партизанами, с отрядами Н. Ф. Гикало.

Следует сказать, что, когда белогвардейцы заняли Владикавказ и всю территорию Северной Осетии, здесь широко развернулось партизанское движение. Им руководил Кавказский краевой комитет большевиков, находившийся в Тифлисе. Товарищи рассказывали мне, что С. М. Киров, будучи членом реввоенсовета 11-й армии, поддерживал связь между ЦК партии и подпольными партийными организациями на Тереке.

Спустя некоторое время во Владикавказ приехал Черный, а затем Сергеев. Мы решили, что необходимо установить связи с Кавказским крайкомом партии в Тифлисе. Туда мы послали Георгия Сергеева, снабдив его документами для поездки, разумеется, нашего изготовления. После ряда задержек в пути Сергеев в начале декабря 1919 года прибыл в Батум. Там на явке, полученной от Черного, он встретился с представителями Батумского комитета большевиков К. Тавберидзе, Е. Смирновой и Л. Емельяновой. У них он попросил дать явку в Тифлисе. Но батумские товарищи решили, что лучше будет, если вместе с Сергеевым поедет в Тифлис Емельянова и лично представит его работникам Кавказского краевого партийного комитета.

В Тифлисе у Сергеева состоялись беседы с представителем Кавказского крайкома РКП(б) Георгием Стуруа. Они договорились об установлении более оперативной двусторонней связи и о печатании в Закавказье листовок для Кубани, Черноморья и Терека. Сергеев сообщил явки нашего комитета в ряде городов Северного Кавказа, в том числе во Владикавказе.

Мы придавали большое значение укреплению связей с Кавказским крайкомом партии. Поездка Сергеева сыграла в этом свою положительную роль.

Перед концом

Наступила весна 1920 года. Красная Армия приблизилась к Кубани. Под ее напором белогвардейцы стали откатываться все дальше и дальше на юг.

В начале марта мы получили радостную весть, что осетинские партизаны при поддержке всех трудящихся края очистили от белых многие районы Северной Осетии и власть на освобожденной территории перешла в руки ревкома.

Владикавказ наводнили белое офицерство и буржуазия, которые, чувствуя конец денкинского режима, проводили дни и ночи в пьяных оргиях и диких расправах над мирным населением. Во владикавказскую тюрьму были брошены многие активные участники большевистского подполья. Среди арестованных оказались большевики Г. Сергеев, Х. Фриев, Д. Васин, К. Войтенко, А. Фролков, С. Горовой, Лунев, Найденко, Беликов и другие.

Мы отлично понимали, что белогвардейцы в последние дни своего господства способны на самые кровавые злодеяния. Поэтому Владикавказский подпольный комитет и я как представитель Северо-Кавказского комитета, готовясь к освобождению города от белогвардейской нечисти, поставили перед коммунистами и всеми подпольщиками ряд важных и неотложных задач. Нужно было взять под охрану жизнь и имущество трудящихся, предприятия и железнодорожный узел; вооружить рабочих и создать из них дружины; не допустить бесчинств, грабежей и насилия как со стороны белогвардейских офицеров, так и уголовных элементов; как можно скорее освободить из тюрьмы всех политзаключенных, которых, как нам стало известно, белогвардейцы намеревались в момент ухода из города расстрелять.

Предвидя расправу над арестованными, подпольная организация большевиков вошла в контакт с надзирателями тюрьмы и склонила их заранее выпустить всех политзаключенных, пообещав, что Советская власть зачтет им это доброе дело. Для обеспечения намеченной операции подпольщики достали и необходимую «липу»—распоряжение коменданта города об освобождении из тюрьмы заключенных по списку, составленному подпольщиками.

Таким путем подпольная организация 18 марта вырвала из тюрьмы всех политзаключенных. Когда на следующий день группа белых офицеров явилась в тюрьму для несения караульной службы, то обнаружила, что камеры политических заключенных пусты.

Потеряв возможность расправиться с политзаключенными, белогвардейцы выпустили из тюрьмы уголовников, заявив им: «Мы покидаем город. Можете грабить в городе кого угодно. Власти в городе нет».

Действительно, в ночь с 21 на 22 марта воинские части деникинцев в панике начали отступать из Владикавказа. Надо было пресечь действия уголовников. Подпольная большевистская организация, опираясь на отряды вооруженных рабочих, приступила к наведению революционного порядка.

После освобождения политических заключенных на квартире П. Е. Войтенко (Артиллерийская улица, 139) мы провели несколько совещаний. На одном из них 21 марта был создан повстанческий ревком. В его состав вошли: Н. Пшеничный — председатель, Б. Чернявский, Х. Фриев, Д. Васин — члены. Позже состав ревкома был расширен.

Было принято также решение о взятии ревкомом власти во Владикавказе и его окрестностях не позже 23 марта. Для проведения этого решения члены ревкома и его уполномоченные Сергеев, Пшеничный, Камышанская, братья Кирилл, Леонтий и Архип Войтенко, Грибенник, Фриев, Васин, Шейченко и другие отправились на предприятия, в слободки, воинские части. Агитационной, организаторской и военной работой были охвачены железнодорожные мастерские, трамвайное депо, Алагирский завод, Курская, Владимирская, Молоканская и Осетинская слободки... Спешно вооружались рабочие дружины, создавались вооруженные отряды трудящихся. В то же время Х. Грибенник и Н. Кравченко при содействии железнодорожников и подпольщиков из уланского полка пригнали на территорию Алагирского завода вагон с винтовками и патронами и вооружили рабочую дружину завода, которая стала боевой единицей подпольного Владикавказского комитета РКП(б) и надежной вооруженной опорой повстанческого ревкома. Получив оружие, рабочие железнодорожного узла начали действовать смелее. Они загнали в тупик и затем блокировали бронепоезда «Терец» и «Скобелев». Командам «вежлив» порекомендовали оставить бронепоезда, которые тут же укомплектовали своими людьми — машинистами и артиллеристами, и они стали грозной вооруженной силой революции.

В самом городе в течение всего следующего дня, то есть 22 марта, шла упорная борьба за каждую воинскую часть. Несмотря на то что белогвардейцы всячески запугивали солдат и казаков, заявляя, что красные расстреляют за службу у Деникина, большая часть их не поддавалась обману. Подпольщики в воинских частях разъясняли, что грозного и справедливого

суда советского народа бояться лишь активные белогвардейцы, совершившие тяжкие преступления против трудящихся, рядовым же солдатам и казакам нечего бояться Советской власти.

Агитация подпольщиков возымела действие. Белые при отступлении не досчитались не только многих отдельных солдат, но и целых воинских частей.

Революционными вооруженными силами были заняты почта, телеграф, телефон, вокзал, основные промышленные предприятия и склады. Все это теперь охранялось вооруженными силами ревкома.

Вся власть Советам!

С утра 23 марта по Владикавказу распространился слух, что в этот день в город прибывает один из отрядов прославленного партизанского командира Н. Ф. Гикало. Для встречи партизан со всех концов города к вокзалу устремились люди.

Рабочие-железнодорожники принесли на вокзальную площадь стол, послуживший трибуной для выступавших на митинге, подняли красный флаг, сделанный на скорую руку из куска кумача, и портрет Карла Маркса, обвитый красной лентой.

От имени Северо-Кавказского и Владикавказского подпольных комитетов РКП(б) митинг открыл Г. Сергеев. В своем кратком выступлении он сообщил, что во Владикавказе восстанавливается Советская власть, которую до избрания Совета рабочих и солдатских депутатов будет представлять образованный еще в подполье ревком. Поздравив присутствующих с восстановлением власти Советов, Сергеев провозгласил в честь этого знаменательного события «ура», дружно подхваченное огромным скоплением людей, находившихся в этот момент на привокзальной площади.

По окончании митинга началось массовое шествие. Колонны направились к центру города. Впереди несли самодельный, но хорошо оформленный подпольщиками из уланского полка транспарант «Вся власть Советам!».

Когда демонстрация вышла на Театральную площадь (ныне площадь Ленина), мы с Сергеевым, Фриевым и Васиным договорились провести здесь на площади общегородской митинг. От имени ревкома я объявил на митинге, что отныне и навсегда во Владикавказе восстанавливается Советская власть, власть рабочих и крестьян — хозяев земли, фабрик, заводов и всей нашей жизни.

После меня выступил Б. Чернявский. Напомнив о зверских расправах белогвардейцев над защитниками Советской власти, над рабочими и крестьянами, над свободолюбивыми горцами Северного Кавказа, Чернявский закончил свою краткую взволнованную речь словами:

— Теперь белогвардейщине пришел конец. Сплотимся же вокруг ревкома, представляющего ныне Советскую власть во Владикавказе!

Б ночь с 23 на 24 марта в ревком прибыли представители осетинских и ингушских партизанских отрядов. Осетинских партизан представлял Амирхан Ботоев, ингушских — Хизыр Орцханов. Вместе с ними мы разработали план совместной обороны Владикавказа от остатков белогвардейцев и по налаживанию в городе и его окрестностях нормальной жизни.

Ревкомом было принято решение об образовании Совета обороны Владикавказа. Председателем назначили рабочего-железнодорожника Т. Шейченко, его заместителем — Г. Сергеева, членом совета — К. Войтенко.

Все рабочие дружины города были сведены в роты и батальоны, вооружены и обмундированы, размещены по казармам. В сторону Ларса выслали группу партизан из отряда П. Огурцова под командованием Н. Алейникова. Этой группе поручили вести разведку и быть заслоном от тех белогвардейцев, которые, отрываясь от основных групп, отступавших по направлению к Грузии, могли совершать по дороге диверсии.

Осетинским и ингушским партизанам мы поручили блокировать главную колонну отступающих белогвардейцев с флангов, используя для этого не только холодное оружие, винтовки и пулеметы, но и имевшиеся в их распоряжении артиллерийские батареи. В результате белогвардейцам был причинен значительный урон. К утру 24 марта Владикавказ силами партизанских отрядов и имевшихся в распоряжении Совета обороны рабочих дружин, а также двух бронепоездов был надежно охраняем от Беслана до Ларса и далее по Военно-Грузинской дороге на значительном расстоянии.

Ревком продолжал свою работу. В его состав ввели от осетинских коммунистов А. Гацолаева, которого утварили заместителем председателя ревкома. Б. Чернявского назначили помощником председателя ревкома и уполномоченным по снабжению города продовольствием. В городе открылись столовые, рестораны, кафе, начала работать почта, телеграф.

Газета «Терек» стала выходить под названием «Свободный Терек», а в дальнейшем — «Известия Владикавказского ревкома». Редактором газеты назначили К. Гатуева.

Приступили к работе железнодорожные мастерские и многие промышленные предприятия.

Через несколько дней во Владикавказ вступила часть партизан из отряда Н. Ф. Гикало под командованием Мордовцева, который затем был назначен начальником гарнизона (начальником штаба был товарищ Тасуй).

Теперь уже в легальных условиях начала действовать городская партийная организация, которая спустя короткое время насчитывала в своих рядах около 400 членов и сочувствующих. Восстановили профсоюзы, избрали их правления и городской Совет профсоюзов. Особенно много для этого сделал Х. И. Грибенник.

27 марта был проведен смотр осетинских и ингушских партизанских отрядов, а также рабочих вооруженных дружин, сформированных ревкомом. Эти местные формирования произвели хорошее впечатление на население города своей дисциплинированностью, прекрасным военным строем и боевым духом.

Так под руководством Коммунистической партии в лице ее местных организаций трудящиеся Владикавказа, оказывая помощь стремительно наступавшей Красной Армии, изгнали белогвардейские банды, восстановили в городе Советскую власть и начали устраивать жизнь на советских началах.

Когда в город вступили регулярные части Красной Армии, прибыли С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе, а также другие представители центральных партийных и советских органов и представители областных органов Осетии и Ингушетии. Ревком был реорганизован, и я, проработав еще некоторое время в качестве члена ревкома, до конца выполнив задание Северо-Кавказского подпольного комитета, в начале мая 1920 года выехал на Кубань.

Е. И. Жугина

Выполняя партийное поручение

У Северо-Кавказского краевого подпольного комитета имелась группа активистов, которые выполняли ответственные поручения. Такие поручения большевистского подполья приходилось выполнять и мне. Об этом и пойдет рассказ в моих кратких воспоминаниях.

С верой в правое дело

...Это произошло ранней весной 1919 года на хуторе Могукорово, вблизи станицы Троицкой.

Выйдя из хаты, я увидела идущего по улице моего старого знакомого, Алексея Черного. Подойдя ко мне и поздоровавшись, он сказал:

— А я к тебе в гости.

Я повела его в дом, где проводила занятия с детьми. В уголке стояла моя кровать. В стороне от нее находились и телята, и гуси, и всякая прочая живность.

— Ну и ну, — удивился Алексей. — Не хватает только свиней.

— Зато никто не мешает, — ответила ему.

— Это мне как раз на руку.

Сев на лавку, Черный стал рассказывать, с чем пожаловал ко мне.

Оказалось, что его брат Владимир и еще несколько большевиков, после того как белые захватили Кубанскую область, организовали в Екатеринодаре подпольный партийный комитет.

— Так вот, — продолжал Алексей, — комитет подбирает себе помощников. Потому спрашиваю тебя: согласна ли ты работать в большевистском подполье?

— За власть Советов готова отдать все силы! — торжественно и в то же время с каким-то необыкновенным воодушевлением, как клятву, произнесла я.

— Верю, верю, — ответил мой гость.

Алексей Черный отнесся ко мне с таким доверием потому, что хорошо знал меня по Темрюку: он учился в темрюкском реальном училище, а я в гимназии, где участвовала в подпольном гимназическом кружке. Хорошо знал он и о том, что я готова на борьбу за Советскую власть.

Договорилась с Черным, что после каникул на хутор не вернусь. Сначала побываю в станице Полтавской, повидаюсь с родителями, а затем приеду в Екатеринодар.

Поездка к родителям представляла большую опасность. Дело в том, что во время отступления Красной Армии наша семья, где все были сторонниками Советской власти, покинула станицу. Родители погрузили на телегу наш скромный скарб, посадили младших детей, и мы двинулись на Кабардинку, через которую проходили наши войска. Но как раз в это время Кабардинку захватил белогвардейский отряд, и мы оказались в плену. К нам был приставлен казак, который должен был доставить нас

в Полтавскую. Так под конвоем добрались до Славянской. А здесь, воспользовавшись временным отсутствием конвоира, нам удалось скрыться.

Зная, что меня разыскивает белогвардейская контрразведка, я ушла от родителей, а они вынуждены были возвратиться в родную станицу. Кочуя из станицы в станицу, я вспомнила, что в Троицкой учительствует мой земляк А. В. Шопин. К нему и поехала. Узнав, что я ищу работу, он даже обрадовался и сказал, что недалеко отсюда, на хуторе Могукорово, как раз нужна учительница. Я сразу же согласилась. Шопин отвез меня на хутор и представил общему собранию хуторян. Чтобы не подводить Шопина, я отрекомендовалась Ольгой Ивановной Шереметьевой. Здесь меня и нашел Алексей Черный.

...Появилась я в родной станице Полтавской поздно ночью, и не у родителей, а у знакомых, которые и сообщили о моем приезде. При встрече родители рассказали, как над ними издеваются белоказачьи власти станицы. Они вынесли решение выселить нашу семью за пределы Кубанской области. Дом тут же отобрали, а имущество разграбили. Пришлось всем временно поселиться у знакомых. Но и тут их не оставили в покое. Чуть ли не каждый день приходили белогвардейцы и угрожали, что если семья не покинет станицу, то дом забросают бомбами...

Узнав, в каком бедственном положении находятся родители, я пообещала им, что как только устроюсь на работу в Екатеринодаре, то непременно подыщу для них квартиру. Я им не сказала, какая работа мне предстояла. Той же ночью покинула станицу.

Адрес, который дал мне Алексей Черный, я хорошо запомнила. Прибыв в Екатеринодар, быстро нашла нужную улицу и дом, где помещался подпольный комитет. Здесь встретила Владимира Черного, Михаила Маслиева, Николая Пшеничного. Они коротко рассказали о задачах нашего подполья, ввели в курс дела. Тогда же мне присвоили подпольную кличку «Нелли». Этим именем и до сих пор называют меня старые товарищи...

Так я стала подпольщицей. По поручению комитета выполняла множество ответственных заданий. Обо всех не расскажешь. Приведу лишь несколько примеров.

С динамитом

Подпольный комитет наметил провести важную операцию: взорвать в Новороссийском порту пароход «Владимир». На этом корабле находилось награбленное золото, которое денкиинцы собирались вывезти за границу.

К выполнению операции привлекли группу подпольщиков во главе с нашим «главным подрывником» Игорем Киселевым. Задание мы получили от Михаила Маслиева.

— Нельзя допустить, чтобы народное добро попало в заграничные сейфы,— говорил нам Маслиев.

Он сообщил, что мне поручается доставить в Новороссийск динамит, все остальное организует Игорь.

Немного помолчав, Михаил пояснил:

— Игорю рисковать никак нельзя. При первой же проверке документов его могут схватить как дезертира. Конечно, ты тоже рискуешь. Но, думаю, все обойдется. Не впервой тебе...

Он добавил, что динамит я должна получить у подпольщика М. Коржева. Передать этот груз нужно члену новороссийской подпольной организации Воронину.

Разыскала Михаила Коржева. Пошла к нему с кошелкой, в нее набросала цветов, которыми хотела прикрыть динамит. А Коржев дал мне только два небрльных свертка. Показалось, что легко будет их провезти. Придя домой, стала прикидывать, как лучше это сделать. Перебрала несколько вариантов и все отвергла. Наконец нашла выход. Купила две большие «паля- ныщи»,— пышные буханки круглого белого хлеба, осторожно надрезала бок каждой, вытащила мякоть и в пустое место вложила динамит. Разрезы так заделала, что о них никто бы не догадался. Обе буханки положила в кошелку, чтобы было удо- нее нести.

На другой день уехала. Ночью поезд прибыл на станцию Крымская. В вагон вскочил белогвардеец и крикнул:

— Выходи все на вокзал! Проверка документов!

И тут только я вспомнила, что мое удостоверение просрочено, да к тому же еще оно подложное. Что делать? Выйти на перрон и скрыться в толпе? Но вдоль вагонов стояли шпалеры белогвардейцев... Деваться некуда, придется идти.

Вошли в здание вокзала. Что делать с кошелкой с хлебом? Ведь проверяли не только документы, но и вещи пассажиров. А что, если кому-нибудь придет в голову взять хлеб? Беды тогда не миновать. И вдруг вижу окно с подоконником. Вот куда можно поставить кошелку! Пробираюсь к окну и кладу ее на подоконник. Сама подсаживаюсь к двум женщинам, которые

ехали со мной в одном вагоне. Они потеснились и дали мне место на лавке, как раз против окна. Притворилась, что от духоты разболелась голова. Повязала лоб платком и прислонилась к одной из женщин.

Началась проверка... Один офицер подошел к нашей скамейке. Проверил документы и вещи у одного, другого, а потом у той женщины, к которой я прислонилась. Офицер вернул моей соседке документ, потом проверил у следующей. Видимо не заметив меня, двинулся дальше.

«Пронесло»,— обрадовалась я. И вдруг одна из женщин говорит другой:

— Почему это у нас проверили, а у нее нет?

Как молотком ударило по голове. Ну, думаю, пропала. Но тут вмешалась первая соседка. Слышу отвечает:

— Та же ж еще мала дытына, к тому же хвора.

Выручила она меня! Теперь уже я спокойней стала поглядывать на подоконник: цела ли моя кошелка? Цела!

Хотя гроза миновала, но на сердце еще было очень тревожно. Кругом слышались злобные выкрики, несусветная ругань, стоны и рыдания. Это белогвардейцы расправлялись с «подозрительными». Дело в том, что в районе Крымской действовали краснозеленые, потому так и зверствовали белогвардейцы, видя краснозеленого чуть ли не в каждом гражданском пассажире... Прошло уже столько лет, а перед моими глазами встает часто такая картина. На полу с окровавленными лицами и руками валяются двое мальчишек лет по тринадцати-четырнадцати, а их все бьет и бьет офицер, приговаривая: «Я вам покажу, как шпионить! Не скажете, кто послал, забью до смерти!» Сквозь душераздирающий крик ребят с трудом можно было разобрать, что они живут в Новороссийске, что родители послали их в станицу за хлебом, что никаким шпионством они не занимаются. Мальчишки умоляли «дядю» не бить их, целовали извергу сапоги... Хотелось вскочить с лавки, схватить за горло зверя и задушить его. Но кошелка на подоконнике удерживала меня...

Наконец послышалась команда: «Выходи!» И все, кто находился в помещении вокзала, ринулись к двери. Я стремглав бросилась к подоконнику, схватила кошелку и помчалась к поезду. Хвори моей как не бывало...

В Новороссийске нашла Воронина. Назвала пароль и сообщила, что привезла. Поставила на стол кошелку и говорю:

— Вот здесь динамит!

Воронин вытащил буханки хлеба, пошарил рукой по дну кошелки. Тревожно воскликнул:

- У вас украли динамит!
- Да он в хлебе! — отвечает с веселой улыбкой.
- Правда? Вот молодец!

Я помогла вынуть взрывчатку. Воронин завернул ее в тряпку и куда-то отнес.

А мне предстоял обратный путь. По прибытии в Екатеринодар доложила партийному комитету о выполнении задания.

Впоследствии узнала, что пароход взорвать не удалось — слишком сильна была охрана. Но динамит пригодился, его использовали для других диверсий.

За шрифтом

В Новороссийск я ездила неоднократно с самыми различными заданиями. Однажды партийный комитет приказал мне привезти типографский шрифт, в котором ощущалась большая нужда. Туда доехала без особых приключений, что, кстати, редко случалось в те времена. Разыскала нужную улицу и дом, где жил мой адресат. Это была сапожная мастерская. Вхожу в мастерскую. За низенькими столиками сидят несколько человек, около двери замечаю молодого рабочего. «Он», — подумала я. В комитете мне описали его наружность и сообщили фамилию — Ронис. С первого же взгляда он произвел на меня приятное впечатление: белокурый, открытое лицо, подкупающая улыбка...

— Вам что, барышня, туфли починить? — спрашивает.

Я называю пароль применительно к сапожному ремеслу, снимаю туфлю и сажусь на скамеечку. Стучит он по каблuku и тихонько называет улицу и дом, где мы должны встретиться.

Вечером, передавая мне шрифт, спросил, как я его повезу.

В самом деле, как его везти? Думали, думали, но сразу ничего так и не придумали. И вдруг мне пришла мысль: достать большой пакет, положить в него шрифт, а сверху засыпать орехами.

— Мысль-то неплохая, — говорит Ронис, — да ведь шрифт тяжелый. Он вам руки оттянет.

Но больше ничего подходящего придумать не смогли... Ронис достал плотный пакет, положил в него шрифт, завернутый в материю, перевязал его. А я тем временем сбегала на базар и купила несколько фунтов орехов. Ими и заполнили пустое место. Взяла пакет в руки, вроде бы не очень тяжелый.

— Это поначалу так кажется, — сказал Ронис. — А потом потяжелеет. — И посоветовал: — Старайтесь сильнее прижимать пакет к себе, так легче будет.

С этим напутствием я и отправилась в обратный путь. Пришла на вокзал, а там настоящее столпотворение. Только что подали состав на Екатеринодар, все бросились к вагонам. Но для гражданских их оказалось только два или три. Так что многим, в том числе и мне, пришлось воспользоваться крышей вагона. Нелегко было лезть на крышу с пакетом, он с каждой минутой становился все тяжелей. Бывали такие мгновения, когда пакет, казалось, вот-вот выскользнет из рук... Тяжело дыша, добралась до заветной крыши. Один из пассажиров, глядя на меня, говорит:

— Ты что, дивчина, камни везешь, что так запыхалась? Вот постарше тебя — и то легко взбирались.

— Орешки везу,— выдавив на лице улыбку, отвечаю.— А запыхалась потому, что с сердцем неважно.

— Ай-ай, такая молоденькая, а уж сердце болит,— посочувствовал мне пассажир.

Поверил, думаю. Развязываю пакет и подношу ему полную пригоршню орехов. Замечаю, другие тоже с вожделием смотрят. Пришлось и их угостить. Так благополучно и доехала до Екатеринодара. А здесь сдала шрифт одному из членов подпольного комитета.

Сина Полуян

Часто, возвратившись после выполнения очередного задания, связанного с выездом в другие города и станции, я заходила к члену Екатеринодарского подпольного комитета Синклетее Васильевне Полуян — Сине, как любовно мы все ее называли.

Среди подпольщиков она пользовалась большим уважением и авторитетом. К ней шли за советом и помощью, и всем она старалась чем-нибудь помочь...

Сина Васильевна происходила из известной не только на Кубани революционной казачьей семьи. Еще в царские времена она активно участвовала в рабочем движении. После Февральской революции вся семья Полуянов находилась на переднем крае борьбы за власть Советов. Не случайно местное контрреволюционное Войсковое правительство предало анафеме всю полуяновскую семью «за измену казачеству». Отец Полуянов, Василий Макарович Полуян, был схвачен белогвардейцами и зарублен за сыновей «комиссаров». В 1918 году, когда на Кубани короткое время существовала Советская власть, один из братьев Сины, Ян Полуян, был первым председателем областного ревкома и облисполкома, а затем председателем реввоен

совета Северо-Кавказской {11-й) армии, начальником политотдела реввоенсовета Юго-Восточного фронта. Другой брат, Дмитрий, работал начальником политотдела 9-й армии, третий, Яков,— комиссаром 50-й Таманской дивизии. Сина же Васильевна осталась в Екатеринодаре для подпольной работы.

Раньше С. В. Полуян преподавала рукоделие в школах. Это ей очень пригодилось в условиях конспирации. В ее комнате, у окна, всегда стояла швейная машина с кусками материи, ножницами и другими принадлежностями швеи, а на полу валялись разные обрезки. Под видом заказчиков и приходили к ней подпольщики.

Не могу обойти молчанием замечательную мать Полуянов, старую казачку Зиновию Антоновну. Ее с полным основанием можно назвать подпольщицей. Она знала пароли, прятала в потайных местах листовки и всякую партийную документацию, наблюдала, что происходит на улице, чтобы вовремя предупредить дочь, если к дому приближался кто-либо подозрительный. Как родная мать, заботилась о подпольщиках, приходивших к Сине. Когда я, бывало, заходила в их дом, Зиновия Антоновна всегда даст умыться, накормит и, провозжая в опасный путь, по старинному русскому обычаю скажет: «Храни тебя, доченька, господь-бог». А сама в бога не верила.

У Сины Полуян, как члена подпольного комитета, был широкий круг обязанностей. Она поддерживала связи комитета с созданными в подполье партийными ячейками, помогала товарищам, находившимся в тюрьмах, а также их семьям, подыскивала конспиративные квартиры для подпольщиков, через знакомых проверенных казаков рассылала по станицам листовки. Да всех ее обязанностей просто не перечесать!

Всю эту работу Сина Васильевна выполняла спокойно, без излишней торопливости и вместе с тем проявляла особую осторожность.

Последние задания

К началу 1920 года советские войска далеко продвинулись вперед. Со дня на день ждали освобождения Ростова. А дальше путь лежал на Кубань. Значит, надо кубанским большевикам быть наготове, оказать помощь наступающей Красной Армии. Намечалось также освободить политических заключенных из екатеринодарской тюрьмы. Все это требовало присутствия председателя Северо-Кавказского подпольного комитета В. Ф. Черного, находившегося во Владикавказе. Вызвала меня Сина Полуян и говорит:

— Знаешь, предатель найден.

— Кто? — вырвалось у меня. — Кто губил наших товарищей?

— Тише! Карпущенко... Прошлой ночью подпольный комитет вынес приговор. Провокатора нужно убрать. Он не знает тебя в лицо. Поэтому решено поручить тебе. Ну как, хватит Духу?

— Поручение выполняю,— сказал я.

— Вот и хорошо. К ночи приготовь оружие. Возьми в помощь, если хочешь, надежного товарища, а с наступлением сумерек приходи сюда, получишь дополнительные указания...

Возвратившись домой, застал у себя Прокофия Шевелева. Я подумал: «Вот он, хороший и надежный товарищ». Рассказал ему о задании подпольного комитета.

— Я готов,— ответил Шевелев.— Говори, что делать.

Отдав дочери хозяйки Шуре свои дневники и другие бумаги, я попросил спрятать их в надежном месте. С Прокошей отправился к Василию. Часов в девять вечера туда пришли Катя Чемерис и Нюра Борченко. Обе взволнованны.

— Ровно в полночь по улице Новой, на парадном крыльце дома № 253, тебя будет ждать Феня Деревянко. Скажешь ей что от Нюры. Феня даст точный адрес Карпущенко. Возможно* что у Фени встретите двух товарищей. Они тоже дали согласие уничтожить провокатора,— наставляла Нюра.

Еще раз обсудили план действий. Кажется, все ясно.

...Ночь выдалась светлая. Еще издали заметили сидящих на скамейке у нужного нам дома девушку и двух офицеров. (Потом выяснилось, что это были Феня и переодетые в белогвардейскую форму подпольщики Кирий и Миша.)

Мы решили в первую очередь найти извозчика, явиться к провокатору под видом контрразведчиков, пригласить его с собой будто бы для ареста членов большевистского подпольного комитета. Извозчика нашли с трудом. Феню подвезли до Садовой улицы, а сами свернули на Прогонную улицу, к дому провокатора. Разыскали дом № 57, остановились. Прокофия, в офицерской шинели, оставили в фаэтоне, а сами прошли к калитке. Постучали. Никто не отозвался. Тогда Миша перемахнул через высокий забор и открыл нам калитку. Вошли во двор. Постучали в высокую дверь квартиры провокатора. Наконец за дверью послышались шаркающие шаги. Миша опять слегка постучал.

— Кто там? — послышался из-за двери женский голос.

— Свой,— ответил Кира.— Гриша дома? Мы офицеры. Откройте, пожалуйста...

Дверь открыла старуха. Она сообщила, что Карпущенко у жены и дала ее адрес.

Фаэтон покатил на Длинную улицу. Там мы с Кирой пошли пешком, чтобы лучше было разглядеть номер дома. Нашли. Прокофия опять оставили караулить фаэтон, а сами вошли в обширный двор. На всякий случай приготовили револьверы. Несколько раз постучали в дверь. Отозвался раздраженный женский голос:

— Кто такие и что вам нужно?

— Свои. Офицеры контрразведки,— тихо ответил через дверь Кира и спросил: — Григорий дома?

— Я сейчас,— уже миролюбиво отозвалась женщина,— одну минуточку.

Минута тишины. Дверь приоткрылась, и мы увидели провокатора. Он поздоровался, спросил, чем может служить.

— Живо одевайтесь, поедете с нами. Предстоит серьезное дело. Ваше присутствие необходимо,— сказал Кира официальным тоном и добавил: — Не забудьте захватить оружие.

Провокатор оделся и вышел. Я быстро окинул его взглядом. Это был молодой человек, среднего роста, на выбритом лице застыла гримаса, изображавшая улыбку. Одет легко: гимнастерка защитного цвета, черные брюки навыпуск, на голове фуражка. Вот и весь Карпущенко, каким я его увидел.

В фаэтоне провокатора усадили на заднее сиденье, между Прокофием и Кирой. Миша и я заняли переднее сиденье, спиной к извозчику.

— Куда прикажете? — спросил извозчик.

— Прямо,— ответил я, показывая рукой вдоль Длинной улицы.— Скажу, когда надо будет повернуть. Через некоторое время добавил: — Везите к кожевенным заводам.

Поехали. Сразу же завязался разговор о прохладной ночи, хорошем лете, а затем перешли на политику. Заговорили о местных большевиках, об аресте Лиманского, Гладенко, Коржева и других товарищей.

Затем Кира, между прочим, спросил:

— Коржева изловили, кажется, вы?

— Да, я,— стараясь отвечать скромно, похвалился провокатор.— Знаете, господа, прехитрая бестия этот Коржев, несколько раз он у меня срывался, едва цапал подлеца. Ведь брать их надо было так, чтобы никакого подозрения не вызвать ни у него, ни у других...

Дальше Карпущенко уже развязно заговорил, бахвалясь тем, кого и когда он предал, кто у него на очереди... Миша многозначительно толкнул меня в колено.

— По всему видно много работы у вас,— произнес Кира.— Сколько же вам платят? .

— Служба, я вам скажу, собачья, а жалованье ни к черту, едва хватает, чтобы не голодать,— неохотно ответил провокатор.— Если бы не наградные... Обещали увеличить оклад, мне кажется, я заслужил лучшего отношения...

— Ну, а как у вас с Владимиром Черным и Михаилом Маслиевым? Есть ли шансы на поимку?

— Насчет Черного могу сказать, как бы он ни прятался, а на днях я до него доберусь. Я на верном пути и ручаюсь, что он не ускользнет...— Карпущенко помолчал немного, затем добавил: —Таких, как Черный, очень мало, и их головы ценятся очень хорошо. За голову Черного мне обещали хорошее вознаграждение. Маслиева сейчас нет в городе, он, кажется, где-то в горах, у партизан. Это тоже доходный гусь. Д-да. А вот на Лиманском я промазал. Опоздал. Другие опередили. Я до сих пор не могу себе простить Лиманского...

Карпущенко в своей откровенности стал доходить до цинизма. Я чувствовал, как дрожит колено Миши...

Как заправский контрразведчик, продолжал вести беседу Кира. В тон ему и я спросил провокатора:

— Вы, кажется, раньше сами были большевиком и, как передавали, работали в подпольной организации, и весьма активно?

— Да-а, как же! Потому-то и дается мне эта работа. Одно время я даже был у них начальником боевых дружин. Знаю их всех и заберу их всех, прежде чем они опомнятся...

Провокатор сам себя разоблачил. Все было ясно. Надо с ним кончать.

Поровнявшись с казачьими казармами, находившимися вблизи кожевенных заводов, мы отпустили извозчика и дальше пошли пешком. Молча вышли к реке и пошли берегом. Нужно было подальше уйти от казармы. Кира опять завел разговор с провокатором. Потом, обращаясь ко мне, спросил:

— Скоро вы нас приведете?

— Еще немного,— отвечаю.

Мы подошли к тому месту, где Кубань круто загибает вправо. Место глухое. Высокий берег, быстрое в этом месте течение реки. Я толкнул Прокофия в бок, мол, пора. Тот тут же, резко повернувшись к Карпущенко, воскликнул:

— Ты предатель и провокатор! Смерть тебе...

Через две-три минуты труп предателя полетел с обрыва в Кубань. Мы вышли на дорогу и быстро зашагали к городу. На окраине простились с Кирой и Мишей...

Перед разгромом деникинщины

3 марта 1920 года. Прошло около двух месяцев, как по поручению Северо-Кавказского партийного комитета я нахожусь в центре Таманского отдела — станице Славянской. За это время мною организована группа подпольщиков, состоящая из казаков и иногородних.

Перед нами комитет поставил задачу: войти в связь с членом Кубанской рады Н. Н. Щербаком как с человеком левых настроений, создать запас оружия за счет белогвардейцев, вести разъяснительную работу среди трудового казачества...

В Славянской побывал представитель комитета Игорь Киселев, который привез пачку прокламаций. Нам удалось ими разукрасить всю станицу. Уж очень дерзко вели себя в этом деле Жора Птицын с братом Павликом: они ухитрились наклеить листовки в коридоре станичного правления, на доске объявлений управления отдела, на дверях офицерского клуба и в других местах. Участвовали в расклейке прокламаций и мои сестры Дуня и Ольга и их подружка Надя Шиленко.

В Славянской находился на постое потрепанный красными дроздовский полк, его командование надеялось пополнить свои ряды за счет местных казаков. Но попытки провести мобилизацию ничего не дали — никто на призывной пункт не явился.

Посоветовавшись со своей группой, я предложил Ф. Тихоцкому, имевшему свою казачью боевую группу, устроить налеты на квартиры дроздовцев и захватить их оружие. Первый ночной налет дал нам 27 винтовок и много патронов. Операция проходила просто: заходим в дом, где размещено трое — пятеро солдат, здороваемся и сейчас же требуем сдать оружие, иначе, угрожаем, порубаем... После следующих таких налетов дроздовцы остались почти без оружия. В разоружении принимали участие многие станичники.

Несколько дней назад в Славянскую приезжал войсковой атаман Букретов, чтобы поднять дух находившихся в казармах казаков двух полков — 2-го Полтавского и Таманского. Выступая перед казаками, атаман говорил «о благородной роли» казачества в поражении «красного дракона», вспоминал Запорожскую Сечь и «славных сечевиков», призывал казаков выступить на фронт и покрыть себя «неувядаемой славой».

Если в шеренгах Полтавского полка и расчувствовались от атаманских речей, то из рядов Таманского неслись возгласы: «Не желаем воевать! Не пойдем на фронт! Долой войну и погоны!»

Хорошо поработали наши хлопцы в Таманском полку...

Атаман Букретов скрипел зубами и бледнел от бешенства; но таманцы стояли на своем... Из казарм он возвратился в станицу и попал прямо на обед, устроенный ему отдельскими властями. Но обед принес ему еще огорчения. Дело в том, что на обеде присутствовали член Кубанской рады Н. Н. Щербак, станичный атаман Климченко и частный поверенный казак Л. Д. Кошелек. Когда все изрядно выпили и охмелели, Букретов резко повернулся в сторону Климченко и в упор спросил:

— У тебя в станице много большевиков?

Климченко, не задумываясь, ответил:

— Не считал, ваше превосходительство. По-моему, у нас нет большевиков, а есть недовольные.

Букретов вспылил:

— Ты как отвечаешь?

Так, как вы спрашиваете,— спокойно отвечал атыянт Климченко.

811

— Мало того, что ты расплодил в станице большевиков ты и сам стал отъявленным красным! — орал, свирепея, Букретов. Подошел Кошелек и, обращаясь к Букретову, сказал:

— Успокойтесь, ваше превосходительство, поберегите неп вы. Вы обвиняете атамана Климченко в том, что он расплодил большевиков, а по-моему, ваше превосходительство, это вы с генералом Филимоновым расплодили их своей политикой. Поменьше бы вы, ваше превосходительство, якшались с Деникиным и другими ему подобными, больше было бы толку.

— Господа офицеры, да что же это?! Это же комиссары большевистский сброд! Арестовать их, мерзавцев! — закричал Букретов.

Присутствовавшие на обеде офицеры схватили Климченко и Кошелька. Поднялся шум, послышались резкие протесты. Видя такое настроение, Букретов тяжело опустился на стул и пересиливая себя, приказал отпустить арестованных.

И уже немного спустя, уходя, бросил фразу:

— Не можете сами навести порядок в станице и в лагере пришлю донцов...

4 марта. Букретов выполнил свою угрозу. Ночью в Славянскую прибыл карательный отряд численностью до 2 тысяч хорошо вооруженных донских казаков, с 4 пушками и 15 пулеметами. Днем я пробрался в бакалейную лавку Д. А. Бережного, сочувствующего большевикам. Он сообщил, что ночью арестовали члена Кубанской рады Щербака, а утром и атамана Климченко, вместе с ними много станичников-казачков «смутья

нов». Не миновать бы ареста и поверенному Кошельку, да тот заблаговременно скрылся.

Как только каратели прибыли, их тут же отправили в казармы, и теперь там идет расправа без суда и следствия.

Очень жаль, что Щербак понадеялся на деникинскую «милость» в отношении казаков. Ведь предлагали же мы ему через Тихоцкого, Сопенко и Бережного объединиться с нашей группой и, действуя сообща, захватить станицу. Но Щербак сказал, что он все обдумает и при встрече сообщит свое мнение. Вот и дождался, что арестовали.

Ночью донцы окружили лагерь, врасплох захватили его и разоружили казаков. Многим удалось бежать, бежал и служивший в Таманском полку наш связной Сопенко.

И вот на лагерном поле были построены в шеренги Таманский и Полтавский полки. Начальник карательного отряда, какой-то генерал, поздоровался с полтавцами, а для таманцев без приветствия произнес короткую речь, полную угроз. Он потребовал от них назвать своих вожakov. Казаки молчали, понутив головы. Генерал ждал пять минут. Потом дал для раздумья еще десять... Посмотрел на часы, вынул из кармана золотой портсигар и закурил.

Над лагерем нависла тяжелая тишина. Молчали таманцы, молчали полтавцы, молчали и донцы. Прошло десять минут.

— Хорошо! крикнул генерал.— Что же, дело ваше. С такой сволочью, как вы, мы не церемонимся.— И обратился к офицерам: —Господа офицеры, пожалуйста, начинайте.

Началась массовая порка. Десятки шомполов, со свистом рассекая воздух, рвали казачьи тела. Высеченных снова ставили в ряды. Казаки опять молчали.

— И это не помогает?! Хорошо! Расстрелять каждого пятидесятого! —скомандовал генерал.

После расстрела пятнадцатого генерал прекратил расправу. И вновь обратился к казакам с вопросом, дают ли они казацкое слово немедленно выступить на фронт. Напуганные поркой и расстрелом, казаки недружно закричали:

— Даем! Выйдем на фронт!..

— Хорошо. Репрессию откладываю,— заявил генерал.— Но цию, всех расстреляю...

Здесь же офицеры по списку вызвали многих казаков и увели с собой, а расстрелянных сами казаки отвезли на кладбище и похоронили в общей могиле...

Вечером карательный отряд покинул Славянскую. Да он просто удирал, так как прошел слух, что Крымская захвачена

— Та вы лучше побийте нас,— заголосили они. А потом один и говорит: — А ще лучше, пиймалы бы нашего полковника Феська и выкупали бы его в сортире. Це вин, гад, заставив нас...

— Ну, ладно, так и быть, держитесь,— сказал Воловик.

В общем, задали мы им основательную трешку и предупредили, что если еще раз поймаем их, то непременно порубаем. Так будет и с другими. Отпустили их на все четыре стороны. Феськовцы быстро исчезли в темноте. Мы тоже поспешили по домам.

Рано утром на следующий день отчитались за свои операции Лысенко-второй, Ермоленко и Дудка. У Лысенко было две потасовки с феськовцами, после которых, как он уверяет, у «партизан» отпадет охота «барахолить». Ружья и кинжалы у них отобрали и, основательно побив мародеров, отпустили. Группа Дудки не имела встреч. У Ермоленко и его помощников произошло настоящее побоище с феськовцами. Они нарвались на крупную шайку «партизан», и нашим ребятам не сдобровать бы, если бы они не начали громкими криками звать на помощь мнимое подкрепление. Бандиты сдрейфили и бросились наутек...

На следующий день решили выступить двумя усиленными группами в северной части станицы...

9 марта. Сегодня большую часть дня с Иванцовым занимались изготовлением для укрывающихся от мобилизации удостоверений: отпускных — из воинских частей, лазаретных — об освобождении по болезни и разных других.

Вечером прибежал ко мне Тихоцкий и сообщил об аресте Д. А. Бережного. Он предупредил, чтобы мы были начеку. Я побывал у Арестиди, Лалаханова и предупредил об опасности, а также поручил предупредить других товарищей.

К вечеру в нашу станицу пришла какая-то «добровольческая» часть и «разместилась по хатам. По-моему, «драпают».

Узнал, что сегодня краснозеленые налетали на Крымскую и, наделав паники, скрылись в горах.

Фоменко принес из типографии большую пачку чистых бланков разных удостоверений для раздачи дезертирам. Многих казаков и иногородних по их просьбе переправили в горы и в плавни к партизанам.

10 марта. Утром на улице встретил только что приехавшего из Екатеринодара А. Птицына. Говорит, что эвакуируются в Новороссийск главные белогвардейские учреждения. В городе паника.

Заходил ко мне работник типографии Черешнев и сообщил,

что в ней хозяйничают белогвардейцы. Однако ему удалось спрятать часть чистых бланков для наших нужд.

В этот же день узнал, что воинское присутствие и военноремесленная школа нашей станицы готовятся к бегству в Новороссийск, а власти наметили на 14 марта общую мобилизацию...

11 марта. Отовсюду приходят радостные вести: Брюховецкая взята красными. Идут бои под Тимашевской. Через реку Протока переправляется белогвардейская кавалерия, значит, удирают, плохи дела у Деникина. В станице еще находится дроздовский полк. Решаем сделать налет на этот полк и добыть у белых пулеметы. На улице встретил знакомого казака Мартыненко, сторонника Советской власти. Работал он в военно-ремесленной школе. Я поделился с ним своими мыслями. Он поддержал меня. Условились встретиться в восемь часов вечера вместе с другими подпольщиками у скотобойни. Всех надо оповестить и предупредить, чтобы явились вооруженными. ^а

у скотобойни собралось 19 человек, все с оружием. По станице патрулируют конные и пешие белогвардейцы. Мы решили отвести душу и пощекотать немного нервы патрулям. Своим репленным пунктом избрали дамбу у изгиба реки, вблизи скотобойни. Там оказались две опрокинутые плоскодонки. Спустили их на воду, а вместо весел, в случае чего, решили орудовать винтовочными прикладами. Это на случай нашего отступления. Из-за дамбы спустились на улицу, прошли немного в глубь станицы и залегли в канавах... Минут через двадцать — тридцать из-за угла показался конный разъезд. Недолго раздумывая, мы дали залп. Упала лошадь, свалились два всадника остальные бежали. Залаяли собаки. Мы перешли на другую улицу и снова залегли. Видим по направлению к нам, вдоль Лагерной улицы, прячась в тени заборов, крадутся какие-то люди. Приготовились. На оклик: «Кто идет?» — ответа не последовало. На наш второй оклик грохнули залпы. Открыли и мы беглый огонь. Наступающие рассыпались по улице, затем бросились бежать. Мы преследовали их до следующей улицы...

Уже было около пяти часов утра. Расставаясь, условились днем встретиться в кофейне, где частенько собирались...

12 марта. После проведенной в стычках с белыми патрулями ночи дома оказался около шести утра. Со мной пришел и П. Воловик. Он рассказал, что вчера предлагали добровольно записываться в «партизанский» отряд. Прежний отряд после полученного от нас отпора развалился. Но охотников не ока

залось. Мы опасались, что начальник школы постарается организовать такой отряд в порядке принуждения, поэтому решили, что Воловик пойдет туда и скажет своим людям, чтобы они немедленно уходили из школы и уводили с собой, кого удастся. Воловик ушел.

В этот день у меня побывали многие подпольщики, и каждый приносил какую-нибудь радостную новость об успехах Красной Армии на Кубани. Наши войска освобождают станицу за станицей... Сегодня наши товарищи снова вышли на охоту за белогвардейцами.

14 марта. Ходил к переправе. Здесь по-прежнему белогвардейские обозы запередили весь берег со стороны станицы Полтавской. Паром работает день и ночь, перебрасывая к нам в Славянскую груженные фургоны и двуколки. По невообразимой грязи плывут арбы, груженные чемоданами, матрацами, узлами, корзинками и другим домашним скарбом. Это белогвардейские беженцы... Стрельба в станице не прекращается... И опять добрые вести об успехах долгожданной Красной Армии... Пантелей Воловик, после того как военно-ремесленная школа разбежалась, живет у меня. Измученный бессонными ночами, он спит богатырским сном. Волнуюсь о судьбе арестованного нашего подпольщика Д. А. Бережного — о нем ничего не слышно.

Надо думать о твердой власти. Собрали наших товарищей, пригласили Тихоцкого с его верными друзьями, бывших членов станичного Совета: Ломакина, Бережного (ему лишь вчера удалось освободиться из-под ареста) и Я. Ампольского. Шел разговор о создании власти до прихода Красной Армии. Ее и создали в составе П. Воловика, Ломакина, Ампольского, Бережного. Сформировали охрану из членов нашей группы, подпольщиков и казаков Тихоцкого. Установили дежурства при станичном правлении, продумали, как организовать охрану типографии.

А через Протоку паром не успеваает перебрасывать всю массу фургонов, двуколок и людей. У парома давка...

Оказывается, белогвардейцы собираются под Славянской принять бой. Кругом роют окопы, на деревянный мост, вчера только построенный, никого не пускают. Из Славянской на полтавскую сторону перетаскивают пушки и пулеметы, обозные фургоны запередили улицы. Между Лагерной и Набережной установлены четыре пушки. Все дворы по Лагерной улице быстро заполняются обозами и кавалеристами. Кругом суматоха...

Я надел на себя английское обмундирование и благодаря

этому свободно разгуливал среди белых солдат. А солдаты говорят, что большевики уже под Полтавской, в 12 верстах от нашей станицы, и ждут, что утром будут в Славянской... Зашел к Жоре Субботовскому, а он сидит в своем тайнике дома. Потом пошел к Пантелею Воловику. Вижу, чистит винтовку. Потащил его к себе домой...

За сегодняшний день наша станица пропустила через свои улицы много пехоты, кавалерии, обозов и прочего... Много белогвардейцев не смогло эвакуироваться и осело в станице...

17 марта. Всю ночь по улицам станицы шли обозные подводы под несмолкаемую брань и бичевание измученных лошадей. А войска Красной Армии все ближе и ближе подходят к Славянской. Начался бой за нее.

18 марта. Станица Славянская освобождена Красной Армией...

С. А. Воробьев

Наши диверсии

Перед тем как советские войска оставили Екатеринодар в августе 1918 года, я служил в 1-м Екатеринодарском коммунистическом полку, которым командовал М. Демус. Мне было предложено остаться в городе для подпольной работы в тылу денкинцев.

Сначала я нелегально жил на квартире у Екатерины Тун-чик сочувствовавшей Советской власти, потом перебрался к железнодорожному сторожу Матвеем Городецкому.

С первых же дней денкинской власти в Екатеринодаре мне пришлось стать свидетелем того безудержного террора, который чинили белогвардейцы над мирным населением. Они врываются в квартиры, где, по их сведениям, скрывались отставшие от своих частей красноармейцы или сочувствующие красным. Захваченных выволакивали на улицы, били прикладами, без суда и следствия расстреливали группами и в одиночку. Трупы убитых свозились на берег Кубани и сбрасывались в реку. Потом был издан приказ: зарегистрироваться под страхом смерти всем семьям, из которых кто-либо служил в Красной Армии. На допросах, происходивших в помещении городской стражи, в контрразведке и комендатуре, пришедших ре

гистрироваться избивали шомполами, прикладами. Многие не выдерживали пыток и умирали.

Казалось, в городе никого не осталось из большевиков, все, кто способен воевать с белыми, уничтожены, а оставшиеся в живых «умиротворены» и не способны даже думать о сопротивлении. Но так только казалось. Прошло немного времени, и на заборах появились листовки, призывавшие бороться с деникинцами. Прошли слухи, что закубанские леса и горы кишат краснозелеными партизанами. Значит, есть большевики, есть люди, поднявшиеся на борьбу с белобандитами.

К моей великой радости, возвратились домой большевики Тит Сорочинский, отставший от своей части из-за болезни тифом, Федор Серебряков, Федор Ивченко, Степан Левандовский. Мы друг друга знали по службе в Красной Армии, доверяли друг другу. При первой же встрече договорились вместе вести подрывную работу в тылу Деникина. Тогда мы еще не знали, была ли в Екатеринодаре подпольная организация, и поэтому на первых порах стали действовать по своему усмотрению.

Поначалу решили агитировать деникинских солдат дезертировать из армии, а для этого нужно было снабжать их документами, освобождающими от службы в армии «по болезни». Такие же «липовые» документы в первую очередь требовались нам самим. Левандовскому и Ивченко за взятку удалось добыть удостоверения на право жительства в городе. Этим товарищам мы посоветовали поступить на службу в контору ведомства продовольствия и снабжения кубанского краевого правительства, что они и сделали. Зачислили их в охрану складов. А вскоре с их помощью Сорочинский, Серебряков и я подрядились ремонтировать дом № 21 по Динской улице, в котором находилось интендантство, снабжавшее деникинскую армию. Так как ремонт требовался большой, мы работали не только днем, но часто и ночами. Ночное время использовали для подбора в конторе интендантства бланков разных удостоверений: об отпуске по болезни, для командировок и других. Нашли доступ и к печати интендантства.

Оформив должным образом нужные бланки, мы получили паспорта для всей нашей группы. Затем стали помогать нашим знакомым, бывшим красноармейцам, мобилизованным в белую армию. Получили освобождение М. Городецкий, П. По- свято, В. Волков и другие. Вскоре эта работа приняла широкий размах. Чтобы не вызвать подозрения белогвардейских властей ввиду большой утечки бланков, мы изготовили печать 3-го запасного полка Добровольческой армии и соответствующие ей бланки удостоверений.

Авторы воспоминаний

В. Ф. Черный

Н. А. Пшеничный

Е. И. Жугина

Д. Ф. Синченко

Авторы воспоминаний

С. А. Воробьев

В. И. Бойко

М. И. Романова

Р. И. Шаинская

Авторы воспоминаний

М. Г. Бобрук

П. М. Пушнов

И. Ф. Ткаченко

Д. В. Лискевич

Авторы воспоминаний

М. М. Репетун

С. В. Расторгуев

А. И. Савенко

П. П. Соркин

Контора ведомства продовольствия и снабжения служила местом, где мы добывали и оформляли документы, а кочегарка этого дома — их хранилищем.

С помощью Левандовского и Ивченко добыли со склада более 20 комплектов белогвардейского военного обмундирования. Склад же закрыли и опечатали, чтобы хищение не было обнаружено.

В агитационной работе среди деникинских солдат участвовали 12 человек. Наши товарищи заводили знакомства, вели беседы с солдатами, и если замечали нежелание кого-либо из них воевать против красных, то снабжали документами, освобождавшими от службы в деникинской армии. Каждый вырванный таким образом из белой армии солдат представлял для подпольщиков-агитаторов особую радость: ведь в этом состояла доля их личного участия в общей борьбе с врагом.

22 марта 1919 года в конце дня я вышел из здания, где работал, и направился на конспиративную квартиру. Вдруг увидел, что мне навстречу по улице идет лейтенант Новиков, служивший еще в царское время на Балтийском флоте на линейном корабле «Слава» инженером-механиком, а я там был машинистом и находился в его подчинении. Не желая встречаться с ним, я свернул во двор и направился к кочегарке. Лейтенант Новиков, увидя меня, вслед за мной свернул во двор и крикнул несколько раз: «Матрос! Матрос!» Я продолжал идти, не обращая внимания на окрики. Но когда я уже был у самой кочегарки, он крикнул: «Воробьев!» Я резко повернулся к нему и, не смущаясь, сказал:

— Слушаю вас, господин лейтенант.

Новиков с упреком спросил, почему я не остановился.

— На зов «Матрос!» не остановился потому, что давно отвык от этой клички, — ответил ему.

— Нет, тут причина, видать, другая, — сказал он, быстро вынимая пистолет.

Лейтенант заставил меня поднять руки вверх и повел в контрразведку. Там ему дали книгу, в которой он записал, что им задержан матрос с большевистского корабля «Слава» (после гибели корабля в бою с немцами в Рижском заливе уцелевшие матросы организовались в матросский большевистский отряд). Все это соответствовало действительности.

В присутствии Новикова меня обыскали, ничего не нашли и посадили в подвальное помещение. В подвале я оказался один.

Ночью пришел офицер в сопровождении двух казаков и приказал следовать за ним. Привели в больницу комнату. В ней стояли только скамьи метра два длиной и стол, за который сел офицер.

— Садитесь,—сказал офицер и стал задавать вопросы о повседневной моей жизни, службе, а затем потребовал рассказать о подпольной работе здесь, в Екатеринодаре.

— Я не понимаю, господин офицер, о чем вы спрашиваете. Работаю истопником в интендантстве, ничем больше не зани-

Мой ответ вызвал у контрразведчика вспышку гнева.

— Врешь, мерзавец! Сейчас ты у меня заговоришь иначе.

Офицер вызвал четырех казаков. С меня сорвали одежду, бросили на скамью и стали усердно бить шомполами. Я чуть не закричал от боли, крепко обнял скамью и, опустив на пол ноги рывком встал, поднял кверху казака, сидевшего у меня на плечах и овладев скамейкой, как бешеный бросился на истязателей. Но подоспели другие казаки, один из них сильно удавил меня прикладом по голове, и я упал без сознания. Сколько меня потом били, не знаю, но, когда очнулся в подвале ныли от боли бока, на спине кровоточила рваная рана, доставлявшая невероятные страдания. Все тело было покрыто кровавыми полосами от ударов шомполами.

Весь день пролежал я на полу. Пересохло в горле, но воды и еды не давали. Ночью, в то же время, как и в первый раз, за мною опять пришли и повели в ту же комнату. Прежде чем начать допрос, меня снова стали избивать. От тяжелых ударов несколько раз терял сознание. И на третью ночь повторилось то же самое, только теперь меня били так, чтобы не лишиться сознания.

Не в силах больше выносить мучения, я решил оговорить себя но так, чтобы отвести внимание контрразведки от подполья. Расчет был на то, что меня скоро приговорят к расстрелу. Попросил развязать меня и пообещал рассказать о

Когда меня развязали, я сказал, что будто бы на линкоре «Слава» где служил, убил 62 офицера и всех их сжег в топке коиабельной кочегарки. Назвал даже фамилии некоторых убитых. Все это записали в протокол, дали мне подписать и отволокли обратно в подвал.

На следующем допросе допрашивал уже другой офицер. Он вежливо предложил мне сесть, но так как на мне не было живого места, то присесть на стул я не смог и объяснил офицеру причину.

— Хорошо,— сказал он,— расскажите мне, как вы убивали и сжигали в топке офицеров на своем корабле.

— Ни одного человека я не убивал и не сжигал,— отвечаю.

— Но ведь вот ваша подпись,— и показал протокол прежних показаний.

— Да, подпись моя, но всю эту чушь меня вынудили придумать трехдневными истязаниями, а перечисленные в протоколе господа офицеры все живы-здоровы.— Тут же обнажил свое изуродованное тело и начал требовать, чтобы меня подвергли медицинскому осмотру.

Офицер записал все в протокол, дал мне его подписать и отправил меня обратно в подвал... Днем снова привели в ту же комнату. В ней сидели два офицера. Один из них оказался врачом. Меня раздели догола, врач осмотрел раны, кровоподтеки, сделал какую-то запись.

И снова я в подвале. Но теперь уже не один, а вместе с арестованным подпольщиком Е. М. Лакисовым. Его привели сюда, пока я был на допросе.

Лакисов — участник революции девятьсот пятого года. Боролся за власть Советов на Кубани в 1917—1918 годах. В эту борьбу вовлек и всю свою семью. Два его сына, Леонид и Дмитрий, были командирами в Таманской армии и геройски погибли в боях с белогвардейцами. Третий сын, Николай, работал в подполье. Мы с Лакисовым договорились, что если нам удастся выйти на свободу, то будем координировать свою работу.

Через два дня после последнего допроса меня отправили в тюрьму. Везли в трамвае, где конвоиры очистили от публики площадку. Здесь меня и увидела Е. Тунчик, у которой я скрывался в первое время после прихода белых. Она притиснулась ближе ко мне, и я шепотом попросил ее сходить к военному чиновнику Александрову, потребовать освободить меня...

Что говорила Тунчик Александрову, не знаю, но на шестой день пребывания в тюрьме меня освободили за недостатком улик...

Чуть позже был выпущен из контрразведки Лакисов. И вот мы оба на свободе. Началась совместная работа в подполье. Лакисов взял на себя руководство нашей партийной группой. В короткий срок она увеличилась настолько, что в целях конспирации решили рассредоточиться, организовав три подпольные ячейки — на Дубинке, Покровке и кожевенных заводах.

В Дубинскую ячейку вошли — я, председатель, Т. Сорочинский, Ф. Серебряков, С. Левандовский, Ф. Ивченко и В. Волков. При ячейках создали боевые дружины. Получая отдельные за-

Дания от Лакисова, наша ячейка в то же время продолжала агитационную работу, распространяла листовки среди населения и солдат белой армии, снабжала дезертиров удостоверениями об освобождении от военной службы. Наиболее проверенных из них мы отбирали в боевые дружины.

К тому времени Лакисов установил связи с екатеринодарской подпольной организацией, а затем и с Северо-Кавказским краевым подпольным комитетом.

В сентябре 1919 года наша ячейка получила задание вести наблюдение за проходящими по железной дороге Новороссийск — Тихорецкая — Кавказская — Тимашевская воинскими эшелонами, добывать оружие для боевых дружин и партизанских отрядов и другие. Руководство нашей боевой дружиной возложили на Т. Сорочинского, агитацию среди солдат — на Ф. Серебрякова, разведку — на В. Волкова и П. Захарченко.

До конца 1919 года наша боевая группа провела три диверсии на железной дороге, взорвав 10 вагонов со снарядами а в феврале 1920 года на станции Екатеринодар-1 были взорваны еще 18 вагонов с боеприпасами.

Кроме того, нами была распропагандирована деникинская инженерная часть, состоявшая из 120 солдат и мастеров подвижной механической мастерской, находившейся на станции Екатеринодар-1.

Большую часть этой опасной работы провели наши смелые агитаторы Петр Захарченко и Мария Сорочинская. Солдаты покинули свою часть за одну ночь, передав нашей группе более сотни винтовок и один пулемет.

Для выдачи дезертирам документов об освобождении от воинской службы «по болезни» Северо-Кавказский краевой подпольный комитет РКП(б) через Е. М. Лакисова снабжал нас бланками точно таких же удостоверений, какие выдавал комендант города. Это обеспечивало успех нашей работы.

В конце 1919 года англо-французские союзники усилили снабжение армии Деникина боеприпасами, оружием, амуницией, которые морем доставлялись в Новороссийск, а оттуда по железной дороге отправлялись на фронт. С этого времени в нашей работе главным стало уничтожение военных грузов в пути следования.

Однажды нам стало известно, что воинский эшелон, в составе которого было 12 вагонов с боеприпасами, под усиленной охраной вышел из Новороссийска в Екатеринодар. Мы немедленно составили план диверсионной операции. Взорвать эшелон Лакисов предложил поручить трем подпольщикам — Петру Захарченко, Василию Волкову и своему сыну Николаю.

По нашему плану взрыв должен был произойти на станции Екатеринодар-1. Волков вызвался принести Николаю Лакисову взрывчатку и бикфордов шнур. Когда эшелон прибыл на станцию, Николаю удалось проникнуть в один из вагонов и закрыться там в ожидании взрывчатки. Однако к условленному времени она не была доставлена. Так и сидел Лакисов-младший в вагоне, не имея возможности выбраться из него.

А в это время вагоны с боеприпасами были отцеплены и переведены на станцию Екатеринодар-2. Здесь формирование состава затянулось, и только под утро, в проливной дождь, подпольщик Николай Горнаев успел принести динамит с одним запалом и передать его Николаю Лакисову. Тот уложил взрывчатку между ящиками с грузом. Последовавший взрыв не уничтожил всех боеприпасов, взорвались лишь патроны. Вагон загорелся, а от него пламя перекинулось на соседние. Взорвались еще четыре вагона. Остальные охрана быстро отцепила и отвела в безопасное место.

...В феврале 1920 года деникинцы откатывались под ударами Красной Армии. На станции Екатеринодар стояло более десятка воинских эшелонов, в нескольких вагонах находились боеприпасы.

Наша разведка установила, что охрана вагонов готова дезертировать. Поручик, сопровождавший вагоны с боеприпасами, имел склонность к выпивке. Знакомство с ним мы поручили* Федору Серебрякову, который должен был в нужный момент увести его в станционный буфет. Это ему удалось.

У нас не было взрывчатки, чтобы взорвать вагоны. Поэтому решили поджечь их. Охрану мы сняли и вывели за пределы станции. Солдатам раздали удостоверения об освобождении от военной службы, и они разбрелись кто куда. Вместо них поставили свою охрану.

В каждом вагоне наши подрывники поставили под ящики со снарядами банки с бензином, вложили в них тряпки, концы их вывели наружу. На концы тряпок положили по пакету с порохом, и от него подвели бикфордов шнур. Порох должен был дать вспышку и поджечь бензин. Наступило время взрыва, но его не последовало. Как выяснилось, наш самодельный бикфордов шнур отказал.

Близился рассвет, операция вот-вот должна была сорваться. Тогда наша «охрана» и подрывники притащили сухой соломы, вылили бензин и подожгли. Вагоны охватило пламенем. Начали рваться снаряды. Среди множества деникинцев, находившихся на станции, поднялась паника. В суматохе подрывники благополучно скрылись.

За восемь дней до прихода Красной Армии наша боевая группа вместе с группами партийных ячеек Покровской и кирпичного и кожевенного заводов приняла участие в захвате белогвардейских складов с товарами, амуницией и боеприпасами, организовала охрану народного достояния от разграбления отступающими деникинцами и мародерами. А когда части Красной Армии подошли к Екатеринодару, то наша партийная ячейка в полном составе вступила в бой в районе от главного вокзала до железнодорожного моста, взяла в плен команду бронепоезда, прикрывавшего отступление белых.

17 марта 1920 года части Красной Армии вступили в Екатеринодар. Мы, коммунисты, вышли из подполья.

В. И. Бойко,
М. И. Романова,
Р. И. Шаинская

На переднем крае

В августе 1918 года советские войска оставили Новороссийск. Как только белогвардейцы ворвались в город, они начали хватать не успевших уйти партийных и советских работников, матросов красного флота и красноармейцев. Многие были расстреляны, многие брошены в тюрьму. В числе погибших оказались новороссийский комиссар продовольствия Скобликов и военный комиссар Губернский.¹

Часть оставшихся в городе партийных и советских работников укрылась в надежных местах. Среди них были член правительства Черноморской республики Иван Ефимович -Кузьмин, член Новороссийского городского Совета и революционного трибунала Василий Иванович Бойко, прибывший ранее из Москвы для проведения в жизнь ленинской директивы о потоплении флота Кирилл Иванович Шутко, его жена Нина Фердинандовна Шутко-Агаджанова и другие.

Когда немного утих разгул белогвардейцев, мы вышли из своих убежищ и стали принимать меры к организации борьбы с деникинцами. Прежде всего выпустили воззвание к трудовому казачеству, раскрывавшее подлинные цели власти Деникина. Текст его написал Кузьмин. Воззвание распространили среди станичников и частично в казачьих частях, находившихся в городе.

¹ Именем Губернского названа одна из улиц Новороссийска.— *Ред.*

Вскоре всем стало ясно, что для серьезной работы по разложению деникинских солдат требуется создать большевистский центр. К началу 1919 года подобрали группу коммунистов для налаживания подпольной работы. В нее вошли прибывшие из Ростова Башкиров и Власов и новоросийцы — В. И. Бойко, Т. С. Богдашкина, Н. Ф. Шутко, Богомолов, носивший кличку «Богомазов», а немного позднее М. И. Романова. К этому времени И. Е. Кузьмин уехал в Ростов, откуда продолжал оказывать нам помощь, посылал людей для организации подпольной работы.

Созданная нами группа подпольщиков стала нащупывать связи с коммунистами на предприятиях города и из них организовывать партийные ячейки. Так, на одном из цементных заводов коммунистов возглавил старый член партии Паламарчук. На железной дороге работали Лотарцев, Безвербный и Шульга, которые наладили доставку нам бланков удостоверений и сведений о движении воинских составов. На судоремонтном заводе «Судосталь» мы держали связь с подпольщиком Тихоновым (Образ). Он нам сообщал о ходе ремонта и выпуска катеров и других военных судов. Коммунисты, работавшие в порту, информировали о разгрузке иностранных судов, доставлявших деникинской армии вооружение и снаряжение. Важные сведения о прибытии пароходов с военными грузами сосредоточивались в управлении «Доброфлота». Эти сведения мы получали через своих людей в порту, а также от Марии Романовой, работавшей в «Доброфлоте» машинисткой. Добытую информацию наша группа направляла в Донской подпольный комитет, а также в партизанские отряды, действовавшие в Черноморской губернии.

Нашим людям, чтобы они могли легально устроиться на работу, свободно ходить по городу, совершать поездки за его пределы, требовались надежные документы. Такие документы изготовлялись на конспиративной квартире В. И. Бойко. Особенно подходящими для поездок были удостоверения железнодорожных мастерских. Подпись начальника мастерских Леонтовича хорошо подделывал Бойко, а печать мы специально изготовили. В изготовлении документов активное участие принимала Т. С. Богдашкина. Она умело смывала в паспортах записи об их прежних владельцах и вписывала новые фамилии, такие паспорта ни у кого подозрений не вызывали. Для воинских документов доставляли специальные бланки. Ими нас снабжали сочувствовавшие большевикам рабочие типографии.

Наша группа занималась и подыскиванием конспиративных квартир. Такие квартиры содержали подпольщики Нестеренко

(кличка «Джон») на улице Раевского, Митусова — на Чеховке, Безвербный и Стусов — на Февральской улице и другие.

Подпольная работа новоросийцев в тылу деникинцев имела большое значение в общей борьбе с контрреволюцией. Ведь Новоросийск был одним из важных опорных пунктов белогвардейцев на юге России: через Новоросийский порт они постоянно держали связь с государствами Антанты, сюда прибывали из Англии и Франции пароходы с обмундированием, оружием, медикаментами, продовольствием. Учитывая это, нашей группе оказывали большую помощь подпольные организации и других городов. Так, Донской подпольный комитет направлял к нам коммунистов для военной и политической работы. Из Ростова прибыли А. Шмидт (Васильев), Пивоваров, работавший под кличкой «Роберт», Федько, Абрамчук и другие. Такое подкрепление дало возможность создать в Новоросийске подпольный партийный комитет, председателем которого стал Башкиров. Из местных подпольщиков в комитет вошли Богомолов, ставший в нем казначеем, Богдашкина в качестве технического секретаря, а также М. Романова, Нестеренко. После того как комитет был создан, Шмидт и Пивоваров отбыли из Новоросийска.

Позже из Ростова к нам были направлены коммунисты Цимбалест, Пустынников, Дакус, Горин-Пашет, Алексеев, Моринец, Сидорчук, подпольщица по кличке «Фаня» и Роза Шаинская по кличке «Нюся Зотова». Все прибывшие товарищи, кроме Шаинской, были направлены в партизанские отряды, а Роза оставлена при комитете: в Новоросийске ее не знали, и поэтому у нее было больше возможностей избежать ареста. В этом мы скоро убедились. Как-то направляясь на конспиративную квартиру Богдашкиной, где находился наш подпольный комитет, Шаинская заметила возле дома Богдашкиной нескольких военных, внимательно оглядывавших проходивших людей. Почувствовав неладное, Роза спокойно прошла мимо, даже не повернув головы в сторону дома. И ее не задержали.

Новоросийский подпольный комитет установил связи и с Екатеринодарским комитетом, откуда Богдашкина, а позднее Романова привозили листовки для распространения на предприятиях и среди солдат белой армии.

Предметом нашего постоянного внимания были партизаны. Сначала это были группы бежавших в горы красноармейцев и моряков, большей частью раненых, оставшихся в городе после отступления советских войск с Кубани. Потом к партизанам стали присоединяться казаки-бедняки и крестьяне из окрестных станиц

и хуторов, те, кто сам на своем горьком опыте убеждался в том, что белогвардейская власть — это власть врагов трудового народа. Пополнению рядов партизан способствовали деникинские мобилизации, так как многие, не желая служить в белой армии, уклонялись и тоже уходили в горы.

Для снабжения партизан продовольствием, обувью, одеждой и военным снаряжением подпольный комитет стремился использовать любые доступные возможности и связи. В. И. Бойко, заведя складом потребкооперации, неоднократно отправлял партизанам муку, крупу, различные другие продукты. Под видом товаров, перевозившихся кооператорами, краснозеленым были доставлены оружие и печатный станок, оставшийся после отступления красных частей и хранившийся на складе у Бойко. В трудном и опасном деле снабжения партизан подпольщикам во многом помогли грузчики и железнодорожные рабочие. Особою изобретательностью отличался старший составитель поездов Степан Макарович Карпенко, который не раз формировал составы с военным снаряжением и всегда хорошо знал, в каком вагоне какой груз находится. Ему-то при всяком удобном случае и поручалось загонять нужные нам вагоны в тупики и сообщать об этом нашим связным. А ночью подпольщики организовывали разгрузку и добытые таким способом оружие, обмундирование и т. п. быстро переправляли к партизанам. Если же что не успевали вывезти, то оставляли на складе союза потребительских обществ у Бойко.

Очень остро нуждались партизаны во взрывчатке. Ее также доставляли подпольщики. Базой для хранения взрывчатки в городе служил нам склад маслозавода, откуда мы постепенно перевозили ее в горы. Так, одну из подвод, которую нагрузил связной Лозовой, Розе Шаинской и Безвербному поручили доставить в геленджикскую группу краснозеленых к Пашегу. Пироксилиновые шашки уложили на дно корзины, насыпав сверху картошку. Несмотря на то что на каждом километре стояли белогвардейские посты и проверяли грузы на подводах, Шаинская и Безвербный благополучно добрались до места назначения.

Постоянную связь с партизанами поддерживали работавшие в подпольном комитете Т. С. Богдашкина, М. И. Романова и другие. Богдашкиной, например, приходилось не раз тайно выезжать в самые отдаленные отряды, а чтобы попасть туда, нужно было совершать трудный путь по горам, пересекать мно- гочисленные быстрые речки.

Когда партизанские отряды достаточно окрепли, они ста- ли громить тылы деникинцев, пускать под откос воинские составы,

разрушать телефонную и телеграфную связь с Екатери-
кодаром, где находилось главное командование белых,
нападать на железнодорожную охрану, на деникинские посты
по побережью.

Как-то подпольному комитету стало известно, что из Франции
прибыли солдаты экспедиционного корпуса русской армии,
находившиеся там со времен империалистической войны.
Новороссийские подпольщики развернули работу среди этих
солдат, которых белогвардейское командование намеревалось
призвать в деникинскую армию. Агитацией среди них занимались
Алексеев, Дакус и Романова. Соблюдая конспирацию, эти
товарищи разъясняли политику Советской власти, призывали
солдат и казаков повернуть оружие против контрреволюционеров,
пополнить ряды партизан. Распропагандированных в одиночку, а
то и целыми группами препровождали на первый партизанский
пост, располагавшийся за Лысой горой.

С каждым днем все шире развевталась подпольная работа.
Но для ее проведения не хватало средств. Тогда партийный
комитет решил послать в Баку Марию Романову, которая имела
связь с закавказскими подпольщиками. Пароходом она добралась
до Батума, а оттуда дальше по железной дороге до Баку.
Бакинский комитет выделил около 250 тысяч рублей в царских
деньгах, имевших широкое хождение в Кубанской области.
Деньги Романова уложила в чемодан с двойным дном* после чего
выехала в Тифлис, где при содействии одного из руководителей
большевистского подполья в Закавказье, Г. Ф. Сту-
руа, для партизанских отрядов выделили военного специалиста. Вместе с
ним она благополучно возвратилась в Новороссийск.

Усиление подпольной борьбы, те ощутимые удары, которые
наносили белогвардейцам партизаны, всполюшили
контрразведку. В сентябре 1919 года контрразведчики схватили
активных подпольщиков Сидорчука и «Фаню» и расстреляли.
Через два-три дня на конспиративной квартире были арестованы
члены комитета Башкиров, Федько и тоже расстреляны.

Тяжело переживали подпольщики гибель товарищей. Но надо
было продолжать работу. Был создан новый комитет под
председательством В. И. Бойко. В комитет вошли Романова
(секретарь и казначей), Дакус, Богдашкина, Алексеев и Тихонов
(Образ). Деньги, шрифт и печать мы перенесли на
конспиративную квартиру Романовой по Пироговской улице, дом
52. Они хранились под домом, в фундаменте. В случае
необходимости деньги и печать доставал ее брат Василий
Романов.

Только этот худощавый пятнадцатилетний подросток и мог пролезть в узкий проход между камнями фундамента.

В конце 1919 года, теснимые наступающей Красной Армией, под Новороссийском начали скапливаться крупные силы Деникина. Белогвардейцы пытались переправить свои войска к Туапсе, где они должны были соединиться с частями, двигавшимися: по линии Белореченская — Туапсе. Но геленджикская и михайловская группы партизан не допустили их дальше Михайловского перевала. Белогвардейцы были разгромлены партизанами.

Сложившаяся обстановка диктовала необходимость принять срочные меры по дальнейшему разложению деникинских частей, все более терявших боеспособность. Ввиду этого подпольный комитет на своем заседании постановил командировать Марию Романову в Екатеринодарский комитет за листовками с обращением к казакам и солдатам уходить из деникинской армии и с оружием в руках присоединяться к красным. Алексееву и Дакусу поручили развернуть энергичную работу по разложению отступающих белогвардейцев. В их задачу также входило добывать сведения обо всех передвижениях деникинских частей и передавать их командованию Красной Армии и партизан.

Мария Романова выехала в Екатеринодар. Вслед за ней туда же должен был прибыть ее брат Василий, чтобы помочь доставить листовки в Новороссийск. Возвращаясь домой без листовок, Мария подвергалась меньшей опасности.

В те дти движение пассажирских составов по железной дороге уже прекратилось. Поэтому Василию с привязанными под одеждой пачками листовок приходилось забираться в проходящие воинские поезда то под вагоны, то на крыши и так ехать. Но все же к вечеру ему удалось добраться до Новороссийска.

Здесь Василий от товарищей узнал, что в городе идут повальные обыски и аресты. Нужно было, не медля, укрыть привезенный груз. Он помчался на Чеховку. Там имелось надежное «хранилище» — гнезда голубятни... Убедившись, что листовки спрятаны надежно, Романов отправился домой. Там он застал картину полного разгрома. Оказывается, в его отсутствие белогвардейцы нагрянули с обыском, все перерыли, но ничего не нашли. Однако в руки контрразведчиков случайно попала фотокарточка Марии.

Василий волновался: по фотокарточке могли легко опознать сестру. Как предупредить Марию? Ведь она должна была вслед за ним выехать из Екатеринодара. Решил немедленно

возвратиться туда и дать знать о случившемся. Но уехать оказалось нелегко — на фронт один за другим шли поезда особого назначения. Целый день бродил Василий по вокзалу и железнодорожным путям... Время близилось уже к вечеру, когда он увидел, что к бронепоезду прицепили четыре классных вагона и несколько товарных с казачьей охраной. По рельсам Василий подполз к заднему вагону и незаметно прицепился. Вскоре поезд тронулся. Двигался медленно, и вдруг после Тоннельной понесся с большой скоростью и недалеко от разъезда врезался в хвостовой вагон шедшего впереди состава с артиллерией. Машинист, видимо, не успел затормозить, когда поезд шел под уклон. Страшный удар — и Василий вылетел из своего укрытия. Но он оказался целым и невредимым: спасло то, что он находился под задним вагоном. Придя в себя, Василий увидел изуродованные и разбросанные по полотну железной дороги части орудий, услышал стоны раненых, разъяренные крики офицеров, метавшихся с нагайками вдоль состава и искавших виновников крушения.

В этой суматохе офицеры не обратили внимания на Василия, и ему удалось незаметно скрыться. Василий пешком дошел до Баканской, а здесь опять пристроился под вагоном товарного состава.

Лишь глубокой ночью, миновав многие опасности, Василий добрался до Екатеринодара. Окольными путями, по грязи, усталый, голодный с трудом дотащился до квартиры знакомых — Гвоздиковых. Тут ему и сообщили, что его сестру Марию арестовали на вокзале, когда она собиралась выехать в Новороссийск, но ей, обманув конвойного, удалось бежать и теперь она скрывается в квартире подпольщика Ф. М. Тюленева.

Гвоздиковы уложили Василия на ночь в сарае, так как в доме ночевали казаки. А утром он узнал, что сестра скрывается уже у Горловых. Здесь и произошла их встреча...

Каждому члену Новороссийского комитета, каждому активисту-подпольщику приходилось работать в невероятно тяжелых условиях. Вспоминается такой случай. Как-то вечером в балке Адамовича назначили заседание комитета с активистами. Собрались все, кроме Дакуса и Алексева, которые должны были сделать сообщение о выполнении важного задания. Подождав их некоторое время, решили заседание отложить на следующий день и осторожно, по одному, по двое, разошлись.

Направляясь домой, Бойко, председатель комитета, дошел почти до половины Нижне-Базарной улицы на Мефодиевке, когда впереди услышал выстрелы, топот солдатских сапог. Опасаясь ареста, он направился не к себе домой, а к работнице магазина

кооператива Доценко, которую хорошо знал и доверял ей. У нее в доме Бойко пришлось скрываться несколько дней, пережидая опасность. На другой день Доценко сообщила, что контрразведка произвела обыски у нашего связного Хими-чева, И. Безбожного по кличке «Бесценный», у самого Бойко и других. Арестовали беременную жену Бойко, подозревая ее в участии в подпольной работе.

Нужно было как можно скорей предупредить об арестах находившихся на свободе товарищей. Бойко попросил Доценко передать на завод «Судосталь» подпольщикам Бондарю и Образу, чтобы те немедленно уходили из города. Бондарю удалось скрыться, а Образ задержался на заводе и был схвачен контрразведкой.

Немного позже Бойко перебрался от Доценко на квартиру С. М. Карпенко, в дом № 11 по Гражданской улице. Ему пришлось скрываться на чердаке. Пищу приносила жена Карпенко Феона Викторовна, раз в сутки, чтобы не привлекать внимания соседей. Но однажды хозяйка и «гость» чуть не попали в беду.

Как-то Феона Викторовна позвала Бойко:

— Василий Иванович, иди-ка покушай горяченького борща, эти хамы ушли.

У нее на квартире находились на постое офицеры, а в этот день они ушли, сказав, что насовсем.

Бойко, быстро спустившись с чердака, сел за стол. Но внезапно хлопнула дверь в сенях. Он бросился в другую комнату. Слышит жена Карпенко говорит с кем-то:

— Что это вы, опять пить? Вы же еще не протрезвились.

— А нам только и остается, что пить. Может, через час придется в море бросаться,— ответил один из пришедших.

Василий Иванович догадался, что возвратились офицеры. Один из офицеров стал бахвалиться, как он издевался над попавшими в плен красноармейцами. Этот садист долго и изощренно издевался над пленными, но никто из них не запросил пощады. Тогда белогвардеец в бешенстве зарубил их.

«Страшно это было слышать,— вспоминал Бойко.— Так и хотелось высочить и из нагана застрелить его. Но я был один, а их несколько. Пока я раздумывал, в комнату вошел офицер».

— А что это за человек? Ведь у вас никого не было,— подозрительно оглядывая Бойко, спросил он Феону Викторовну.

— Да это мой брат, только из Крымской приехал, убежал от красных,— спокойно ответила она. (Бойко еще раньше договорился с Карпенко, что именно так она будет говорить о нем, если белогвардейцы как-нибудь обнаружат его в доме.)

В то время Крымская действительно была отбита советскими войсками у деникинцев.)

К счастью, спас случай. С улицы послышался какой-то шум, и офицеры выскочили из дома. Не теряя времени, Бойко покинул дом Карпенко и переулками направился на Наконечную улицу к брату хозяйки П. В. Вербицкому, работавшему столяром и активно помогавшему подпольщикам.

Мы с благодарностью вспоминаем многих простых людей, которые, рискуя жизнью, укрывали красных подпольщиков и партизан, когда им приходилось трудно...

За время, пока деникинцы были в Новороссийске, наша подпольная организация понесла большие потери. С чувством глубокой скорби мы узнали о гибели еще двух членов нашего комитета — Дакуса и Алексеева. Оказалось, контрразведчики схватили их, когда они шли на заседание подпольного комитета. Их долго пытали, а затем расстреляли.

Потому-то и не дождалась мы их тогда на заседание комитета. Дакус и Алексейев ведали в комитете военной работой, и на том заседании мы намеревались наметить план ряда новых боевых операций против белогвардейцев, готовившихся бежать за границу через Новороссийский порт. В руках этих членов комитета были сосредоточены также связи с партизанами, они знали пароли. Их гибель серьезно помешала нашим планам.

Деникинская контрразведка перед отступлением лютовала. Едва ли не каждый день проводились облавы на грузчиков, железнодорожников, рабочих цементных заводов, среди которых пытались найти «красных». Печатались объявления с обещанием крупных сумм денег за выдачу большевиков... Все дороги, ведущие в горы, были перекрыты белогвардейскими заставами и патрулями.

В те дни безудержного террора оставшиеся на воле подпольщики вынуждены были скрываться у верных друзей, в разных недосыгаемых для контрразведки местах. Но, к счастью, это продолжалось недолго. В марте 1920 года Новороссийск был освобожден частями Красной Армии и партизанами. Выйдя из подполья, мы включились в активную работу по восстановлению Советской власти в городе.

В заключение хочется сказать, что, конечно, подпольная работа в Новороссийске освещена в этих кратких воспоминаниях не полно. Нам остались неизвестными имена многих активных участников новороссийского подполья. Так, например, мы не знали, что в период деникинщины существовал еще один подпольный комитет, в который входили товарищи Нейман и Ронис, равно как нам неизвестна и их дальнейшая судьба.

В дни хозяйничанья белогвардейцев в Новороссийске городская тюрьма была переполнена. В ней содержались главным образом политические заключенные. С приближением Красной Армии белые усилили репрессии. Это вызывало тревогу за жизнь тех, кто томился в тюрьме.

Новороссийский подпольный комитет РКП(б) вместе с командованием нашей партизанской группы «Террор» принял решение освободить политических заключенных.

15 февраля 1920 года комитет получил из тюрьмы записку. В ней говорилось: «Дорогие товарищи! До нас донеслись слухи, что Новороссийск скоро падет и нас должны всех изрубить или расстрелять, но мы надеемся на вас, что вы не допустите этого и окажете нам помощь». 17 февраля было получено второе письмо. В нем сообщалось, что в тюрьме с помощью надзирателей М. Алдабаева, Ф. Гардта и С. Сидорчука, которых удалось склонить на сторону политических заключенных, изготовлены ключи от камер. В письме указывалось, что после полуночи сначала будут даны сигналы светом лампы, а затем открыты двери камер.

Из нашей группы «Террор» тайно через надзирателя Гардта передали в тюрьму записку о том, что краснозеленые будут в условленном месте ждать сигнала.

Партизаны под командованием Александра Стаценко почти до утра пробыли у тюремных стен, но сигнала не последовало. Пришлось ни с чем вернуться обратно.

19 февраля из тюрьмы получили еще одно письмо. Узники писали, что к одной камере не подошли ключи и побег отложили до ночи с 20 на 21 февраля.

И опять в условленное время партизаны подошли к тюрьме. Мне хорошо запомнилась эта ночь. Мое сердце учащенно билось. Была у меня для волнения и особая причина. Там, за тюремными стенами, измученный пытками белобандитов генерала Алексева находился мой отец Федор Акименко, доставленный из анапской тюрьмы.

Белогвардейцы усиленно охраняли тюрьму, превратив ее в настоящую крепость. Здание окружили двумя рядами колючей проволоки, кроме внутренней охраны выставили много

численную наружную. У входа в тюрьму — два ручных пулемета.

...Глухая ночь. По небу ползут темные тучи, гонимые колючим ветром. Медленно тянется время. Но вот, наконец, долгожданный сигнал! Час освобождения узников близок. Однако предстоит еще трудная задача — вывести из тюрьмы всех заключенных за колючую проволоку без шума, без единого выстрела, чтобы не поднять войска новороссийского гарнизона...

Заключенные действовали по намеченному плану. Илья Савченко, Никифор Бондаренко и другие политические, пользовавшиеся правом свободного хождения по тюремным помещениям, — их администрация привлекала к выполнению разных работ — ворвались в тюремную контору. Там на скамьях и столах спали помощник начальника тюрьмы и надзиратели. Проснувшись от шума, помощник начальника бросился к телефону. Но было поздно: сильные пальцы Савченко сдавили ему горло. Другие расправились с надзирателями. С добытым оружием узники проникли в караульное помещение. Сонные солдаты повскакивали с коек, но их тут же разоружили и увели в камеру, где посадили под замок.

Под угрозой расстрела на месте начальника караула заставили снять посты наружной охраны. В первую очередь были сняты офицеры и солдаты, находившиеся у пулеметов при входе в тюрьму. А затем Савченко и другие товарищи вместе с вошедшими на территорию тюрьмы краснозелеными, все так же угрожая начальнику караула, сняли остальную наружную охрану. К белогвардейским охранникам был приставлен надёжный караул партизан.

И вот распахнулись двери камер. Словно порыв вихря пронесся по тюремным коридорам. Заключенные двинулись к широко раскрытым воротам. Увидев партизан, бросились их обнимать. На глазах — слезы радости.

— Свобода, товарищи! Пришла наконец свобода!

Из тюрьмы партизанами были освобождены все политические заключенные, до пятисот человек. Свыше четырехсот ушли с нами в горы.

В качестве трофеев мы захватили два английских дисковых ручных пулемета, тюремную кассу, материал из портняжной мастерской.

Краснозеленые вместе с освобожденными из тюрьмы уходили в горы. Больных несли на одеялах.

Это была незабываемая, радостная ночь.

Авторы воспоминаний

М. Д. Ботоев

А. З. Дьяков

И. П. Червяков

Х. И. Грибенник

Авторы воспоминаний

А. Е. Васильев-Шмидт

Е. В. Романов

О. Ф. Ильина

Г. Я. Спирин

Авторы воспоминаний

П. Ф. Крылов

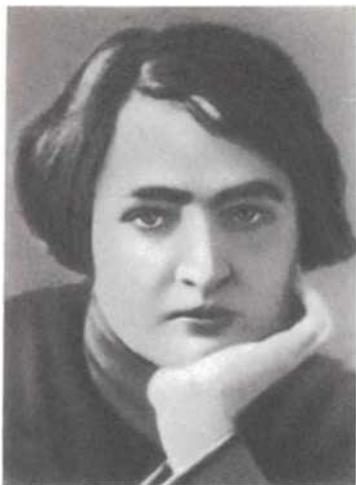
Р. М. Лучанская

Н. Л. Соболев

Х. С. Топоровская

Авторы воспоминаний

В. Н. Лапина

Б. В. Гумперт

Н. Л. Александрович

Р. Э. Ларина

...Дул влажный морской ветер. Небо низким пологом висело над грязной, неприглядной землей. Не на долгое время показывалась луна и снова пряталась в черных, низко висящих над землей облаках. Сырая, беззвездная зимняя ночь. Небольшой отряд из нашей партизанской группы «Террор» в конном и пешем строю скрытно продвигался к Новороссийску.

Среди десятка кавалеристов со мной рядом ехал одолеваемый дремотой партизан Петр Громов. Он оживился лишь тогда, когда стали явственно различаться огни стоящих в порту пароходов.

— Вот сейчас там катавасия! Буржуи с награбленным добром, как крысы с тонущего корабля, драпают в Турцию.

— Да, Петя! Черт их задери, жаль и очень жаль только одного,— со вздохом заметил я.

— Чего же тебе жаль?

— Жаль, что нет у нас ни одной пушки. Хорошо бы эту знать российскую окунуть в море.

Наша разведка накануне установила, где находится белогвардейская гауптвахта. Разведчик Николай Дыркач случайно разговорился с двумя белогвардейскими солдатами, назначенными за какую-то провинность работать у ворот. Угостив их табачком, он спросил:

— Что за помещение?

— Гауптвахта... Доводилось когда-нибудь сидеть под арестом?

— Ну как же, бывало...

— Что нового слышно? Мы вот с дружкой здесь восемь деньков.

Дыркач им в ответ:

— Плохи дела Деникина, белые бегут, бои идут под Екатеринодаром, не знаю, ребята, что дальше будет. Спрашиваешь, что будет,— отозвался один из солдат.

— Конец пришел кадетам! Вот что. Довоевались! Хоть бы скорее красные пришли, закончить войну, да и по домам...

— А ты что, не служишь? — спросил второй солдат.

— Я, братцы, уже отслужился: весь в дырках... А как же это вас понять, служите белым, а ждете красных?

— Как хочешь, так и понимай. У наших солдат одно настроение: бросить все и куда-нибудь податься.

— Ну что ж, если есть такое желание, можно вам помочь... Много вас?

— Человек тридцать с лишним.

— Эй, вы, чего бросили работу, давай за дело, а то начальство скоро придет! — крикнул со двора часовой.

— Ну, я пошел,— сказал Дыркач.

— Так ты, браток, нас не забудь.

...И вот группа партизан под покровом ночи вышла к окраине города. Кавалеристы остались здесь на случай, если понадобится прикрыть отход, а пешие, по четверо в ряд, с винтовками на плечах под командованием Николая Мищенко двинулись к гауптвахте. Вел их Дыркач.

Недалеко от гауптвахты отряд остановился. Дыркач и партизан Кудряшов отделились от группы и исчезли в темноте. Нужно было разведать обстановку. Вскоре Кудряшов вернулся и доложил обо всем, что узнал, командиру, второй разведчик остался у здания гауптвахты продолжать наблюдение.

Партизаны бесшумно сняли часового, внезапно ввалились в караульное помещение, обезоружили сонную стражу.

Находившиеся под арестом 35 солдат были рады прибывшим им на выручку и дружно заявили, что не хотят больше служить Деникину и желают уйти вместе с партизанами в горы.

Наша партизанская группа часто вступала в стычки с отрядами марковских, дроздовских и других белогвардейских дивизий на лесных дорогах, особенно на дороге Абрау-Дюрсо — Новороссийск. Краснозеленые встречали идущие из Абрау-Дюрсо подводы и отбирали награбленное. Тогда белогвардейцы стали направлять подводы в сопровождении охраны из пяти — десяти солдат. Мы нападали и на них.

Однажды белогвардейцы мобилизовали у населения большое число подвод, нагрузили их вином и под сильной охраной пытались доставить его в Новороссийск. Об этом разбое местные крестьяне сообщили нам.

На выгодном участке дороги партизаны устроили засаду. И когда подводы проходили мимо, внезапно напали на охранников, окружили, их. Около десятка белоказачков было уничтожено, остальные сдались в плен.

Белогвардейцев мы били не только на дорогах, но и в самом поселке Абрау-Дюрсо. Белые вынуждены были увеличить свой гарнизон.

...Стоял морозный день. У горных вершин шумел лес, раскачиваемый налетавшими временами мощными порывами ветра с моря. Группа краснозеленых под командованием бывшего рабочего из Абрау-Дюрсо Филиппа Алексеевича Панченко готовилась к дерзкому налету на белогвардейский гарнизон в поселке.

В группу входили три брата Филиппа Панченко — Петр, Павел и Владимир, Абрам Герасименко, Андрей Иващенко, Павел Спиридонов и другие партизаны.

Перед операцией Филипп Алексеевич собрал смельчаков, проверил, все ли готово к бою.

— Идем на опасное дело,— коротко сказал он. Нас всего десять человек, а беляков сто с лишним.

С минуту помолчал и добавил:

— Ну как, справимся?

Филипп Алексеевич вопросительно прищурил глаза. На его лице чуть заметно в уголках губ притаилась улыбка.

— Какое может быть сомнение? Справимся, раз взялись за дело! — ответил за всех Павел Спиридонов.

— А теперь, товарищи,— снова заговорил Филипп Алексеевич,— я вас и ознакомлю с окончательным планом. Мы переоденемся в белогвардейское обмундирование и в десять часов утра на подводах отправимся в Абрау-Дюрсо...

Дорогой Панченко предупредил:

— В случае встречи в пути с беляками, на все вопросы отвечаю я. Помните, мы из Ставропольского полка, едем за вином.

Ветер согнал с мутного неба пелену. Небо прояснилось, проглянуло бледное, негреющее солнце. Потянулись знакомые места. Вот в стороне в позолоте солнечных лучей сияет зажатое между гор сказочной красоты озеро. Въехали в поселок без приключений. Но вот беда: местные жители стали узнавать партизан. Они с недоумением поглядывают на них, на их одежду. А попавшаяся на глаза мать партизана Абрама Герасименко ударилась в слезы:

— Что вы делаете? Вас кучка, а деникинцев целая сотня.

Пока Панченко успокаивал женщину, к нему подошел один из рабочих с завода Абрау-Дюрсо и протянул записку. Филипп Алексеевич стал читать: «В казарме несколько человек, остальные на окраине поселка заготавливают дрова. Оружие в пирамидах...»

— Ну что ж, ребята, нам повезло,— сказал командир.— Приступим к делу.

Партизаны устремились к гарнизонной казарме. Филипп Алексеевич спросил дежурного, где начальник гарнизона.

— Его благородие, начальник гарнизона у себя дома, справляет именины,— доложил тот.

— Плохо службу несете!

Краснозеленые встали у пирамид с оружием, другие быстро согнали безоружных солдат, находившихся на улице. Белогвар-

дейские солдаты были так ошеломлены, что не оказали никакого сопротивления. Их построили в шеренгу, Панченко предупредил:

— Если будете вести себя спокойно, мы вас не тронем.

Оружие быстро погрузили на подводу. Смельчаки с богатыми трофеями вернулись в горы...

М. Г. Бобрук,
П. М. Пушнов,
И. Ф. Ткаченко,
Д. В. Лискевич

С оружием в руках

Как все начиналось

В Геленджикский подпольный комитет РКП(б) входили У. А. Бобрук, М. Г. Бобрук, И. М. Литвинов, И. М. Федюкевич и другие.

Прежде всего комитет развернул работу среди рабочих цементного завода, призывая их к партизанской борьбе с денкинцами. И передовые рабочие откликнулись на призыв, стали уходить в партизаны.

Первыми покинули свои семьи и взялись за оружие Е. Бедный, И. Казимирчук, И. Соколов, И. Ткаченко и Р. Шаблин. Они собрались в доме Казимира Яковлевича Дульчевского, который жил на хуторе вблизи гор. Рискуя своей жизнью, жизнью жены и пятерых детей, Дульчевский превратил свой дом в базу партизанской группы. Он сам и его старшие сыновья — восемнадцатилетний Антон и шестнадцатилетний Василий — стали активными партизанами. Два младших сына Иван и Казимир и дочь Аня выполняли роль связных-разведчиков. Они рассказывали партизанам, что происходит в городе и в селах. Хозяйка дома, когда наша группа находилась на хуторе, чинила и стирала белье, готовила для партизан пищу. Мы все любовно называли ее нашей «партизанской матерью».

Вскоре к нашей группе присоединились рабочие со станции Тоннельной: И. Бобрук, М. Насенников, З. Тарасевич. Их провел через горы доверенный Геленджикского подпольного комитета Павел Матвеевич Пушнов. Он предложил объединить партизан в одну группу. Все согласились и избрали Пушнова своим командиром. Вслед за рабочими из Тоннельной к нашей группе примкнули два моряка с линкора «Свободная Россия».

По предложению того же Пушнова партизаны ушли в горы, чтобы, обосновавшись там, начать активные действия против белогвардейцев. Комитет выдал группе 18 винтовок, хранившихся на усадьбе Федюкевича.

Так образовалась первая группа геленджикских партизан. Уже осенью 1918 года она провела несколько боевых операций. Группа совершила налет на дачу Бигарова, которую денкиинцы превратили в сборный пункт мобилизованных в свою армию жителей села Кабардинка. Партизаны обезоружили охрану, освободили около 60 мобилизованных. Многие из освобожденных ушли с нами в горы. Партизанская группа значительно увеличилась...

Комитету стало известно, что на Лысых горах находится много мужчин призывного возраста, уклоняющихся от мобилизации. Установить с ними связь отправились Пушнов и Соколов. Как потом мы узнали, это была уже неплохо организованная партизанская группа. И вот когда наши посланцы появились на Лысых горах, партизаны приняли их за белогвардейских агентов и решили расстрелять. Краснозеленым партизанам Пушнову и Соколову пришлось ночью бежать... из лагеря партизан.

А еще позже нам стало известно о существовании еще одной геленджикской группы партизан, состоявшей преимущественно из местных жителей.

Связь с обеими этими группами нам помог установить представитель новороссийского большевистского подполья М. И. Воронков. Лысогорскую группу партизан мы называли третьей, Геленджикскую — второй.

Друзья и враги

Изо дня в день ширилось партизанское движение в Причерноморье.

Для борьбы с партизанами денкиинцы создали в Геленджике контрразведку. Ее возглавлял белогвардейский офицер, сын местной помещицы, Б. Ю. Фирсов. Он формировал специальные карательные отряды и вербовал агентуру.

На наше счастье, в этой контрразведке работал писарем штабс-капитан Владимир Попов. Не желая воевать против красных и сочувствуя Советской власти, он скрыл свой воинский чин и был принят на службу в белогвардейскую контрразведку простым писарем. Попов вскоре установил связь с подпольщиком Иваном Демьяненко и через него информировал Геленджикский комитет обо всех делах контрразведки.

В начале 1919 года мы получили от Попова сообщение, что Фирсов предложил крестьянину Кислякову, проживавшему на Тонком Мысу, должность урядника. С согласия партизан Кисляков занял эту должность и в течение трех месяцев поддерживал с нашей группой связь, передавая важные сведения. Но оказалось, что Кисляков был двойником-provokатором. Как мы потом установили, он передал начальнику контрразведки список наиболее активных боевых товарищей. За их поимку были назначены крупные денежные суммы: за голову командира нашей группы Пушнова — 10 тысяч рублей, а за таких отважных партизан, как Бедный, Соколов и Ткаченко, — по 5 тысяч рублей, за рядового партизана — полторы-две тысячи рублей.

Партизаны приговорили предателя к смертной казни. Кем-то предупрежденный Кисляков узнал о нашем приговоре и перестал приходить на явку. Тогда организовали засаду у его дома. Предатель был захвачен группой во главе с Ткаченко. Кислякова привели в горы. Там он признался в своих преступлениях. Смертный приговор тут же привели в исполнение.

Вскоре Попов сообщил через Демьяненко, что на место Кислякова завербован другой местный житель — Н. Рагулин. Партизаны решили ликвидировать и этого предателя. Привести приговор в исполнение поручили Пушнову, Лавриненко и Букрею. На территории цементного завода Рагулин попал в руки партизан. Его подвели к глубокому оврагу, чтобы расстрелять, но предатель успел, опередив на мгновение выстрел, броситься с обрыва. Он упал на сучья дерева, росшего на дне оврага. Ему удалось уйти.

Осенью 1919 года в геленджикской контрразведке появился опытный и жестокий каратель Бородавка. Партизаны и ему вынесли смертный приговор. Но поймать его в то время не удалось. Лишь после гражданской войны он был разоблачен и понес заслуженную кару.

Много помог партизанам урядник одного из хуторов Солодов. В частности, рискуя собственной жизнью, он спас от неминуемой гибели одного из авторов настоящих воспоминаний, члена Гелекджикского подпольного комитета — Марию Георгиевну Бобрук. А случилось это так. Контрразведка установила, что Бобрук связана с партизанами, что она снабжает их хлебом из пекарни рабочего кооператива цементного завода, которой заведовала. Марию Георгиевну решили арестовать. Узнав об этом, Солодов успел буквально за несколько минут до прихода контрразведчиков предупредить Бобрук об опасности. Захватив двухлетнего ребенка, она покинула свой дом и

ушла к своему свекру У. А. Бобруку, тоже члену подпольного комитета. Комитет снабдил М. Г. Бобрук деньгами и с надежными людьми переправил в Новороссийск.

Но, конечно, не всегда нашим друзьям и помощникам удавалось предупреждать нас об опасности. Немало было случаев, когда партизаны и подпольщики попадали в белогвардейские засады. Расскажем лишь об одном из них.

Однажды ночью партизан И. З. Соколов пришел в свой дом, чтобы сменить белье. Едва он переступил порог, как на него набросились поджидавшие контрразведчики. Но Соколов не растерялся. Он выбил оконную раму и, выпрыгнув из окна, скрылся. Каратели выместили злобу на жене Соколова. Они до полусмерти избili ее шомполами.

Дерзкие налеты

В связи с быстрым ростом численного состава 1-й Геленджикской партизанской группы снабжение ее превратилось в острую проблему. Своих заранее подготовленных баз у партизан, разумеется, не было, нужно было снабжаться за счет белогвардейцев.

По указанию Геленджикского подпольного комитета при первой группе был создан небольшой отряд из нескольких отважных партизан. В него вошли Е. Бедный, И. Бобрук, Г. Макаревич, И. Ткаченко и другие. Отряд совершал дерзкие налеты на белогвардейские обозы, склады, небольшие гарнизоны. Выдающейся храбростью и находчивостью отличался партизан Макаревич. Он в течение года уничтожил до 30 белогвардейских офицеров. В результате налетов у партизан появились не только пистолеты и винтовки, но и пулеметы и даже пушки. Продовольствием и одеждой нас, кроме того, снабжали местные жители, с которыми мы поддерживали постоянную связь.

Геленджикские партизаны действовали совместно с новороссийскими партизанскими группами. Все группы, как геленджикские, так и новороссийские, подчинялись военно-революционному штабу Северо-Кавказского подпольного партийного комитета. У наших партизан бывали председатель комитета В. Ф. Черный, секретарь Н. А. Пшеничный, начальник штаба М. Маслиев и другие, помогая нам еще шире развертывать боевую работу.

Лето и осень 1919 года были для партизан Черноморья исключительно трудными. Армия Деникина продвигалась к Москве. Военные успехи белогвардейцев, разгул кровавого террора в деникинском тылу могли отрицательно сказаться на ка-

строениях не только населения, но и какой-то части партизан. Поэтому большевики Новороссийска и Геленджика вели усиленную массово-политическую работу среди партизан, местного населения и, рискуя жизнью, среди белогвардейских солдат. Работа велась под лозунгом нашей партии: «Все на борьбу с Деникиным!» Большевики поднимали боевой дух партизан, вселяли веру в конечную победу нашего правого дела, и во многом этой работой можно объяснить, что боевая деятельность партизан не только не ослабла, а, наоборот, резко усилилась. Об этом свидетельствуют многочисленные факты.

В середине 1919 года 3-я Лысогогорская партизанская группа, которой командовал В. Шендеров, вступила в бой с многочисленным карательным отрядом и разгромила его. На поле боя осталось 120 трупов вражеских солдат и офицеров. Партизаны же не потеряли ни одного человека. В это же время партизаны Кабардинки под командованием В. Лысакова совершили дерзкий налет на лагерь в районе станицы Неберджаевской, где деникинцы содержали заключенных, и освободили из него около 600 человек.

В начале августа командование 1-й партизанской группы получило от нашего агента, штабс-капитана Попова, сообщение о том, что некий барон фон Ренгентен решил внести свою лепту в разгром партизанского движения. Для достижения этой цели он испросил у начальника геленджикской контрразведки отряд из 300 хорошо вооруженных карателей.

Такой отряд Ренгентену дали, и барон повел его в Адырбеевку, чтобы разгромить главную базу партизан. Но новоявленный усмиритель не добрался до Адырбеевки, его отряд в пути попал в засаду краснозеленых и был разгромлен.

Вскоре после этого белогвардейцы сформировали новый карательный отряд численностью 270 человек, на этот раз только из казаков. Командовал отрядом известный населению каратель-садист Бойко. И этот «воитель» предпринимал многочисленные попытки захватить Адырбеевку, отмечая путь своего отряда пожарами, виселицами, массовыми расстрелами ни в чем не повинных людей. Каратели Бойко сожгли хутора Молдаванка и Папайка. Но им только раз удалось ворваться в Адырбеевку, когда партизан там не было. Каратели выместили злобу на местном мельнике: они разграбили его имущество, а самого расстреляли за помощь партизанам.

Поздней осенью 1919 года, когда Красная Армия перешла в контрнаступление и, нанося деникинской армии сокрушительные удары, гнала ее на юг, партизанское движение на Кубани и на Черноморском побережье представляло огромную,

хорошо организованную силу, способную решать большие и сложные боевые задачи.

В первых числах января 1920 года наше партизанское командование решило провести операцию по разгрому сильного белогвардейского гарнизона в Геленджике. Ее руководителем назначили одного из самых отважных наших бойцов — Георгия Гринченко. Атака партизан на город была столь стремительной, что яростное сопротивление белых, несмотря на их превосходство в силах, не помогло им. В бою в руки партизан попал полковник из деникинской контрразведки с личной охраной из 12 человек. Полковник был тут же расстрелян. В казачьих казармах из-под нар партизаны вытащили трясущегося от страха геленджикского попа, вооруженного пистолетом. Жители потом рассказывали, что этот служитель церкви в своих «проповедях» проклинал и предавал «анафеме» не только большевиков и партизан, но и их «плод во чреве матери». И поп получил соответствующее возмездие.

Поставленная цель была достигнута. Захватив большое количество оружия, боеприпасов, продовольствия и медикаментов, партизаны покинули город и ушли на свои базы в горы.

В ходе жаркого боя на улицах Геленджика партизаны потеряли многих своих боевых товарищей. Пал смертью героя и храбрый командир Георгий Гринченко. Мы очень переживали его гибель. Не только в этой, но и во всех других операциях, в которых участвовал Гринченко, он показал себя бесстрашным партизаном. Его именем названа одна из улиц в Геленджике.

После геленджикской операции партизаны 1-й группы совершили новые налеты на гарнизоны Кабардинки и станицы Шапсугской.

Срыв мобилизаций

За время диктатуры Деникина белогвардейцы провели четыре мобилизации в свою армию. И только во время первой, которая была объявлена в начале сентября 1918 года, деникинцам до некоторой степени удалось пополнить свою армию за счет местного населения. Это произошло потому, что тогда люди еще не успели в полной мере убедиться, что несет им деникинщина, большевистские же организации только начинали разворачивать разъяснительную работу, партизанское движение было в зачаточном состоянии.

Зато все последующие мобилизации белогвардейцы проводили только насильственно, при помощи облав. Большевики-

подпольщики и партизаны считали срыв мобилизаций в деникинскую армию одной из главных своих задач.

Путей, которые вели к достижению этой цели, было много. Вот, например, как была сорвана последняя мобилизация, которая проводилась в конце декабря 1919 года.

При помощи облав белые собрали в Геленджике и окрестных селениях около 400 человек. В тот день, когда колонну мобилизованных в сопровождении сильного конвоя гнали из Геленджика в Новороссийск, в селе Марьина Роща случайно оказалась небольшая группа партизан. Их было всего 11. Партизаны пришли в Марьину Рощу за хлебом, но от местных жителей узнали, что скоро через село должна проследовать колонна мобилизованных. Старший группы партизан И. Ф. Ткаченко принял решение: послать одного бойца с донесением командиру группы, а с остальными попытаться освободить мобилизованных.

Чтобы создать впечатление многочисленной группы в момент нападения на конвой, партизаны договорились с местными жителями, что те из них, у кого есть охотничьи ружья, тоже открывают огонь по конвоирам в хвосте колонны.

Сами партизаны заняли выгодную позицию на крутом повороте дороги, тщательно замаскировались и стали ожидать появления колонны.

Вскоре показалась колонна, и, когда голова ее вплотную приблизилась к позиции партизан, а хвост только что миновал село, грянули выстрелы в начале и конце ее. Мобилизованные, воспользовавшись замешательством конвоиров, стали разбегаться в разные стороны...

Однако белые скоро поняли, что дело имеют с горсткой храбрецов. Они открыли огонь по партизанам. Завязался жаркий бой. В этом неравном бою партизаны потеряли своего товарища М. А. Казимирчука.

Командование Краснозеленой армии поставило перед 1-й партизанской группой важную и сложную задачу — разрушить линию телефонно-телеграфной связи между Кабардинкой и Геленджиком.

Прежде чем приступить к ее выполнению, командование группы решило провести ночной налет на белогвардейский гарнизон в селении Тонкий Мыс. Главной целью этой операции был захват оружия, боеприпасов и продовольствия. Необходимо было вооружить освобожденных бывших мобилизованных, так как они пришли к партизанам без оружия.

Эта одна из самых дерзких и удачных операций была блестяще проведена под командованием В. Г. Лысакова, отличавшегося

большой личной храбростью и хорошим знанием военного дела. Белогвардейцы были застигнуты врасплох и разгромлены. Партизаны захватили богатые трофеи и без потерь возвратились на базу.

Освобождение Геленджика

Начало 1920 года было ознаменовано блестящими победами Красной Армии на фронте и партизан Кубани и Черноморья в тылу.

Мы все гордились и радовались боевым успехам наших соседей— партизан Тамани и Сочинского округа. Партизаны Тамани своими силами до прихода частей Красной Армии освободили Темрюк, значительную часть полуострова, а сочинцы заняли Адлер, Хосту, Лоо, Дагомыс, Головинку и Сочи.

Наша краснозеленая армия также готовилась к решительным боям. Ее командование разработало план операции по освобождению Геленджика. Всем партизанским группам было приказано сосредоточиться в Широкой Щели. Сюда же прибыл «железный батальон» во главе с командующим армией П. Моренцом. Здесь партизанская армия была реорганизована: группы стали называться батальонами. За ними сохранялась прежняя нумерация групп. Например, наша группа стала 1-м батальоном, командиром его остался П. М. Пушнов, а комиссаром — Пашет.

По плану операции наш 1-й батальон с приданной ему горной пушкой должен был прибыть из Широкой Щели в район Марьиной Рощи и оттуда по сигналу начать наступление на Геленджик. Другие подразделения краснозеленой армии должны были атаковать Геленджик с юго-востока. Командовал операцией П. Моренец. Сигналом к началу общего штурма должен был послужить выстрел из пушки на юго-восточной окраине Геленджика.

Переход нашего батальона по бездорожью через горный хребет был сопряжен с огромными трудностями. Пушку партизанам пришлось поднимать и спускать по крутому склону с перевала на руках. Но вот трудности перехода позади. Батальон своевременно занял исходные позиции и ждал сигнала начала штурма.

Однако в назначенное время сигнала не последовало. Как оказалось, главные силы армии подошли к своим исходным позициям с опозданием на 40 минут. 1-й батальон без сигнала, но в точно условленное время перешел в наступление. Он натолкнулся

на ожесточенное сопротивление белогвардейского гарнизона. Партизаны не сдержали напора превосходящих сил врага и вынуждены были отступить на территорию цементного завода. А в это время был дан сигнал к началу общего штурма.

Получилось хотя не совсем по плану, но в общем удачно. Главные силы партизанской армии нанесли неожиданный сильный удар по тылу врага и ворвались в город.

Белогвардейцы, поддерживаемые огнем двух эминцев, находившихся в бухте, упорно отбивались. Однако сдержать героический натиск партизан они не смогли и в панике покинули Геленджик. Деникинцы отступили к Новороссийску.

Батальон преследовал белогвардейцев до самой Кабардинки. А там врага встретили кабардинские партизаны во главе с В. Г. Лысаковым, которые успели подорвать все мосты на шоссе на дороге. Деникинские вояки под угрозой полного уничтожения вынуждены были бросить броневики, пушки и обозы. В руки партизан попали богатейшие трофеи, в том числе два исправных броневика «Генерал Корнилов» и «Генерал Юденич».

15 марта 1920 года над Геленджиком снова взвилось Красное знамя свободы.

Освобождение Геленджика не означало окончания боевых действий партизан. Под сокрушительными ударами Красной Армии остатки разгромленных деникинцев отходили к побережью Черного моря. Одна часть белогвардейских войск устремилась к Новороссийску, чтобы погрузиться на корабли и уйти за границу, другая — по Сухумскому шоссе в меньшевистскую Грузию. Командование Красной Армии поставило перед партизанами задачу — преградить белогвардейцам путь к бегству.

Наш 1-й батальон занял выгодную позицию на склонах гор между Кабардинкой и Новороссийском, а на 20-м километре Новороссийского шоссе выставил сильный заслон.

Белогвардейцы предприняли отчаянные попытки прорваться в Грузию. Но добиться этого им не удалось. Тысячи солдат и офицеров деникинской армии вынуждены были сложить оружие и сдаться в плен. Так бесславно закончила свой кровавый поход деникинская армия — оплот контрреволюции.

После освобождения Новороссийска 27 марта 1920 года многие партизаны влились в ряды Красной Армии. В Кабардинке был оставлен военный гарнизон. Его начальником назначили одного из зачинателей партизанского движения на Черноморском побережье, опытного командира — В. Г. Лысакова.

Когда оставались считанные дни до окончательного разгрома Деникина, в горы к партизанам пришла печальная весть о гибели Владимира Попова, так много сделавшего для подпольщиков и партизан. Руководство геленджикской контрразведки, где служил Попов, разъяренное многочисленными провалами, догадалось, что кто-то из их сотрудников связан с партизанами. Подозрение пало на Попова.

О гибели Владимира Попова существуют две версии. Согласно одной, он покончил с собой, убив перед этим двух офицеров, пришедших арестовать его. По другой версии — Попова застрелил офицер контрразведки Яков Фукс. Никто из партизан нашей группы, кроме ранее погибшего Ивана Демьяненко, не знал лично бывшего штабс-капитана Попова, хотя тот и являлся жителем Геленджика. Но все мы были твердо уверены, что нам помогает убежденный и испытанный революционер, и умереть он мог только смертью героя.

Улицы и площади Геленджика обильно политы кровью борцов за Советскую власть. Павшие в боях похоронены на Лермонтовском бульваре в братской могиле, над которой воздвигнут памятник. На этом памятнике начертаны и имена Г. Грин-ченко, Г. Рузавина, М. Казимирчука.

Долгий, трудный и героический путь борьбы за светлое будущее прошли большевики-подпольщики и партизаны Кубани и Черноморья. Им пришлось пережить много лишений и испытаний, радостей и огорчений. Но они непоколебимо верили в бессмертные идеи Ленина, боролись за их торжество и победили.

М. М. Репетун ¹

Партизанскими тронами

Действия отряда «Гром и молния»

Этот отряд был организован в ноябре 1918 года красногвардейцами В. Е. Пресняковым, А. Г. Климовым и Ф. Н. Зеленским, оказавшимися на территории, занятой белыми. Отряд базировался на хуторе Карасу-Базар Абинского района,

¹ М. М. Репетун являлся уполномоченным Северо-Кавказского подпольного комитета в отряде «Гром и молния». — *Сост.*

ныне Краснодарского края. Командиром отряда стал Пресняков, а заместителем и начальником разведки — Климов.

В Абинском районе партизаны создали хорошую осведомительную сеть, явочные квартиры, квартиры-убежища и подпольную партийную организацию, которую возглавил Д. Я. Ермоленко. Смело, с постоянным риском для жизни успешно работали подпольщики-разведчики Г. Гнилецкий, К. Юхнова, С. Рубайлова, М. Березовская, Г. Кириченко, К. Н. Ермоленко и другие.

Связной и хозяйкой явочной квартиры была М. Я. Ермоленко. Она имела постоянную связь с Северо-Кавказским подпольным комитетом и успешно выполняла боевые задания.

Деятельность партизанского отряда «Гром и молния» яркой страницей вошла в историю борьбы с белогвардейцами на Северном Кавказе.

Вот лишь некоторые ее эпизоды.

Группа палачей — начальник гарнизона станции Абинской И. Сапун, его подручные И. Куличковский и И. Гладкий — терроризировали население района, занимались грабежами, насилиями, арестовали и подвергли пыткам многих членов семей красноармейцев, некоторых казнили.

В ответ на бесчинства и террор А. Г. Климов по решению партизан отряда в марте 1919 года уничтожил главного палача — начальника гарнизона И. Сапуна.

Летом 1919 года, когда Добровольческая армия начала поход на Москву, Северо-Кавказский краевой подпольный комитет, делом откликаясь на призыв партии «Все на борьбу с Деникиным!», поднял всю нашу партизанскую армию на борьбу с белогвардейцами. Активно в нее включился и отряд «Гром и молния». В июле группа партизан, в которую входили В. Пресняков и Т. Братков, долго охотилась за новым начальником гарнизона Пеньтием и атаманом станицы Абинской Компанкцем, которые жестоко расправлялись с каждым, заподозренным в сочувствии Советской власти. Наконец им удалось поймать и уничтожить этих врагов трудового народа.

Активные действия партизан не могли не встревожить белых. Для охраны железнодорожной линии Новороссийск — Екатеринодар деникинское командование выделило шесть бронепоездов, которые непрерывно курсировали по железной дороге. Белые значительно увеличили численность гарнизонов в населенных пунктах, усилили охрану мостов. Но очень скоро Деникин убедился, что всего этого недостаточно. Тогда пришлось снять с фронта группу войск численностью до 7 тысяч штыков

под командованием генерала Добровольского, которому было приказано ликвидировать партизан. Добровольский направил против партизан несколько карательных отрядов, но часть их партизаны разгромили, а часть уничтожили.

В сентябре 1919 года объединенными силами отрядов «Гром и молния», 1-го и 2-го геленджикских под командованием Преснякова был успешно совершен налет на станцию Абинская. Партизаны обезоружили охрану вокзала, захватили большое количество оружия, боеприпасов, гужевого транспорта атамана станицы, а на мельнице и маслозаводе — много продуктов питания.

В декабре разведчики отряда «Гром и молния» под командованием А. Г. Климова под станицей Баканская пустили под откос один из шести белогвардейских бронепоездов — «Офицер № 1». Чуть позже такая же участь постигла еще один бронепоезд — «На Москву».

Так действовал партизанский отряд «Гром и молния» на протяжении всего 1919 года. Специально остановлюсь еще на двух примечательных операциях этого отряда.

Встреча заморских гостей

Наши разведчики действовали в портах Азовского и Черного морей, на станциях железной дороги, во многих подразделениях белой армии. Даже в главном штабе, в оперативном отделе находился наш разведчик Валентин Борисов, служивший писарем.

В один из декабрьских дней 1919 года Борисов сообщил Северо-Кавказскому подпольному комитету, что 21—22 числа ожидается прибытие в Новороссийск английской миссии для переговоров с Деникиным. Почти одновременно подпольщики из екатеринодарской железнодорожной партийной ячейки донесли, что срочно приводится в порядок и готовится к отправлению в путь лучший пассажирский состав с салон-вагонами для какой-то иностранной делегации. Состав должен вести паровоз № 262.

Северо-Кавказский подпольный комитет срочно вызвал в Екатеринодар руководителя партийной ячейки партизанского отряда «Гром и молния» Д. Я. Ермоленко. Ему было приказано не медленно вернуться в свой отряд, выбрать участок железной дороги, соответствующим образом подготовиться и по-своему, по-партизански, встретить заморских гостей Деникина. Операция

была намечена на 24 декабря. Железнодорожники помогли Ермоленко выехать из Екатеринодара с первым отходящим поездом.

Возвратившись в отряд, Ермоленко информировал командование о предстоящей операции. Командир отряда Пресняков и начальник разведки Климов спешно подобрали сильную, хорошо вооруженную ударную группу. Поскольку железная дорога от Новороссийска до Екатеринодара охранялась бронепоездами, партизаны учли в своем плане и это обстоятельство.

Пришло время начинать операцию. Погода стояла холодная, местами лежал глубокий снег. Партизаны по бездорожью преодолели тяжелый путь. Вышли на железнодорожную линию между станциями Абинская и Крымская и здесь устроили засаду.

...Короткие и быстрые повороты гаечных ключей, удары ломиков — и вот два рельса освобождены от планок и костылей. Разгоряченные тяжелым переходом партизаны теперь мерзли, лежа в засаде, и напряженно вслушивались в каждый звук в ожидании поезда.

Наконец показался долгожданный состав. Машинист, ничего не подозревая, прибавил пару. Все сильнее, все ближе стук колес. Командир отряда подает команду: «Приготовиться к бою!»

Вот и роковое место. Раздался лязг буферов, затем сильный грохот и треск шпал и вагонов. Поезд пошел под откос. Белогвардейцы, кто мог, стали выскакивать из вагонов. Но здесь их встречали партизаны. Они открыли ружейно-пулеметный огонь, а кое-где пустили в ход гранаты.

Белогвардейцы не сразу пришли в себя и только спустя некоторое время стали отстреливаться. В этот момент со стороны станции Крымской послышался шум быстро приближавшегося бронепоезда, который с ходу открыл по партизанам пулеметноорудийный огонь. Пресняков приказал отходить.

Партизаны отступили без потерь. Вскоре прибыл вспомогательный поезд, на который погрузили убитых и раненых, а также оставшихся в живых деникинцев с пущенного под откос состава. Под прикрытием бронепоезда их доставили обратно в Екатеринодар. Вокзал был оцеплен солдатами, гражданских и даже железнодорожников быстро удалили с вокзала, к месту, куда подошел поезд, никого не пустили.

...Подпольщикам железнодорожной партийной ячейки не удалось точно установить потери деникинцев. Но было ясно, что они велики. Позднее разведчик В. С. Борисов из белогвардейского штаба сообщил, что убит полковник, начальник конвоя, а

представители английской военной миссии появились в штабе Деникина с забинтованными головами, руками, а некоторые и на костылях.

Как был захвачен полковник Сухин

По предательскому доносу провокатора Абросимова-Гвоздева в мае 1919 года белогвардейская контрразведка арестовала ряд подпольщиков в Ростове и Екатерино-дарё.

Военно-революционный штаб краевого партийного комитета разработал несколько вариантов плана освобождения политзаключенных из тюрем и арестованных. По плану в числе различных других действий намечался регулярный захват в плен атаманов станиц, начальников гарнизонов и командиров воинских частей. Это позволило бы начать с белогвардейцами переговоры об обмене пленных на арестованных наших товарищей.

На совещании в отряде «Гром и молния» было решено захватить начальника гарнизона станицы Крымской и железнодорожного узла матерого белобандита полковника Сухина. Для выполнения этой операции командир отряда Пресняков назначил группу захвата из четырех человек.

В первых числах января 1920 года группа в составе начальника разведки Климова и партизан А. Шулякина, П. Перервы и С. Терлицкого вышла на выполнение операции. По пути следования в Крымскую к ним присоединились скрывавшиеся от репрессий белых Н. Федоренко, Н. Геращенко и Н. Хоменко. Таким образом, состав группы захвата увеличился до семи человек.

Придя в Крымскую, партизаны задержали вестового из штаба белых и тут же допросили его. Тот охотно и подробно рассказал о том, где размещены в станице солдаты гарнизона. Неподалеку находился штаб 4-го Мариупольского гусарского полка имени ее величества императрицы Елизаветы Петровны. К нему и направились партизаны. В штабе горел свет: там еще были люди. Вестовой рассказал, где находится кабинет командира полка.

Партизаны быстро сняли пост, перерезали телефонные провода, выставили свой караул, а затем вошли в помещение. В первой комнате находились трое. Когда партизаны вошли, писари на них не обратили внимания: бойцы были одеты в бе-

логвардейскую форму. Писарей арестовали и передали под охрану наших постовых.

Дальше партизаны направились в кабинет полковника. Когда они без разрешения вошли, Сухин начальственным тоном громко спросил:

— В чем дело, что вам нужно? Кто такие? — и стал открывать ящик письменного стола, где лежал револьвер.

Климов скомандовал:

— Руки вверх!

Полковник быстро схватил телефонную трубку, но партизаны его «успокоили»:

— Телефон не работает. Провода обрезаны. Сопротивление бесполезно.

Полковник понял, что сопротивление действительно было бесполезным, и спросил:

— Что вам от меня надо?

Климов ответил:

— Следуйте за нами в партизанский лагерь. Если попытаетесь бежать, будем стрелять без предупреждения.

Партизаны обыскали письменные столы и шкафы, забрали документы и карты штаба. Изъяли также пять револьверов, четыре винтовки и несколько комплектов нового офицерского обмундирования. Часть трофеев заставили нести арестованного полковника.

Когда партизаны удалились от Крымской на приличное расстояние, пленных солдат отпустили. Вестовой добровольно остался с группой.

Поздно ночью в гарнизоне станицы Крымской поднялась тревога. Генералу Чеснокову доложили, что вечером на штаб 4-го гусарского полка совершено нападение партизан, захвачен в плен полковник Сухин и несколько солдат, взяты штабные документы, оперативные карты...

Генерал Чесноков сам возглавил усиленный эскадрон, направившийся в погоню за партизанами. Доехав до хутора Шептальского и убедившись в бесполезности дальнейшего преследования, генерал вынужден был ни с чем вернуться обратно в Крымскую.

Быстрая ходьба, да еще с трофейным грузом на плечах, сильно утомила партизан. Климов объявил привал. До партизанской базы было уже не так далеко. Но вдруг с той стороны, где находилась база, послышались раскаты крупного боя. Бесперывно строчили пулеметы, гремели взрывы гранат, раздавалась частая винтовочная стрельба, а горное эхо значительно усиливало доносившиеся звуки.

— Товарищи, на нашей базе идет бой,— заволновался Климов.— Скорее, поспешим к своим!

Быстрым шагом двинулись вперед. Пока добирались до лагеря, звуки боя затихли. Уже совсем приблизившись к месту лагеря, повстречали шедших навстречу партизан.

Товарищи рассказали, что из станицы Абинской ночью подошел большой карательный отряд. Обнаружив белогвардейцев, партизаны атаковали их. Каратели не ожидали нападения и стали отступать, а затем в панике бежали.

Карателям пытался помочь артиллерийским огнем бронепоезд «Иван Калита», курсировавший по проходившей недалеко железнодорожной линии. Но поскольку бой шел сразу в нескольких местах, то команда бронепоезда не могла определить цели и наугад вела огонь вдоль русла рек Кутафо и Шибик, не нанося урона партизанам.

Командование отряда «Гром и молния» сообщило в военнореволюционный штаб о захвате полковника Сухина, считая возможным обменять его на подпольщиков, томившихся в тюрьме. Но из штаба сообщили, что обмен не состоится: полковник П. Сухин — закоренелый враг Советской власти, лично каздивший многих красноармейцев, в том числе и нескольких партизан отряда «Гром и молния». В отряде состоялся партизанский суд. По приговору революционного суда полковник был расстрелян.

Разложение белой армии

Январь и февраль 1920 года ознаменовались крупными диверсионными операциями партизан отряда «Гром и молния».

Разведчики В. Белый, Т. Братков и С. Андреев взорвали железнодорожный мост на реке Бугундий, в шести километрах от Абинской.

На хуторе Нижняя Ставрополька был разгромлен крупный отряд белогвардейцев, захвачены большой обоз и касса. В этом бою отличились пулеметчики М. А. Ищенко, С. К. Чернега, Б. Губков, И. А. Безуглый, С. Ф. Глущенко, разведчик В. Г. Белый и другие.

Таких примеров можно было бы привести множество.

Стремительное продвижение Красной Армии, боевые действия партизан, а также разногласия между Деникиным и Кубанской казачьей радой расшатывали белогвардейский тыл. Деникинская армия все больше и больше разлагалась. С каждым днем росло дезертирство среди рядового и даже офицерского состава деникинцев. К партизанам стали мелкими группами, а то и

целыми отрядами перебегать солдаты белой армии с полным вооружением. Так, подпольщик Г. Гнилецкий из станицы Крымской привел 50 пехотинцев с оружием. Потом в отряд прибыло два эскадрона астраханских казаков во главе с офицером Корягиным, а через день еще один эскадрон при полном вооружении. Немало этому способствовала кропотливая разъяснительная работа подпольщиков.

В начале марта отряд «Гром и молния» занял станицу Шапсугскую, разоружил гарнизон и захватил большие трофеи. В эту станицу отряд перенес свою базу и отсюда повел наступление на Абинскую. В Абинской было захвачено более 300 подвод, 2 полевых орудия, более 2 тысяч лошадей, врачебный и ветеринарный пункты, взято в плен свыше 70 офицеров, один генерал и 60 человек из команды кавалерийского оркестра. И нужно сказать, что вражеские солдаты, да и офицеры особого сопротивления не оказали.

Деникин и донской атаман Сидорин, бежавший на Кубань после взятия в январе Красной Армией Ростова, эвакуировались из Екатеринодара в Новороссийск под защиту военно-морского флота своих зарубежных хозяев.

Немалый интерес представляет такой эпизод. Когда в марте был освобожден партизанами Геленджик, туда прибыл для переговоров английский генерал. Он предложил партизанам прекратить борьбу, создать «Черноморскую республику», в состав которой не вошел бы Новороссийск, так как он является... английской бухтой. Этого нахала партизаны выдворили. Тогда английское командование потребовало от Деникина изгнать партизан из Геленджика.

Выполняя указание своих хозяев, Деникин повел наступление на этот приморский городок. Но партизаны отбросили его войска на 20 километров, до селения Кабардинка. В это время Красная Армия уже вступила в пределы Кубанской области. Вскоре Деникин, видя всю безвыходность положения остатков своей армии, бросил войска на произвол судьбы и на военном корабле бежал в Крым, а оттуда за границу.

Однако в ряде мест белогвардейцы все еще оказывали сопротивление. И снова отряд «Гром и молния» продолжал боевые дела. На станции Абинской был разоружен третий из шести белогвардейских бронепоездов — «Орел». 22 марта партизаны повели наступление на крупный вражеский отряд в районе станицы Неберджаевской. После десятичасового тяжелого боя Неберджаевская была занята партизанами. В этот же день отряд «Гром и молния» соединился с подошедшими советскими войсками 9-й армии и влился в ее 21-ю дивизию.

Так закончил свой боевой путь партизанский отряд «Гром и молния», внесший достойную лепту в освобождение Черноморья от белых банд.

С. В. Расторгуев

На воле и в тюрьме

Организация сил

В черные дни белогвардейского террора рабочие и иногородние крестьяне, революционно настроенные казаки и горцы Майкопа и Майкопского отдела не склонили свои головы перед Деникиным. Вскоре после отступления Красной Армии стали возникать подпольные группы, состоявшие из большевиков и беспартийных трудящихся, а в горах, лесах и плавнях создавались небольшие отряды краснозеленых, преимущественно из красноармейцев, не успевших уйти вместе с советскими частями, насильно мобилизованных станичников, дезертировавших из деникинской армии.

Разобщенность этих групп и отрядов, отсутствие между ними тесной связи и единого руководства, борьба на свой риск и страх нередко приводили к их разгрому и гибели товарищей.

Находившиеся в Майкопе коммунисты И. Гарбузов, П. Крищенко, М. Першин, С. Расторгуев, Я. Сальман, Н. Чекан и М. Чередниченко, тайно собравшись в середине марта 1919 года, обсудили создавшееся положение и наметили пути организации подполья. Они выявили других коммунистов и провели два собрания. На последнем собрании избрали партийную организационную тройку в составе И. Гарбузова, П. Крищенко и меня.

Учитывая, что в существовавших революционных группах преобладали беспартийные, оргтройка решила объединить их под руководством специального комитета, названным нами Комитетом спасения социальной революции на Северном Кавказе. Этот комитет подчинялся партийной оргтройке.

, Комитет выявлял уже действовавшие, но не связанные между собой революционные группы и возглавил их, связывался со многими отрядами краснозеленых и просто скрывавшимися в горах и лесах бывшими бойцами майкопских революцион

ных полков, советскими работниками и сочувствовавшими Советской власти и приступил к их объединению.

В апреле комитет обратился к населению с воззванием. В нем говорилось: «Мы, большевики, вернулись в Майкоп и начали работу по организации революционных сил для борьбы с белогвардейщиной... Рабочие, крестьяне и революционные казаки больше не хотят безропотно терпеть непрерывное издевательство над собою со стороны оголтелой белогвардейщины. Революционные силы растут. Настало время взяться за дело. Большевики создали комитет спасения социальной революции на Северном Кавказе и приступили к организации отрядов краснозеленых.

Цель комитета — объединить все революционные силы и организованно повести борьбу с белыми. Всемерно разрушать тыл белогвардейщины и разлагать ее армию. Всеми средствами ослаблять силы Деникина и Покровского, помогая тем самым Красной Армии скорее разгромить их и ускорить восстановление Советской власти на Северном Кавказе».

Воззвание заканчивалось призывом к населению:

«Помогайте комитету и краснозеленым! Несите им сохранившееся у вас оружие! Идите сами в отряды краснозеленых!.. Крепите революционные силы и ускоряйте освобождение Кубани от белогвардейщины! Активно выполняйте наши призывы!»

Так трудящиеся узнали о существовании комитета. Заговорили о борьбе, об отрядах краснозеленых. Многие городские жители всяческими путями стали передавать в отряды винтовки и патроны, подобранные ими после боев, разыгравшихся на Северном Кавказе осенью 1918 года.

В выявлении спрятанного оружия и отправке его краснозеленым принимали активное участие Тихон Кузнецов, Иван По-рохно, Свиридов, И. Душкин и другие.

Тихон Кузнецов в то время работал старшим артели у подрядчика, занимавшегося заготовкой клепки для бочек. Под видом рабочих, направляющихся на заготовку клепки, Кузнецов, используя полученные у белогвардейцев специальные пропуска, переправлял в отряды краснозеленых скрывавшихся товарищей, обеспечивал их продовольствием. С его же помощью мы доставили партизанам в разобранном виде пулемет, винтовки, берданки, охотничьи ружья, шашки, кинжалы — в общем, все, что могло пригодиться в боевых делах.

Через некоторое время Комрггет спасения социальной революции выпустил специальное обращение к станичникам. Разъяснив антинародную политику Деникина, нарисовав

путь Добровольческой армии, сопровождавшийся виселицами, расстрелами, порками и грабежами, комитет призвал трудовых казаков и иногородних к совместной борьбе против режима произвола и насилия. «Идите в леса и горы, множьте ряды краснозеленых! — говорилось в этом обращении.— Разрушайте тылы белых и укрепляйте революционный фронт!.. Долой деникинщину! Да здравствует Советская власть!»

Подготовка и распространение обращения были приурочены к базарному дню в Майкопе. На базаре наши активисты клали листовки в повозки приехавших из станиц казаков и иногородних.

Обращение, как и первое воззвание к горожанам, имело большое значение. Многие казаки стали активней поддерживать партизан, снабжать их продуктами и сохранившимся у них оружием, а также вступать в ряды краснозеленых.

Неоценимую услугу оказал нам прибывший в Майкоп по заданию Кавказского крайкома партии товарищ Сиуда. Он информировал актив майкопского подполья об июльском письме ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!» и разъяснил задачи борьбы с белогвардейщиной. Для нас это письмо стало основной и решающей директивой партии.

Вскоре на всем Северном Кавказе, в том числе на Кубани и в Черноморье, партизанское движение приобрело такой размах, что Деникину пришлось помимо отдельных частей выделить целый корпус для борьбы с партизанами, чтобы как-то нейтрализовать их. Но это ему так и не удалось.

С конца 1919 года стали возникать и широко развертывать боевую работу партизанские отряды на территории нынешней Адыгейской автономной области. Отряд в Преображенском районе совершал успешные налеты на подразделения белых. В Тахтамукайском районе действовал крупный отряд под руководством местной большевистской организации.

Аресты.

Работа в тюрьме и на воле

Не успели мы, члены оргтройки, как следует развернуть подпольную работу и укрепить организацию, как в мае 1919 года один за другим были арестованы белогвардейским особым отделом. Сначала арестовали И. Гарбузова и П. Крищенко, а немного позже и меня.

Отсидев дней пятнадцать в подвале здания, где помещался особый отдел, после предварительных допросов я был заключен в одиночку майкопской тюрьмы, а через месяц переведен

в общую камеру, в которой находилось примерно 50 человек вместо 12—15, на которых она была рассчитана.

Здесь я встретил знакомых коммунистов и беспартийных красногвардейцев. Первые несколько дней присматривался к соседям по камере, а они ко мне.

На одной из тюремных прогулок встретил И. Гарбузова и П. Крищенко. Они рассказали мне о положении в тюрьме, о настроениях политзаключенных, тюремном режиме, тюремщиках и об отношении их к политическим заключенным.

Выяснилось, что коммунистов среди заключенных мало. Большинство — это беспартийные работники городских, сельских и станичных Советов, красногвардейцы и красноармейцы, просто сочувствующие Советской власти. Работа среди политзаключенных не налажена, связь с волей отсутствует.

После более тщательного знакомства с политзаключенными мы, члены партийной оргтройки, окружили себя известными нам коммунистами и верными Советской власти беспартийными.

В тюрьме это время находилось более 150 политических заключенных. Среди них мы стали проводить политическую работу. Помимо бесед во время прогулок и в камерах, выпускали рукописную тюремную газету «Сусанинский листок». Такое наименование газета получила по названию улицы, к которой примыкала тюрьма. Ее редакторами были В. Ефимов и я. Ефимова к этому времени мы ввели в состав оргтройки. В газете рассказывалось о жизни во всех камерах, о положении на фронтах, в Майкопе, станицах и на всей Кубани. Сведения мы брали из белогвардейских газет, которые доходили до нас разными путями, и в нужном нам плане комментировали, а также из бесед заключенных с родственниками во время свиданий. Газета выпускалась в одном экземпляре. Во время прогулок ее передавали из камеры в камеру через проверенных товарищей. Потом газета возвращалась к одному из редакторов, который и уничтожал ее.

В поисках путей связи с волей мы обратили внимание на одного надзирателя, который по-человечески относился к политзаключенным. Уговорили его передавать письма на волю. Сначала письма посылались родственникам и были безобидного содержания, а когда окончательно убедились в лояльности надзирателя, перешли, правда с большой осторожностью, к установлению через него связи с нашими активистами на воле. Мы им сообщали о положении в тюрьме, давали указания о работе среди населения, солдат гарнизона, казаков, приезжавших каждую неделю из станиц в город на базар.

Вскоре нам стал помогать также тюремный фельдшер из городской управы С. Н. Сурин, которого знал кое-кто из заключенных. Когда он приходил в тюрьму, мы расспрашивали его о положении на фронте, о настроениях в городе, станицах, аулах. Фельдшер охотно рассказывал обо всем, что ему было известно. Убедившись, что Сурин надежный человек и твердо стоит за Советскую власть, мы посвятили его в подпольные дела и приняли в свою организацию. Через него установили регулярную письменную и особенно устную связь с волей и воли с тюрьмой. Сурин намного облегчил работу и оргтройки и комитета. Отсюда, из тюрьмы, шли на волю и в отряды краснозеленых советы по агитационной работе, посылались для размножения и распространения написанные нами листовки.

Постепенно и с большой осторожностью удалось развернуть агитацию и среди казаков, присылавшихся для охраны тюрьмы. С ними велись беседы во время прогулок. От казаков узнавали, что делается в гарнизоне, каково их настроение, и исподволь направляли их против Деникина.

Политический престиж Деникина и его армии пал так низко, что подавляющее большинство населения Северного Кавказа стало враждебно относиться к ним. Кубанцы, терцы, ставропольцы сотнями и тысячами стали дезертировать из белогвардейской армии. Начались массовые аресты бежавших с фронта. Одних возвращали под конвоем на фронт, других судили, бросали в тюрьмы, приговаривали к смертной казни.

В сентябре в майкопскую тюрьму привели семерых казаков, приговоренных к расстрелу, и посадили в специально отведенную небольшую камеру — камеру смертников, как называли ее политзаключенные.

По поручению оргтройки Гарбузов во время прогулки, проходя мимо этой камеры, шепнул в окно приговоренным, чтобы они защищались и что политзаключенные им помогут.

Товарищи, работавшие в тюремных мастерских, Тыртыш-ный и другие, нашли способ снабдить арестованных железными клиньями, крючками и гвоздями. При помощи этих «орудий» самозащиты смертники по нашему совету наглухо заперли дверь камеры. Ночью пришли палачи. Отперли замки, но дверь открыть не смогли. На помощь им явилась вся свора надзирателей и прочих тюремщиков. Суетились часа три, но двери так и не открыли.

На рассвете ушли...

Все это мы наблюдали через «глазок», так как камера

смертников находилась напротив нашей. Жизнь приговоренных была продлена на день.

Тюремная администрация не давала смертникам ни воды, ни пищи, но опять пришли на помощь политзаключенные. Во время прогулки наши товарищи ухитрились через окно передать хлеб и воду в бутылках. По совету оргтройки смертники написали обращение к казакам гарнизона. Это обращение И. Гарбузов передал знакомому из охраны. Оно гласило:

«Дорогие станичники! Мы, семь казаков, приговорены к смертной казни. Вчера нас привезли в тюрьму и посадили в камеру смертников. Нас приговорил к смертной казни чрезвычайный полевой суд за то, что мы ушли из армии Деникина. Прошлой ночью нас хотели расстрелять, но мы забаррикадировались и пока отстояли свою жизнь. Просим вас, дорогие станичники, рассказать об этом казакам гарнизона и принять меры к спасению нас от смерти. Мы не преступники. Мы действовали в интересах Кубани и народа. Спасите нас!»

Обращение в тот же день стало известно всему гарнизону. Среди казаков начался ропот, дошедший до атамана отдела. Сурина было поручено использовать этот случай для усиления агитации на воле против деникинцев.

Наступила вторая ночь. К окошку камеры смертников подошел атаман отдела со своей свитой и обещал возбудить ходатайство о замене смертной казни другим наказанием. Но камера не открывалась. Атаман «обиделся» на выраженное ему недоверие и ушел. Остались палачи. Они вновь пытались открыть дверь, но и на этот раз у них ничего не получилось. Тюремщики начали стрелять в окно. Один из смертников был ранен. После первых выстрелов все укрылись в углу камеры. Здесь пули не доставали. Тогда палачи поднялись на чердак тюрьмы, просверлили дыры над местом укрытия и стали одновременно стрелять и сверху, и в окно. Ранили еще двоих.

Наша камера политзаключенных в знак протеста против этой дикой расправы подняла оглушительный шум. Ее поддержали другие камеры. Спустя некоторое время стрельба прекратилась. Палачи ушли. У смерти отняли еще один день.

Днем вся тюрьма объявила голодовку. Из камер неслись революционные песни: «Вихри враждебные» и «Замучен тяжелой неволей».

О событиях в тюрьме громко заговорил город. Среди казаков гарнизона начались брожение и протесты.

Атаман отдела вынужден был обо всем этом информировать вышестоящее начальство и просить его о замене смертной казни другой мерой наказания. Об этом ходатайстве было

сообщено частям гарнизона, политзаключенным и приговоренным.

Третья ночь в тюрьме прошла спокойно. Голодовку мы прекратили.

Ввиду того, что приговоренные к казни камеру не открывали и после сообщения о ходатайстве атамана, им по-прежнему не давали ни воды, ни пищи. Они стали болеть, раны гноились. Так продолжалось еще два дня.

На шестой день пришли в тюрьму гонцы атамана и объявили, что приговор в отношении братьев Перовых, избивших офицеров, остался в силе, а остальным смертная казнь заменена каторгой. После этого казаков, смертная казнь которым была заменена каторгой, перевели в общие камеры, а братьев Перовых ночью расстреляли.

События в тюрьме, получившие широкую гласность, еще раз показали звериное лицо деникинщины.

Обстановка на Кубани в те дни благоприятствовала дальнейшему развертыванию подпольной работы на воле. Большевики широко использовали конфликт между Деникиным и самостийной частью Кубанской рады. В ноябре белогвардейцы повесили известного деятеля рады Калабухова, арестовали ряд ее членов и других противников Деникина.

В связи с казнью Калабухова Комитет спасения социальной революции на Северном Кавказе обратился к казакам с воззванием, в котором говорилось: «Товарищи казаки!.. Разнузданность деникинцев и издевательства их над казачеством Кубани все возрастает. Для разгрома Кубанской рады и уничтожения инакомыслящих Деникин прислал в Екатеринодар палачей генералов Врангеля и Покровского. Бросайте служить белым! Уходите домой и в ряды повстанцев! Громите деникинцев всюду!.. Красная Армия бьет их везде. Чем активнее мы будем помогать ей с тыла, тем скорее кончатся все кошмары, которые принесены нам Деникиным, Покровским, Шкуро и всей прочей царской сворой...»

Действительно Красная Армия наносила белогвардейцам сокрушительные удары. В феврале 1920 года она уже находилась на подступах к Кубани. В связи с этим еще больше активизировалась работа большевистского подполья. Положение белых в Майкопском отделе настолько ухудшилось, что атаман своим приказом объявил его на осадном положении.

Освобожденные в начале 1920 года из тюрьмы за недоказанностью обвинений В. Ефимов и Д. Пчелинцев возглавили

работу находившихся на воле членов комитета, а бежавшие из-под конвоя при отправке в ростовскую тюрьму И. Григоровский и Порохно по решению оргтройки возглавили руководство краснозелеными отрядами на территории отдела. Большую помощь им оказывали И. Голосов, П. Домашев, Воронков, Козырева, В. Каштелян, Костюк, Кононенко, Мороз, Д. Ноздрин, А. Палеха, Реутов, С. Сурин, Я. Семенов, М. Сиротинин, Я. Сальман, Сиуда, П. Титов, Шлеев, Шияненко, Шепеленко, Ф. Щедрин и другие.

Политические заключенные в майкопской тюрьме в это время продолжали активно действовать. Оргтройка при помощи своих активистов составляла прокламации и воззвания к трудящимся и передавала их на волю для размножения. В одном из воззваний мы писали:

«Товарищи казаки! Вас посылают на борьбу с краснозелеными. Вам говорят, что зеленые это грабители и убийцы ваших семей. Это ложь! Вас продолжают обманывать и весты проливать кровь за звериные интересы капиталистов, генералов, офицеров. Кто такие краснозеленые? Это трудящиеся казаки, иногородние и черкесы, не желающие проливать свою кровь за чужие интересы, за интересы чудовищных преступников: Деникина, Покровского, Шкуро, Врангеля и других человеко-зверей.

Чего хотят краснозеленые? Краснозеленые хотят помогать Буденному скорее освободить нас от дикого произвола и гнета белогвардейщины. Краснозеленые хотят ускорить восстановление Советской власти на Кубани. Они никого не грабят и не убивают. Они не мстят, а объединяют казаков и иногородних...

Помогая краснозеленым и, следовательно, Красной Армии, мы скорее вернемся к своим семьям и займемся мирным трудом. Не верьте офицерам и атаманам! Живите своим умом! Если вас опять пошлют против краснозеленых, то сдавайте им оружие, а сами расходитесь по домам или вступайте в ряды краснозеленых!»

Посылаемые в леса и горы казачьи части все чаще отказывались воевать с краснозелеными или вели себя пассивно, зеленых не искали, а соприкасаясь с ними, в бой не вступали, часто сдавали им оружие, а сами расходились по домам. Немало казаков уходили в лес и присоединялись к краснозеленым или просто скрывались.

Стремительное наступление Красной Армии не дало деникинцам возможности не только закрепиться в предгорьях Кавказа, на что они рассчитывали, но даже передохнуть.

Удирая от Красной Армии, белогвардейцы должны были

прорываться через фронт краснозеленых, которые занимали всю горную полосу Майкопского, Лабинского и других отделов и побережье Черного моря от границы с Грузией до Геленджика. Здесь на берегах притока Кубани Белой рухнули последние надежды денкинцев. В этом ведущую роль сыграли Северо-Кавказский краевой подпольный комитет и штаб Кубано-Черноморской армии краснозеленых.

Борьба за жизнь политзаключенных

При создавшемся положении нужно было готовиться к приходу Красной Армии, к налаживанию мирной жизни. Поэтому находившаяся в тюрьме оргтроянка наметила кандидатов во временный исполком будущего Совета, в военный комиссариат, милицию и комендатуру города. Она же написала приказ и воззвание от имени будущего исполкома и передала на волю, чтобы их отпечатали и размножили.

В то же время перед руководством майкопского подполья встала еще одна серьезная задача: спасти политических заключенных, а их вместе с переведенными из лабинской тюрьмы уже насчитывалось около двухсот.

О том, что белогвардейцы решили расправиться с политзаключенными, нам сообщили С. Н. Сурин и некоторые казаки — часовые тюрьмы. Нам стало также известно, что офицеры дроздовского полка прямо заявили, что при оставлении города они вырубят всех находящихся в тюрьме большевиков.

Слухи о готовящейся расправе все ползли и ширились... Ими наполнились и город, и тюрьма, и отряды краснозеленых. Медлить было нельзя.

Но надеяться на силы только окрестных партизанских отрядов было бы неразумно. Правда, сначала намечалось совершить налет краснозеленых на тюрьму, но этот план пришлось отменить: в городе скопилось огромное количество белогвардейцев и партизаны просто были бы разгромлены.

Для спасения политических заключенных требовалось мобилизовать не только силы партизан и подполья, но и городскую общественность, в первую очередь городское самоуправление.

И вот 16 марта через подпольщицу Козыреву товарищу городского головы полковнику Дроздову было передано письмо комитета. В нем было написано: «Нами точно установлено, что

дроздовский офицерский полк ¹, находящийся ныне в Майкопе, намерен в момент оставления города произвести кровавую расправу с политическими заключенными в майкопской тюрьме. Ставя Вас об этом в известность, предлагаем поставить об этом в известность членов городской думы и немедленно принять меры к охране тюрьмы. Охрана тюрьмы и спасение жизни политзаключенных есть как охрана вас и гласных думы, так и спасение ваших семей. За гибель одного будете отвечать все...»

По этому вопросу в тот же день было созвано чрезвычайное заседание думы, на которое пригласили атамана отдела Данилова. Прочитав наше письмо, думцы спросили атамана, что он думает по этому вопросу. Атаман заявил: «Я не допущу беспорядков».

Впервые за все время в тюрьму пришли представители городского самоуправления: сам Дроздов и гласные Елец и Жденев. Дроздов объявил нам, чтобы мы не беспокоились за свою судьбу, так как дума приняла меры к охране тюрьмы.

Затем в тюрьму приходили: новый городской голова Кузнецов, Дроздов, член Кубанской рады Ю. Коробьин и другие.

Однако к нам продолжали поступать все новые и новые сведения об усилившейся подготовке белых к разгрому тюрьмы. Тогда мы предупредили находившихся на воле членов комитета, чтобы они потребовали усилить охрану тюрьмы.

Под нажимом трудящихся Майкопа городская управа пошла на то, чтобы обеспечить более реальные меры для охраны политзаключенных. Вокруг тюрьмы была дополнительно установлена гражданская охрана. Но не надеясь и на нее, наш комитет организовал еще свою негласную охрану из боевиков-подпольщиков под руководством М. Сиротинина.

Мы в тюрьме тоже не бездействовали. Привлекли на свою сторону некоторых надзирателей, через них получили несколько револьверов, а через заключенных, работавших в тюремной слесарной мастерской, вооружились «холодным оружием» — ножами, молотками, железными прутьями с заостренными концами. На ночь мы тщательно забаррикадировались в камерах: двери закрепляли железными болтами Р1 клиньями, окна закладывали разной одеждой, одеялами и прочим, чтобы защитить себя от пуль, если начнется стрельба по окнам... По нашим расчетам, принятые меры самообороны, с учетом помощи с воли, позволяли нам продержаться дня два-три. Ввиду бы- ¹

¹ Речь идет не о полке, которым командовал данный Дроздов, а об отборном офицерском полке деникинской армии, носившем имя корниловца Дроздовского. — С. Р.

строго приближения Красной Армии этого было достаточно, чтобы спасти политзаключенных.

Сказывался опыт, полученный нами при организации самозащиты семи приговоренных к смертной казни...

А в это время находившаяся в Майкопе Кубанская рада и атаман отдела стали добиваться связи с краснозелеными. 20 марта атаман наконец связался с краснозелеными в станице Апшеронской. Договорились встретиться в Майкопе. На переговоры выехал член реввоенсовета Краснозеленой армии Черноморья И. Шевцов со своим адъютантом Подгорецким и конвоем.

Атаман спросил делегатов, может ли командование Краснозеленой армии пропустить кубанскую казачью армию с оружием в Грузию и будет ли сохранена жизнь членам семей офицеров.

На первый вопрос Шевцов ответил отрицательно, а на второй сказал, что с семьями офицеров партизаны не воюют.

На этом переговоры закончились. Ответ краснозеленым атаман обещал дать на следующий день. Но его так и не последовало. Регулярные части Красной Армии уже находились на ближних подступах к Майкопу и быстро продвигались вперед. В ночь с 20 на 21 марта началось паническое бегство белых из Майкопа.

Отступавших по шоссе белогвардейцев встречали хорошим огнем отряды партизан под командованием Григоровского, Порохно и другие. В станицы деникинцев не пропускали отряды самообороны. Белые, бросая обозы, возвращались в Майкоп, а отсюда, как очумелые, бежали на Белореченскую.

Краснозелевые отряды Черноморья не в состоянии были удержать бегущую по линии железной дороги пятидесятитысячную белогвардейскую лавину. В районе станицы Хадзыженской белые прорвались, заняли Туапсе, но под давлением Красной Армии направились к Сочи, ближе к меньшевистской Грузии. Однако в Сочинском округе им пришлось сдать части Красной Армии.

Последние часы в тюрьме

В ночь с 19 на 20 марта мы, узники майкопской тюрьмы, особенно тщательно забаррикадировались. По злой иронии судьбы тюрьма стала нашей крепостью.

Мы не верили обещаниям атамана и городской думы. По-прежнему ожидали нападения деникинских головорезов и не

ошиблись. Часа в два ночи был совершен первый налет на тюрьму какой-то проходящей частью. Благодаря принятым мерам нападавшим ничего не удалось сделать, и они двинулись своей дорогой. Спустя немного времени, часа в три ночи, тюрьму окружила «дикая дивизия». Угрожая администрации, белобандиты требовали открыть двери. Мы слышали, как они ругались, угрожали. Крики то утихали, то возобновлялись с новой силой.

Возле тюрьмы находились наши товарищи, посланные комитетом, и представители городской думы. Они уговорили нападавших не трогать заключенных, так как это создаст большую опасность для остающихся в городе семей офицеров и беженцев.

Политические заключенные были спасены.

Убедившись, что опасность миновала, партийная оргтройка провела свое последнее заседание в тюрьме. На заседании было решено:

1. Политическим заключенным по выходе из тюрьмы не расходиться, а собраться во дворе гостиницы «Большая Московская» и ждать распоряжений комитета.

2. Уголовных из тюрьмы не освобождать, поручить будущему народному суду ускорить следствие и рассмотрение их дел.

К этому времени тюремная охрана разбежалась, и узники получили возможность выйти на свободу.

Ввиду того, что в городе находилось много отступающих белых, политзаключенным было предложено из тюрьмы выходить поодиночке или маленькими группами по два-три человека, чтобы не привлекать к себе ничего внимания в городе.

Часам к семи утра политические заключенные вышли из тюрьмы и собрались в назначенном месте.

Восстановление Советской власти

Члены партийной оргтройки и Комитета спасения социальной революции на Северном Кавказе, освобожденные из тюрьмы, собрались вместе с председателем комитета В. И. Ефимовым на квартире отца Ефимова на свое последнее, но уже полулегальное заседание. На повестке дня стояли два вопроса: утверждение состава временного исполкома и плана захвата города.

Временный исполком утвердили в составе, намеченном еще в дни пребывания в тюрьме: В. Ефимов — председатель, С. Ра-

Авторы воспоминаний

С. И. Котляр-Тонина

С. Б. Ингулов

М. Н. Ленау

Л. С. Леонов

Авторы воспоминаний

А. М. Янова

М. Я. Левитин

П. И. Долгин

Г. П. Полянская

сторгуев — секретарь, члены — И. Гарбузов, А. Бушеев, А. Юров, Г. Серебряков, Д. Пчелинцев и И. Мешков.

Согласно принятому плану освобождения города от белых, члены подпольной организации и бывшие политзаключенные были разбиты на небольшие группы, которым дали задание: к 10 часам утра занять вокзал, почту, телеграф, телефонную станцию, управу, банки, электростанцию, управление атамана отдела, полицейское управление, расклеить по городу приказ и воззвание временного исполкома.

Командиру боевых групп И. Гарбузову было поручено немедленно создать боевые отряды для задержания и разоружения отступающих белогвардейцев, а также для охраны города от возможных грабежей и насилий. Ближайшим отрядам краснозеленых предложили срочно вступить в город.

Члены временного исполкома к 10 часам утра 21 марта явились в городскую управу, где должны были собраться гласные городской думы. Дума была в сборе. Члены исполкома встретились с членом РВС краснозеленой армии Шевцовым и вместе с ним объявили «отцам» города под их, как это ни странно, дружные аплодисменты о роспуске городской думы и управы и о восстановлении Советской власти в городе.

Над зданием городской управы взвился красный флаг. Временный исполком приступил к исполнению своих обязанностей. В выпущенном им воззвании говорилось:

«Граждане г. Майкопа, торжествуйте! Монархическая Добровольческая армия и власть грабежа, насилия, произвола свергнута, настало новое время — созидания разумного, доброго, светлого... Встречайте идущую власть трудящихся с распростертыми объятиями».

Возле расклеенных воззваний толпами собирались трудящиеся и внимательно слушали громкое чтение. Достаточно было услышать первые слова воззвания, как наступало радостное оживление: крепкие рукопожатия, объятия, взаимные поздравления. В городе царил праздничное настроение.

Вечером 21 и утром 22 марта в город вошли отряды краснозеленых. Однако ночь прошла тревожно. Белогвардейцы, не зная, что город занят партизанами, то тут, то там натыкались на наши заставы и кое-где, не желая сдаваться, вступали с ними в короткие стычки. Наша тревога усиливалась еще и потому, что мы точно не знали, где находятся части Красной Армии, а посланный для связи с ними подпольщик Реутов не возвращался.

Наконец глубокой ночью с 22 на 23 марта 1920 года Шевцов, Ефимов и Гарбузов по железнодорожному телефону свя-

зались со станцией Белореченской и после длительных осторожных переговоров выяснили, что части Красной Армии заняли Келермесскую, Гиагинскую и Белореченскую и войдут в Майкоп в ближайшие часы.

Несмотря на ночное время, весть о скором приходе Красной Армии с быстротой молнии разнеслась по городу. Жители не спали. С самого раннего утра они вышли на улицы для встречи освободителей.

Наконец в полдень 22 марта с северной и западной окраин города раскатистой волной понеслось по Майкопу торжественно-победное «Ура!». Части Первой Конной армии вступали в город.

А. И. Савенко

Работа в белогвардейских частях

При отступлении наших войск из Грозного сотни раненых и больных тифом красноармейцев находились в госпиталях, бараках, частных домах. Вывести всех их не было никакой возможности. Я лежал в госпитале. С приходом белых все мы стали их пленниками. Через некоторое время нас отправили в Ставрополь, откуда мне с другим красноармейцем С. Гарбузовым удалось бежать в Армавир.

На станции Армавир я устроился работать на железной дороге, а Гарбузов — санитаром в эвакупункт, но потом он перешел на работу истопником в офицерское собрание. Больше я его не встречал. Только после освобождения Ставрополя узнал, что его арестовали белогвардейцы, а затем расстреляли.

Первое время в Армавире я жил в железнодорожной казарме, потом перешел на квартиру к местному жителю Луневу, проживавшему по Набережной улице. По вечерам мы часто беседовали о боях под Армавиром, когда наши войска отступали, о жизни, сложившейся при деникинском режиме, и по другим вопросам. Во многом мы оказались единомышленниками.

В августе 1919 года к нам зашел человек, с которым Лунев меня познакомил. Как я потом узнал, это был руководитель подпольной группы одного из районов города Мартиросов по кличке «Власов». Несколько встреч и бесед с Власовым сбли

зили нас, и он дал мне первое задание: подсчитать, сколько воинских эшелонов проходит в сутки через станцию Арма-вир-2. Задание я выполнил.

Через некоторое время я узнал, что на станцию Армавир-1 прибыл воинский эшелон с солдатами, возвратившимися из Франции, куда они были посланы еще в империалистическую войну для оказания помощи французам. Работая неподалеку от этого эшелона, я познакомился с грузчиком Сенчуком. Мы вместе расспрашивали солдат, что они собираются делать дальше — ехать по домам или продолжать воевать, а если воевать, то на чьей стороне? На первых порах ясных ответов мы не получали. Потом солдаты, с которыми мы беседовали, пригласили меня и Сенчука в вагон, угостили, чем могли, и все расспрашивали о Советской власти и большевиках, о власти кадетов. Все, что мы с Сенчуком знали, рассказали им, говорили о героической борьбе Красной Армии против Деникина, о том, что белая армия разлагается, призывали их к борьбе против помещиков и буржуазии, интересы которых защищает Деникин. Многие солдаты задумались.

К концу дня солдат выгрузили из вагонов и строем отправили за город в приспособленные под казармы большие амбары, куда раньше ссыпали пшеницу. Позже мы тоже отправились в эти казармы. Вот тут-то, около казарм, Сенчук и представил меня Власову. Мы от души посмеялись над Сенчуком, который не знал, что я уже знаком с Власовым и выполнял его задание. Теперь уже втроем стали вести агитацию среди солдат. Но об этом скажу ниже.

Когда мы в тот день возвратились из казарм, Власов пригласил меня на вокзал на станцию Армавир-1. Здесь, прогуливаясь по перрону, он сказал, что вскоре со стороны Кавказской подойдет пассажирский поезд, из вагона выйдет человек с грязным мешком, а я в это время должен стоять у фонарного столба. Незнакомец, проходя мимо меня, скажет: «Все грязное». Я должен ответить: «Почистим». Он вручит мне сверток, который надлежит немедленно отнести деду Никифору, проживающему по Железнодорожной улице, 62. Дав эти указания, Власов ушел.

Через несколько минут поезд прибыл, и встреча состоялась. Взяв сверток, я отправился к деду Никифору, а потом доложил Власову, что задание выполнил. Впоследствии узнал, что в доме, где жил дед Никифор, была конспиративная квартира, а в свертке находились прокламации Северо-Кавказского краевого подпольного партийного комитета. Эти прокламации мне тоже пришлось распространять: часть их я раздал солдатам,

а другую переправил представителям рабочих завода «Армалит» и железнодорожникам.

Как-то Власов сказал нам, что хорошо бы из солдат, прибывших из Франции, создать боевые дружины в дополнение к тем, которые уже имелись на предприятиях города. Через несколько дней он свел меня с фельдфебелем, а раньше, еще в вагонах, я сам познакомился примерно с двумя десятками солдат и унтер-офицеров. Среди солдат я уже считался своим человеком, для меня у них нашлось военное обмундирование, а фельдфебель выдал солдатскую книжку на имя Семена Гредчина.

Наша работа облегчалась тем, что офицеры бывшего русского экспедиционного корпуса, прибывшие из Франции, разъехались, и солдатами командовал мой знакомый фельдфебель. Но командование Добровольческой армии помнило о них. Из деникинского штаба приезжали в казармы офицеры-агитаторы, они проводили митинги, собрания, убеждали солдат взяться за оружие и идти на фронт под Ставрополь бить «Совдепию».

Наши подпольщики агитировали против вступления в добровольческие маршевые роты, и солдаты нас поддерживали.

Митинги белым не помогли, и тогда их командование издало приказ о формировании маршевых рот для отправки на фронт в принудительном порядке.

Но и мы, подпольщики, не бездействовали. Когда шло формирование маршевых рот, меня по рекомендации фельдфебеля назначили командиром второго взвода. Получив оружие, а его выдавал связанный с нами солдат-каптенармус, ночью по указанию Власова мы свезли около трехсот винтовок, много патронов, гранаты и два пулемета на конспиративную квартиру, где их и сложили в погреб для раздачи рабочим-дружинникам.

А получив во второй раз оружие, английское обмундирование, боеприпасы, продовольствие, мы все погрузили в вагоны и были готовы к отправке на фронт. Заранее мы договорились, что при первой же возможности сдадимся красным. Но все ускорила случай. В пути один офицер ударил солдата. Волна возмущения охватила весь эшелон. Остановили поезд, солдаты вышли из вагонов. Появились еще раньше приготовленные нами плакаты с надписями: «Да здравствует Советская власть!», «Смерть буржуазии!» Из всех вагонов собрали офицеров, которых оказалось примерно человек двадцать, разоружили, посадили в хвостовой вагон и накрепко забили двери гвоздями. Отцепив затем вагон от состава, разогнали его паровозом и пустили по линии.

Позднее мы узнали, что этот вагон обнаружили на станционном стрелочном переводе разбитым. Солдаты же вернулись кто в Армавир, кто в другие города и станицы.

Когда потом я встретился в Армавире с Власовым, он уже знал о случившемся и целиком одобрил наши действия.

...Конец февраля — начало марта 1920 года. Под напором Красной Армии белогвардейцы отступают. Готовятся к бегству деникинцы и из Армавира. В те дни военная контрразведка особенно свирепствовала. Большое беспокойство нам доставляли особоуполномоченный контрразведки по Армавиру Павел Сапацкий и его жена, также работавшая в контрразведке. По ее доносам были арестованы и расстреляны солдат Зернов и несколько других товарищей.

Мы с Власовым решили посоветоваться с еще одним из руководителей подполья — Давыдовым. После недолгих размышлений решили: необходимо убрать Сапацкого. Подобрали группу для этой операции, в которую вошли Власов, Сенчук, я, еще один подпольщик (фамилии его не помню) и двое солдат. Ночью явились к Сапацкому на квартиру. Власов, переодетый офицером, отрекомендовался и сообщил, что его и солдат прислало командование армавирского гарнизона для охраны. Дело в том, что Сапацкие уже сложили имущество на подводы и собирались удирать в Туапсе. Нужно было действовать быстро. Тут же обезоружили Сапацкого и его жену. Когда Власов отбирал у Сапацкой оружие — а у нее было два револьвера,— белогвардейка едва не выстрелила в него. Выведя обоих за город, их расстреляли.

...Белогвардейская армия уже в панике отступала в направлении Белореченская — Туапсе. Подпольщики получили сведения, что в одном из поездов, следующих из Ростова, находятся два вагона с ценностями. Выяснить, в каком именно составе следуют эти вагоны, Власов поручил мне.

В тот день, когда я отправился выполнять это задание, стояла теплая, солнечная погода. На станции Армазир-2 дежурил составитель Трунов. Я был знаком с ним еще с тех пор, когда работал на ремонте путей. Спросил, прибыли ли ростовские составы, где они стоят. Трунов ответил, что два уже отправлены прямым сообщением без реформирования на Туапсе, ждут прибытия еще других. Поезда приходили и уходили, а нужных нам вагонов в них не было. Стал ходить на станцию и днем и ночью, о чем регулярно докладывал Власову.

В один из дней, ближе к вечеру, вместе со мной на станцию пошел Власов. И как раз в это время прибыл бронепоезд с

несколькими прицепленными к нему вагонами. На одном из бронированных вагонов было написано 4 Добровольческая армия».

Когда поезд остановился, паровоз отправили набирать воду, а солдаты сошли на перрон. Двое из них остановились около нас. Мы разговорились, поинтересовались, куда они держат путь. «Это военная тайна»,— смеясь, ответил один солдат. Другой шутливым тоном спросил, а далеко ли до моря, что они, мол, из Сибири и им хочется покупаться, но бояться, что из моря не вылезут...

Мы же вполне серьезно стали им советовать к морю не ездить, а остаться здесь с бронепоездом, так как Красная Армия все равно настигнет, и тогда-то им не будет никакой пощады. К нам подошли еще человек пять солдат из команды бронепоезда и стали внимательно прислушиваться к тому, о чем мы говорили. Под конец Власов спросил:

— Ну так как, остаетесь, ребята?

Все солдаты хором ответили:

— Остаемся!

...Солдаты разоружили своих офицеров и закрыли их в одном из отсеков бронепоезда. Потом по указанию Власова вагоны, груженные ценностями, перевели на станцию Армавир-1, а отсюда, после того как город был освобожден от денкинцев, их отправили обратно в Ростов.

В марте 1920 года в Армавир со стороны Прочноокопской вступили передовые части Красной Армии. Белогвардейцев в городе уже не было. Так закончилась моя работа в армавирской подпольной организации.

П. П. Соркин

Тактика, подсказанная жизнью

После отступления красных войск с Кубани в 1918 году часть партийных и советских работников, в том числе и я, пробрались на Украину, где мы были использованы для работы в действующих советских украинских частях.

В середине 1919 года до нас дошли вести о нарастающем движении краснозеленых в тылу Добровольческой армии,

главным образом в горах Причерноморья. Прибывший в Киев председатель Северо-Кавказского краевого подпольного комитета РКП(б) Владимир Черный подтвердил это. Он попросил нас оказать помощь в организации партизанских отрядов.

И вот в июле группа товарищей отправилась в путь, надеясь проникнуть через Крым на Кубань. Но в это время начался отход наших войск из Крыма, а затем и с Украины.

Некоторые товарищи выехали в Москву, а оттуда в Саратов, я же направился в Вольск, где находился бывший председатель реввоенсовета 11-й Северо-Кавказской армии Ян По-луян. После недолгих переговоров мне вручили мандат особоуполномоченного РВС республики и небольшую сумму денег. Ко мне были прикомандированы товарищи Дроздов, Сухой и Предит, и мы выехали в Астрахань. Отсюда на рыбацкой лодке после многих приключений добрались наконец до Апшеронского полуострова. Мои товарищи счастливо проскользнули в Баку, я же попал в руки азербайджанских пограничников и был доставлен в бакинскую контрразведку. В моем освобождении немалую роль сыграла любовь контрразведчиков к николаевским и керенским кредиткам.

Так или иначе, в октябре вся наша группа собралась в Тифлисе, где мы встретились с кубанским большевиком Лукой Ивницким. Он имел полномочия от реввоенсовета 8-й армии Южного фронта и тоже пробирался к краснозеленым. К несчастью, он заболел, и его во время болезни вместе с рядом других прибывших на Кавказ большевиков арестовали. Таким образом, из всей группы к концу декабря на свободу оказался один я. Грузинские «особоотрядчики» (контрразведчики) гонялись за мной по пятам, из-за чего пришлось в январе 1920 года тайно выехать в Абхазию, в город Сухум.

Работая некоторое время в Тифлисе, мы были в курсе организации эсеровского Комитета освобождения Черноморья, или КОЧа, как его называли сокращенно. Дело в том, что грузинские меньшевики, имея под боком «добровольцев» (деникинцев), лелеяли мечту создать на побережье «буферное государство» между Грузией и территорией, занимаемой деникинцами. С этой же целью они косвенно поддерживали и подогревали волнения в Сочинском округе, благо сами белогвардейцы своими зверствами способствовали всеобщему восстанию доведенного до отчаяния крестьянства. В Тифлисе обретался один из эсеров — Самарин-Филипповский. Ему-то и поручили грузинские «демократы» сформировать комитет. В состав этого комитета вошли Самарин, Воронович, Рухадзе и другие эсеры и меньшевики.

По многим соображениям, мы решили не препятствовать этой возне. Нам было известно, что с 1918 года эсеры крепко обосновались в Сочинском округе, вели там усиленную работу и своими демагогическими лозунгами приобрели некоторую популярность среди крестьянства. Они также располагали крупными средствами. У нас же не было ни средств, ни оружия. Кроме того, из прибывших из Киева товарищей остался я один.

По прибытии в Сухум я связался с местными большевиками, установил связь с Кавказским краевым комитетом РКП(б). Вскоре приступили к работе по разоблачению КОЧА и его вооруженных сил, названных ими «крестьянским ополчением». Совместно решили под видом беспартийных спецов влить часть наших товарищей в оперативный штаб Комитета освобождения Черноморья, а часть, если удастся, устроить на командные должности.

Наш план удался. В отрядах зеленых развернули соответствующую работу. Комитет это чувствовал, но пока особых мер не принимал. Мы терпеливо ждали дальнейших его шагов, чтобы крестьянство увидело и почувствовало истинные намерения комитетчиков. Всей этой эсеровской компании можно было свернуть шею в любой момент, но мы этого не сделали, так как комитет при помощи проведенного им крестьянского съезда закрепил свои «полномочия».

Комитет выпустил декларацию «Всем, всем», чтобы все знали об образовании нового «государства». Англичане сделали кислое лицо:

— Что это за «государство», с которого, в сущности, не сдерешь и клока шерсти!..

«Необходимо представительство», — решает комитет. И вот з Тифлис отправился его представитель «для связи».

Но вышла заминка. Грузинские социал-предатели, получив, очевидно, соответствующее внушение от представителей Антанты, обосновавшихся в Тифлисе, не очень любезно приняли комитетчиков. Еще бы! Ведь из отрядов зеленых уже явно понесло большевистским духом, а крестьянство требует земельной реформы...

Попутно КОЧ делает реверанс перед Кубанской казачьей радой, дает ей заверения в «лучших чувствах к братскому народу» и клятвенное обещание «не вторгаться на территорию Кубани».

Чувствуем, как крестьяне все больше настораживаются.

Вскоре начальник штаба комитета эсер Воронович мчится на английском миноносце в Новороссийск для переговоров с

представителями штаба Деникина, а другой представитель комитета Самарин в это же время ведет переговоры с Кубанской радой и Донским округом.

Деникинцы в Новороссийске заявили Вороновичу:

— Убирайтесь к черту с побережья!

Тогда Воронович захныкал:

— Помогите, ведь я не только эсер, но и офицер царской армии.

— Расстрелять за измену! — рывкнули генералы-деникинцы.

— После,— посоветовали англичане...

Еще одна беда случилась с комитетом: взбунтовались «министры»-меньшевики: они-де хотят получить такие «портфели», чтобы влиять на дела комитета. «Да, не сладка ты, власть»,— усмехались мы. И тоже не дремали. Решили более активно действовать.

Оперативный штаб эсеровского комитета помещался в гостинице «Ривьера» в Сочи. Рядом в особняке находился сам комитет.

Иду в комитет. Меня направляют к секретарю.

— Вам зачем? — вопрошает секретарь и предлагает: — Подождите в очереди.

— Нет,— я очень долго ждал очереди. Теперь хочу вне очереди.

— А кто вы такой? Я вас запишу.

— Я от Реввоенсовета республики.

Из-под посетителей, ожидавших своей очереди, будто стулья кто повыдергивал: кто вскочил, кто попытался к выходу, иные растерянно, но с любопытством воззрились на меня. Я заметил: ни одного рабочего или крестьянина не было в приемной, Есе представители эксплуататорских классов.

Вдруг распахивается дверь.

— Пожалуйте! — в дверях сам председатель комитета Самарин.— Очень рад, очень рад, я о вас слышал. Я подумал, что от грузинской контрразведки.

— Присаживайтесь,— войдя в кабинет, приглашает Самарин.— Его глаза забегали по письменному столу, заваленному бумагами.— Я рад приветствовать представителя Советской России...

— Видите ли, товарищ Соркин,— продолжал разглагольствовать руководитель комитета,— мы, собственно, не против Советской власти, вы сами убеждаетесь в этом, мы активно боремся с белыми. Нам необходимо договориться, заключить с вами договор.

— Позвольте,— отвечаю,— я не уполномочен заключать договоры. Я — особоуполномоченный Реввоенсовета республики, а не Советского правительства.

— Ах, да, у вас чисто военная задача.

— Вот именно,— киваю головой.

— Что же, собственно, вы хотите?

— Выполнить поручение Реввоенсовета республики,— и тут же вкратце доложил суть поручения, касающегося краснозеленых.

— Гм... Я не понимаю... Этого вопроса я самостоятельно решить не могу. Вам необходимо побеседовать с Вороновичем.

— Но я хотел бы знать ваше мнение,— настаиваю.

— Видите, это какая-то банда. Вначале было ничего, но сейчас идет полное разложение. Приказы штаба не выполняются. Я не знаю, что вы сможете сделать.

Перевожу разговор в другую плоскость:

— Скажите, Самарин, зачем Воронович ездил в Новороссийск?

Самарин пуще прежнего заерзал на стуле:

— Мм... с требованием очистить от добровольцев Новороссийск.

— Ну и что же?

— Обещали...

— Что обещали? От вас очистить побережье?

— Позвольте, товарищ Соркин,— возмутился Самарин.

Я пожимаю плечами и задаю новый вопрос:

— Хорошо, не будем об этом. Но нас интересует, о чем вы толковали с кубанцами и донцами?

Самарин зло посмотрел на меня и с большой неохотой ответил:

— О многом... Намечали пути к союзу...

— Причем от вас требовали одного — не наступать? — полуутвердительно, полувопросительно говорю.

— Помилуйте! Наступать? Зачем? Ведь это было бы безумием! Мы придерживаемся другой политики.

— Какой? Соглашательства?

— Да, если хотите. В нашем положении...

— Ну, а вы знаете, как на это смотрят зеленые и крестьяне?

— Смешивать крестьян и зеленых нельзя,— заявляет Самарин.— Из Грузии наехало много бывших красноармейцев, и они разложили отряды. Крестьяне, безусловно, за нас...

Вижу, что бесполезно вести беседу с этим «премьером». Эсеровская партия давно уже себя разоблачила как партия

соглашателей. Я стал высказывать более определенно требования Реввоенсовета республики.

— Я полагаю, что вы не только не будете чинить нам препятствий, но и всячески помогать. Вы отказываетесь наступать, наша же задача — помочь Красной Армии в ее наступлении. Мы будем наступать на Кубань.

— Но ведь мы пришли к соглашению с Радой. Мы обязались не наступать.

— Мы будем наступать, — с ударением на «будем» ответил я.

— Я об этом переговорю с Вороновичем. Он сообщит вам результат.

— Ответственность с вас слагается, — утешил я Самарина. — Ведь будут наступать большевики, а не отряды вашего комитета. Вы, я полагаю, сумеете разъяснить это обстоятельство своим союзникам.

Самарин пожал плечами и, не глядя на меня, подал руку. Аудиенция окончилась, и я вышел из его кабинета.

Да, от руководителей КОЧа ничего путного нельзя было ожидать. Надо наступать, помогать Красной Армии ¹.

В марте 1920 года в Туапсе состоялся съезд фронтовиков. Председательствовал на нем один из славных создателей и руководителей Красной Армии Черноморья — И. Сафонов. Первое слово предоставили мне, как особоуполномоченному РВС республики. Передав привет от Реввоенсовета республики, перехожу к обзору создавшегося положения на Черноморье, а затем подробно знакомлю с организацией Красной Армии в Советской России и ее управлением: никакой выборности состава, сверху донизу назначение, строжайшая дисциплина и беспрекословное исполнение приказов командования и т. д.

Громкие возгласы одобрения.

Раньше уже существовал реввоенсовет Краснозелекой армии Кубани и Черноморья в составе товарищей И. Моринца, М. Фадеева, А. Цимбаллиста и других. Вместо него мы решили создать новый реввоенсовет, теперь уже Красной Армии Черноморья. В него вошли я, как особоуполномоченный Реввоенсовета республики, Л. Ивницкий, вырвавшийся к этому времени из тюрьмы грузинских меньшевиков, И. Шевцов и А. Цимбаллист.

¹ Действительно в конце января 1920 года краснозеленые Сочинского округа освободили от денкинцев Адлер, Хосту, Мапесту, а в марте и Туапсе. — М. Б.

Реввоенсовету выносятся пожелание ликвидировать Комитет освобождения Черноморья и принять меры к скорейшему наступлению на Кубань.

Работу реввоенсовета вскоре почувствовали и фронт и тыл. Лука Ивницкий взял в свои руки отдел снабжения, и результаты получились блестящие. Красная Армия Черноморья крепла не по дням, а по часам.

Настало время покончить счеты и с комитетом. Решили вызвать его представителей в Туапсе для решения «важных и неотложных вопросов». Приехали Самарин, Воронович и Лысокович. В это время заволновались грузинские меньшевистские правители. Узнали они о «каком-то реввоенсовете», который намечал наступление на Кубань, об «оккупации» большевиками Сочинского округа. Граница Грузии отстояла от нас примерно в 170 верстах. Охраняли границу сами крестьяне ближайших сел. Ясно, что бороться на два фронта мы бы не смогли. Пришлось лавировать. Комитетчикам мы гарантировали беспрепятственное возвращение в Сочи.

На совещании реввоенсовета и делегатов комитета мы поставили перед последними ряд важнейших вопросов, четко сформулированных Л. Ивницким. Комитету было предложено:

признать и провозгласить территорию Черноморской губернии неотъемлемой частью Советской республики;

признать власть Советов;

признать Совет Народных Комиссаров единственным правительством Советской России и Черноморской губернии;

согласиться на то, чтобы во главе действующей армии Черноморья стал Реввоенсовет;

подчинить территорию в районе расположения действующей армии в экономическом, административном и политическом отношении Реввоенсовету. Территория эта определялась с севера линией фронта, а с юга — селением Лазаревна включительно ;

немедленно распустить Комитет освобождения Черноморья и образовать ревком;

образовать ревкомы на местах;

губком эсеров обязуется проводить линию популяризации всех вышеперечисленных предложений.

После долгих переговоров эсеры все наши предложения приняли, за исключением роспуска Комитета освобождения.

Не желая преждевременно обострять отношения с КОЧ, пункт о роспуске комитета был заменен таким:

«Признать целесообразным немедленное избрание Советов на местах на основе Конституции РСФСР и не позднее 15-го ап-

ре ля 1920 г. созвать губернский съезд Советов и представителей повстанческих армий, где избрать Губернский Исполнительный Комитет, которому вручить всю полноту власти».

Я не знаю, что думали эсеровские комитетчики, принимая наши предложения, но что они чувствовали себя скверно — это да.

После такого соглашения с Комитетом освобождения у нас были развязаны руки. Красная Армия Черноморья двинулась в поход. Один за другим освобождались города и населенные пункты побережья. В марте совместно с наступающей с севера 16-й дивизией 8-й армии был освобожден Новороссийск. Когда сюда подошли войска 9-й армии, Красная Армия Черноморья влилась в нее и тем самым прекратила свое существование...

* *
*

А какова же судьба Комитета освобождения Черноморья и его вооруженных сил? Вот что свидетельствуют историки.

КОЧ и не думал прекращать борьбу против Советской власти. Формально приняв предложения, продиктованные Реввоенсоветом Красной Армии Черноморья, он продолжал вести свою контрреволюционную линию: создавал Советы без коммунистов, запретил хождение советских денег на территории Сочинского округа, возвращал помещичьи земли, именовавшиеся им «культурными участками», их владельцам. Больше того, вел переговоры с командованием отступающих с Кубани войск казачьей Рады о пополнении ими своих вооруженных сил.

Но недолго КОЧ вел свою подрывную работу. Красная Армия приближалась к Сочинскому округу. В конце апреля 1920 года войска были настигнуты Красной Армией и в результате ожесточенных боев вынуждены были капитулировать.

Видя безвыходность своего положения, руководители КОЧа — Самарин-Филипповский скрылся в меньшевистской Грузии, а Воронович, Рухадзе и другие бежали за границу и там, войдя в эмигрантские контрреволюционные центры, продолжали борьбу с Советской республикой.

Подпольщики и партизаны Осетии

...Деникинские войска были уже на подступах к Владикавказу. Терский народный Совет не располагал достаточными силами, чтобы дать им решительный отпор. Пришлось отступать. Одни отряды уходили по Военно-Грузинской дороге в меньшевистскую Грузию, другие — в Ингушетию и Чечню, чтобы оттуда вновь развернуть борьбу с врагами.

Осетинский партизанский отряд «Чермен» *, в котором я был начальником штаба, тоже отступал. Позже под напором превосходящих сил деникинцев отряд был распуцен, а его бойцам дан наказ участвовать в подпольной работе. Надо сказать, что во время деникинщины почти во всех селах Северной Осетии в подполье имелись большевистские ячейки, готовые в любой момент выступить как боевые части. Это облегчало партизанскую борьбу.

После роспуска отряда я с группой товарищей направился в Грузию. В нашу группу входили партизаны Г. Цаголов, М. Калагов, Т. Созаев, Д. Тогоев, К. Дигуров, К. Кесаев, Аноров (бывший редактор «Пятигорских известий»), Фриев и ряд других, фамилии которых не помню.

В селении Чми нам пришлось изменить свое решение. Стало известно, что в Дигорском ущелье осетинские партизаны держат оборону против деникинцев. Решили идти к ним.

...Со всеми предосторожностями медленно движется наша группа на горной дороге. Вдруг окрик: «Кто идет?» Михаил Калагов ответил: «Свой, осетинь». В ответ по нам дали очередь. Мы рассыпались. В стороне от дороги тянулся глубокий овраг, и, бросившись в него, я попал в снежный сугроб. Выбравшись из сугроба, укрылся в лесу и стал думать, что делать дальше. Но вот послышались приближающиеся шаги. Направив винтовку в ту сторону, откуда были слышны шаги, окликнул невидимых мне людей. Ответа не последовало, однако шаги смолкли. Решил уже стрелять наугад, но прежде крикнул еще раз. На этот раз мне по-осетински ответили: «Свой». Из чащи вышли двое из моей группы — Тарас Созаев и с ним красноармеец. ¹

¹ Отряд носил имя легендарного народного героя Северной Осетии, погибшего в начале XIX века в борьбе с феодалами.— *Сост.*

Стали думать, что будем делать дальше. Созаев сказал, обращаясь ко мне:

Я человек гражданский, а ты военный, вот и решай как нам теперь быть.

Место, где мы встретились, было глухое, к тому же наступила ночь. Решили: утро вечера мудренее.

На рассвете двинулись лесом в направлении Военно-Грузинской дороги. На дорогу вышли выше селения Чми. Дорога пустынна, вокруг никого. Стояла зловещая тишина.

Нам хотелось узнать, что случилось с другими нашими товарищами, и поэтому мы возвратились в Чми. Действительно, около одного из домов увидели партизана нашей группы, Фриева, который стоял у ворот с хозяином дома крестьянином-ком-осетиком. Заметив нас, крестьянин замахал руками и стал кричать: «Уходите, уходите!» Мы глянули вниз на дорогу, куда показывал крестьянин, и увидели там чуть ли не сотню конных казаков. Пришлось быстро уходить. Мы снова двинулись по Военно-Грузинской дороге. Вдруг шедший с нами красноармеец остановился и, указывая вперед рукой, воскликнул: «Смотрите! Вот они, это наши!»

Впереди маячила колонна вооруженных людей с обозом. Это был арьергард отступавших красных частей. Догнав колонну, мы очутились среди своих. Это произошло недалеко от Ларса. Увидев знакомого командира полка Одинцова, я обратился с просьбой разрешить продолжить путь вместе с ними.

В Ларсе стало известно, что грузинское меньшевистское правительство, в угоду хозяйничавшим в Закавказье английским интервентам, отказалось пропустить красные части на свою территорию. На переговоры с представителями местных грузинских властей поехали Сергей Кавтарадзе, бывший председатель Владикавказского Совдепа, и Цинцадзе, бывший председатель Владикавказской ЧК. Договорились, что будет инсценирован бой, грузинские части «захватят» нас «в бою» и «интернируют».

На границе с Грузией обе стороны открыли стрельбу в воздух, и мы были «взяты в плен».

На станции Казбек нас всех обыскали, отобрали оружие. Кавтарадзе, Цинцадзе и других руководителей Советской власти в Осетии препроводили в метехскую тюрьму.

На станции Пассанаури нам повстречалась какая-то воинская часть англичан. Английские солдаты пытались издеваться над оборванными и голодными красноармейцами. Произошла стычка, в которой красноармейцы избили нескольких английских солдат. Командование английской воинской части приказало своим

солдатам не выходить из казарм, и дальше мы двинулись без инцидентов.

В Мцхете устроили большой привал. Я с несколькими товарищами зашел в крестьянский дом. Хозяева гостеприимно встретили нас, отнеслись к нам сочувственно, накормили и посоветовали отсидеться у них, пока пленных не уведут, а потом добраться до Тифлиса. Мы приняли предложение хозяев. До Тифлиса шли пешком, так как денег на дорогу ни у кого из нас не было. Без документов и денег не имело смысла задерживаться в Тифлисе — меньшевистские власти могли арестовать.

Я выехал в Баку, где устроился на работу помощником бурового мастера на 9-м промысле в Биби-Эйбате. Жил у сочувствующего большевикам Хаджумара Ботоева. Через несколько дней он мне сказал, что полиция интересуется мною, мне еле-дует немедленно уехать обратно в Тифлис.

Прибыв в Тифлис, я разыскал Кавказский краевой комитет РКП(б). Комитет вместе с горской секцией в это время подбирал группу для развертывания подпольной борьбы и партизанского движения в Осетии. В эту группу включили и меня. Местом, откуда мы должны были отправиться, намечался Ку-таис. Туда я вскоре и выехал. Вместе со мной в Северную Осетию уезжала группа бывших партизан, отступивших в Грузию из Дигорского ущелья. Среди них были Даниил Тогоев, Карамурза Кесаев, Дзандар Такоев, я и ряд других.

В одну из ночей наша группа, состоявшая из 12—15 человек, выступила в Северную Осетию. Мы шли по маршруту: Карагомский перевал — Карагомский ледник — Дигорское ущелье — Хусфарак. Путь был тяжелым, мы буквально выбивались из сил, преодолевая Карагомский перевал.

Мы имели сведения, что на этом перевале, на границе с Грузией, находится белогвардейский полк из осетин. Пройти мимо незамеченными было невозможно. Поэтому, остановившись неподалеку от перевала, мы послали одного товарища из нашей группы к начальнику караула для переговоров о переходе границы. Пропустить нас караульный начальник категорически отказался. Тогда к нему направились Даниил Тогоев и Карамурза Кесаев. Им с большим трудом удалось уговорить караул. В этот день был какой-то мусульманский праздник, и солдаты, находившиеся на посту, собирались его отметить. Вот в это время мы и должны были пройти «незамеченными».

Перейдя границу, мы добрались до Хусфарака. Здесь встретили партизан из отряда Синдира Абаева. Партизаны удачно выбрали место для своего лагеря. Поблизости протекала чистая горная речка, вокруг дремучий лес, надежно укрывавший

партизан от посторонних, в полуверсте от лагеря выставлялся дозор. Убежищем и местом ночлега партизанам служил сарай, куда в непогоду пастухи загоняли скот.

Так снова началась моя жизнь партизана и подпольщика...

Партизаны установили связь с жителями окрестных сел. Многие из них нас поддерживали, охотно снабжали мукой, разными продуктами.

Мы не стремились сосредоточить значительные силы в лесу, а старались организовать подпольные группы в самих селах. В таких селах, как Ардон, Кадгарон, Алагир, ряде сел Дигорского района и в Алагирском ущелье подпольные группы существовали еще до нашего прибытия. Немало их было и в селах на правобережье Терека. Подпольщики из этих сел готовы были по первому нашему сигналу принять участие в любой боевой операции.

Раньше стали поступать сведения, что деникинцам хорошо известно наше местонахождение в лесу. Из Ардона к нам часто приезжали связные, и контрразведка могла их выследить. Поэтому для безопасности в нашем лесном лагере мы стали держать не менее сотни партизан.

Наши опасения оправдались. В одну из ночей белогвардейцы выслали против нас карательный отряд Бигаева. Каратели заняли избушки скотоводов, находившиеся неподалеку от нас, и захватили нашего дозорного. Дозорный стал кричать, чтобы предупредить партизан об опасности. Мы услышали его крик, и белые не застали нас врасплох. Мы выскочили с винтовками. Эту операцию довелось возглавить мне. Я приказал партизанам развернуться в цепь и скомандовал открыть огонь. И хотя пулеметов у нас не было, я громко подал команду: «Один пулемет на правый фланг, другой — на левый!»

Белогвардейцы отступили, взяв с собой нашего партизана-дозорного. В дороге они его убили.

К этому времени в Северной Осетии действовали довольно значительные партизанские силы. В одном Ардоне насчитывалось не менее двухсот бойцов, в Кадгароне — не менее сотни, в Алагирском ущелье, в самом Алагире и на правом берегу Терека — примерно по двести человек, в Уродонском районе — в селах Кора, Синдикау, Уродон — также имелось большое количество партизан.

Назрела необходимость созвать подпольный съезд для объединения руководства партизанскими отрядами. Такой съезд состоялся в селении Христиановском, насколько мне помнится, в конце октября 1919 года. На нем был избран подпольный реввоенсовет в составе Казбека Борукаева (председатель),

Николая Сламава (заместитель председателя) и членов — Даниила Тогоева, Гино Баранова, Хадяшмурата Псахчиева, Георгия Айдарова и меня.

На съезде было оформлено командование вооруженными силами партизан. Командующим всеми отрядами назначили Гино Баранова, командующим отрядами партизан в Дигорском районе — Даниила Тогоева, в Левобережной Осетии — меня и в Правобережной — Хаджимурата Псахчиева.

Местопребыванием реввоенсовета определили Алагир, из которого в случае опасности можно было отступить в Алагирское ущелье и там организовать сопротивление врагу, а оттуда в случае крайней необходимости уйти лесами в удобное для обороны Дигорское ущелье. Реввоенсовет провел несколько своих заседаний. На одном из них было решено разгромить стоявший в Алагире белогвардейский батальон, с тем чтобы реввоенсовет мог обосноваться здесь легально. Руководить операцией поручили мне. На помощь нам долясен был выступить со своим отрядом Даниил Тогоев.

В один из декабрьских дней я отдал приказ ардонскому, кадгаронскому и алагирскому отрядам к полуночи прибыть на северную окраину Алагира — Салугардан. Туда же должен прийти и отряд Тогоева. Партизанскому отряду, действовавшему в Алагирском ущелье, было приказано выйти к южной окраине Алагира. Сам я выехал в Кадгарон и вместе с кадгаронцами прибыл в назначенное место. К полуночи собрались все, не было только отрядов Тогоева и из Алагирского ущелья.

Понапрасну прождав не пришедшие вовремя отряды и видя, что скоро наступит рассвет, мы решили наступать. Врага мы застали врасплох. Солдаты батальона мирно спали, винтовки были составлены в козлы. Партизан Георгий Таболов обезоружил дежурного офицера и немедленно доставил его ко мне. Разбуженным солдатам, большинство из которых были осетинами, приказали разойтись по домам. Они исполнили наш приказ с большой поспешностью. Офицера тоже отпустили под честное слово, что он не будет больше воевать на стороне белогвардейцев. Потом я узнал, что офицер сдержал свое слово.

Но предстояло еще взять гостиницу, где квартировали офицеры. Все наши попытки приблизиться к зданию гостиницы оказались безуспешными — офицеры открывали из окон прицельный пулеметный огонь.

Было решено послать парламентаря с письменным предложением сдаться, гарантируя при этом офицерам жизнь и свободный уход по домам. Но парламентарь Бутуз Цогоев вернулся с категорическим отказом.

Положение партизан осложнялось еще тем, что в нашем тылу находились вооруженные алагирские богатеи. Когда наши бойцы осаждали гостиницу, они стреляли по ним из домов. И вот ряды партизан дрогнули. Под обстрелом спереди и с тыла они начали отступать. В этом бою мы потеряли шесть человек убитыми.

Уже позднее, обсуждая причины нашей неудачи в Алагире, мы пришли к единодушному мнению, что главными из них являлись невыполнение приказа реввоенсовета о выступлении на Алагир дигорским отрядом, недостаточная организованность и дисциплина партизан, что привело к беспорядочному отступлению во время боя, и, наконец, то, что мы не учли возможности нападения на нас с тыла контрреволюционных элементов Алагира.

Но неудача не обескуражила подпольный реввоенсовет. Мы решили лучше подготовиться и снова предпринять наступление, чтобы взять Алагир. С целью проверки боевой готовности и настроения людей реввоенсовет разослал своих представителей в села. Мне тоже довелось побывать в некоторых из них, в том числе в Ардоне, Кадгароне, Алагирском ущелье и других. Всюду среди партизан и в подпольных группах царили боевое настроение, решимость добиться победы.

В это время в Северную Осетию прибыл карательный отряд под командованием деникинского головореза полковника Дорофеева. Этот отряд был выделен белогвардейским командованием для искоренения революционного духа в осетинских селениях.

Из Ардона отряд Дорофеева перекочевал в Кадгарон и оттуда в Ногкау.

Во время своих поездок по селам я приехал с группой товарищей в селение Синдзикау, недалеко от Ногкау, рассчитывая здесь немного отдохнуть и привести себя в порядок, а затем продолжить путь на Алагир.

Ранним утром селение внезапно окружили казаки из отряда Дорофеева. Получилось так, что местные партизаны во главе с С. Абиевым, узнав об окружении села, быстро оседлали коней, прорвали казачьи цепи и ускакали без потерь. Я же, заночевав у знакомого крестьянина-осетина Созырко Дзугкоева, остался в селе. Хозяева спрятали меня у соседки-вдовы под кроватью и забросали шерстью. Жена хозяина и соседка пошли узнать, тщательно ли обыскивают каратели дома. Вскоре они вернулись и с плачем стали рассказывать, что партизан ищут не только под кроватями, но повсюду и даже открывают сундуки.

Что оставалось мне делать? Только идти напролом. Быстро одевшись в рваную шубу, спрятав за пазуху две ручные гранаты и револьвер, с длинным пастушеским посохом в руках я направился в сторону реки Уродон. Казахи видели меня, но, к счастью, не остановили, видимо поверив, что я действительно пастух. Перейдя реку вброд, по пояс в ледяной воде, я выбрался на другой берег (река делит село Синдзикау на две части) и зашагал по лесной дороге. Пока я добирался до стоянок скотоводов, находившихся между Синдзикау и Алагиром, совсем окоченел — шел январь 1920 года. Пастухи помогли мне раздеться, закутали в овечью шубу, высушили мою одежду и накормили меня. Ночью один из пастухов по моей просьбе пробрался в Синдзикау и, возвратившись, рассказал, что цепь казаков снята, но отряд еще находится в селе.

Мне необходимо было выяснить, что происходит в селе, и я сам со всеми предосторожностями отправился в Синдзикау. В доме Дзугковых я застал плачущих женщин. Они рассказали мне, что каратели взяли как заложников многих жителей села, в том числе и Созырко Дзугкоева. Их привезли в Христиановское, вывели ночью за село на опушку леса и начали расстреливать. Арестованные бросились врассыпную, и некоторым удалось спастись от казачьей пули. В их числе были Инал Гогниев, Хаджимуса Мулукаев, Хазрей Магометов и Капсын Сабанов. Мой знакомый Созырко Дзугкоев, у которого я останавливался, был расстрелян.

Я продолжал свой путь. Побывал еще в нескольких селениях, где также занимался проверкой партизанских сил. В селе Упал, в доме местного крестьянина Тотырбека Хоранова, я провел совещание, на котором присутствовали твердые сторонники Советской власти — Тотырбек Хоранов, Коста Цаллагов, Лади Цаллагов, Тасолтан Бекузаров, Кутаров и другие. Выяснилось, что число вооруженных винтовками бойцов отряда Алагирского ущелья составляет до двухсот человек. Это была уже довольно значительная сила.

Во время совещания нам сообщили, что из Дигорского ущелья через перевал направляется в Упал отряд Дорофеева. Стали решать, как быть.

Некоторые местные подпольщики предлагали напасть на карателей. Однако, взвесив все, я как член подпольного реввоенсовета отклонил это предложение, так как мы не смогли бы в короткое время собрать достаточных сил. Те же незначительные силы, которыми мы располагали в тот момент, не нанесли бы существенного урона хорошо вооруженному отряду Дорофеева, имевшему к тому же пулеметы и орудия. В случае

нашего выступления мы неминуемо потерпели бы поражение, и, кроме того, белогвардейцы, как это не раз уже бывало, выместили бы свою злобу на мирных жителях. Каратели сожгли бы аул, произвели бы многочисленные аресты и расстрелы. Присутствовавшие на совещании согласились со мной.

Шел первый месяц 1920 года. В реввоенсовет поступили сведения, что Кавказский краевой партийный комитет мобилизовал большое число коммунистов и разослал их по горским селениям поднимать крестьян на борьбу против белогвардейского режима. Узнали мы также и о том, что Красная Армия перешла в решительное наступление против Деникина и белые войска все дальше откатываются на юг. Эти вести нас радовали и ободряли.

Вскоре наши партизанские силы пополнились бригадой, прибывшей из Грузии в Северную Осетию. Ею командовал коммунист Мате Санакоев, бывший подполковник царской армии.

Объединившись с этой бригадой, партизаны и подпольщики в середине марта разогнали стоявшие в Алагире белогвардейские части и провозгласили Советскую власть. Реввоенсовет перешел на легальное положение. Я был назначен начальником гарнизона Алагира и тут же издал приказ, в котором призывал население к спокойствию и соблюдению порядка.

Спустя несколько дней конный партизанский отряд вместе с пешей частью бригады Санакоева, пополненной бойцами из отряда Алагирского ущелья, выступил на Ардон для восстановления там Советской власти. В пути красные отряды повстречали отступавший из Кабарды на Владикавказ белогвардейский отряд Бековича-Черкасского и завязали с ним бой. Партизаны в этом бою разгромили врага и захватили богатые трофеи. Все они были сданы в Ардонский и Кадгаронский ревкомы. Ардон был занят повстанцами.

После успешного боя с отрядом Бековича-Черкасского к нам в Ардон для переговоров прибыла в двух экипажах делегация контрреволюционного осетинского «национального совета». Патруль доставил делегацию ко мне. Член «национального» совета Ахмет Дударов, знавший меня лично, изложил цель своего приезда. Видите ли, делегатов «беспокоило», в чьи руки теперь перейдет власть.

В это время в Ардоне находились представитель Кавказского краевого комитета партии Симон Такоев и председатель нашего реввоенсовета Казбек Борукаев. Я послал за ними, и вскоре они прибыли. Такоев следующим образом ответил представителям осетинского «национального совета»: «Нам, революционной мощи, не о чем договариваться с контрреволюцион-

кой немощью. Мы предлагаем вам подготовить свои дела к сдаче к нашему прибытию во Владикавказ».

Ахмету Дударову ничего не оставалось, как пообещать выполнить это требование.

Мы дали делегации охрану, которая проводила ее почти до хутора Ардонского. Дальше наша власть пока не распространялась.

21 марта из Алагира выступили пешие части бригады Санакоева. Вместе с партизанскими отрядами они двинулись на Владикавказ. По пути без боя заняли хутор Ардонский и станицу Архонскую. В Архонской, обсудив план дальнейших боевых операций, мы с Санаковым приняли решение направить пешие части на захват Беслана и железнодорожного узла, а конный отряд под моим командованием — па Владикавказ. Беслан был освобожден 24 марта.

Рано утром того же дня наш конный отряд недалеко от Владикавказа был встречен делегацией во главе с писателем Константином Гатуевым, который произнес приветственную речь и сообщил, что накануне, 23 марта, подпольная организация и владикавказские рабочие на своем митинге провозгласили в городе Советскую власть.

Мы вступили во Владикавказ и заняли здание юнкерской школы. Как выяснилось, белогвардейские части спешно покинули город за два дня до нашего прихода. Оки отступили по Военно-Грузинской дороге в меньшевистскую Грузию.

27 марта 1920 года на центральной площади города состоялся парад вошедших в город партизанских отрядов. Парадом командовал начальник штаба советских казачьих отрядов на реке Сунже Ф. Е. Тасуй. Принимал парад заместитель командующего партизанскими отрядами в Чечне М. С. Мордовцев.

Так закончилась партизанская борьба в Северной Осетии.

А. З. Дьяков

Красный Дагестан

Когда в 1919 году в горах Северного Кавказа появились деникинские войска, неся угрозу нового национального угнетения и порабощения, трудящиеся Дагестана восстали. Горный край превратился в сплошной военный лагерь, его по праву называли Красным Дагестаном.

В крупном горном селении — Леваши образовался революционный штаб повстанческих войск во главе с выдающимся организатором-большевиком С. С. Казбековым. Повстанческий штаб сразу же приобрел авторитет как высший орган военной власти в Дагестане. Наряду с ним действовал Совет обороны. В его состав входили как коммунисты, так и временные попутчики в борьбе с деникинцами. Председателем Совета был избран престарелый шейх Али-Ходжа Акушинский. Однако с самого начала на деятельность Совета большое влияние оказывали большевики С. С. Казбеков, Д. Ксркмасов, С. Дударов.

Это был очень сложный период революционной борьбы в Дагестане. Могло показаться странным, что в Совете обороны вместе с большевиками находятся духовные лица, буржуазные элементы и они призывают народ вместе с коммунистами идти на Деникина во имя шариата. Но в том-то и проявилась мудрость руководителей дагестанских большевиков, что они применили гибкую тактику в сложной обстановке.

Совет обороны совместно с военным штабом формировал повстанческие отряды, утверждал командный состав и т. д. По мере же освобождения той или иной местности от белых, создавал ревкомы, которые и становились органами Советской власти в Дагестане.

В Южном Дагестане восставшие горцы, освободив горные аулы от деникинских гарнизонов, подступили к Дербенту. В начале сентября 1919 г. около семи тысяч повстанцев осадили город и участок железной дороги от Самурского моста до селения Дагестанские Огни.

Белогвардейцы, отступив в Дербент, успели организовать сильную оборону. В их войсках насчитывалось до четырех тысяч белоказаков, имевших две полевых пушки, свыше десятка пулеметов, бронепоезд, пароход с дальнобойными орудиями. Поэтому было ясно, что взять Дербент силами плохо организованной, хотя и многочисленной, армии невозможно.

Нужно было срочно укрепить повстанческую армию. Эту исключительно сложную работу возглавил вместе с другими товарищами бывший офицер царской армии Казим Рамазанов, проявивший себя в боях с деникинцами талантливым и бесстрашным командиром.

Но тогда не удалось до конца довести работу по формированию армии Южного Дагестана. Большевики натолкнулись на сильное противодействие буржуазно-клерикальных элементов, которые стремились подчинить повстанческое движение своему влиянию и протащить на командные военные посты

турецких и мусаватистских офицеров во главе с Казим-беем, прибывших из Закавказья якобы для оказания помощи повстанцам в их борьбе против Деникина. Однако действия Казим-бея были далеки от этой цели. На деле турецкие офицеры пытались подчинить себе повстанческое движение, чтобы с его помощью создать в Дагестане мусульманское государство под протекторатом Турции.

Вскоре Рамазанов был убит из-за угла по приказу Казим-бея, который усмотрел в нем работника, хорошо понимавшего преступные замыслы турецкой военщины и способного разоблачить их, к тому же хорошего военного специалиста, своего соперника в военном деле.

Злодейское убийство Рамазанова резко настроило повстанцев против турецких офицеров. До приезда Казим-бея повстанцы уже успели полюбить Рамазанова и верили в его военное дарование. Он это доказывал своим боевым примером и умелым командованием в первые дни восстания.

Расправившись с Казимом Рамазановым и подвергнув нескольких горцев телесному наказанию, Казим-бей отбыл в Левашу. Своим заместителем и командующим Дербентским фронтом он назначил Гайдар-бея, оставив при нем под командой офицера Сулеймана 20—30 турецких аскеров, которых он называл «жандармами». Начальником штаба фронта был назначен русский офицер Ф. Е. Тасуй, который прибыл в Дагестан из Тифлиса одновременно с группой турецких офицеров.

Ф. Е. Тасуй прибыл по указанию Кавказского крайкома партии большевиков во главе группы русских, бывших красноармейцев, живших в Тифлисе после отступления с Терека в феврале 1919 года. Это был опытный офицер с военным образованием, артиллерист. В империалистическую войну он командовал гаубичной батареей на турецком фронте, хорошо владел турецким и грузинским языками. В 1918 году Тасуй участвовал на Тереке в боях за Советскую власть, был начальником гаубичного отряда, затем начальником штаба казачье-крестьянской дивизии под Грозным.

Казим-бею Ф. Е. Тасуй представился как бывший царский офицер, «бежавший» от большевиков и деникинцев в Грузию. Там он якобы оказался без денег и без службы и поэтому вынужден был приехать в Дагестан, чтобы подзаработать в повстанческих войсках. В дальнейшем под таким же предлогом прибыли в Дагестан и другие большевики. Казим-бей сохранил в армии русские офицерские звания. И поэтому в дальнейшем крайком и Бакинский комитет партии, направляя в Дагестан коммунистов, снабжали их документами, в которых указыва-

лись звания: «поручик», «капитан» и т. д. Их тогда сразу назначали на командные должности.

По настоянию горских богатеев казимбеевские каратели повесили двух дагестанцев — Магомеда Расула и Омара из селения Мамул только за то, что они были революционно настроены и в 1918 году организовали выступление против английского агента Лазаря Бичерахова. Весть о расправе с революционными горцами быстро разнеслась по аулам. Она дошла и до селения Леваши. Когда подтвердились слухи о том, что Омар и Расул действительно повешены людьми Казим-бея и на их трупы навесили таблички с надписью «Большевик», многим повстанцам стали более понятными истинные политические цели Казим-бея.

Входившие в Совет обороны большевики отдавали себе отчет в той опасности, которая грозила им со стороны турецких офицеров, захвативших в свои руки командование фронтом. Дагестанский областной комитет партии решил перейти на полулегальное положение.

Член крайкома Виктор Нанейшвили сообщил, что по решению Бакинского бюро крайкома на Дербентский фронт в ближайшее время будет направлена группа большевиков. С этой группой в помощь Дагестанскому обкому должен был выехать и я. Нанейшвили поставил перед нами основную задачу, которая сводилась к тому, чтобы мы укрепляли позиции большевиков в повстанческой армии, овладевали руководством фронта путем выдвижения на командные должности местных активных и способных горцев. С турецкими офицерами пока не вступать в конфликт, а наладить с ними внешне хорошие отношения, с тем чтобы было легче вести разъяснительную работу среди повстанцев.

В конце сентября 1919 года группа большевиков из 12 человек прибыла в Южный Дагестан. Здесь мы связались с начальником штаба Тасуем, которого горцы называли Тасим-беем. Тасуй ознакомил нас с положением на фронте. От него мы узнали, что в Дагестан уже прибыл турецкий генерал Нури-паша, взявший на себя командование повстанческими силами, и расположил его своим штабом в Маджалисе. Нури-паша перед своим появлением в Дагестане сумел создать видимость, что он является непримиримым врагом деникинщины и готов защищать от белогвардейцев родное ему по вере мусульманское население Дагестана. Но жизнь показала, что это было лишь маскировкой на первых порах...

На Дербентском фронте сохранилась система званий и чипов старой царской армии. Поэтому я, чтобы получить от турецкого

командования какую-либо офицерскую должность, присвоил себе для маскировки чин младшего кавалерийского офицера — «корнет» и фамилию Турбин.

При распределении прибывших из Закавказья товарищей меня вначале назначили командиром касумкентской сотни, а затем офицером для особых поручений при штабе Дербентского фронта. Такая должность была введена по настоянию начальника штаба Тасуя.

Будучи офицером для поручений, формально я подчинялся только одному Тасую. Это давало мне возможность разъезжать по фронту по своему усмотрению и завязывать знакомства с фронтовиками непосредственно на позициях.

Что касается связей Дагестанского областного комитета партии, то они были довольно обширные. Комитет имел регулярную связь с Баку через свое Бакинское бюро, с Астраханью, откуда С. М. Киров оказывал помощь и вдохновлял дагестанских большевиков. С терскими партизанами связь была установлена еще раньше.

В октябре — ноябре 1919 года на Дербентском фронте находилось достаточно большое число большевиков, направленных туда Бакинским и Тифлиским комитетами партии. В Баку по поручению Бакинского бюро и краевого комитета РКП(б) вербовкой и направлением в Дагестан добровольцев из бакинских рабочих и большевиков занимались В. И. Нанейшвили и И. И. Довлатян. Прибывавших большевиков мы с Тасуем распределяли по воинским подразделениям так, чтобы легче можно было в них создавать партийные ячейки.

Сознавая ответственность за положение на фронте, мы с Тасуем и другими большевиками часто решали такие вопросы, какие имел право решать только партийный орган. Сама жизнь требовала создания фронтовой парторганизации. Учитывая это, мы решили послать в Баку и Левашу ответственных товарищей для получения консультаций. В Баку поехал Станцо, а в Левашу — я.

В Левашу мы прибыли к вечеру. Отыскать обком партии стоило немалых трудов, так как он находился на полуполюгальном положении. С. С. Казбеков был рад моему приезду и познакомил меня с Борисом Петровичем Шеболдаевым. Тот прибыл из Астрахани от Кирова еще в июле 1919 года, привез деньги и кое-какое оружие. Когда пришел политкомиссар Дударов, мне предложили рассказать о положении на Дербентском фронте и о поведении Нури-паши.

Выслушав мою информацию, товарищи одобрили действия Тасуя, но посоветовали нам пока не ссориться с Нури-пашой

и вообще с турецкими офицерами. Обещали написать Нури-паше специальное письмо. Казбеков и Шеболдаев предложили нам созвать конференцию большевиков и избрать фронтовой партийный комитет.

Через три дня я вернулся в штаб Дербентского фронта.

Командиром Дербентского полка был назначен большевик А. Королев, бывший донской казачий офицер, командирами рот — Колпаков, Вахтадзе, Мамедов, Чернышев и другие, командирами команд разведчиков — Гнездилин, пулеметчиков — Топалов, подрывников — Я. Сидоров, в батарее — Горбачев, в санчасти — Мария Топалова и ее заместительницей Аня Горбачева. Заместителем командующего был назначен подполковник Нацвилишвили. Штаб фронта расположился в селении Кулары, в доме зажиточного местного жителя Султанова.

Партийная конференция Дербентского фронта по выбору комитета состоялась 17 декабря в селении Кулары. Проводилась она нелегально. На конференцию прибыли от Бакинского бюро крайкома Гавриленко, а от Дагестанского обкома из Левашей — Атаев.

В конференции приняло участие большинство коммунистов, находившихся на фронте, примерно около 40 человек.

Так на первой конференции было положено начало существованию партийной организации и ее органа — комитета. Но тогда мы были вынуждены вести партийную работу полулегально. Это значило, что партийные заседания и собрания мы должны были проводить строго конспиративно, имена членов партии не разглашались. Но о том, что на фронте имеются большевики, мы не скрывали. Члены партии открыто выступали в поддержку повстанцев в агитацией за Советскую власть. Такая тактика хорошо маскировала большевистские партийные организации от денкинских шпионов и агентов турецкого коман-

ДовС^азначением меня начальником штаба фронта сложились благоприятные условия для работы большевиков. Фронтовой партийный комитет и раньше контролировал деятельность командования и оказывал на него влияние. Теперь партком имел возможность через меня осуществлять перемещение командиров, за исключением турецких офицеров, собирать сведения о состоянии частей, проводить с разрешения штаба совещания во всех подразделениях фронта и посылать своих связных в Леваше и Баку с удостоверениями штаба Дербентского фронта за подписью начальника штаба. Подписывался я по-турецки. Вместо себя адъютантом штаба назначил рекомендованного парткомом большевика Бондаренко. Таким образом,

в распоряжении большевиков оказался весь аппарат штаба, охраняемый вооруженной командой партизан.

Пользуясь доверием вновь назначенного командующего фронтом Руфат-бея, а затем вскоре сменившего его Фуат-бея, мне удалось постепенно заменить некоторых офицеров, самостоятельно прибывших в Дагестан и не проявивших себя активными организаторами.

Когда мы достаточно укрепили наш фронт, партком дал установку всем коммунистам развернуть агитацию среди повстанцев за организацию наступления на Дербент. Агитационная работа имела успех, и вскоре о наступлении стали говорить всерьез не только в партизанском полку, но и всюду.

На узком совещании командиров мы договорились послать разведку в Дербент, а заодно лучше разузнать настроение деникинских солдат, среди которых, как нам было известно, было много мобилизованных. Командир разведчиков с большим рвением взялся за это дело. Наши разведчики, переходя линию фронта, натолкнулись на сторожевое охранение деникинцев. На оклик: «Стой, кто идет?» — белые с удивлением услышали в ответ русскую речь. Завязался разговор на расстойнии. Наши разведчики, не жалея слов, рассказывали белогвардейцам, что на Дербентский фронт прибыло несколько тысяч русских партизан из Астрахани, что Красная Армия разбила у Ростова деникинскую армию, которая отступает в Крым и т. д. Разведчики предложили деникинским солдатам сговориться между собой и переходить к нам. Солдаты в общем приняли это предложение, но оговорили, что перейдут на нашу сторону во время боя.

Однажды на станцию Ялама из Тифлиса прибыл отряд численностью 800 человек, имевший четыре полевые пушки, до десятка пулеметов, снаряды, винтовки, патроны. Отряд должен был выгрузиться и походным порядком двинуться в Дагестан. Но он не выгружался и двигаться дальше не собирался, потому что командовали в отряде проходимцы и шкурники — мейснер-врхстские офицеры во главе с генералом Кереселидзе.

Узнав о тяжелых условиях на фронте, офицеры решили возвратиться в Грузию. Они получили щедрые командировочные и сочли, что большего на этом деле не заработаешь.

Об этом стало известно у нас на фронте. Я, доложив Фуат-бею о прибытии отряда из Грузии, немедленно направил на станцию Ялама «делегацию» в составе вооруженной полуроты русских партизан во главе с командиром полка Королевым,

руководителем оперативной части Перепелицыным и лучшим агитатором нашего партийного комитета Мищенко. Прибыв на станцию Ялама, делегация прямо на железнодорожных путях Устроила митинг. Из выступлений наших командиров и солдат меньшевистские офицеры поняли, что это большевики, и, убедившись, что на фронте они могут оказаться под контролем большевиков, наотрез отказались выгружаться и идти на фронт. Тогда наши делегаты обратились к солдатам с предложением выгрузиться без офицеров, подчеркнув, что у нас на фронте свои прекрасные офицеры, которые борются за Советскую власть. Солдаты колебались. Офицеры запротестовали.

Тогда Королев подал команду: «Кто желает бороться с Деникиным, злейшим врагом трудового народа, отойди на 20 шагов!»

Сразу же двинулась в сторону многочисленная вооруженная толпа солдат со скатками, винтовками и котелками за спиной. Это ободрило нашу делегацию.

Королев подал новую команду: «Стройся!», а затем: «По порядку номеров, рассчитайся!» — это для того, чтобы выяснить точное количество людей. В строю оказалось около 400 человек.

Тем временем Перепелицын, побеседовав с офицерами, уговорил их не вмешиваться в дела солдат — пусть-де солдаты сами решают, где им быть.

Затем встал вопрос, как быть с орудиями и пулеметами. Офицеры категорически отказались их выгружать. Тогда Королев, обратившись к построившимся солдатам, спросил: «Товарищи бойцы, как поступим с орудиями и пулеметами?» В ответ грянули сотни голосов: «Возьмем!»

В этот момент подъехали Нури-паша, Фуат-бей, я и несколько всадников-дагестанцев. Перепелицын доложил нам о ходе «переговоров». Во избежание вооруженного столкновения грузинские офицеры, обращаясь к нам, согласились на выгрузку двух орудий, четырех пулеметов и к ним снарядов и патронов. Мы не стали углублять конфликта и решили взять то, что дают мирным путем.

После выгрузки орудий, пулеметов и боеприпасов остатки отряда Кереселидзе отправились обратно в Тифлис.

Переправив на буйволах пушки, пулеметы и боеприпасы через реку Самур на территорию Дагестана, отряд двинулся на Дербентский фронт. Вдруг Нури-паша приказывает: одну пушку и два пулемета отправить в его распоряжение. Этот приказ был передан через переводчика мне, а я передал его Королеву, который вел колонну. Королев остановил движение колонны и

спросил бойцов: «Отдадим наше оружие в тыл или возьмем на фронт?» Бойцы единодушно крикнули: «На фронт!»

Скова стихийно возник митинг. Артиллерист Плетнев, получив слово, сказал: «Мы приехали в Дагестан издалека не для того, чтобы сидеть в тылу или привезенные пушки держать в бездействии. Мы пришли добровольно, чтобы сражаться с врагами, и пушки никому не отдадим». Его поддержали другие солдаты. Нури-паша выругался по-турецки и, обратившись к Фуат-бею и ко мне, сказал на ломаном русском языке: «Ваша фронт плохой дисциплина».

Я пытался объяснить через переводчика, что эти солдаты к нам только что прибыли и мы с Фуат-беем за них не можем нести ответственности. Нури, сверкнув глазами в сторону Королева, сказал: «Этот ваш старший офицер — плохой офицер. Зачем спрашивал солдат? Он хуже большевика».

Больше он не стал разговаривать с нами, но Фуат-бею приказал подтянуть дисциплину — прочить.

Однажды два горца из аула решили ночью сходить за провизией. Турецкие патрули задержали их недалеко от штаба и объявили «шпионами» из Дербента. Фуат-бей на скорую руку организовал «чрезвычайный военный суд», в состав которого включил себя, начальника жандармов Сулеймана и меня, начальника штаба. Допрос вел сам Фуат-бей. Суд длился с перерывами шесть — семь часов. Не было никаких данных, чтобы обвинить этих людей в шпионаже. Они называли своих земляков в одной из рот, где командиром был турецкий офицер, уговаривали допросить тех. Просьба не была удовлетворена, и Фуат-бей от имени всего суда вынес решение: «Повесить».

Сулейману было приказано построить две виселицы-треножки. Церемония повешения должна была состояться публично вечером при свете костра на площади селения Кулар.

В этом селении находилась на отдыхе одна русская рота партизан. Фуат-бей предложил мне выстроить ее у виселицы для того, чтобы все видели, как турецкое командование борется с деникинскими шпионами. Перед казнью палач-жан-дарм спросил горцев, что они еще могут сказать перед позорной смертью? Горцы стали кричать. Они умоляли, клялись аллахом и кораном, что они честные мусульмане, что с самого начала восстания сражаются с Деникиным, что их хорошо знал сам Казим Рамазанов и т. д.

Но Фуат-бей был неумолим. Мнимых шпионов уже подвели к виселицам.

Я тем временем успел подготовить партизанскую роту. Вместе с ее командиром Чернышевым и секретарем партийного комитета

фронта Тымчуком мы решили не допустить казни и дали задание, чтобы солдаты роты «взбунтовались» и разнесли виселицы.

Недалеко горел костер и освещал зловещие треножки. Фуат-бей и я вышли на крыльцо штаба. Жандармы вывели связанных, оборванных смертников и каждого поставили против предназначенной для него виселицы. Жуткая была картина! Пока жандармы-палачи готовили веревки, партизаны медленно и без шума стали смыкать круг, а затем человек двадцать вооруженных партизан с криком рванулись вперед и встали между виселицами и приговоренными, окружив их со всех сторон. Мгновенно руки их были развязаны. Жандармы от неожиданности отпрянули в сторону. С другой стороны надвинулась еще толпа, солдаты повалили треноги-виселицы и бросили в пылающий костер.

Солдаты кричали: «Долой смертную казнь!»

Фуат-бей растерялся и крикнул: «Жандармы!»

Толпа загудела: «Долой жандармов!»

Колпаков и Станцо хорошо разыграли «бунт». Фуат-бей, тяжело дыша, спросил: «Что такое, Турбин?» Я ответил: «Бунт» — и тут же громко позвал командира роты, которому приказал прекратить «безобразие», и попросил его выделить 15—20 человек для нашей охраны. Группа партизан во главе с Колпаковым и Станцо подступила к нам и потребовала прекратить расправу над фронтовиками.

Когда к нам подошла охрана, толпа рассеялась. Я рассказал Фуат-бею о причинах бунта: русские солдаты не могут терпеть даже вида виселицы, которую они ликвидировали вместе с царем Николаем II.

Фуат-бей просил передать солдатам, что больше виселиц на Дербентском фронте не будет. Я обещал, а Фуат-бею рекомендовал создать солдатский суд при штабе. Фуат-бей согласился. Вскоре мы действительно образовали при штабе фронтовой суд под председательством большевика Огнева, который потом, когда мы заняли Дербент, выполнял обязанности председателя ЧК.

Освобожденных смертников партизаны отпустили. Они побежали в свой родной аул и всюду по пути рассказывали о том, что турецкие офицеры хотели их повесить, а русские партизаны-большевики спасли им жизнь. Это была исключительной силы агитация за большевиков. С тех пор авторитет русских партизан поднялся еще выше, а вера в турецких «единоверных братьев» стала заметно падать. То, за что мы боролись несколько месяцев, было достигнуто с лихвой. Теперь

все основные вопросы жизни фронта решались «красными офицерами», руководимыми фронтовым комитетом. Фуат-беи и Нури-паша вынуждены были считаться с этим. Партийный комитет постепенно превращался в открытый политический орган фронта, направлявший его силы на окончательный разгром деникинцев и освобождение Дербента.

Не забывали мы и обещания деникинских солдат, данное нашим разведчикам, перейти на нашу сторону во время боя. Поэтому на совещании старших командиров решили провести боевую вылазку и, создав видимость наступления, затеять на центральном участке короткий бой. На согласие командующего мы не рассчитывали. Поэтому Фуат-бею не доложили.

К этому времени на Дербентском фронте практически было два штаба, две власти. Уже стало ясно, что турецкое командование является только помехой в борьбе с деникинцами. Но мы его терпели, помня предупреждение краевого и областного комитетов партии о том, чтобы до конфликта с турками до времени дела не доводить. Теперь, решая вопрос о боевой вылазке, мы шли на риск вызвать конфликт с турецким командованием, особенно с Нури-пашой, который все время сдерживал активность наших сил, плетя какую-то неизвестную нам паутину интриг.

И вот в конце февраля 1920 года мы затеяли вылазку, вроде разведки боем, рассчитывая на переход к нам во время боя деникинских солдат. Условным сигналом для начала был назначен взрыв, который должны были устроить в южной части Дербента наши смелые подрывники. Противник заметил передвижение наших партизан еще до взрыва и обстрелял их из пулемета как раз за небольшой скалой, которую минировали подрывники.

Подрывников прикрывал взвод из самурской конной сотни во главе с молодым отчаянным командиром М. Я. Цебро, любившим ходить на самые рискованные операции. Взвод Цебро завязал перестрелку с пулеметчиками, отвлекая на себя внимание от подрывников.

И вдруг под самым носом у вражеских пулеметчиков рванул динамит, да с такой силой, что беляки с ужасом бросились бежать, бросив в окопе пулемет и много набитых патронами пулеметных лент.

Не теряя времени, группа Цебро ворвалась в окоп и мигом захватила пулемет. Почти в то же время грянули два залпа наших орудий. Где-то разнеслось «Ура!». Со стороны противника тоже начала действовать артиллерия. Создалось впечат-

Авторы воспоминаний

Р. И. Левикова

Н. Ф. Кожухарь

Н. А. Нарцов

К. К. Кожина

Авторы воспоминаний

П. К. Хижняк

Н. И. Точный

ление, что дагестанская армия повстанцев перешла в решительное наступление.

Через 20—30 минут после начала боя недалеко от взорванной скалы оказалась группа перебежчиков. Вскоре послышались крики: «Эй, партизаны, не стреляйте, свои идут!» Командир пулеметной команды Топалов скомандовал продолжать продвигаться вперед без выстрелов, но на всякий случай приготовив пулемет.

Наша самочинная вылазка вышла удачной. У нас оказалось до 160 перебежчиков с винтовками и один пулемет. Деникинские солдаты сдержали свое слово. Перебежчиков распределили по ротам, они оказались неплохим пополнением для нас и своим переходом воодушевили весь фронт, показав, что в лагере белогвардейцев началось разложение.

Перебежчики сообщили нам, что среди офицеров идут разговоры о том, что деникинская армия терпит поражение, что идут бои на Ставрополье.

Весть о нашей успешной вылазке докатилась и до горных аулов. Через несколько дней на фронт начали возвращаться горцы, ранее расходившиеся по домам.

Теперь никакой саботаж Нури-паши не мог подорвать боевого духа на фронте. Повстанцы, находившиеся под командованием турецких офицеров, все чаще стали требовать наступления на город. Пример русских партизан оказался заразительным. Турецкие офицеры бесновались и были очень злы на русских офицеров, которые все больше влияли на ход событий на фронте, а престиж турок падал с каждым днем.

Потянулись с гор арбы и лошади, навьюченные хурджунами с вареной бараниной и свежееиспеченными чуреками. Верные сыны Дагестана спускались с гор с оружием и без него. Наш штаб еле успевал принимать новые пополнения и распределять их по частям. В каждой роте, где был назначен русский или грузинский командир, прикреплялись дагестанцы, говорившие на русском языке, которые были и переводчиками, и заместителями командиров. В те дни, как никогда, установилось прекрасное взаимопонимание и дружба между людьми разных национальностей, крепкое доверие друг к другу. Все горели одним желанием — разбить общего врага и освободить Дербент и весь Дагестан от деникинских насильников.

Учитывая благоприятную обстановку, мы отстранили от командования турецких офицеров. Вскоре Нури-паша со своим войском бежал из Дагестана. На фронте под Дербентом у нас имелось свыше 6 тысяч бойцов, из которых около тысячи были вооружены только холодным оружием — кинжалами и сабля-

ми. Но мы не растерялись. Бойцов, не имевших винтовок, свели в отдельный «запасной полк», который разделили на две части: одна в районе Дагестанских Огней должна разобрать железнодорожный путь, вторая предназначалась для восполнения потерь во время боевых действий.

По нашему плану главный удар было намечено нанести с юга вдоль железной дороги и по берегу моря, отрезав деникинцам возможность отступления в Азербайджан.

Штурм города начался точно по плану — в пять часов утра. 25 марта еще с вечера наши разведчики забросили в окопы противника листовки, составленные Дударовым и Тымчуком, с призывом к солдатам переходить к нам пока не поздно. Белые офицеры смеялись над нашим обращением, но солдаты приняли его всерьез и ответили на него делом буквально в первые же минуты нашего наступления. Буквально сразу же после того, как мы открыли огонь по железнодорожной станции и юго-восточной части города, в наш штаб сообщили по полевому телефону, что на южном участке фронта рота деникинских солдат, перерезав проволочные заграждения, перешла к нам с оружием.

Воспользовавшись тем, что железнодорожная станция оказалась необороняемой, командир полка Королев немедленно бросил в образовавшуюся брешь роту Чернышева и подрывников во главе с Василенко. Подрывники, взорвав входную стрелку, отрезали от города бронепоезд, стоявший у семафора. Вслед за ротой Чернышева стремительно рванулась в прорыв рота Вахтадзе и захватила станцию. Вместе с этой ротой, опережая ее, пробивалась в центр города боевая команда разведчиков, которая должна была захватить пристань и задержать эвакуацию белых на английских пароходах, стоявших наготове. Вдоль морского берега, с юга, прочесывая берег, продвигались к городу две конные сотни — самурцы и касумкентцы. Им надлежало преградить противнику путь к отступлению в Азербайджан.

Бой за Дербент продолжался несколько часов. К вечеру в городе был установлен порядок.

В Дербенте мы захватили большие трофеи и много пленных. Успели отплыть на кораблях только старшие офицеры и английские наблюдатели. Пленных насчитывалось около 3 тысяч. Нам досталось 4 орудия, 12 пулеметов, свыше 3 тысяч винтовок и много снарядов и патронов.

Вскоре из Левашей прибыли представители Совета обороны и сообщили, что доблестные партизаны заняли Темир- Хан-Шуру и наступают на Порт-Петровск. Командующим

повстанческими войсками был Мутаев, начальником штаба — У. Алиев и политическим комиссаром — Б. Шеболдаев. А вскоре прибыли из Баку от крайкома партии Гавриленко и Гигоян. Тут же собрали экстренное совещание актива, на котором избрали революционный комитет Южного Дагестана под председательством Султанова. В состав ревкома вошел и я. Меня назначили военным комиссаром Дербента и Южного Дагестана, а Королева — моим заместителем.

Начиналась мирная жизнь.

И. П. Червяков

Освобождение политзаключенных

Небольшие рабочие отряды Грозного не могли противостоять превосходящим силам белогвардейцев и в ночь на 2 февраля 1919 года оставили город.

Я в это время находился в горах Чечни, в одном из повстанческих отрядов, занимая должность председателя чрезвычайной комиссии. Командование отряда направило меня в Грозный для налаживания подпольной работы и организации вооруженного восстания.

Прибыв в Грозный, занялся поисками коммунистов, оставшихся в городе. С большим трудом связался с четырьмя товарищами. Это были рабочий завода Ахвердова Владислав Лозовацкий, рабочие нефтеперегонного завода общества «Мазут» Алексей Кабацкий и Антон Стеценко, а также Ефим Губарев. Наша пятерка и образовала Грозненский большевистский подпольный комитет во главе со старейшим среди нас по возрасту и опыту революционной борьбы Лозовацким.

Комитет приступил к работе примерно в апреле — мае. Из числа коммунистов и беспартийных мы выбрали группу товарищей для связи и разведки. С их помощью удалось наладить и поддерживать постоянную связь с командиром партизанского отряда Н. Ф. Гикало, находившимся в Чечне, а также со своими людьми в воинских частях и учреждениях белогвардейцев, получать разнообразную информацию о том, что делается в Грозном и за его пределами. Это помогало нам определять задачи, намечать мероприятия и проводить ссот-

ветствующую работу как среди населения, так и солдат деникинской армии.

...Но в конце лета случилась беда. В то время, когда я и Губарев находились в отряде Гикало в Шатое, белогвардейцы арестовали Кабацкого и расстреляли, затем схватили председателя подпольного комитета Лозовацкого и посадили в тюрьму, а Стеценко отошел от подпольной работы.

Во время нашего пребывания у Гикало последний получил письма от дочери Лозовацкого, Галины, работавшей в подполье под кличкой «Нина», и от заключенных грозненской тюрьмы. В них предлагалось организовать восстание в городе и освободить политических заключенных.

Стали обсуждать, что можно сделать и какую помощь оказать томившимся в белогвардейской тюрьме товарищам. Гикало считал, что мне необходимо возвратиться в Грозный, хорошо ознакомиться с обстановкой, собрать сведения о силах противника, выявить, кого можно привлечь на нашу сторону, и только после этого принять определенное решение.

Н. Ф. Гикало дал и еще ряд ценных советов:

— Задача,— говорил он,— очень серьезная, ответственная, связанная с большим риском.

Вскоре я и Губарев вернулись в Грозный.

Ближайшими моими помощниками в выполнении поставленной задачи были Галина Лозовацкая, Анна Васильевна Глущенко, жена рабочего-кузнеца, Акулина Филипповна Губарева (Байкова), сестра Ефима Губарева, бывшие бойцы Красной Армии — пулеметчик И. Зайцев и артиллерист Лебедев, Степан Губарев, надзиратель грозненской тюрьмы, и Владимир Ивченко.

Эта группа, действуя строго конспиративно, выясняла обстановку в городе, поддерживала связь с заключенными, с солдатами некоторых белых частей, с людьми, скрывавшимися в подполье, изыскивала возможности вооружить участников задуманного восстания.

Потребовалось несколько дней на то, чтобы учесть силы противника, их размещение, выяснить возможности участия в вооруженном восстании некоторых воинских частей и групп белых и т. д. Нужно было также определить расстановку наших боевых сил, подготовить задания, выделить старших групп... По той информации, какую нам удалось собрать, предполагалось, что в восстании примут участие до двухсот военнопленных, которые содержались в землянках в районе железнодорожной станции, две роты солдат, сформированных из пленных — бывших бойцов Красной Армии, расквартиро-

ванных в заводском районе, сами заключенные грозненской тюрьмы после их освобождения, а также рабочие города.

На основе этих данных был подготовлен план вооруженного восстания с подробной расстановкой сил, их взаимодействия, с расчетом на помощь партизанского отряда Гикало.

Наметили день и час восстания.

План восстания сообщили Гикало, от которого получили ответ, что он с ним согласен.

Вечером накануне восстания мы с Галиной Лозовацкой отправились на квартиру к Петушкину, державшему связь с военнопленными. Во время беседы Петушкин начал доказывать, что он не сможет добраться до землянок военнопленных, что на первом же перекрестке будет схвачен патрулями белых, а через Сунженский железнодорожный мост проход невозможен ввиду его усиленной охраны.

Было ясно, что Петушкин срывает участие военнопленных в восстании. То ли он сам не был уверен, что военнопленные смогут выступить и справиться с поставленной задачей, то ли потому, что решил уйти от опасности. Признаться, мы не ожидали такого разговора с Петушкиным, на которого так рассчитывали. Уходили с тяжелыми и тревожными думами за судьбу восстания, за судьбу заключенных, отряда Гикало, который уже был на подходе к Новопромысловой горе.

Направились к дому Николая Рубана, где должны были собраться повстанцы для выполнения главной задачи — захвата тюрьмы. Ответственным за сбор ее был выделен В. Ивченко. Эта группа по меньшей мере должна была состоять из 80—100 человек.

Прежде чем подойти к тюрьме, нужно было завладеть 2-й горной батареей белогвардейцев, расположенной в непосредственной близости от тюрьмы, захватить оружие, вооружить повстанцев, обезопасить свой тыл.

В доме Рубана к 12 часам ночи 21 декабря 1919 года собралось 34 человека. Ждем еще 10—15 минут. Никто не подошел. Держать людей в сборе небезопасно. Наступил критический момент. Надо решать: выступать с такими силами или не выступать? Принимаю решение: собраться на следующую ночь, а за это время найти отряд Гикало, посоветоваться с Николаем Федоровичем, как быть дальше.

Время бежит с невероятной быстротой, надо спешить предупредить Гикало о заминке в Грозном и о том, что выступление переносится на следующую ночь.

Подпольщику Жукову поручается немедленно отправиться на Новопромысловую гору, разыскать отряд Гикало и передать

донесение. Вся надежда на Жукова. Доберется ли он до отряда, какое решение примет Гикало?

Позже я узнал от Гикало, что Жуков до отряда не добрался. Отряд вынужден был после короткого боя с белыми сняться с Новопромысловой горы и повернуть обратно.

С утра следующего дня мы привлекли наш женский актив — Галину Лозовацкую, А. В. Глущенко, Валю Шевченко, жену рабочего, А. Ф. Губареву (Байкову), Х. Ф. Игошкину и других для разведки к сбора данных: как ведут себя белогвардейские офицеры, казаки и солдаты после налета отряда Гикало на Новопромысловую гору, что говорят по этому поводу, к чему готовятся, нет ли каких слухов о ночных сборах повстанцев, о восстании, не готовятся ли аресты?

Данные нашей разведки показали, что налет отряда Н. Ф. Гикало на Новые промыслы вызвал у белогвардейцев сильный переполох. Они усилили патрульную службу, охрану учреждений и мостов через Сунжу. В городе у всех мужчин на улицах проверяются документы, кто без документов, арестовывают. В числе задержанных наших людей не замечено. Разговоров и слухов о восстании не выявлено.

Обстановка даже по сравнению с той, какой она была еще вчера, стала более сложной. Неизвестно, что с отрядом Гикало. Военские части белых, несомненно, приведены в боевую готовность. С горечью узнали, что у нашего человека, тюремного надзирателя Степана Губарева, изменилось расписание дежурств и в нужный момент мы не сможем рассчитывать на его помощь. Кроме того, не появляется представитель 2-й горной батареи.

У меня как руководителя грозненского вооруженного восстания зародилась тревога: не использует ли командование 2-й горной батареи те пулеметы и другое оружие, которые хранились в цейхгаузе, для встречи повстанцев на подходе к казармам и тюрьме. А ведь на эти пулеметы и оружие мы имели свои расчеты.

В такой сложной обстановке в тылу сильного и коварного врага, в непосредственном соседстве с гарнизоном, насчитывавшим до 12 тысяч солдат и офицеров, о восстании не могло быть и речи. План операции свели к единственной задаче — освобождению политзаключенных.

Христинин Федоровна Игошкина, работавшая машинисткой в городской страже, два дня подряд сообщала мне пароль по гарнизону.

Вечером 22 декабря в дом Игошкиных пришла Галина Лозовацкая, измученная, уставшая, но вида не подает, старается

быть бодрой и, как всегда, веселой, жизнерадостной. С ней мы обсудили последние приготовления к предстоящим событиям.

У ворот дома Игошкиных меня поджидали В. Ивченко и артиллерист Лебедев, мой будущий помощник по артиллерии.

Втроем направляемся к дому Николая Рубана, соблюдая все меры предосторожности: не исключалась слежка за нами. Как и накануне, комната заполнена людьми, но подсчеты дают цифру 28, а вчера было 34 человека. Зато эти 28 — те, на кого можно положиться.

Рубан предложил перейти в сарай во дворе, который от соседнего дома находился на значительном расстоянии. Там безопасней, сказал он. У калитки, у дверей дома и у сарая выставили охрану, но, увы, способную только предупредить об опасности, так как оружия ни у кого не было.

В сарае при свете маленького фонаря еле различались лица повстанцев. Я подробно объяснил обстановку, задачу, напомнил, что заключенные грозненской тюрьмы, половина кото- **пых*** приговорена к смертной казни, возлагают на нас большие надежды. Кончив речь, попросил присутствующих высказаться. Поднялся один из старейших по возрасту повстанцев, Фома Привалов, и сказал.

— Товарищи! Людей расстреливают почти у нас на глазах, а мы сидим и ждем, когда очередь дойдет до нас. Если будем сидеть и ничего не делать, то и нам не сдобровать. Думаю, что среди нас нет трусов, они могли быть вчера, а сегодня их нет, потому что мы и сегодня пришли...

Эти простые и мужественные слова подняли настроение собравшихся. Тут же продумали, как распределить людей. И. Зайцев стал моим помощником и командиром пулеметной команды. Группа в составе В. Ивченко, А. Моргучева, В. Губарева и А. Тураева предназначалась для захвата 2-й горной батареи и затем должна была подойти к тюрьме. Как только захватим эту батарею, Зайцев и Лебедев должны управлять огнем артиллерии и пулеметов самостоятельно.

Когда закончили приготовления, я подал команду выходить. 28 человек надо построить так, чтобы в движении эта горстка людей производила впечатление крупного подразделения, если не батальона, то по крайней мере хорошей роты. Эту задачу решили довольно успешно.

Направляемся к 8-му участку самообороны за оружием. Подходим — двери на запоре. Недолго думая, взламываем замки, захватываем десятка два винтовок и берданок и незначительное количество патронов к ним.

Теперь мы с оружием.

Снова строимся в колонну и держим курс на Бароновский мост, где расположена 2-я горная батарея. Дошли до моста благополучно. Спокойно, без выстрела сняли и обезоружили охрану.

Располагая планом казармы 2-й горной батареи, мы знали, где какие службы размещаются. С группой бойцов врываемся в помещение дежурных офицеров. Их мы застали спавшими, быстро расправились. Товарищ, представлявший батарею в нашей подпольной организации, ведавший цейхгаузом, тут же передал мне ключи от него. Открыли склад, захватили пулеметы, патроны и другое вооружение. Все это Зайцев взял под свой контроль, чтобы в нужный момент использовать.

Остается завершить дело с личным составом батареи. Направляюсь в казарму к солдатам. Со мной Лебедев. Когда мы вошли в помещение, нам представилась такая картина: вскочившие с коек солдаты спешно одевались и обувались. На лицах растерянность. Видимо, услышали учиненный нами шум в офицерской комнате и встревожились.

Обращаюсь к солдатам с короткой речью, называю их товарищами, напоминаю, что многие из них бывшие бойцы Красной Армии и их служба у белых — дело случайное.

— Вам известно, — продолжаю, — что прошлой ночью партизанский отряд Гикало на Новых промыслах крепко потрепал белых. С перепуга ваше командование весь вчерашний день хватало и арестовывало всех подозреваемых в сочувствии повстанцам. Бойцы отряда Гикало, которых я представляю, наказали обязательно передать, чтобы вы помогли грозненским повстанцам, которые вас в данный момент окружили с намерением обезоружить... Сила нашего огня достаточна для того, чтобы сломить ваше сопротивление, если вы попытаетесь его оказать. Какое будет ваше решение?

— Товарищ командир! — обращается ко мне один солдат. — Разрешите сказать. Ведь мы рады, что вы пришли. Мы все пойдем с вами.

— Вот и хорошо, — отвечаю. — Считаю, что мы договорились. Представляю вам нового командира батареи Лебедева. Прошу слушать его команду. Его приказ — закон для каждого.

Возвращаясь от солдат, подаю своей группе команду следовать за мной.

Быстро идем к тюрьме. За нами для подкрепления должен следовать станковый пулемет. На ходу думаю, удастся ли ворваться в первые главные ворота тюрьмы? Кроме личного

оружия, никаких средств, которые позволили бы разбить, сломать ворота, у нас нет.

Проходим мимо казарм инженерного батальона. Там тревога. Слышу, как за воротами кто-то громко кричит: «Разводящий! Разводящий!» Мгновенно созревает план. Разводящий — большая фигура при смене постов, караула. А почему бы нам не пойти на хитрость? Почему бы при подходе к тюрьме не выдать себя за разводящего?

Вот и ворота тюрьмы. Стучу. За воротами спрашивают: «Кто там?» Отвечаю: «Разводящий! Откройте!» Надзиратель в свое смотровое окошко рассматривает нас. Мы спокойно стоим. Щелкает тяжелый запор, дверь открывается. Ивченко с Тураевым мгновенно проскакивают внутрь тюремного двора.

Даю приказание Губареву взять под наблюдение помещение охраны тюрьмы и никого не допускать к воротам, а Мор-гучеву — обеспечить защиту ворот с наружной стороны.

От надзирателя требую немедленно выдать ключи от камер или сказать, где они хранятся. Поняв, что мы за люди, надзиратель отвечает, что ключей у него нет и где они он не знает. И только после моей угрозы расстрелять говорит, что ключи находятся в канцелярии.

Приказываю Ивченко взять с собой надзирателя и принести ключи от камер. Ивченко уходит и быстро возвращается со связкой разных ключей.

Открываем еще одну дверь, ведущую внутрь двора, где размещаются корпуса с камерами заключенных.

Вновь обращаюсь к надзирателю с требованием взять у Ивченко ключи и открыть камеры, но тот отказывается. Приходится сбивать замки, ломать двери, так как никто не знал, какой ключ от какой камеры.

Возвращаюсь посмотреть, что происходит за воротами тюрьмы. Моргучев на месте в боевой готовности. Невдалеке от Губарева валяется труп начальника караула. Губарев докладывает, что охрана тюрьмы разбежалась, а ее начальник убит при попытке сопротивления. Появился наш станковый пулемет. Его установили против бульвара, чтобы защитить подступы к тюрьме со стороны польского костела, больницы, реального училища, казарм инженерного батальона.

Возвращаюсь во двор тюрьмы. Многие заключенные уже вышли из камер и помогают Ивченко и Тураеву открывать остальные. Тюремные ворота открыты настежь. У первых ворот встречаюсь с Лозовацким, бросаемся друг другу в объятия. Тут же собралась группа заключенных, на их лицах радостные улыбки, каждый хочет что-то сказать. Да как тут не радоваться

ся, ведь половина из них смертники, а теперь они на свободе, имеют возможность постоять за свою жизнь и дешево не отдать ее!

Обращаюсь к Лозовацкому с вопросом, кто у них командир и знают ли заключенные свою задачу?

— Задачу-то свою мы знаем,— отвечает Лозовацкий,— вот насчет командира, сейчас поищем его.

Командиром становится Лозовацкий. Под его руководством заключенные с криками «Ура!» бросились к дому, где помещалась контрразведка, разгромить логово головорезов, палачей. Белые встречают сильным пулеметным огнем.

Заключенные быстро меняют направление с расчетом пробиться к Новым промыслам, уйти в Чечню, в отряд Гикало или укрыться где-либо на окраине города. На пути своем они вступают в рукопашный бой с белыми, обезоруживают патрулей, охрану, вооружаются.

Лозовацкий тяжело ранен. Его приносят домой, чтобы оказать первую помощь, а потом переправить в более безопасное место.

Повстанческая группа, освободив тюрьму, стала поспешно готовиться к отходу на окраину города. С боем отступили в район бывшего монастыря, кладбища, садов. В разных местах города слышится ружейная перестрелка.

На новых позициях повстанцы вместе с присоединившейся к нам частью заключенных и солдат 2-й горной батареи упорно отражают атаки белогвардейцев. Убийственная сила пулеметного огня, пулеметчики сражаются храбро, но мало патронов.

Натиск врага усиливается. Под прикрытием пулеметов отходим в сады. Но вот кончились патроны. Это и заставило повстанцев к середине дня 23 декабря 1919 года прекратить сопротивление. Но и деникинцы не отважились прочесывать сады. Это спасло повстанцев и бывших заключенных. Дождавшись ночи, они разошлись в разных направлениях.

Все участники грозненского вооруженного восстания проявили стойкость, мужество и храбрость. Но особенно хотелось бы отметить И. Зайцева, Ф. Привалова, В. Ивченко, А. Моргучева, В. Губарева, А. Тураева, Д. Суханова, П. Голушкина, С. Губарева, Д. Болтышева, В. Лаптева, Д. Курдюкова. Нельзя не отметить и славные дела смелых, бесстрашных, находчивых разведчиц и связанных грозненской подпольной большевистской организации Г. В. Лозовацкой, А. В. Глущенко, А. Ф. Байковой (Губаревой).

Пусть навсегда сохранятся в нашей памяти их имена.

11 февраля 1919 года деникинцы ворвались во Владикавказ. Они учинили дикую расправу над трудящимися, особенно над жителями Молоканской и Курской слободок. Здесь сильно была прослойка рабочих, которые активно боролись за власть Советов и не раз наносили чувствительные удары по белогвардейцам, когда они в августе 1918 года пытались захватить Владикавказ.

Заняв почту и телеграф, белые зверски растерзали их руководителей Кукуренко и Узнадзе. Был исколот штыками у себя дома большой тифом красный партизан Капитон Бахтуркин и с кровоточащими ранами брошен в тюрьму. Замучен в контрразведке красный партизан портной Масиков. На виселицах, в застенках контрразведки погибли многие другие борцы за власть Советов.

В то время в городе находилось большое количество больных тифом бойцов 11-й Северо-Кавказской армии. Белые свезли их в госпиталь, размещавшийся в здании бывшего кадетского корпуса. Больных не кормили, не лечили... Многие умирали. Их трупы сваливали тут же в ров, вырытый вдоль Военно-Грузинской дороги, вместе с трупами туда попадали и еще живые...

Площади и улицы города покрылись виселицами.

Несмотря на зверства контрразведки, в городе налаживалась подпольная работа. Небольшие, но крепко спаянные группы большевиков, оставшихся в городе, объединяли вокруг себя сочувствующих, вели агитацию, предпринимали действия, направленные на подрыв и разложение белогвардейщины.

До захвата Владикавказа белыми я работал в отделе труда и промышленности городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и одновременно был председателем Владикавказского профсоюза швейников. В момент отступления красных я с группой бойцов (Романовым, Григоладзе, Полетаевым и другими) находился на Владимирской слободке. Наша попытка уйти из города по Военно-Грузинской дороге не удалась: шкуровцы захватили Чугунный мост и отрезали нам путь на Молоканскую слободку. Мы разошлись кто куда. Я скрывался у своей тещи в доме по Нальчикской улице. Надо было искать

работу в «тихом» месте. Таким местом оказалась портняжная мастерская общества оптовых закупок, организованная в свое время союзом швейников, для которой, кстати сказать, я лично ревидировал швейные машины у портных — хозяев мастерских. Заведующий этой мастерской Левицкий, узнав, что я скрываюсь в городе, в начале марта пришел ко мне и предложил работать у него. Я согласился. Он тут же выдал мне удостоверение как рабочему мастерской.

В мастерской шили обмундирование по заказам интендантства, и все рабочие (их было около 50) числились мобилизованными на военную службу. Среди рабочих нашлись и коммунисты, и беспартийные, активно участвовавшие в обороне города перед захватом его белогвардейцами. Это были Кляус, Давиденко, Безштейнов, Плюшкин, Белов, Тарадин и другие. Из них и создалась группа, объединенная общими целями и горячим стремлением начать борьбу с деникинцами.

В конце марта 1919 года во Владикавказ прибыла уполномоченная Екатеринодарского (впоследствии переименованного в Северо-Кавказский краевой) подпольного комитета РКП(б), фамилию которой не помню. Она через коммунистку Лаптеву и рабочего нашей мастерской Виктора Плюшкина передала мне листовки с обращением подпольного комитета к населению и бывшим красноармейцам с призывом не вступать в деникинскую армию. Воззвание мы распространили среди рабочих мастерской и населения. Позже из Екатеринодара получили и распространили листовки-обращения к трудовому казачеству, призывавшие бросать оружие и расходиться по домам.

В мае, в один из воскресных дней, на квартире рабочего Белова на Курской слободке мы провели собрание коммунистов и сочувствующих. Присутствовало около 20 человек. Обсуждалось положение на фронтах гражданской войны и задачи каждого из нас в подпольной борьбе.

Через несколько дней у меня на квартире был произведен обыск, а я арестован.

Тюрьма на Тифлисской улице (теперь улица Ноя Баучид-зе), куда меня бросили, была забита до отказа. Спали вплотную друг к другу на нарах и под ними. Нестерпимо мучили насекомые. Тревожными были ночи. Они редко проходили без вызова кого-либо из заключенных, которых уводили и расстреливали во дворе, обычно без суда и следствия. Особенно запомнилось мне, как на глазах у всех нас кололи штыками, а затем расстреляли двух терских казаков из прославленного партизанского отряда А. З. Дьякова.

Тюремная охрана состояла из разных людей. Одни, особенно из банд деникинского головореза Шкуро, хуже зверей относились к заключенным. Другие, в большинстве мобилизованные терские казаки и солдаты, сочувствовали нам и делали разные возможные в тюремных условиях поправки, а то и выполняли отдельные наши поручения.

Помогали нам и некоторые офицеры. Вспоминаю штабс-капитана Лебедева, жителя нашего города, мобилизованного в деникинскую армию. Он приходился зятем сидевшему вместе с нами подпольщику Алейникову и часто навещал его. Имея знакомства в следственной комиссии, Лебедев сообщал нам важные сведения о ходе дела того или иного арестованного, давал советы, как вести себя на допросах. Он выручил Алейникова, которому угрожала жестокая расправа.

Через три месяца за недоказанностью обвинений меня выпустили из тюрьмы и как военнообязанного направили в сапожно-пошивочные мастерские интендантства, где я и стал работать заготовщиком. Начальник мастерских Резник-Гиенко, прежде чем допустить к работе, потребовал от меня подписку и поручительство в том, что я в мастерских не буду вести большевистской агитации и отлучаться без разрешения. Такую подписку я дал, а двое рабочих мастерских — Федор Калабухин и Иван Белов — дали поручительство.

В мастерских работало около ста человек. Среди них были члены профсоюзов, организованных при Советской власти, бывшие бойцы 11-й Северо-Кавказской армии, казаки из отряда Дьякова, которые, естественно, ненавидели деникинский режим. Сюда же был направлен после освобождения из тюрьмы член РКП(б) Н. Алейников. Таким образом, и в мастерских сложилась группа товарищей, готовых к борьбе...

Мы с Алейниковым обсудили вопрос, как усилить агитацию среди трудящегося населения, как создать орган, который объединял бы нашу подпольную работу.

Дело ускорило в связи с приездом во Владикавказ в сентябре 1919 года представителя Северо-Кавказского краевого подпольного комитета РКП(б) Николая Пшеничного. Он привез литературу и инструкции, связался с Алейниковым, а через него — со мной и другими товарищами.

Пшеничный созвал совещание подпольщиков, на котором был образован Владикавказский подпольный комитет РКП(б).

В его состав вошли Алейников, Чернявский, Грибенник, а поз — прибывший из Екатеринодара Георгий Сергеев (по кличке Цап).

На этом совещании Пшеничный выдал нам удостоверения, написанные от руки на лоскутках белой материи за

подписями и печатями Северо-Кавказского подпольного комитета.

Следующие заседания вновь созданного комитета проходили на квартире Алейникова (в доме № 18 по Курской улице), у меня (Нальчикская, 34), у Леонтия Войтенко (Артиллерийская, 139).

Мы условились никаких протоколов не вести и никаких документов не составлять.

Владикавказский подпольный комитет сколотил вокруг себя актив, развернул агитационную работу среди населения. Нужно было связаться с товарищами из Молоканской слободки, которые, по имевшимся у нас сведениям, вели подпольную работу против белых. Найти нужных людей нам помог работавший в мастерских Фомин. Через него мы установили постоянную связь и с бывшими красноармейцами, находившимися в Ингушетии. Дело в том, что Фомин в первые дни деникинской власти тоже скрывался в Ингушетии и хорошо знал тех, на кого можно было опереться. Одним из таких товарищей был красный партизан Павел Бобылев. Он тайно пробирался в город и по нашим спискам переправлял в Ингушетию людей, укрывавшихся от мобилизации в белогвардейскую армию, а также тех, кто был на подозрении у контрразведки. Вместе с этими товарищами мы посылали партизанам оружие и патроны.

Переход людей и переброска оружия производилась через заставу у входа в Длинную долину. Застава выставлялась от Уланского полка, а в полку действовала группа коммунистов и сочувствующих — И. Дорожкин, Н. Заводов, А. Фрейтаг и другие. Они-то и помогали подбирать в наряды проверенных людей, пропускавших через заставу наших товарищей и оружие.'

В конце 1919 года Красная Армия начала громить белогвардейцев, оттесняя их все дальше на юг. У витрин «Освага*», где выставлялись карты с обозначением движения фронтов (обычно в искаженном виде), всегда собиралось много военных и гражданских, по-разному переживавших и обсуждавших положение. Сюда-то, к витрине, и посылали подпольный комитет своих активистов, которые по-своему разъясняли события. Конечно, вели они разъяснительную работу осторожно, учитывая, что рядом могли оказаться и контрразведчики, провокаторы, доносчики. Особенно успешно вели агитацию подпольщики Резачков и Костромин.

Много пришлось потрудиться, чтобы наладить связи с товарищами, находившимися в тюрьме, среди которых были наши подпольщики К. Войтенко, Васин, Фролков, Щетиных,

Фриев и другие. Заключенным оказывалась небольшая денежная и материальная помощь, а главное, мы разрабатывали планы освобождения политзаключенных, ибо знали, что белогвардейские палачи перед своим уходом из города наверняка их всех расстреляют. И нам удалось освободить всех политических заключенных.

А произошло это так. Незадолго до эвакуации деникинцев подпольная организация вошла в контакт с тюремными надзирателями и склонила их заранее выпустить всех политзаключенных, пообещав, что Советская власть зачтет им это доброе дело. Для облегчения намеченной операции подпольщики сфабриковали «распоряжение» коменданта города об освобождении из тюрьмы по списку, составленному самими подпольщиками. 18 марта все арестованные вышли на волю и скрылись.

Смелая операция подпольщиков вызвала большой переполох среди белогвардейцев. В течение трех дней контрразведчики рыскали по городу в поисках беглецов. Они установили слежку за квартирой Алейникова, в которой раньше собирались подпольщики, о чем, вероятно, знала контрразведка. Но в квартиру Алейникова никто не заходил, а сам он к тому времени ушел к партизанам.

Во второй половине марта началось бегство деникинцев из Владикавказа. Подпольщики развернули большую разъяснительную работу в воинских частях, агитировали солдат и казаков уходить из белой армии и сдавать оружие. И нужно сказать, при отступлении эта армия недосчиталась многих солдат, а то и целых подразделений.

На одном из заседаний подпольного комитета, проходившем на квартире Войтенко, был намечен состав временного ревкома, к которому должна перейти власть в городе до прихода Красной Армии. В ревком вошли Н. Пшеничный — председатель, Х. Фриев, Д. Васин, Б. Чернявский — члены. На первом же заседании обсудили вопрос о мерах поддержания революционного порядка в городе, для чего создали революционный Совет обороны. Председателем его назначили железнодорожника Шейченко, заместителем — Сергеева и членом — К. Войтенко.

Вскоре после этого подпольному комитету стало известно, что на станции Владикавказ стоят прибывшие из Беслана бронепоезда «Терец» и «Скобелев», а также вагон с оружием. Сергеев и я немедленно отправились на станцию. Там уже собралась большая толпа рабочих железнодорожных мастерских и завода «Алагир». С их помощью сняли команды бронепоездов

и поставили к ним свою охрану. Затем найденные в товарном вагоне винтовки и патроны раздали рабочим.

25 марта утром вышел «Бюллетень временного ревкома», в котором было объявлено о переходе власти в городе к временному ревкому, помещены первые его решения, обращение к населению и приказ № 1 революционного Совета обороны.

31 марта 1920 года жители Владикавказа радостно встречали части Красной Армии.

А. Е. Васильев-
Шмидт

Время, полное тревог

При отступлении Красной Армии в мае 1918 года в Ростове осталось несколько большевиков для подпольной работы. Вначале была создана тройка для связи с Донбюро РКП(б), находившимся на советской территории. В тройку вошли: Е. Василенко, Е. Мурлычев и я. В декабре, когда партийная организация выросла и окрепла, состоялся областной съезд, избравший Донком РКП(б) в составе: Васильев- Шмидт — председатель, Анна Гордон — ответственный секретарь, Емельян Васильченко — казначей, Василий Абросимов — заведующий типографией, Селиванов — его помощник и члены Донкома — Ольга Минская (Горбачик), Елена Езерская, Мария Карагодская и Мария Малинская. Этот комитет и руководил подпольной работой во время деникинщины.

Первой из наших задач было показать, что, несмотря на белогвардейский террор, в Ростове существует руководящее и организующее ядро большевиков, а затем как можно шире привлечь к себе рабочих и трудовое казачество.

Еще до образования Донкома мы приступили к созданию типографии. Через старого большевика наборщика Селиванова раздобыли два пуда шрифта, ручной станок, краску, валик, бумагу. Набирал и печатал воззвания Егор Мурлычев у себя на квартире. Часто приходил помогать ему и я.

Думаю, что наши первые воззвания не отличались большой грамотностью, но мысли их были простые, ясные и рабочим понятные...

Выпустили мы больше 10 воззваний, каждое по 400— 500 экземпляров. Влияние наших листовок на рабочих было

громадное: они поддерживали в них уверенность в скором возвращении большевиков, помогли выделить из массы рабочих тех, кто потом составил ядро ростовских подпольщиков. О том, насколько «приятны» были эти листовки белым, говорить не приходилось.

Два месяца мы выпускали листовки. Но вдруг 25 ноября Егора Мурлычева, выносившего пачку воззваний, напечатанных ночью, остановил городской и спросил: «Что это вы так часто выносите?»

Заглянул в сверток, задержал Мурлычева. Потом устроил обыск в квартире, нашел в печке шрифт, валик, краску. Типография провалилась, Мурлычева арестовали. Это был тяжелый удар для нашей организации.

Как мог случиться этот провал, когда о типографии знали только Мурлычев, я да Василенко? Из тюрьмы Мурлычев писал: «Хозяйка дома знала меня как большевика, знала, что я был десятником боевой дружины на заводе Донского акционерного общества, знала, что я был членом Совета рабочих и солдатских депутатов первого созыва. По-видимому, она рассказала знакомому старшему надзирателю полицейского участка, кто я такой...»

Потом уже мы узнали, что Егора действительно выдала хозяйка.

Однако через пять дней после ареста Мурлычева в городе опять появились листовки. Через того же Селиванова мы достали новый шрифт, сделали станок, больший, чем был раньше, и в квартире сапожника Н. Шкоренко на 42-й линии пустили типографию.

Рабочие увидели, что организация живет и действует, да еще с большим размахом. В контрразведке, у начальника Освага (осведомительного агентства) по этому поводу, как нам стало известно, было специальное совещание.

Для работы в типографии мы привлекли наборщика-профессионала Муравича.

Проработала типография на 42-й линии два месяца (декабрь и январь). Но место там было очень неудобным, двор открытый, все видно, что приносили и выносили. Поэтому решили перевести типографию в более подходящее место. Такое место нашли в Нахичевани, в доме на углу 35-й линии и Донской улицы, где жили братья Григорий и Николай Спирины. В сенях квартиры имелся ход в погреб, в стене которого проделали отверстие и вырыли рядом другое подземное помещение площадью примерно десять квадратных метров и высотой в рост человека. Туда поставили два типографских станка и набор-

ные кассы. Там же поместился запас бумаги, краски. Вход в погреб хорошо замаскировали дерном. Для притока воздуха проделали отверстие, которое выходило в сени, и над ним во время работы ставили пустой самовар с трубой. Когда работа в типографии не велась, отверстие тщательно закрывали дерном. Заметить типографию даже при самом внимательном наружном осмотре было невозможно. Про тех товарищей, которые здесь работали, мы говорили, что они «сидят в аду».

Больше трех месяцев действовала эта типография. Мы печатали в ней не только воззвания, но и газету «Донская беднота», всевозможные бланки, нужные для нашей организации.

Так как к этому времени наладились связи со многими заводами, воинскими частями и отдельными городами, а организация наша численно значительно выросла, то требовалось большое количество различных бланков. Поэтому работу типографии поставили так, чтобы она полностью обеспечивала нас всем необходимым. Это избавляло наших людей от необходимости обращаться за справками в белогвардейские органы. Организовали мы также граверную мастерскую с вывеской, где принимались заказы от жителей города, а для нас в этой мастерской изготовлялись печати и штампы. Изготовленные в нашей типографии и граверной документа и печати были настолько неотличимы от настоящих, что даже когда документы попадали в канцелярию градоначальника полковника Грекова, то и там не вызывали никаких сомнений. Большим искусством подделывать всякие почерки и подписи отличался подпольщик Пустынников.

Если при объявлении мобилизации допускались отсрочка или освобождение, то наши товарищи получали соответствующие документы. Если объявлялась поголовная мобилизация, без отсрочек, типография выдавала документы, согласно которым наши люди направлялись в те воинские части, куда нам это было нужно.

Таким путем мы «регулирували» мобилизации белогвардейцев и достигали того, что повсюду в важных местах имели своих людей. Мы посылали их писарями в штабы, даже на радиостанции были наши люди.

Благодаря таким «связям» смогли поставить информационный отдел подпольной «Донской бедноты» лучше, чем в официальной белогвардейской газете «Приазовский край». Информации с фронта в нашей газете появлялись иногда раньше, чем в «Приазовском крае», и всегда были интереснее, так как давались без сокращений и искажений, которые в белогвардейский орган вносила цензура.

Налла газета буквально лишила покоя и сна градоначальника Грекова, деникинских контрразведчиков. Греков распорядился конфисковать в городе все запасы бумаги, запретил ее продажу «частным гражданам». Все это сильно затруднило конечно, нашу работу, но не ослабило. Даже, наоборот, наш подпольный Донком, чтооы еще больше завоевать внимание населения, решил вместо маленькой «Донской бедноты» выпускать большую газету «Красное знамя».

Но до нашей газеты агенты Освага все же добрались...

Вечером 9 мая 1919 года на квартире Спириных собрались подпольщики Илья Абросимов, Яков Рыбкин и Григорий Спирин. Они должны были работать в типографии и просмотреть первый номер «Красного знамени». В «аду» уже находились наборщики Муравич и Аболин, не было только нового наборщика Поддубного. Он не приходил уже второй день. Примерно к полуночи из «ада» подали сигнал — газета набрана и сделан первый оттиск. Аболин и Муравич разложили газету на столе, читают, исправляют ошибки. Вдруг послышался стук в калитку. Точно вихрем сдуло газету со стола в печку. Все расселись за столом, разобрали на всякий случай приготовленные карты. Играют. Хозяйка пошла открывать дверь. Входит офицер контрразведки, с ним вооруженные казаки.

— В картишки играете?

— Да.

— По большой?

— Нет, по маленькой. В шестьдесят шесть перекидываемся.

— Ну, я должен прервать ваше приятное времяпрепровождение и проверить документы.

Проверил. Двоих — Абросимова и Аболина — выделил для выяснения. У остальных все в порядке. Стали производить обыск. Отодвигали шкафы, ковыряли стены, лазили в погреб. Ничего подозрительного не нашли, а искали, пожалуй, два часа. Вызвали самого начальника деникинской контрразведки Маньковского. Приехал он не один, а с каким-то шпиком в темных очках, загримированным. По указанию шпикиа вновь все обыскали. Полезли в погреб, палашами пробуют обшивку стен погреба... Пропала наша типография!

Одновременно с типографией была разгромлена и граверная. В городе арестовали нескольких подпольщиков. Партийной организации был нанесен тяжелый удар. После мы выяснили, что выдал типографию наборщик Поддубный. Двое арестованных Василии Абросимов и Емельян Василенко, члены комитета, не выдержали пыток и стали выдавать организацию. Начались аресты. Некоторым активистам, кого хорошо знали

предатели Абросимов и Василенко, пришлось скрыться из Ростова.

Надо было восстанавливать типографию. У нас имелся резерв : два пуда шрифта и кое-какие приспособления были спрятаны в потайном месте. Теперь их извлекли. Купили дом на Берберовке, и комитет решил поселить там для работы Селиванова. Комитет взял с него обязательство, что он ни под каким видом не будет выходить из типографии. Семье Селиванов написал записку, что уезжает в Советскую Россию, а сам перешел в дом на Берберовку.

И вновь на заводах стали появляться наши листовки и газета «Пролетарий», сменившая «Донскую бедноту» и «Красное знамя».

Эта наша типография на Берберовке не была раскрыта белыми и просуществовала до освобождения Ростова.

Хотя и очень трудно было добывать бумагу и мы не могли уже выпускать газету большим тиражом, как это требовалось, но в октябре 1919 года мы все же могли сообщить в Донбюро, что «в новой типографии выпущено 3 возвания в количестве 25 тысяч, газета «Пролетарий» в количестве 6 тысяч и одно возвание к зеленоармейцам».

Напечатанное распространяли прежде всего среди рабочих и в войсках. Тот факт, что не было ни одного случая, когда бы наши люди попадались при распространении литературы, сам за себя говорит. Таким сочувствием и поддержкой у рабочих масс пользовались большевики в тяжелую пору деникинщины...

Часто распространением и перевозкой литературы приходилось заниматься самим членам Донкома.

В то время между Ростовом и Новочеркасском курсировал особый поезд — «атаманская молния». Проезд на нем частным лицам, не имевшим визы от начальника Освага князя Волконского, был строго запрещен. Мне приходилось несколько раз в форме офицера-фронтовика провозить литературу, пользуясь «атаманской молнией».

Как-то нам стало известно, что Деникин созывает в Ростове совещание командования Юго-Востока России. Получить сведения с этого совещания было делом чрезвычайной важности. Проникнуть на это совещание комитет поручил мне под видом представителя одной из воинских частей. Это удалось. Я прибыл на совещание, имея в кармане сфабрикованный в нашей типографии «мандат» за «подписью» самого князя Волконского.

Доклад Деникина и все совещание не оправдали наших надежд. Новых и ценных сведений услышать почти не пришлось. Деникин весь доклад свел к брани в адрес господ офицеров, которые умеют, мол, только спекулировать и пьянствовать. Деникин призывал выполнить долг перед «единой и неделимой» и приказал «в пять дней уничтожить подпольных большевиков».

Что бы сделал и сказал Деникин, если бы знал, что его доклад слушает сам председатель организации «подпольных большевиков»?

Через пять дней в нашей подпольной газете «Пролетарий» был помещен отчет о докладе Деникина.

Для обеспечения регулярной связи с Донбюро РКП(б) мы создали ячейки в Штеровке, Ровеньках, Никитовне, Мариуполе, Матвеев-Кургане, Авилровке и в ряде других населенных пунктов.

После майского провала 1919 года большинству членов Донкома пришлось на время выехать из Ростова. Одни направились на советскую территорию, другие — к краснозеленым.

В июле выехал и я вместе с группой товарищей в Советскую Россию.

Но мы дальше Авилровки не пробрались, так как невозможно было проехать. А в августе вместе с другим членом Донкома Анной

Гордон я возвратился в Ростов. К этому времени подпольная организация большевиков пустила глубокие корни.

За несколько дней до второй годовщины Октябрьской революции Пустынников, Пивоваров и я в качестве представителей Донского комитета выехали в Новороссийск в отряды красно-еленых Черноморья. Готовясь к этой поездке, мы подготовили специальную листовку к партизанам. На митингах партизан говорили о значении Октябрьской революции, разъясняли военное положение Советской республики, особо подчеркивали важность борьбы в тылу Деникина.

Атмосфера в Ростове накалялась все сильнее. Фронт приближался с каждым днем. Всем становилось ясно, что конец деникинщины близок, хотя белогвардейские газеты еще по-прежнему продолжали трубить о победах над красными, о бегстве красных, о продвижении белых, о том, что «доблестное» белое воинство «столицу Дона не сдаст».

Перед Донкомом встала задача — оказать активную помощь нашим приближающимся войскам. Партийная организация города к этому времени насчитывала уже около 600 коммунистов, которые были рассеяны по воинским частям, предприятиям... Они делали все, чтобы облегчить наступление Красной Армии, спутать,

парализовать действия белых. И небезуспешно. Все чаще стали обнаруживаться порванные провода, спиленные телеграфные столбы.

Часто стали гореть колесные буксы в железнодорожных составах. Это наши товарищи усердно «подмазывали» вагоны песочком. Иногда по этой причине где-нибудь на разъездах останавливались целые поезда.

Наш военный штаб предпринял даже попытку взорвать мост, чтобы нарушить передвижение белых, но она оказалась неудачной: пироксилиновые шашки были низкого качества, разрушений почти не произвели, но шуму наделали и страху белым прибавили.

Уже перед самым приходом Красной Армии подпольщики повредили водокачку и причинили урон радиостанции в гостинице «Сан-Ремо», где находился штаб командования белой армии.

22 декабря 1919 года Деникин после всех торжественных и истерических заявлений, что столицу Дона не сдадут, отдал приказ об отступлении на Новороссийск. По улицам Ростова потянулись войска, тяжело груженные обозы. Буржуазия в панике покидала город.

Власть в городе Деникин передал генералам Кутепову и Шкуро. Они издали приказ, в котором повторялось все старое: «Все от 18 лет считаются мобилизованными. Остальным — старым и малым — рыть окопы... Столицу не отдадим... Красные разбиты, в панике бегут. По улицам ходить разрешается от 7 до 7. За нарушение и неподчинение — расстреливать на месте».

Наш Донком выпустил воззвание, в котором население призывалось к спокойствию.

26 декабря мы выпустили новое воззвание, в котором извещали, что избран ревком, который берет власть в свои руки.

Избрание ревкома мы провели днем в одном из самых оживленных мест — в помещении Управления Владикавказской железной дороги. Соблюдая осторожность, пробирались наши люди на это собрание. Здесь, в управлении, у нас был свой человек — библиотекарь. Он впустил нас в библиотеку и запер, сам стал на часах, готовый предупредить о любой опасности. Мы сидели за столом, окруженном книжными шкапами. Время от времени слышался отдаленный гул канонады. Приближались наши войска. Под этот гул мы и избрали первый большевистский ревком, который готов был встретить долгожданную освободительницу — Красную Армию.

В состав ревкома вошли: Дмитриев, Ткаченко, Ольга Минская, Романов, Вольмер, Савин, Пивоваров, я и другие — всего 11 человек.

Буденновцы уже приближались к городу.

Я как председатель избранного ревкома отправился вместе с ответственным секретарем Донкома Женей Листопад навстречу буденовцам. И тут, перед радостным днем торжества — освобождением Ростова, мы едва не заплатились жизнью. Наткнулись на разъезд красных конников. Радостно бежим к ним, говорим, кто мы такие, показываем наши мандаты. Буденовцы слушать не хотят — к стенке!

С большим трудом удалось убедить командира доставить нас в штаб. Наконец-то мы в штабе 6-й дивизии. Когда увидели наши документы и выслушали нас, радости не было конца.

После горячих взаимных приветствий договорились вечером собрать представителей Первой Конной и подпольного ревкома в помещении трамвайного парка, чтобы решить вопрос о создании органов Советской власти в Ростове. В город возвращались вместе с буденовцами.

По линии железной дороги еще шел бой, Красная Армия занимала Батайск. Весь день, не умолкая, гремели пушки. Под гром канонады в трамвайном парке состоялось первое открытое заседание нашего ревкома совместно с представителями реввоенсовета Первой Конной армии — Алехиным, Хнычевым, Пархоменко, Новиковым, Забелиным и другими.

Для обеспечения безопасности два эскадрона буденовцев охраняли трамвайный парк, где мы заседали.

Впервые за два года мы могли говорить на собрании во весь голос. Но привычка подпольщиков к тишине и шепоту не покинула нас даже сейчас. Когда представители буденовцев входили, стуча сапогами, или громко разговаривали, со стороны подпольщиков раздавался привычный предупредительный шепот: «Тс! Тс! Тише! Тише!»

Начали заседание с поздравлений и приветствий в адрес красных бойцов. Потом говорили, как лучше наладить в городе советскую работу. И под конец ввели в состав ревкома представителей Первой Конной.

Кончилось подполье, наступили дни мирного труда...

Боевой отряд рабочего класса

С захватом белогвардейцами Ростова и всей Донской области были отменены восьмичасовой рабочий день, разогнаны фабрично-заводские комитеты, фабрики и заводы возвращены капиталистам.

Начались аресты, расстрелы, грабеж богатств Дона.

Передовые рабочие города решили делом доказать, что борьба за Советскую власть продолжается. Одной из первых начала борьбу подпольная большевистская организация Главных мастерских Владикавказской железной дороги в Ростове. В мастерских насчитывалось около 3 тысяч рабочих. Я тогда работал в них токарем.

В первую очередь мы решили создать рабочие боевые дружины. Их организацией — подбором людей, их вооружением и многим другим — активно занимались рабочие-токари П. Н. Пашигоров, Д. И. Коврыгин, И. Ф. Кошкинцев и слесари И. Ф. Иванов и И. В. Федоров. В дружины вошло около 100 человек.

В конце сентября 1918 года ко мне пришел П. Н. Пашигоров и сообщил, что один из наших рабочих, столяр П. Г. Халин, член партии, договорился кое с кем из оставшихся в городе коммунистов о встрече. Через несколько дней такая встреча состоялась. На ней присутствовали представитель Донского подпольного комитета Андрей Ефремович Васильев, по кличке Шмидт, и от наших мастерских — Пашигоров, Иванов, Коврыгин, Халин и я.

Эта встреча положила основание организации подпольной партийной ячейки в Главных железнодорожных мастерских. На следующем собрании избрали бюро ячейки. Председателем его стал я, а членами — Пашигоров и Иванов. Утвердили клички, наметили несколько явочных квартир, договорились, как будем дальше вести работу. Руководящие указания мы должны были получать от Донского подпольного комитета партии.

Главным в своей работе мы считали подрывать тыл белогвардейцев всеми доступными нам путями и средствами, укреплять и увеличивать численность партийной организации и боевых дружин, завоевывать доверие рабочих к большевистской партии. В качестве конспиративных квартир решили использовать квартиры Пашигорова, Зозули, Коптеля на Новом поселении, Романова, Баранова, Евдокимова, Иванова, Федорова

на Темернике, Кошкинцева и Коврыгина на Олимпиадовке.

К чести подпольщиков и тех рабочих, кто предоставлял нам квартиры для заседаний, явок, хранения документов, оружия, на Темернике и Новом поселении не было ни одного провала. Эти люди, обремененные семьями, пренебрегали постоянной угрозой ареста и зверской расправы со стороны контрразведки. Наши заседания обставлялись обычно как именины, дружеские пирушки и т. п., а в это время дружинники бдительно охраняли нас, часто в дождь, в холод.

На явочных квартирах мы получали сведения военного характера, сообщали их затем в Донком для передачи за фронт командованию Красной Армии. На этих квартирах мы получали задания по проведению диверсий, листовки и газеты для распространения.

Очень важной задачей подпольной работы на первых порах мы считали разоблачение предательской линии меньшевиков и эсеров. Нужно сказать, что вначале их влияние в мастерских было довольно сильным. Власти разрешили меньшевикам за их лояльность выпускать газету «Рабочее дело», где они всячески поносили большевиков, уговаривали рабочих «не озлоблять белой власти». Вслед за этим им было разрешено создать профсоюзы, а в Главных мастерских — так называемый комитет внутреннего распорядка, в который в основном вошли представители соглашателей. Их предательская деятельность сильно мешала нам развертывать борьбу против денкинцев.

В разоблачении меньшевиков нам много помогали газеты и листовки, которые выпускал Донком. Чтобы парализовать влияние соглашателей и более успешно вести подпольную работу, Донком предложил больше вовлекать в нашу организацию рабочих других предприятий Темерника, что мы постоянно и делали. Были созданы партийные ячейки на Ростовском узле Владикавказской железной дороги, в Голицинском парке, на заводе «Докат», цементном заводе на Гниловской и на фабрике Панченко.

Встал вопрос об организации в Темернике — рабочем районе, населенном главным образом железнодорожниками, райкома партии. Районный комитет был создан Донкомом. В состав его вошли я в качестве председателя, Пашигоров и Коврыгин.

В нашей диверсионной работе особенно широко мы практиковали порчу уже отремонтированного в Главных мастерских подвижного состава. А происходило это чаще всего так. Вагоны, выпущенные из ремонта и подлежащие обкатке, целыми

составами отправлялись до станции Кущевка и возвращались в мастерские. После устранения мелких дефектов они сдавались приемщикам. Вот в это время нам и удавалось засыпать песок и наждачную пыль в буксы вагонных колес.

А поскольку буксы загорались, ломались оси колес уже за пределами мастерских, то это снимало подозрение, что подобное вредительство — дело рук наших рабочих. То же мы проделывали иногда и с паровозами и бронепоездами, которые ремонтировались в наших мастерских. Помнится, особенно внимательно мы следили за ходом ремонта бронепоезда «Офицер». После сдачи его по акту рабочие засыпали в буксы наждачную пыль. Бронепоезд не дошел и до Таганрога, пришлось снова вернуть его на ремонт.

Изобретательно действовал наш подпольщик, кузнец Т. Т. Коптель. Он отковал стальные накладки — «башмаки», которые ставились на рельсы обычно во фронтной полосе, и с их помощью целые воинские эшелоны пускались под откос.

Кроме того, рабочие вывели из строя на некоторое время водокачку у моста через Дон, которая обслуживала весь железнодорожный узел. Эту смелую операцию провели Ф. Д. Евдокимов, работавший вблизи водокачки в Голицыновском вагонном парке, и литейщик наших мастерских А. Фрукалов. И. Ф. Кошкинцев вместе с дружинниками взорвал мост у станции Хапры. Неоднократно рвали телеграфные провода между Ростовом и Новочеркасском. В этом деле чаще всего участвовали подпольщики Пивоваров, Коврыгин, Фрукалов, Кошкинцев и пишущий эти строки.

Выполняя задание Донкома о подготовке к празднованию 1 Мая 1919 года, мы провели специальное заседание подпольного районного комитета партии. Заседание, помню, устроили в мягком вагоне, стоявшем на ремонте в пассажирском цехе. Решили в день 1 Мая прекратить работу и вывести рабочих из Главных мастерских. Для осуществления нашего решения распределили подпольщиков проводить агитацию по всем цехам. Подпольщик П. Руденко должен был в рабочее время включить заводской гудок, который послужил бы сигналом к прекращению работы.

Накануне праздника мы обильно снабдили Главные мастерские и Темерник листовками с призывом прекратить работу.

Наступило 1 Мая, загудел заводской гудок. Рабочие, подготовленные подпольщиками и дружинниками, бросили работу и с пением революционных песен вышли за проходную.

Это была одна из важных наших побед, показавшая белогвардейцам силу и мощь рабочих выступлений...

После тяжелого удара, нанесенного контрразведкой подполью Ростова в мае 1919 года вследствие предательства арестованных членов Донкома Василия Абросимова и Василенко, некоторые из оставшихся на воле руководителей Донского комитета партии вынуждены были выехать из города. Из оставшихся в Ростове товарищей был создан временный Донком, в состав которого вошел и я. Руководство комитетом принял товарищ Вольмер, недавно присланный из Центра. В августе возвратился в Ростов Васильев (Шмидт) и другие руководящие работники. Тогда-то и создали новый постоянный Донской партийный комитет из девяти человек. В его состав в качестве представителя от Темерника ввели меня.

Новый Донком поручил мне поддерживать связь с Темерником. Темерницкий же подпольный райком возглавил П. Н. Пашигоров, который и руководил им до прихода Красной Армии.

Темерницкой организации, как и подпольщикам других районов Ростова, пришлось пережить немало тревожных дней в связи с майским провалом. Мы переменили все явки, подобрали вместо них новые. Перевели в новые места склады оружия.

На явочную квартиру Ф. Д. Евдокимова незаметно перенесли много оружия и боеприпасов. Несколько дней здесь скрывались члены Донкома — Васильев и другие. А когда стало известно, что вокруг квартиры Евдокимова шныряют подозрительные личности, пришлось оружие перевезти в Нахичевань. Члены Донкома вынуждены были покинуть город.

...С каждым днем росло недовольство рабочих в связи с резким ухудшением их материального положения. Назревала стачка. Однако меньшевистский профсоюз, боясь, что стачка превратится в политическую, попытался выпросить у начальства крохотную прибавку к жалованью. Но это не удовлетворило рабочих. Видя столь боевое настроение рабочих, Донком в своих листовках призвал их к забастовке, которая началась в октябре. Сначала забастовали рабочие железнодорожного узла, а затем и всей железной дороги. К железнодорожникам присоединились водники, рабочие мельницы Парамонова, завода Лели и других предприятий.

В ответ на это власти объявили город на военном положении, и забастовка была подавлена силой. Белогвардейцы арестовали около 700 рабочих, в том числе 300 железнодорожников.

Несмотря на жестокие репрессии, подпольная работа не прекращалась.

Донком поручил мне ведать секретарской работой в нашем военном штабе. Местонахождением штаба мы избрали конюшни при общежитии сотрудников городской больницы. Сюда подпольщики доставляли все важные сведения, здесь их шифровали и с курьерами переправляли в Зафронтбюро. Особо ценными данными нас обеспечивали телеграфист Новочеркасской радиостанции Игнат Буртылев и работавший в штабе Донской армии в Миллерове В. Е. Мочалов. Курьеры отправлялись через фронт в не занятые белогвардейцами районы Советской республики, а оттуда возвращались назад с инструкциями, листовками, воззваниями, шрифтом, взрывчаткой, деньгами и т. д. Обязанности курьеров выполняли главным образом женщины. Подпольщики, нередко проявляя чудеса находчивости и смелости, переходили фронт, передавали сведения советскому военному командованию.

Проводя широкую подпольную работу в Донской области, Донком оказывал большую помощь краснозеленым Черно- моря в районе Новороссийска. В партизанские отряды были командированы члены Донкома и военного штаба Васильев, Пивоваров (Роберт), Селиванов, Сидорчук, Калита, Пустынников и другие. Выезжали они туда, переодевшись в офицерскую форму. Железнодорожными билетами для этих поездок снабжал работник конторы Главных мастерских Владикавказской железной дороги В. Буриков.

В конце 1919 года, когда Красная Армия успешно продвигалась на юг, деникинцы еще больше усилили террор. Это усложнило нашу подпольную работу. Но чем больше риска требовала наша работа, тем больше мы проявляли осторожности. Так, мне, как уполномоченному по связи с Темерником, нужно было из Нахичевани доставлять листовки, газеты, и делать это нужно было после работы, вечером, когда в связи с военным положением белогвардейские патрули проверяли документы особенно тщательно. Трамваи не ходили. Поэтому в Нахичевань и обратно я должен был добираться пешком, а листовки прятать под одеждой. Помню, был такой случай. Подхожу к городской больнице, а там на перекрестке у Садовой улицы проверяют документы, подозрительных обыскивают. Видя это, я попытался незаметно обойти казачий пост вдоль больницы. Но казак на коне заметил меня и, подъехав, стал требовать документы. На мое счастье, казак оказался заметно навеселе. Сначала он грозился задержать меня, но потом махнул рукой и ограничился взяткой—«штрафом», который я немедля уплатил, довольный благополучным исходом. Пришлось, конечно, поволноваться. Самым последним на моем пути, но и наиболее опасным местом

был проход у вокзального сквера. На вокзале особенно свирепствовала свора контрразведчиков из штаба полковника Кутепова, которые хватали и увозили в свои застенки всякого, кто вызывал у них подозрение. Для многих таких задержанных дело кончалось виселицей. Но в тот раз и это опасное место я миновал.

В декабре Красная Армия подходила к Дону. Террор белогвардейцев в эти дни доходил до крайнего предела. Чувствуя последние дни своей власти, деникинцы производили повальные аресты и массовые расстрелы. Они бахвалились: «Мы большевикам устроим елку к рождеству, украсим ее повешенными большевиками». И в самом деле это было далеко не пустой угрозой.

Обстановка для работы в подполье достигла наивысшей трудности и опасности как для всей организации, так и для каждого из нас в отдельности. Но Донком призывал подпольщиков в ответ на террор усилить разъяснительную работу в белогвардейских войсках, поставил задачей оказать всю возможную помощь наступающей Красной Армии. Темерницкой организации было поручено организовать охрану железнодорожного моста через Дон и водокачки. И мы приняли нужные меры. Договорились с машинистом водокачки и взяли под наблюдение железнодорожный мост. Внезапный захват Ростова частями Первой Конной армии не дал возможности белякам взорвать эти важные объекты.

Мы, темерничане, встретили советскую конную разведку на вокзале и, доложив ее командиру об обстановке на Темернике и в Олимпиадовке, отправились на заседание только что созданного Ростовского ревкома. Мне ревком поручил сформировать штаб революционной охраны на Темернике. Заняв помещение полицейского участка на бывшей Церковной улице, штаб вооружил проживавших на соседних улицах рабочих, установил их ночные дежурства. Тем самым мы обеспечили спокойствие и порядок в своем районе, что было особенно важно, так как белогвардейцы накануне бегства из Ростова выпустили из тюрьмы уголовников.

Вскоре я был назначен председателем ревкома Темерника, а его членами стали бывшие подпольщики — рабочий Баранов и матрос Зенин.

Под руководством городского комитета партии и ревкома работа по восстановлению Советской власти стала налаживаться...

Беззаветно смелая, с широким размахом развернутая работа подпольных организаций способствовала краху белогвардейщины и торжеству Советской власти на Дону. Большую роль в разгоревшейся борьбе в деникинском тылу играли женщины-подпольщицы.

В состав Донского подпольного партийного комитета (Донкома) входило пять коммунисток: Р. Гордон (Анна), О. Горбачик (Минская), М. Карагодская, Р. Вольф (Елена Езерская), М. Малинская. Анна Гордон выполняла обязанности ответственного секретаря комитета, Марии Карагодской и Елене Езерской было поручено руководство Таганрогской организацией, а Марии Малинской — Новочеркасской, где она умело поставила работу по разведыванию секретных данных о силах и военных планах деникинского командования. Ольга Минская осуществляла связь с Краснозеленой армией, действовавшей в белогвардейском тылу в районе Новороссийска.

Связь Доккома с Донским бюро РКП(б) (Донбюро), которое находилось на советской территории, также в значительной мере осуществлялась женщинами. В свою очередь и Донбюро использовало в качестве связных как с Донкомом, так и другими партийными комитетами женщин-подпольщиц. Наряду с Дмитрием Вернидубом, Зубковым и Николенко, курьерами, в Донбюро были Грекова (Ивановна), Лида Шаб л невская, Лида Попова (Мотя), Лида Тимофеева, Муза Абраменко, Лиза Воронина, Тоня Козлова и пишущая эти строки. В этих воспоминаниях я и попытаюсь рассказать о том, как нам приходилось выполнять партийные задания.

...Деникинцы проводили мобилизацию за мобилизацией мужского населения в свою армию. Рабочие и крестьяне оказывали сопротивление, укрывались от мобилизации. Появление мужчин в прифронтной полосе с нелегальным багажом было более рискованным, чем женщин. Мужчина мог быть схвачен по подозрению в дезертирстве, а затем уличен в принадлежности к подпольной организации. Поэтому выполнение заданий, связанных с переходом через фронт, в значительной мере возлагалось на женщин.

Все мы, курьеры партийных организаций, неоднократно

тм^тжл! ФРОНТ, обеспечивали постоянную связь Донбуро РКП(б) с большевистским подпольем, доставляли денежные средства, необходимые для работы в тылу врага, взрывчатку паспорта и прочее.

У нас, рядовых членов партии, простых работниц, не было ни специальной подготовки, ни какой-либо тренировки. А для выполнения заданий требовались и сила, и выносливость, умение владеть приемами конспирации и особенно — воля.

Переходить фронт приходилось в различной военной обстановке. Линия фронта постоянно передвигалась. Если сравнительно легко было перейти рубеж, идя навстречу движению линии фронта, так как тогда можно было где-либо устроиться переночевать и утром очутиться у своих, то дело было крайне сложным, когда надо было идти по направлению движения фронта, опережая идущие вперед войска. В этом случае приходилось делать большие пешие переходы.

Опасность всегда подстерегала каждого из нас. Так, при выполнении задания погибла Тоня Козлова. Вагон поезда, в котором она ехала, подвергся обыску, ее багаж был раскрыт. Живой в руки она не далась, стала отстреливаться и была убита на месте.

Во время поездок нам зачастую приходилось смешиваться с мешочниками-спекулянтами. В условиях разрухи и голода они колесили по всей стране, не останавливаясь и перед тем, чтобы переходить линию фронта. Их можно было всегда видеть на крышах, в тамбурах, на подножках вагонов товарных, пассажирских, воинских поездов. Теми же способами, соответствующим образом маскируясь, нередко передвигались и мы.

Отпечатанные в подпольной типографии газеты, листовки, воззвания мы прятали под одеждой, в корзинах, чемоданах и развозили по организациям области — в Новочеркасск, Таганрог, Сулин, Шахты, а также в Новороссийск и Екатеринодар.

Белогвардейской контрразведке было известно об активной роли женщин в подполье. Это обнаружилось во время майского провала 1919 года, когда была раскрыта ростовская подпольная типография. Были арестованы почти все работники типографии. Начались провалы и аресты в Таганроге, Новочеркасске. Всего было арестовано около 60 человек. Среди них были и женщины: Мария Николаевна Спирина, мать Николая и Григория Спириных, ее пятнадцатилетняя дочь Елена, Мария Березкина из Новочеркасской организации.

Незадолго до провала типографии были арестованы Леля Борко и Мария Малинская. Но обладавшей большой смелостью Малинской удалось бежать из контрразведки.

Рано утром она, бледная, вбежала в квартиру Моти Поповой, где в это время находились Анна Гордон и Мария Кара- годская.

— Что случилось? — спросили ее девочки.

— Я убежала из контрразведки.

— Да ты толком рассказывай, что случилось?

— Вчера вечером, вскоре после ухода Анны из квартиры Лели, нагрянула контрразведка, меня и Лелю арестовали.

— Что-нибудь нашли?

— Нет, ничего не нашли. Но судя по допросу, их кто-то на-> вел на след.

Малинскую переделали, и Мотя отвела ее на квартиру к Вере Глазене. Остальные также немедленно разошлись.

Контрразведка неистовствовала, понимая, что ей не удалось выловить женщин, членов Донкома и его связных, в руках которых находились сведения почти обо всей подпольной сети.

На допросах арестованных подпольщиков палач-контрразведчик поручик Татаринов применял самые зверские пытки, чтобы вырвать признание.

Контрразведке были известны имена женщин — членов комитета.

— Знаешь Анну?

— Знаешь Марию?

— Знаешь Елену? — спрашивали арестованных на допросах, но большевики молчали.

— Я молчал,— рассказывал Григорий Спиринов.— Татаринов и его подручные могли со мной сделать что угодно, превратить мое тело в кровавый кусок мяса и костей, но они бессильны были вырвать у меня интересовавшие их сведения. Я презирал и ненавидел своих палачей, молчание было моим единственным оружием, которого они не могли отнять у меня.

Сохранилось описание допроса Татариновым арестованного подпольщика Александра Абросимова. Их привел в своих воспоминаниях со слов самого Абросимова председатель Донкома Васильев-Шмидт.

Татаринов кричал:

— Говори, кто приходил в типографию из женщин?

— Не знаю.

— Кто писал статьи для газеты и кто выносил готовые газеты?

— Не знаю.

— Не знаешь? Катай его, ребята, еще,— опять засвистел шомпол. Боль нестерпимая.

— Стой! Ну, скажи теперь, кого знаешь из женщин?

— Я уже сказал, что ничего не знаю.

— Напрасно ты упорствуешь. Григорий Спирин нам все рассказал.

— Если Григорий рассказал, значит, он знает, а я не знаю.

— Лули его, ребята, черта, еще.— Шомполы засвистели. Боль притупляющая, все тело начинает мертветь.

— Стой, ребята, отдохни немного.

Новая передышка. Татаринов достает из кобуры наган и целится мне в лоб.

— Не скажешь, кто приходил в типографию из женщин?

— Ничего я тебе, гаду, не скажу.

Отвалился Татаринов.

— Уведите его в камеру.¹

С огромным мужеством держались на допросах и арестованные женщины.

Вот Мария Николаевна Спирина, мать пятерых детей, у которой сын и дочь были арестованы. Григорий подвергался мучительным пыткам, а старший сын Николай лишь случайно избежал ареста только потому, что его не было в это время дома. Знает ли он о разгроме типографии и об арестах? Ведь он может прийти домой и тоже попасть в лапы контрразведчиков, они наверняка оставили там засаду. А что делается дома, где остались двое малых детей шести и семи лет? Эти мысли неотступно преследовали ее. Тяжело было на сердце матери, но она выдержала все допросы и стойко отрицала свое участие и осведомленность о работе типографии в ее доме.

Или Мария Березкина, одаренная девушка, студентка педагогического института. Против нее были показания некоего Чеботарева о ее принадлежности к Новочеркасской организации и разведывательной деятельности, о том, что она была курьером для связи с Ростовом. Но так как не было прямых доказательств, она все отрицала, обвиняя Чеботарева в сведении с ней личных счетов.

Ничего не добились контрразведка и от Лели Борко, но она пала жертвой тюремного произвола. В окно камеры, где находились Мария Николаевна и Леля, стражей был дан залп. Леля Борко была убита, а Мария Николаевна ранена.

На мраморном памятнике Лели Борко высечено: «Вечная память, вечная слава верной дочери трудового народа, молодой большевичке, отдавшей свою жизнь за дело социализма».¹

¹ А. Е. Васильев-Шмидт. Воспоминания о ростовском большевистском подполье в 1918—1919 гг. Азово-Черноморское краевое книжное издательство. 1934.

А в это время оставшиеся на свободе члены подпольного комитета во главе с председателем Донкома Васильевым-Шмидтом принимали меры к тому, чтобы урон, понесенный организацией в результате провала, оказался возможно меньшим. Они предупреждали товарищей на явочных квартирах, подыскивали новые явки, меняли шифры и пароли, перестраивали всю систему конспиративной связи.

Вскоре по решению комитета Мария Карагодская, Елена Езерская, Мария Малинская выехали на не оккупированную белогвардейцами советскую территорию. Неуловимая Анна Гордон, разыскиваемая агентами контрразведки, продолжала работать. И только осенью 1919 года в сопровождении Моти Поповой она также перешла через фронт на советскую территорию.

Надо сказать, что курьерам Донбюро поручалось транспортировать не только литературу, взрывчатку и т. д., а иногда и сопровождать людей. В частности, мне и другой подпольщице Лиде Тимофеевой было поручено переправить через фронт на советскую территорию подпольщика Олейникова, который вместе со своим товарищем Сидорчуком участвовал в ликвидации провокатора Василия Абросимова. Операция эта была проведена в людном месте — на базаре, среди бела дня. Приметы Олейникова были хорошо известны в контрразведке, поэтому оставаться в Ростове ему нельзя было.

В связи с этим вспоминается скромная старая женщина-большевичка Татьяна Александровна Тимофеева — мать Лиды Тимофеевой. Обремененная большой семьей, к тому времени уже инвалид, полностью потерявшая зрение, она тем не менее отдавала все силы, чтобы выполнить свой долг революционерки. Она держала явочную квартиру, с которой мы с Олейниковым отправились в трудный и опасный путь. Татьяна Александровна сердечно напутствовала нас, советовала держаться семейной группой, как отец с дочерью.

Из Ростова мы шли пешком до станции Марцево. Затем разными поездами — пассажирским, товарным и на маневровом паровозе — доехали среди мешочников до прифронтовой станции Поньри, находящейся между Белгородом и Орлом. Где и как перейти фронт, разузнавали мы с Лидой, а Олейников старался держаться как можно незаметней, иногда даже прикидывался немцем.

Но Есе обошлось благополучно, и мы прибыли в Донбюро. А вскоре с новым заданием я выехала обратно в Ростов.

В июне — июле по заданию Донбюро РКП(б) в Ростов приезжали Валя Черкесова и Лидия Шаблиевская. Затем для по

стояннoй работы в подполье прибыли Мария Богуславская, Женя Листопад, Люба Степняк, Аня Шаинская. Все они влились в местные организации, выполняя поручения комитета, и оказывали большую помощь в его работе. Женя Листопад была введена в состав комитета.

В последние месяцы подполья Ростовский партийный комитет активизировал боевую работу во вражеском тылу, усилил связь с Краснозеленой армией, оказывал ей помощь людьми и материальными средствами.

В октябре 1919 года деникинская армия продвинулась далеко в глубь России. На подступах к Туле она была остановлена Красной Армией. В упорных боях под Орлом и Воронежем Деникину был нанесен сокрушительный удар, и белогвардейцы начали откатываться на юг.

В декабре я вышла в последний рейс из Тулы, где находилось тогда Донбюро, в Ростов. В пути повстречала Кину Бородину, она тогда работала в разведке Красной Армии и тоже направлялась в Ростов. Зная друг друга по прежней работе, дальше мы пошли вместе.

На этот раз, перейдя фронт, опередить поспешное отступление деникинцев нам не удалось. При отступлении белые взрывали железнодорожные пути, мосты. На большом протяжении железная дорога была выведена из строя, поезда в южном направлении не шли. Тогда пришлось, пренебрегая обычной конспирацией, прибегнуть к помощи штаба фронтовой части Красной Армии, чтобы ускорить путь. Дальше добирались конным транспортом. Но такую помощь мы смогли получить только на своей территории, а по ту сторону фронта — снова пешком. Красная конница, преследуя по пятам отступающую армию Деникина, обгоняла нас...

Перед Ростовом встретились с членами зафронтового Донбюро, выехавшими из Тулы и двигавшимися с наступающими красными частями. Дальше уже мы следовали вместе с Донбюро.

8 января 1920 года нашей героической Первой Конной Ростов был освобожден...

В ноябре 1920 года Донской комитет партии комплектовал группу коммунистов для откомандирования на учебу в Москву в Коммунистический университет имени Свердлова. Из восьми посланных в Коммунистический университет семеро были девушки, работавшие в подполье. Это — Ольга Горбачик, Мария Богуславская, Лида Попова, Муза Абраменко, Люба Степняк, Роза Шаинская и я. Мечта об образовании, ранее недоступном для нас, сбылась.

Ростовский подпольный комитет РКП(б) принял решение организовать типографию в моей квартире, находившейся на Донской улице, в доме № 44.

Перед нашей подпольной типографией была поставлена задача выпускать не только листовки, но и двухполосную газету «Донская беднота», а также печатать различные бланки, удостоверения и т. д.

Типография не могла ограничиться работой в ночные часы. Чтобы можно было пускать в ход печатные станки и в дневное время, пришлось рыть подzemелье. Этим занялись мы, работники типографии. Наконец, был отрыт довольно просторный погреб, в котором человек мог ходить не пригибаясь, в полный рост. В погребе поместили две наборные кассы, два печатных станка, запас бумаги, краски и другое.

Работать приходилось при свете керосиновых ламп, и от этого в подzemелье всегда стоял угар. Тогда для вентиляции мы устроили вытяжную трубу и со всей тщательностью замаскировали ее.

Деревянные подставки для станков и кассы изготовили наши товарищи — столяры Кирей Павлович Халин и Иван Андреевич Дунаев. Наборщиками в подпольной типографии были Александр Селиванов (он же Чернов), Абрам Муравич (он же Бродский) и Антон Иванович Аболин. Печатали листовки и газету Яков Рыбкин, Василий Андреевич Новохатский, Александр Абросимов, Илья Абросимов и я. Заготовкой бумаги и укладкой готовой продукции занималась моя пятнадцатилетняя сестра Елена.

Мы работали круглосуточно, сменяя друг друга у наборных касс и печатных станков. Тираж наших изданий поднялся до нескольких тысяч экземпляров.

Всю выпускавшуюся литературу наши курьеры разносили по явочным квартирам города, а оттуда она доставлялась на предприятия Ростова. Кроме того, тысячи газет и листовок мы отправляли на Кубань и в Черноморье.

Потребность в изданиях нашей типографии с каждым днем росла. В конце апреля 1919 года подпольный комитет принял

решение выпускать вместо двухполосной газеты «Донская беднота» четырехполосную — «Красное знамя».

Мы возлагали большие надежды на новую газету и потому с особой тщательностью и любовью готовили ее первый номер. В ночь на 9 мая наконец были сделаны оттиски всех четырех газетных полос. Усевшись за стол, занялись корректурой. Вдруг со двора донесся какой-то шум и собачий лай. Мы тотчас же сожгли первые пробные оттиски газеты и наборщики, поднявшись в квартиру, тщательно закрыли замаскированный ход в типографию. Полагая, что к нам нагрянули белогвардейские контрразведчики, мы, чтобы обмануть их, сели играть в карты. Тут же раздался стук в дверь и ставни. Моя мать, Мария Николаевна, вышла в коридор.

— Кто там? — спросила она.

И тотчас дверь слетела с запоров. В дом с площадной бранью ввалилась группа контрразведчиков, предводительствуемая неким Татариновым.

Мы продолжали сидеть за столом, держа в руках карты.

На нас навели пистолеты.

— Встать! — приказал Татаринов. — Руки вверх!

Мои маленькие сестра и брат, Клава и Ваня, подняли плач.

— Заткнуть глотки этим пискунам! — по-волчьи сверкнул глазами на малышей Татаринов, которого контрразведчики, обращаясь к нему, называли то поручиком, то мичманом.

Начался обыск. В квартире все перевернули вверх дном. С кроватей на пол летели подушки и матрацы, из шкафа вытряхнули все его содержимое, обшарили каждый угол. Мы с замиранием сердца следили за шнырявшими по квартире контрразведчиками. Каждый из нас думал об одном и том же: найдут ли типографию?

Однако первый обыск не дал результатов. Никакой крамолы контрразведчики не обнаружили. На их обозленных лицах нетрудно было прочесть разочарование. Тогда Татаринов, кивнув на нас, приказал:

— Выведите этих мерзавцев!

Нас по одному вывели во двор, залитый сиянием майской луны. По приказу Татаринова выстроили в шеренгу. С улицы до нас долетали свистки, крики. Как позже мы узнали, контрразведчики окружили конными патрулями весь квартал.

А тем временем в доме продолжали обыск.

Вдруг во двор вошел какой-то человек, одетый, несмотря на майскую теплынь, в черную бурку, глаза его были прикрыты большими темными очками. Мы сразу решили, что это провокатор. И не ошиблись. Он торопливо прошмыгнул в дом,

и через несколько минут из квартиры донесся выстрел — это был сигнал, извещавший находившихся во дворе контрразведчиков, что поиски увенчались успехом.

Скоро стражники стали выносить во двор оборудование нашей типографии: наборные кассы, разобранные печатные станки, шрифт, рулоны бумаги. Контрразведчики принялись избивать нас.

— Подождите,— остановил Татаринов своих разъярившихся молодчиков и повернулся к нам: — Кто хозяин этой квартиры?

Я шагнул вперед, вытирая рукавом кровь, бежавшую из носа и рассеченной губы.

— Кто набирал? — спросил меня Татаринов.

— Я.

— Кто печатал?

— Я.

— Все ты один? — он насмешливо посмотрел на меня. — А что же делали остальные? — и рукой показал в сторону моих товарищей.

— Пришли играть в карты.

— Ах, вот как! — Татаринов, размахнувшись, ударил меня по лицу и, повернувшись, снова пошел в дом. Вернувшись, выстроил нас, одного за другим, в затылок, ловко связал всех одной веревкой и повел цепочкой со двора. А слева и справа двигались конвойные с направленными на нас дулами винтовок и пистолетов.

У проходных ворот завода «Аксай» уже стояли наготове два грузовика. В один из них было погружено оборудование типографии. Нас втиснули в кузов этой же машины. Мы очутились среди касс со шрифтом, печатных станков, накатных валов, рулонов и стоп бумаги. Потом в кузов бросили измятый портрет Ленина и красный флажок, украшавшие нашу подземную типографию. У бортов машины поместились стражники.

— Ну, поехали! — раздался в темноте сиплый голос Татаринова.

— Вот и кончилась ваша свобода! — с издевкой сказал мне стоявший в кузове дюжий стражник из кубанских казаков.

Я в ярости напряг крепко связанные руки, но веревки еще сильней врезались в тело.

Автомобиль медленно ехал в темноте, сопровождаемый конными стражниками. Я испытывал чувство гордости за своих товарищей, которые стояли в кузове. Ни один из них не дрогнул, не проявил малодушия.

Уже начинало светать, когда автомашина остановилась

возле дома на Никольской. Это была гостиница «Мавритания». Я знал, что здесь помещается контрразведка Добровольческой армии.

Нас всех загнали в небольшую комнату. Стульев в ней не было, и мы уселись на пол. Ныли связанные руки, лица у всех в подтеках засохшей крови, в ссадинах от ударов. Вместе с нами в комнате находились двое казаков с наганами в руках. Они следили за тем, чтобы мы не переговаривались между собой.

Вскоре в помещение втокнули новую группу арестованных. Это были тоже большевики-подпольщики. И стало понятно, что пробравшиеся в наши ряды провокаторы подготовили провал ростовской подпольной организации.

Некоторое время спустя к нам в комнату начали заглядывать белогвардейские чины. Они рассматривали нас как какую-то невидаль. Мы отвечали им взглядами, исполненными презрения и ненависти.

Когда офицеры, насытив свое любопытство, удалилось, явился несколько контрразведчиков. Первое, с чего начали эти кровавые молодчики, был грабеж. Они не гнушались ничем. От моих сапог отрезали голенища, у Муравича-Бродского выбили золотой зуб, у Александра Абросимова отобрали карманные часы, у моей матери сняли с руки серебряное кольцо, а Якова Рыбкина заставили отдать свои суконные брюки и сапоги.

— Вам все равно теперь уже ничего не нужно,— говорили контрразведчики.— Вас сегодня расстреляют.

Наступило утро, и вскоре начался допрос. Первым контрразведчики вызвали меня. Это произошло, по-видимому, потому, что я был хозяином квартиры, в которой находилась типография.

Меня ввели в кабинет. За столом сидел тот же самый поручик Татаринов, который руководил операцией по разгрому нашей типографии, и несколько других чинов контрразведки. Едва я вошел в комнату, как увидел развешанные на стенках всевозможные инструменты для пыток. Меня обдало холодом. «Ну, терять нечего,— подумал я.— Все равно смерть».

Нетрудно было догадаться, о чем будет спрашивать контрразведчик Татаринов. Так оно и оказалось. Белогвардейских палачей интересовало, кто был связан с типографией, где помещается комитет партии. Они требовали, чтобы я назвал имена руководителей подпольной организации и указал их местонахождение. Но на все вопросы Татаринова я неизменно отвечал: «Не знаю».

Ну, что ж, красная собака, мы сейчас развяжем тебе язык! — сказал Татаринов и повернулся к двум дюжим казакам.

— Ну-ка, возьмитесь за него.

Тотчас с меня сорвали верхнюю одежду, заставили разуться, а потом швырнули на пол. На плечи и ноги сели двое казаков, а сам Татаринов склонился надо мной, держа в руке изогнутый нож, похожий на тот, каким пользуются садовники при подрезке деревьев.

— Ну, Спирин, начнешь отвечать? — прорычал он.

Я молчал.

Выругавшись, Татаринов начал резать мне кожу на ногах. Я закусил губы, чтобы не застонать от невыносимой боли.

— Говори, упрямая сволочь! — снова склонился надо мной палач.

В ответ услышал только мое хриплое дыхание и снова принялся пытаться. Специальными щипцами он срывал ногти с пальцев, потом стал колотить шилом грудь. Боль терзала меня, но я так напрягся, такая неукротимая ненависть наполняла мою душу, что я уже был спокоен за себя: «Выдержу! Пусть убивают, все равно ничего не скажу!»

— Говори! — словно издали доносился до меня голос Татаринова.

И он опять начал терзать меня. Но теперь я уже будто одеревенел.

— Крепкий попался орешек! — хрипло засмеялся Татаринов и с силой ударил меня по голове обутой в щегольской сапог ногой. — К дверям его!

Я думал, что меня выволокут сейчас во двор и там прикончат. Но произошло совсем другое. Подручные палача стали прижимать дверями пальцы моих рук и ног. Я не мог стерпеть страшной муки и начал стонать.

— Ну, теперь-то ты образумишься? — подошел ко мне Татаринов.

Приподняв с пола голову, я выплюнул в лицо контрразведчику кровавый сгусток.

— Шомполами его!

И тотчас на меня обрушились удары стальных прутьев.

— Не так, не так... — выругался Татаринов и сам стал бить меня шомполами по пяткам. В мозгу у меня словно иглами кололо, и тут я потерял сознание.

Сколько я находился в беспамятстве, не знаю. Очнулся в подвале, на леднике. Все тело жгла острая боль, рядом ни души. Не успел прийти в себя, как услышал шаги и голоса.

Это пришли за мной два казака и снова поволокли на пытку. И опять я очутился в кабинете Татаринова.

— Слушай, Спири́н, лучше отвечай! — сказал мне Татаринов.— Ты еще совсем молодой парень, неужели тебе охота умереть?

Я молчал.

И снова стали меня избивать шомполами, но теперь уже секли не по пяткам, а по животу, потом ткнули меня лицом в пол и начали полосовать спину. Я несколько раз терял сознание и приходил в себя. Наклонившись надо мной, Татаринов кричал:

— Говори, сука! Слышишь! Не то запорю до смерти!

И опять меня били...

Пришел я в себя только на вторые сутки. Оказалось, что нахожусь в том же самом подвале, на леднике, куда меня бросили в прошлый раз. Я не мог даже двинуться. Боль рвала мозг и сердце. Вскоре пришли два казака и на руках перенесли меня в тюремную камеру. Едва закрылась за ними дверь, ко мне бросились сидевшие в камере мать, сестра, товарищи. Все они тоже подверглись пыткам. Я с трудом ворочал языком, лицо мое распухло, и товарищи бережно уложили меня в углу, на сыром полу.

На четвертый день после ареста всех нас перевели из контрразведки в ростовскую тюрьму. Сначала мы попали в так называемую «карантинную» камеру № 73. А спустя день нас рассовали по одиночкам. Но тюрьма была так переполнена, что в каждой одиночке поместили по четыре человека.

Я был в тяжелом состоянии. На спине и животе — сплошная рана, грязное, пропитанное кровью и гноем белье прилипало к телу, боль от ран была нестерпимой. Но ни о какой медицинской помощи нельзя было и думать. Стоять и сидеть я не мог единственное, что мне оставалось,— лежать на боку, а от этого у меня образовались пролежни. Товарищи по камере переворачивали меня с боку на бок, на руках выносили в уборную.

Однако как ни тяжело приходилось мне и другим, дух наш не был сломлен. Мы знали обо всем, что происходило на воле. Нам информировали об этом связанные с большевистским подпольем тюремные надзиратели Мишустин, Леденев и Зайцев. Через них до нас доходили даже листовки и воззвания, которые продолжали выпускать избежавшие ареста подпольщики и прибывшие им на подмогу новые работники Донского бюро.

Эти листовки и воззвания вселяли в нас силы. Они говорили о том, что, как бы ни свирепствовали белые палачи, им не уда-

стоя сломить трудовой народ, не удастся предотвратить свою неизбежную гибель.

С помощью Мишустина, Леденева и Зайцева мы получали также продуктовые передачи, табак. Нас своевременно предупреждали о провокаторах, которых контрразведка засылала в тюрьму.

С воли к нам доходили волнующие вести. Белые терпели на фронтах одно поражение за другим. Донское бюро партии прислало в Ростов новых работников, и деятельность подпольной организации снова начала приобретать широкий размах. Опять была создана подпольная типография, и налажился выпуск новой газеты «Пролетарий». На предприятиях все чаще происходили стычки между рабочими и администрацией. В белой армии царил разложение и разброд.

В ответ на это контрразведка усилила террор. Охрана тюрьмы теперь была поручена карательному отряду Икаева, известного своей особой жестокостью. Охранники расположились на сторожевых вышках, непрерывно бродили по тюремному двору и то и дело стреляли в окна камер.

Однако дикие расправы не могли сломить волю заключенных. По-прежнему в камерах звучали революционные песни. В ответ из тюремного двора раздавались выстрелы, и в камерах от пуль сыпалась штукатурка со стен и потолков. Но, несмотря ни на что, нам удавалось получать с воли листовки нашего подпольного комитета. Тюремному начальству каким-то образом стало известно об этом, и однажды оно устроило повальный обыск. Но в камерах не удалось ничего обнаружить. Тогда обыскали тюремную церковь и в алтаре, под «святым покровом», нашли десятки прокламаций, которые хранил там «псаломщик» — наш подпольщик Федякин.

Белогвардейская «юстиция» не очень-то заботилась о соблюдении судебных формальностей. Следствие по делу нашей группы было чрезвычайно коротким. Нас всего раз возили к следователю в окружной суд, находившийся на Никольской улице.

«Процесс 25-ти» — так называлось наше судебное разбирательство — начался 25 октября 1919 года. Суд проходил в гостинице «Россия», на Старо-Почтовой улице. Председательствовал поручик Красса, членами полевого суда были сотник Алексеев и хорунжий Маслицкий. Однако вскоре разбор дела отложили, как мотивировал председатель суда, «за

важных свидетелей обвинения», то бишь провокаторов. Процесс возобновился в конце октября, и слушание дела происходило при закрытых дверях. Это была гнусная пародия на правосудие. Наша участь была предрешена в белогвардейской контрразведке, и члены суда лишь старались соблюсти видимость судебного разбирательства. Во время допросов нас грубо обрывали, не давали говорить. Каждый из нас понимал, что этот процесс — комедия, затеянная белыми лишь для отвода глаз.

31 октября по постановлению суда «за подрыв мощи всевеликого Войска Донского, за работу, направленную на свержение существующего строя», были приговорены к расстрелу восемь большевиков-подпольщиков: Антон Аболин, Абрам Муравич, Александр и Илья Абросимовы, Яков Рыбкин, Матвей Гуньков, Михаил Мироненко и я.

Остальные подпольщики, проходившие по этому делу, были осуждены на разные сроки каторжных работ.

Мою мать, Марию Спирину, хозяйку квартиры, в которой находилась типография, осудили на десять лет, а пятнадцатилетнюю сестру Елену, просидевшую полгода в тюрьме, освободили как несовершеннолетнюю.

Но в заключительной части приговора содержался один пункт, который поразил всех нас. Суд принял решение ходатайствовать перед атаманом «всевеликого» Войска Донского Богаевским о смягчении приговора. Такая гуманность со стороны белогвардейского суда к большевикам-подпольщикам была неожиданной. Как позже выяснилось, Донской комитет партии с помощью ростовских адвокатов передал членам суда крупную сумму денег. Однако тогда мы ничего не знали об этом.

Едва судебная комедия закончилась, нас вывели на улицу. Под конвоем конных стражников, ехавших по обеим сторонам с обнаженными пиками и пиками в руках, мы были доставлены в тюрьму. Там нас разместили в 13-й и 14-й камерах, предназначенных для смертников. Потянулись мучительные дни ожидания расправы. Днем, когда в камере все бодрствовали, было еще не так тяжело. Мы отвлекались от тягостных мыслей, вспоминали недавние эпизоды нашей подпольной работы, говорили о будущем нашей Родины, о неминуемом торжестве нашего великого дела. Но когда надвигалась ночь, смертнику оставались наедине со своими мыслями. Мы прислушивались к шорохам в тюремном коридоре. Когда там раздавались шаги, каждый думал, что сейчас откроется дверь камеры и нас поведут на расстрел.

Как-то, рассматривая стены камеры, я вдруг обнаружил на одной из них надпись, нацарапанную, по-видимому, ногтем: «Товарищи, я погибаю за дело революции. Начатое мной дело продолжайте. Егор Мурлычев».

Так мы узнали, какая участь постигла одного из руководителей ростово-нахичеванского подполья — Г. Мурлычева, арестованного несколько месяцев назад... Из камеры № 13 путь был только один — в могилу. Но и тут, перед лицом смерти, наш товарищ Егор Мурлычев ни на мгновение не утратил своей веры в великое дело Ленина. С благоговением перечитывали все мы эту надпись — завещание пламенного борца за счастье народа.

Прошло 26 суток. Как-то днем меня вдруг вызвали в кабинет к начальнику тюрьмы. Войдя туда в сопровождении двух конвоиров, я увидел в кабинете у стола женщину в черном. Кроме нас, других людей там не было. Когда конвоиры ушли, незнакомка назвала себя адвокатом Воловой и сказала, что деньги, отпущенные подпольной организацией, помогли. От адвоката узнал, что всем нам, смертникам, расстрел заменен 20 годами каторги, что наказание смягчено и остальным заключенным. Волова просила сообщить об этом моим товарищам.

Вскоре свидание с адвокатом закончилось, и я отправился обратно в камеру. На этот раз сопровождал меня дежурный по тюрьме Максим Леденев — человек, близкий подпольщикам. Проходя мимо камеры № 14, где сидело несколько моих товарищей, осужденных на смерть, я с разрешения Леденева передал им новость через «глазок» в окованной железом двери.

Мы испытывали чувство бесконечной благодарности к товарищам из Донского комитета партии, которые сделали все возможное, чтобы избавить нас от гибели.

На другой день, во время очередной утренней поверки, начальник тюрьмы официально известил нас о замене смертного приговора каторжными работами.

В этот же день, вечером, всех нас под усиленным конвоем отправили из тюрьмы на Ростовский вокзал. Вскоре мы уже подъезжали к Новочеркасску. Когда поезд подошел к перрону, начало светать, и мы увидели ожидающих нас конвойных казаков с обнаженными пашками. С вокзала погнали в старую каторжную тюрьму, находившуюся недалеко от железной дороги, по пути к Хотунку.

Один только вид тюрьмы, в которую нас привели, внушал ужас. В огромном тюремном дворе, в отдалении один от другого

были разбросаны наполовину врытые в землю одноэтажные казематы, похожие на каменные мешки.

В камере № 99, куда нас втиснули, находилось 25 заключенных. Стены, покрытые сыростью, общие деревянные нары без матрацев, асфальтированный пол — все здесь было устроено для того, чтобы сократить жизнь заключенных.

Нам рассказали, что в новочеркасской тюрьме свирепствует тифозная эпидемия. На другой день, выйдя на прогулку, мы увидели у тюремной конторы сложенные штабелями трупы заключенных, умерших от тифа. Видимо, направляя нас сюда, ростовские контрразведчики не сомневались, что такая же участь постигнет и всех нас.

Жуть брала, когда во время короткой прогулки по тюремному двору мы встречались с заключенными, которые уже давно находились здесь. Они обросли бородами, длинные свалывшиеся волосы торчали из-под шапок клочьями, лица синеватые, высохшие, лихорадочно блестящие глаза. Не люди, а какие-то страшные тени...

А тиф с каждым днем свирепствовал все больше. Бывало, проснешься утром, а рядом с тобой, на нарах, с обеих сторон лежат уже зачоченные трупы умерших ночью товарищей. Приходят тюремные служители, бесцеремонно стаскивают мертвых с нар и волоком тащат во двор, где укладывают в штабеля, как дрова.

Мы, подпольщики, не могли оставаться в бездействии и ждать, когда придет смерть. Было решено организовать побег из тюрьмы. Начали делать подкоп. Пробили ржавым колосником дыру в асфальтовом полу и стали рыть землю. Но через полметра наткнулись на второй пол, каменный, а когда после тяжких усилий углубились дальше, обнаружился третий пол. И мысль о побеге пришлось оставить.

Наступил декабрь 1919 года. В тифозные камеры сквозь тюремные стены все отчетливей доносился грохот оружейных выстрелов, и это наполняло надеждой наши сердца. Мы догадывались, что развязка близка.

В ночь с 6 на 7 января 1920 года гул канонады усилился. И едва забрезжил рассвет, мы услышали, как сбивают запоры с дверей камер.

Никогда не забуду того непередаваемого мгновения, когда в открывшейся двери появился человек в форме командира Красной Армии и предложил всем заключенным, не потерявшим способность двигаться, выйти из камеры. А за больными вскоре были присланы санитарные двуколки для отправки в госпиталь.

Илью и Александра Абросимовых, Якова Рыбкина и меня перенес из каземата на руках к себе на квартиру живший неподалеку от тюрьмы машинист новочеркасского депо Семен Абросимов.

Наконец мы снова оказались на воле. И на какой воле! Белогвардейцы были изгнаны, великое дело Ленина торжествовало победу.

П. Ф. Крылов

Взаимная помощь

До провала ростовского большевистского подполья в мае 1919 года я выполнял отдельные поручения большевиков: распространял листовки и газету «Донская беднота». Литературу получал от Петрова, носившего подпольную кличку «Злая рота». Вместе с ним и другими товарищами дважды участвовал в диверсиях: развинчивали стыки рельсов на железной дороге между станциями Нахичевань и Кизитеринка, рвали телеграфную связь между Ростовом и Новочеркасском.

После майского провала нашей организации меня привлекли к постоянной военной работе, которой руководил Иван Никифорович Пивоваров — по кличке «Роберт».

Заслуженная кара

Однажды вместе с Пивоваровым зашли на квартиру Петрова, жившего в доме № 242 по Сенной улице. Здесь мне стало известно, что по решению подпольного комитета необходимо убрать провокатора Василия Абросимова, из-за которого произошел недавний провал, а поскольку Ростовский подпольный комитет имел связь с екатеринодарскими подпольщиками, то аресты прошли и в Екатеринодаре. Для начала Пивоваров поручил мне вести наблюдение за Абросимовым.

После своего предательства Абросимов усиленно охранялся контрразведчиками. Он жил в здании, где помещалась контрразведка, и лишь иногда, и то в сопровождении охраны, ходил на старый базар навестить жену, торговавшую там овощами.

Мною было установлено, что провокатор также изредка приходит к жене ночью. Об этом я доложил Пивоварову, и он вместе со мной и двумя другими подпольщиками как-то ночью пришел к месту, откуда я вел наблюдение. Вскоре оказался провокатор. Мы схватили его, но он вырвался и побежал на 29-ю линию, к мельнице Парамонова, под защиту стоявшего там часового. Преследуя провокатора, мы несколько раз выстрелили по нему, но промахнулись. Однако когда Абросимов выбежал на 29-ю линию, часовой, видимо, принявший нас за контрразведчиков, гоняющихся за своей жертвой, выстрелил в Абросимова. Тот упал. Но и нам пришлось быстро скрыться. На другой день деникинская газетенка «Приазовский край» сообщила о нападении на Абросимова и о том, что он ранен.

Как-то в августе Пивоваров собрал разведчиков военной группы на квартире Рогова. Здесь были: Васильев-Шмидт — председатель подпольного комитета, Пивоваров, Сидорчук, Вольмер (его настоящие имя и фамилия были Михаил Костенко), «Николай», Рогов, Елисей Романов по кличке «Борька», я и еще двое незнакомых товарищей.

Васильев-Шмидт сообщил, что, ввиду того, что Абросимов все еще разгуливает на свободе и продолжает подлую работу провокатора, его нужно немедленно убрать. Комитет учел при этом, что предатель никуда, кроме как к жене на старый базар, не ходит, и поэтому вынес решение совершить казнь прямо на базаре.

Тут же Пивоваров предложил провести жеребьевку, кому выполнить решение подпольного комитета. В жеребьевке участвовали все присутствовавшие, кроме Васильева-Шмидта, Пивоварова и Вольмера. Жребий вытасил Рогов. Но он струсил и выполнить задание отказался. В дальнейшем Рогов был отстранен от участия в подпольной работе, а с приходом Красной Армии его судили.

Уничтожить провокатора добровольно вызвался Денис Сидорчук. Настоящее его имя — Алексей Исаевич Сиротин, шахтер из Донбасса. Его прислало к нам Дойбюро ЦК РКП(б). В то время Сидорчуку было около 25 лет.

Для ликвидации предателя составили подробный план, но операция произошла, к нашему счастью, гораздо проще.

Не подозревая, что за ним постоянно ведется наблюдение, Абросимов как-то пришел на базар к жене. Член нашей боевой группы Олейников под видом извозчика подъехал на пролетке в условленное место. Сидорчук подошел к ларьку и попросил Абросимова, помогавшего жене торговать, подать ему арбуз. Когда тот наклонился, Сидорчук выхватил револьвер и выстре-

лил ему в голову. От неожиданности находившаяся на базаре толпа отхлынула от ларька с арбузами. Воспользовавшись общей растерянностью, Сидорчук побежал к пролетке и вскочил в нее. Олейников же, изображая, будто он подчиняется угрожающему оружием пассажиру, погнал лошадь вскачь... Так среди бела дня был ликвидирован предатель.

Вместе с краснозелеными

Вечером в день убийства провокатора по решению подпольного комитета Сидорчука и меня во избежание ареста направили к краснозеленым, действовавшим в Причерноморье.

Наши документы были надежными, и мы, несмотря на многократные проверки, благополучно добрались до Новороссийска. Ночью пришли на явочную квартиру.

Той же ночью подпольщик, в чьем ведении находилась явочная квартира, отвел нас за город, на пост отряда ирочно-зеленых, которым командовал Селезнев. Здесь мы провели день, а следующей ночью нас с Сидорчуком переправили в лагерь 5-й советской краснозеленой группы.

Группа, куда мы прибыли, насчитывала 317 человек. В ней были матросы, рабочие Новороссийска, крестьяне из близлежащих сел. Среди зеленоармейцев были также солдаты русского экспедиционного корпуса, возвратившиеся из Франции. Видимо, по договоренности с белогвардейским командованием некоторые части этого корпуса после окончания мировой войны возвращались в Россию через Новороссийский порт. Деникинцы пытались формировать из них свои части, однако многие солдаты разбежались или создавали свои партизанские отряды, которые вначале действовали самостоятельно.

5-я краснозеленая группа была связана с новороссийским подпольем, а через него — с ростовским. Оружие, боеприпасы, обмундирование для бойцов добывали в основном в стычках с белогвардейцами и путем налетов на вражеские гарнизоны.

Влившись в 5-ю группу, мы с Денисом Сидорчуком начали вести среди зеленоармейцев систематическую политическую работу. В такой работе была большая необходимость, так как дисциплина здесь была не на должной высоте, часть зеленоармейцев воевала неохотно, стремилась лишь отсидеться в безопасных местах на время хозяйничанья белогвардейцев.

Вскоре к нам прибыли члены Ростовского подпольного комитета Калита по кличке «Горин» и Селиванов (кличка «Черный»), несколько позже в группу приехали Васильев-Шмидт,

Пивоваров, Вольмер и Пустынников. Они провели с бойцами беседы о положении на фронте, рассказали об успешном наступлении Красной Армии. Двое из них — Калита и Пустынников — остались в нашей группе.

Для руководства действиями группы был создан штаб в составе командира Моринца (Гречишкина), начальника штаба Калиты и начальника разведки Пустынникова. Штаб выделил подвижной отряд численностью 50—70 бойцов. Командиром его назначили Дениса Сидорчука. В задачу отряда входило возможно чаще беспокоить вражеские гарнизоны и посты вдоль Черноморского побережья в районе Геленджика, Анапы и поселка винзавода «Абрау-Дюрсо».

Д. Сидорчук был не только храбрым человеком, но и обладал военными знаниями, благодаря чему его отряд всегда добивался успеха. Он погиб в декабре 1919 года в Геленджике, куда явился на связь с местным подпольем. Здесь был арестован деникинской контрразведкой и по приговору военно-полевого суда расстрелян.

Имя отважного бойца Дениса Сидорчука начертано на памятнике красным партизанам, установленном на берегу Геленджикской бухты.

Активно действовали и другие партизанские отряды. Отряд под командованием Селезнева на железнодорожной станции Новороссийск взорвал шесть вагонов со снарядами, подготовленных белогвардейцами к отправке на фронт.

В одну из ноябрьских ночей после тщательной разведки группа краснозеленых в 25 человек, руководимая Селезньевым и Пустынниковым, совершила смелый налет на поселок завода «Абрау-Дюрсо». Удачно, без выстрела, сняли посты, разоружили гарнизон. Захватили ручной пулемет с несколькими дисками патронов, обмундирование и продовольствие.

Командование нашей группы решило произвести ночной налет на местечко Кабардинка, где находился хорошо вооруженный гарнизон противника численностью в 350 солдат. Для этой цели были выделены 60 наиболее смелых и имевших лучшее вооружение бойцов с двумя пулеметами. Операцией руководил командир группы Моринец.

Наша разведка установила, что белогвардейские посты расположены на шоссе на окраинах Кабардинки и возле казарм. При подходе к поселку командир разделил отряд на две части: 40 бойцов с пулеметами послал в засаду вдоль шоссе недалеко от Кабардинки, а остальные 20 должны были снять посты на шоссе, обстрелять казармы, а затем начать «паническое отступление». Все получилось по плану. Вторая группа, выполняя задание,

увлекла белогвардейцев в нашу засаду. Здесь деникинцы были обстреляны и, побросав оружие, бежали. Мы подобрали на поле боя 28 винтовок. После успешной операции наш отряд вернулся обратно в горы.

На нашем участке Черноморского побережья находилось несколько маяков. Охрана каждого состояла из пяти — семи солдат. На эти маяки неоднократно нападали небольшие группы партизан, выводили из строя их оборудование, разоружали охрану.

Действия нашей группы охватывали район Геленджика, Новороссийска и Анапы. Разбившись на отряды по 20—25 человек, мы наносили удары то в одном, то в другом месте. Все это заставляло белогвардейское командование держать во всех населенных пунктах немалые гарнизоны. По данным партизанской разведки, только для охраны Новороссийска и порта деникинцам потребовались отборные войска, составлявшие по численности целую дивизию. А наша цель в том и заключалась, чтобы побольше оттянуть на себя белогвардейских войск и тем помочь Красной Армии.

Наша группа, несмотря на потери, количественно росла за счет местных жителей и дезертиров из деникинской армии, вливавшихся в ряды краснозеленых, и морально крепла. С каждым днем она наносила врагу более ощутимый урон...

В декабре 1919 года я был отозван Ростовским подпольным комитетом для работы на Дону. А 8 января 1920 года Первая Конная армия освободила Ростов. Так кончилось наше подполье...

Р. М. Лучанская

В одесском подполье

В опустошенном городе

Англо-французской интервенции пришел конец. 5 апреля 1919 года власть в Одессе и ее окрестностях перешла к Совету рабочих депутатов. В полдень в город вошли советские войска Харьковской группы.

Спешно оставляя Одессу, французские власти и действовавшие совместно с ними белогвардейцы не останавливались ни перед чем, чтобы опустошить город.

Они захватили 112 торговых судов, баркасы, катера.

Это был явный грабеж, о котором Ленин говорил в речи, произнесенной 17 апреля 1919 года на конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы: ««Просвещенные» союзники, обвиняющие нас в грабежах и насилиях, увели из Одессы без всякого права и основания весь наш торговый флот, обрекая этим на голод мирное население. Это было актом мести за рухнувшие планы империализма.»

Партийной организации Одессы и местным органам Советской власти в тягчайших условиях разрухи приходилось налаживать транспорт и городское хозяйство, заботиться о топливе для предприятий, изыскивать способы доставки продовольствия населению. Однако военное положение, борьба с врагами революции продолжали быть самым главным и подчиняли себе все помыслы, все усилия Советской власти.

В конце июля укрывавшиеся в немецких колониях вокруг Одессы белые офицеры подняли кулацкое восстание. На его подавление были мобилизованы все коммунисты города. Призыв губкома партии: «Все на защиту Одессы! К оружию!» — горячо поддержали комсомольская организация и профсоюзы.

Совет обороны Одесского округа и созданная в тот же день конференция правлений профсоюзов и фабрично-заводских комитетов призвали рабочих к оружию и приняли решение бороться с контрреволюционными мятежниками до их полного разгрома: «Пусть рабочие, имеющие оружие, явятся с ним в свои военкоматы». Профсоюзы объявили мобилизацию всех членов правлений и фабрично-заводских комитетов. Правление профсоюза домовой прислуги в течение нескольких дней организовало отряд из 200 человек. Они отправились на фронт для оказания помощи раненым.

Восстание кулаков-колонистов было быстро подавлено. Однако с фронтов шли тревожные вести — деникинская армия быстро двигалась к Одессе. Создалась угроза захвата ею города.

Подготовка подполья

За месяц до эвакуации началась подготовительная работа по организации подполья. В каждом из пяти районов города были оставлены для руководства «тройки» из надежных товарищей, а в центре — «пятерка» на правах губкома. 19 сентября товарищ Лаврентий, руководивший под-¹

¹ Л. И. Картвеллшвили, в то время член ЦК КП(б)У, Одесского областного и городского комитетов партии. — *Сост.*

готовкой подполья, информировал ЦК КП(б)У о том, что в Одессе оставлен губернский партийный комитет из пяти лиц во главе с Леонидом Тарским и Павлом Логиновым.

Те, кто был оставлен для руководства подпольем, обладали к тому времени уже немалым опытом.

Павел Логинов — студент-юрист, вел раньше подпольную партийную работу в Киеве, пользовался большим влиянием среди товарищей, умел объединять и сплачивать их. Павел возглавлял военную работу «пятерки». Не раз попадал он в сложные, опасные положения, но хладнокровие и выдержка спасали его.

Леонид Тарский был оставлен для руководства подпольной печатью. Участник I съезда КП(б)У, Тарский был не только опытным партийным работником, но и талантливым журналистом.

Вера Лапина, член партии с 1916 года, еще в царское время вела нелегальную работу в студенческих организациях Питера. Знали ее как верного и надежного товарища и по подполью на Черниговщине. Лапина руководила политическим Красным Крестом — нелегальной организацией, которая была неотъемлемой частью большевистского подполья Одессы.

Удачно выбрали казначея «пятерки» — Александра Гордона — члена партии с 1907 года. Он был крайне строг во всем, что касалось расходования партийных средств. Боевое революционное прошлое Гордона, практический склад ума, невозмутимое спокойствие и рассудительность помогли нам в решении многих сложных вопросов подпольной работы.

Будучи до перехода в подполье секретарем Пересыпского райкома партии, я хорошо знала этот основной пролетарский район города, его предприятия, людей, традиции. Подполье при деникинщине для меня было уже третьим.

Вот та «пятерка», которая была оставлена для руководства подпольной работой.

В состав районных «троек» вошли товарищи, также обладавшие опытом подпольной работы и хорошо знавшие условия жизни и особенности Одессы.

Еще до оставления города организация техники подполья была поручена губкомом товарищам Карпу, Балкуну и Венгрижановскому. Они приобрели печатные машины, шрифт, краску, бумагу, подыскали помещения для хранения подпольной литературы, оружия, оборудовали склад одежды и обуви. Для нужд конспиративной работы были подготовлены десятки явочных квартир. Создали паспортное бюро. Им ведали Яков

Волошенко и Григорий Дарений Несмотря на энергичную подготовку, закончить ее полностью к моменту эвакуации города не удалось. У меня, например, в этот день еще не было ни документов, ни жилья. Помог друг Лаврентия — Алеша Сванидзе. Он принес мне паспорт на имя Нины Катамадзе, и под этим именем я работала в подполье при деникинщине до своего ареста.

23 августа в шесть часов утра со стороны Люстдорфа высадился десант из 500 офицеров. Это ускорило наше отступление и отразилось на завершении подготовки подполья.

Нужно было срочно устраивать оставшихся без крова товарищей, помогать арестованным, создавать новые явки, проверять состояние техники, наладить ее четкую работу. Эти неотложные задачи встали перед нами с первых же дней прихода деникинцев.

Белые в городе

Свое вступление в Одессу белогвардейцы ознаменовали массовыми арестами, расстрелами и виселицами. Тюрьма и полицейские участки были переполнены. Для арестованных пришлось приспособлять солдатские казармы.

В первый же день белогвардейской власти на Ярмарочной площади были повешены четверо рабочих завода Гена, в их числе брат нашего товарища — большевика Тартаковскэго.

По правилам конспирации каждый член «пятерки» мог встречаться с самым узким кругом лиц. Однако уверенности в полной безопасности не было, конечно, ни у кого из нас. С нами работало много товарищей, у которых это было первое подполье. По молодости и отсутствию опыта они не всегда достаточно ясно представляли себе, какими опасностями чревата малейшая допущенная неосторожность.

Через несколько дней после вступления в город деникинцев «пятерка» приступила к работе.

Подполье живет

Я была поражена, встретив Елену Соколовскую. Ее не сразу можно было узнать под гримом. Она была одета в стиле тех буржуазных дам, которые восторженно, с цветами встречали Деникина.¹

¹ Оба — активные участники одесского подполья 1918-го — начала 1919 года. Ларский, член партии с 1917 года, был одним из организаторов комсомола в Одессе.— *Сост.*

Из ее рассказа мы узнали о неудачной попытке спасти товарища Чикваная, начальника Одесского боевого участка. Дело было так.

При особом отделе Одесского боевого участка состоял небольшой грузинский отряд. Предательски воспользовавшись нашим отступлением, отряд, в котором оказались грузинские авантюристы и которые подчинили его своему влиянию, освободил находившихся под арестом белогвардейцев и, руководимый офицером Саблиным, начал «действовать». В это время из штаба военного округа, находившегося на Пироговской улице, вместе с товарищем Чикваная выехала Соколовская. Отряд грузин арестовал Чикваная. Елену они не узнали, и Чикваная удалось уговорить земляков отпустить ее, как его случайную знакомую. Елена знала, что Чикваная грозит смертельная опасность. Она не хотела уезжать из города, не сделав всего для его спасения. Договорились с людьми из уголовного мира Молдаванки за деньги отбить Чикваная, когда его повезут на расстрел. Но те, струсив, в условленное время не пришли. Чикваная был расстрелян. Погиб видный командир Красной Армии, прекрасный товарищ, преданный коммунист.

Оставшись в Одессе в связи с попыткой освободить Чикваная, Соколовская долго не могла выполнить решения губкома партии о выезде из города. Это внушало нам большую тревогу. Дознайся контрразведка, что Елена здесь, ничего бы она не пожалела, чтобы захватить этот ценнейший «трофей». Лишь несколько месяцев спустя ей удалось выбраться из города.

Не раз в подполье Елене приходилось смотреть в глаза смертельной опасности. Спасало ее не чудо, а глубоко присущие ей качества — смелость, редкое самообладание и исключительная находчивость. Они естественно сочетались в Елене с непоколебимой уверенностью в победе пролетарского дела, революционной страстностью. Она внесла в работу подполья при деникинщине большой вклад, энергично, зачастую пренебрегая опасностью, помогала губкому в разрешении сложных вопросов, участвовала в выпуске подпольной газеты «Одесский коммунист».

В одесском подполье при деникинщине я работала в течение первых двух месяцев, с 23 августа до начала ноября 1919 года, в качестве секретаря оставленной губкомом «пятерки».

Мне как секретарю «пятерки» пришлось в первое время заняться налаживанием связей с оставленными для работы товарищами, проверкой надежности явочных квартир, посылкой людей в уезды губернии.

Вспоминается мне явка, устроенная в помещении фотографии на Коллонтаевской улице. Пароль: «Можно ли заказать

дюжину кабинетных карточек?» — был удобен и не вызывал сомнения у принимающего заказ. Такой заказ, требующий значительных расходов, делают обычно, посмотрев пробные фотоснимки. Это я знала по опыту своей прошлой работы в фотографиях. Мы могли тут устраивать встречи и даже совещания.

Рассадив 15–20 человек «для съемки» и установив аппарат в положении готовности, председательствующий «снял» нас до самого конца совещания. Эта отличная явка просуществовала до конца подполья. Отсюда были направлены для работы Михаил Горев в Морской район, Семен Величко — в какой-то из уездов губернии и многие другие. Помню, как однажды на эту явку явился Иосиф Мах, впоследствии один из основных работников военного отдела. Его совершенно растерзанный вид — он пешком издалека добирался до Одессы — мог нас провалить. Он никак не походил на клиента фотографии. Но в этот день, к счастью, я находилась на явке, и ему не пришлось искать иных связей. Маха направили на квартиру, где он отдохнул, переделся и вскоре приступил к работе.

Много людей прошло через эту явку. Разумеется, она была не единственным удачным местом конспиративных встреч. В каждом районе были явочные квартиры. На Молдаванке, где небольшие молочные встречались на каждом шагу, также были подходящие условия устраивать их.

Военную работу возглавлял Павел Логинов. Вместе с ним в первый период работали Иван Перепечко, Александр Ожешко, Борис Вальдман, Самуил Дерш (последние двое были замучены в контрразведке), Фаня Залеская, Иосиф Мах. Начали они работу с проверки состояния военного имущества, подбора боевых надежных людей, с организации рабочих дружин. Военный отдел наладил получение информации о ходе военных действий, установил связь с партизанами, снабжая действовавшие близ Одессы отряды литературой и снаряжением. Товарищи из военного отдела принимали непосредственное участие в работе Красного Креста по спасению арестованных подпольщиков. Позднее военная работа широко развернулась как в городе, так и особенно в губернии.

Зафронтбюро ЦК КП(б)У, руководившее боевой работой подполья, прислало к нам опытных в военном деле товарищей — Федора Корнюшина, Сергея Ингулова, Александра Хворостина, Петра Лазарева¹. Выпускались воззвания к солдатам деникинской армии, значительно расширилась разведывательная

¹ А. Хворостин и П. Лазарев были зверски замучены в застенках деникинской контрразведки. — *Сост.*

работа, велось обучение рабочих-дружинников военному делу, устраивались диверсии.

Вскоре заговорила подпольная газета «Одесский коммунист» К В редакционную коллегию входили опытные журналисты — Тарас Костров (Мартыновский), Леонид Тарский, Китайгородский (Паля), Дуниновский (Зигмунд). В газете часто появлялись статьи Елены Соколовской, Анны Панкратовой (Нюры Палич).

Судьбу газеты во многом решала техника — типография, бумага. Наши бесстрашные полиграфисты Ваня Венгрижановский, Питерский, Яковер, печатники и наборщики, работая под ежечасной угрозой провала, регулярно выпускали газету.

В сентябре 1919 года в редакционной статье первого номера, обращаясь к трудящимся города, «Одесский коммунист» призывал: «Все, в ком горит неугасимое стремление к победе над вековыми угнетателями трудящихся, все должны группироваться под Красным Знаменем партии рабочих и крестьян — Коммунистической партии большевиков Украины».

Газета выходила регулярно два раза в месяц. В районах с нетерпением ожидали выхода каждого номера и широко их распространяли. Свежий, еще пахнувший краской номер «Одесского коммуниста» часто появлялся на письменном столе коменданта города. Обнаружить место, где печаталась газета, деникинцам не удалось. Газета не имела ни одного провала.

Особое место в работе губкома занимал Красный Крест. Это был, пожалуй, один из самых сложных, беспокойных, требовавших немалой предприимчивости участков работы: каждодневно вставал вопрос о спасении товарищей, которым угрожал арест, а то и расстрел, о помощи заключенным, попавшим в беду семьям арестованных. Непосредственными помощниками Веры Лапиной были уполномоченные Красного Креста Николай Александрович, Соня Котляр, Клавдия Кельмансон, Людмила Эдельштейн, Катя Папахина, Б. С. Гамарник, Ольга Петровская, Софья Кравцова, Давид Рацковецкий. Вокруг Комитета Красного Креста сложился довольно большой актив во всех районах Одессы.

Серьезную угрозу представлял для нас уголовный мир Одессы. Бандиты догадывались, что нам для подпольной работы оставлены деньги, и всякими способами пытались добраться до них. Так, они задержали Логинова и потребовали за его освобождение выкуп в размере 25 тысяч рублей царскими ¹

¹ Орган губернского и городского подпольных комитетов КП(б)У.— *Сост.*

деньгами. Логинову удалось передать из сарая, где его держали взаперти, нам записку. Он предлагал отклонить требование. Мы решили: чтобы не создавать прецедента для нового шантажа, денег не вносить, вступить в переговоры с вожаком бандитов.

Но кому поручить переговоры? Конечно, человеку, которого они знали. Вызвался пойти на переговоры Саша Фельдман. До эвакуации он работал в губисполкоме. В то время он отходил уже от анархистов и был близок к большевикам. Смелый, инициативный, он пренебрег угрожавшей ему опасностью. Саша отправился на переговоры. Фельдман и Логинов долго не возвращались, главарь бандитов не сдавал своих позиций. Все же верх одержал Саша, пригрозив расплатой после возвращения в Одессу Советской власти. Логинов был освобожден без выкупа, зато Фельдман позднее поплатился жизнью. Его бандиты убили выстрелом в спину.

Самым опасным врагом подпольщиков была, конечно, денкинская контрразведка, пускавшая в ход любые средства против большевиков — слежку, провокации, жестокие пытки.

Но ничто не могло остановить нашей подпольной работы. Если бы не было даже никаких других свидетельств боевой деятельности одесских большевиков при денкинщине, то один только факт выпуска 19 номеров газеты уже сам по себе говорит о боеспособности подполья.

Особое место в работе «пятерки» занимали вопросы положения рабочих.

Вслед за денкинскими полчищами вернулись на предприятия их прежние хозяева. Однако они мало заботились о восстановлении производства, занимались спекуляцией, разбазаривали сырье. Хозяева демонстративно сокращали производство и ликвидировали предприятия. Такую политику проводили многие промышленники. Рабочие увольнялись, и в первую очередь те, кто активно проявил себя при Советской власти. Недоедание, голод в рабочих кварталах сопровождалось эпидемией тифа и другими болезнями.

Рабочие Одессы столкнулись с организованным наступлением предпринимателей. В своей упорной борьбе за повышение заработной платы, страхование от безработицы и восстановление разгромленных денкинскими властями профсоюзов рабочие встретились с сильным сопротивлением меньшевистского руководства одесского центрпрофа.

В тот период меньшевики являлись прямыми помощниками денкинских властей. Предатели интересов рабочих, они подпевали хозяевам, проводили политику «независимости» проф

союзов, «оберегали» рабочих от вмешательства в политическую жизнь.

Руководствуясь указаниями Зафронтowego бюро (Зафронт-бюро) ЦК КП(б)У, большевики в подполье ставили целью укрепить свое влияние среди рабочих. Многие сделали для этого Городской райком партии, который возглавлял Уралов (Плетнев).

Уралов был тяжело болен туберкулезом и до прихода белых лечился в одном из санаториев Одессы. Его в городе не знали, и он, постоянно бывая на предприятиях, сумел организовать рабочих в районе и в профсоюзах для борьбы с меньшевиками. Отдавая всего себя работе, Уралов окончательно подорвал свое здоровье и недолго прожил после выхода из подполья.

Почти при каждом профсоюзе существовали партколлективы. В конце 1919 года удалось созвать их совещание. Представители каждого профсоюза говорили о недовольстве рабочих. В ряде союзов, таких, как металлистов, водников, деревообделочников, портных, на табачных фабриках Попова и Асва- дурова настроение было боевое, революционное.

Именно в тех профсоюзных организациях, где действовали крупные партийные коллективы, развернулась особенно острая борьба рабочих за улучшение условий труда. Здесь широко распространялись подпольная газета и большевистские листовки, а политические лозунги большевиков находили широкий отклик среди рабочих. Это ярко проявилось в поддержке стачки протеста против жестокого обращения с политическими заключенными, в бойкоте выборов в городскую думу, в поддержке деятельности большевистского подпольного совпрофа, созданного в противовес легальному меньшевистскому совету профсоюзов.

Первая общегородская конференция

Первые два месяца подполья, о которых главным образом идет речь в моих воспоминаниях, были посвящены в основном собиранию и расстановке сил коммунистов, созданию партколлективов на предприятиях и в профсоюзах, укреплению партийных организаций районов города, а также установлению связей с уездами.

В этот период после собраний, прошедших в отдельных коллективах, состоялись районные партийные конференции, на которых были избраны партийные комитеты. Завершением этой большой работы явилась первая общегородская партий-

ная конференция. Она состоялась 2 ноября 1819 г. Тщательно подобранная группа товарищей занималась организацией конференции.

После долгих поисков остановились на помещении в одном из домов по Большой Арнаутской улице, где в подвале ютились беженцы. Для охраны конференции были расставлены пикеты. В первом пикете стоял уличный скрипач. От него делегат направлялся к следующему пикетчику — человеку с повязкой на лице, опиравшемуся на палку. Потом еще к следующему — и так до самого помещения, где заседала конференция.

Неоценимую помощь в подготовке конференции найд оказались юные большевики — комсомольцы. В качестве пикетчиков они проводили делегатов до места конференции, вместе с группой коммунистов охраняли ее.

Конференция представляла 260 членов партии, активных участников подполья. В повестке дня стоял доклад о текущем моменте, который сделала Елена Соколовская, и мой отчетный доклад. Соколовская показала, что наше временное отступление на Украине вызвано активным вмешательством международного империализма в борьбу Советской России с белогвардейцами, превосходством военной техники, полученной белыми генералами от союзников. Международное положение Советской власти, говорила она, складывается сейчас благоприятно прежде всего благодаря поддержке мирового пролетариата. Но самый главный фактор — победы Красной Армии на фронтах гражданской войны. Они вселяют уверенность в окончательную победу всех борющихся сил революции...

Елена Соколовская обратилась к делегатам конференции с горячим призывом мобилизовать силы на борьбу с денкинщиной.

Передо мною стояла задача — показать в отчетном докладе состояние подпольной партийной организации, ее готовность к выполнению директив партии. Каково же было положение в районах города?

Пересыпско-Слободской райком работал в составе Анны Панкратовой, Николая Александровича и Иосифа Маха.

Райком установил связь с рабочими заводов и фабрик. Он опирался на актив из бывших красногвардейцев-подпольщиков 1918-го — начала 1919 года. Это были Степан Коскин, Володя Чумаченко, Кузьма Зембровский, Рудницкий, старый член партии Мельник, Мельников, Богатов (последний позднее был арестован денкинской контрразведкой и от побоев умер в тюрьме).

Райкомом были организованы партийные коллективы на многих заводах и фабриках. Соблюдалась строжайшая конспирация. На Пересыпи, по Церковной улице, во флигеле дома № 6 была проведена районная конференция под видом вечеринки по случаю обручения.

Особое внимание райком обратил на завод «РОПИТ» (Российское общество паромоводства и торговли). Во всех его цехах и отделах действовали партийные «тройки». Под руководством военного отдела создавались рабочие дружины, шло обучение рабочих военному делу. На других заводах и фабриках также были организованы коллективы коммунистов.

Молдаванский райком возглавляли товарищи Каминкер, Адов и Соня Котляр. Подпольщики активно работали на ведущих предприятиях: в артиллерийском депо — Карнаухов, на фабрике гнутой мебели — Дзенциол, в еврейской больнице — Анна Чечельницкая. Молдаванский райком организовал ком- фракции при находившихся в районе профсоюзных организациях. В коммунистической фракции союза металлистов состояли товарищи Ткаченко, Фрусман (Фриц), Андрей Яблонский. В союзе пекарей фракция была создана в составе Николая Матьяша, Лисеева, Полосухина, Беккера и Зорина. Ко времени, когда была созвана первая общегородская конференция, в Молдаванском районе насчитывалось 18 партячеек. Так, работая в глубоком подполье, партийная организация района не только восстановила свои силы но выросла и окрепла.

Городской райком организовался позже других главным образом потому, что здесь было мало рабочих. В районе имелись только табачные фабрики (Попова и Асвадурова), и с отдельными членами партии не сразу можно было установить связь. Городской райком в составе Плетнева (Уралова), Борисова и Рашковецкого энергично работал, выполняя нелегкую задачу — организацию фракций подпольного Совпрофа и преодолевая меньшевистско-эсеровское влияние среди рабочих.

Морской райком в составе Б. В. Гумперта (Гриба)¹, Михаила Горева, Франца Богуша развернул политическую работу среди водников. Жесткие репрессии обрушились на районную организацию. Профсоюз водников был разогнан, а многие его активисты арестованы. Но несмотря на это, подпольщики района продолжали распространять большевистскую литературу среди судовых команд, внимательно следили за движением ¹

¹ В связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции Б. В. Гумперту было присвоено звание почетного гражданина города Одессы.— *Сост.*

судов, готовились не допустить их увода деникинцами, когда пробьет час бегства белогвардейцев из Одессы. А до тех пор всячески саботировали перевозки на морских судах.

Железнодорожный райком был избран в составе Василия Ляховского, Василия Школы и Главацкого. Активно действовали подпольщики Грец, Василевский. Основной базой работы райкома были железнодорожные мастерские. Рабочие мастерских первыми в Одессе приняли решение участвовать в политической забастовке протеста против белого террора. Это был уже серьезный показатель политического роста железнодорожников.

Конференция сочла необходимым реорганизовать военный отдел и усилить его деятельность.

Поскольку контрреволюция в бешеной злобе расправлялась со своими пленниками, конференция обязала вновь избранный горком, не жалея средств, облегчать положение арестованных, поднимать в защиту их рабочую общественность.

Конференция дала вновь избранному комитету директиву: «Употребить все усилия к решению основной задачи подполья — дезорганизации деникинского тыла, отвлечения с фронта сил противника, всемерно помогать Красной Армии в ее продвижении, развязывать и поддерживать партизанские выступления с целью захвата власти на местах восстания».

Конференция призвала всех сознательных рабочих «сплотиться вокруг коммунистического знамени и напрячь все силы для свержения ненавистного ига Деникина, знаменующего собой вековое порабощение рабочего класса и торжество мировой контрреволюции»¹.

Решения одесской подпольной конференции были частью общего плана, принятого Коммунистической партией Украины и направленного на всемерное разложение тыла белогвардейской контрреволюции.

Первая общегородская конференция была свидетельством силы, жизненности и способности к активным действиям нашей подпольной организации.

Мой арест, тюрьма

Мне не пришлось работать во вновь избранном комитете. 4 ноября 1919 года я была арестована.

Накануне ареста вместе с Фаней Залеской, работавшей в военном отделе, я возвращалась с какого-то совещания. При

¹ «Одесский коммунист», 1919 г., № 138-139.

мне были документы, и я намеревалась их передать, как это обычно делала, Х. С. Топоровской, которая нередко хранила у себя нашу конспиративную документацию. Но в тот день Топоровская не пришла. Посоветовавшись с Залесской, решили спрятать документы у нее на квартире в кроватном матрасе. Так и сделали.

Но, как оказалось, контрразведка выследила Залесскую и ночью арестовала ее. Вместе с ней была арестована и Топоровская, пришедшая к ней ночевать. Когда я утром узнала об аресте, первой моей мыслью было «очистить» квартиру, в которой жила Залесская. Лишь я одна знала место, где были спрятаны документы. Если при обыске у Залесской они найдут документы, думала я, ей и другим грозит большая опасность. Если же квартира будет «очищена», их обеих могут рассматривать как случайно задержанных людей. Но идти на квартиру Залесской без ведома членов комитета я не решилась и отправилась на явку.

В доме № 3 по Градоначальнической улице, в слесарной мастерской, в полутемной комнате подвала, была постоянная квартира комитета. Здесь всегда можно было встретить Александра Гордона и Павла Логинова. Я изложила мотивы, почему должна пойти на квартиру Залесской, и предложила кому-нибудь меня сопровождать. Тот, кто пойдет со мной, должен остаться на улице и наблюдать за домом. Если все пройдет успешно, я возьму спрятанные мной документы, а в случае засады сопровождающий меня товарищ сообщит комитету о моем аресте. Документы стоили того, чтобы пойти на риск. На квартиру Залесской со мной отправилась жена Гордона — Белявская.

В квартире действительно оказалась засада. Шел тщательный обыск, и при мне из матраса извлекли мои бумаги — разные заметки о работе и расписки в получении денег (вопреки появившимся на другой день утверждениям одесских бульварных газетенок ни архив, ни печать общегородского комитета в руки контрразведки не попали). Свой приход я объяснила тетл, что, приехав в Одессу, познакомилась на вокзале с курсисткой Залесской, а та обещала мне дать адрес, по которому можно снять квартиру. Этой заведомо неправдоподобной версией я рассчитывала выиграть так необходимое нам время, которое потребуется для проверки действительного моего местожительства через адресный стол. А пока будут проверять, товарищи успеют предупредить, что ко мне приходить нельзя. Расчет оказался верным. Подпольщики были извещены о моем аресте. У меня на квартире никто не был задержан, хотя, как мне потом

рассказывала хозяйка, контрразведка, устроив засаду, долго поджидала, не придет ли кто.

В контрразведке меня изолировали. Поместили в комнате, где обычно содержались под арестом проштрафившиеся офицеры. По соседству была расположена камера (чтобы пройти в нее, надо было подняться на несколько ступенек), в которой находились наши товарищи.

Первый допрос вел матерый охранник. Вел с пристрастием, все пытался добиться более подробных сведений о моем знакомстве с Залесской, провоцировал, заявляя, что она, дескать, по-другому объясняет наше знакомство. Насчет документов, которые были обнаружены при обыске, я твердила, что ничего о них не знаю. Охранник пригрозил очной ставкой с Залесской. Несмотря на строгую изоляцию, мне удалось встретиться с ней в уборной и согласовать наше поведение на очной ставке. Так же как и я, Залесская не дала контрразведке вразумительного ответа насчет документов. Встретившись затем на очной ставке мы убедились, что контрразведчиков уже не интересует вопрос о том, кто именно вложил документы в матрац. Для вынесения нам смертного приговора было достаточно того, что мы обе в какой-то мере были причастны к этим документам. О том, что нам грозит расстрел, я убедилась и из разговоров, которые вели между собой контрразведчики.

Однажды утром мне и другим было приказано собраться. Нас переводили в тюрьму. Это было большим облегчением. Жадно всматривались по пути в лица встречаемых, надеясь увидеть кого-нибудь из знакомых. Прохожие же провожали нас скорбными взглядами, как обреченных.

Позже стало известно, что в дни, когда нас держали в контрразведке, подпольная организация принимала энергичные меры, чтобы нас спасти. И если нас не расстреляли, то этим мы целиком были обязаны товарищам. Об освобождении и речи не могло быть. Все усилия подполья были направлены на то чтобы как можно дольше затянуть следствие... За это платили большие деньги нашему следователю, причем он ставил условие: деньги должны быть «настоящие» — с царским орлом. Деникинские сатрапы в отношении взяток оставались истинными «царскими патриотами».

Большую роль в посредничестве между следователем и подпольем сыграл доктор Гегелашвили. Старожил Одессы, владелец прекрасно оборудованного зубоврачебного кабинета, человек, пользовавшийся популярностью в городе, он отдал себя в полное распоряжение представителя подполья — Виктории Уласевич. Гегелашвили не мог примириться с тем, что погиб

нут арестованные контрразведкой товарищи его друга Лаврентия Картвелишвили. Он устраивал у себя на квартире вечеринки и с присущим ему кавказским гостеприимством угощал гостей, главным из которых был наш следователь. Получив деньги от Виктории, Гегелашвили передавал их следователю за наши «души».

Время работало на нас, Красная Армия, громя деникинцев, победоносно приближалась к Одессе.

Находясь в тюрьме, мы чувствовали заботу подпольной организации, невидимую руку наших хранителей. В какие только белогвардейские учреждения они не проникали, чтобы нам помочь! Красный Крест не только снабжал нас деньгами, но и держал в курсе важных событий.

Я как-то получила записку через тюремного врача, который во время осмотра передал ее вместе с термометром. Товарищи сообщили о Лаврентии, что он жив и находится в дивизии, продвигающейся к Одессе.

Настроение у нас было бодрое. Мы были уверены, что нас выручат. Конечно, наши товарищи по подполью не полагались целиком на сделку со следователем. Если бы она сорвалась, то группа подпольщиков во главе с Иосифом Махом была готова нас отбить, когда поведут на расстрел. План этой операции был тщательно разработан. Но самого Маха арестовали вместе с Иваном Перепечко. Спасти ему удалось только случайно: когда их вели под конвоем, то Мах, очень сильный, хорошо натренированный человек, внезапно метнулся в сторону, перемахнул через забор и бросился бежать. В него стреляли, но Мах скрылся, и вот он вновь готовился нас спасти. Перепечко вышел из тюрьмы вместе с нами после освобождения города Красной Армией.

После содержания в одиночке меня перевели в камеру, в которой уже было трое заключенных. Я представилась соседкам курсисткой, как и проходила по своему делу. Одна из узниц, старая учительница, по своим взглядам была близка к меньшевикам. Считая большевиков виновниками постигшего ее несчастья, она не переставала надоедливо порицать, брюзжать, ворчать. Но и мы не оставались в долгу.

Другой сокамерницей была молодая работница с Пересыпи — Зайчик. Вдумчивая, всегда спокойная, она попала в тюрьму по доносу соседей. Зайчик получала передачи с воли и делилась с нами. Четвертая, самая младшая из заключенных нашей камеры происходила из семьи Бичман; ее сестры большевики-подпольщицы Бети и Анета, муж Анеты — Макар, большевик, руководитель боевых рабочих отрядов Одессы, так

же находились в тюрьме. Все они были приговорены к расстрелу, и деникинская расправа могла в любой час свершиться над ними.

Радость освобождения

Благодаря регулярным передачам, организованным «невидимками» из Красного Креста, а также свиданиям с близкими, которые разрешались наиболее счастливым из нас, мы многое узнали о жизни города. Каждое слово, фраза, случайно услышанные от надзирательниц или на прогулках, крепко запоминались и затем вновь и вновь обдумывались. Особенно же помогали нам записки из мужского отделения. Как-то — это было уже в конце января 1920 года — получила я длинное письмо от Перепечко. Он подробно описывал все, что знал о делах, происходящих на воле, делал выводы, прогнозы. Все вселяло уверенность: ждать осталось недолго. Но нас тревожило другое. Известно, что особенно опасны последние дни, когда враги в отчаянии готовы на любые преступления... Тревога сменялась надеждой. Дошли сведения, что наши товарищи и рабочая общественность готовят стачку протеста против зверств, чинимых деникинцами над арестованными.

В конце января по тюрьме разнеслась весть, что нас скоро придут освобождать. Передавались даже подробности о том, как это произойдет. Не требовалось, однако, большого опыта, чтобы понять, что это провокация. Мы договорились с заключенными ближайших камер не выражать никакого восторга при появлении «освободителей».

В одну из январских ночей дверь камеры действительно открылась, показалась группа молодых людей, одетых в скромные штатские пальто. Они поздоровались: «Здравствуйте, товарищи!» Мы с недоумением их рассматривали, молчали, не выказывая, как условились, никакой радости. Не знаю, что подействовало на наших посетителей, может быть, им показалось, что спросонок мы плохо соображаем, но, побыв очень недолго в камере, они удалились. То же было и в соседней. Не везде обошлось так благополучно. Когда пришедшие поняли, что в них узнали переодетых белогвардейцев, они сбросили с себя личину освободителей и дали волю своей злобе. В мужской тюрьме беспощадно избивали арестованных, приговаривая: «На свободу захотели, «товарищи!»»

Долго после этого тюрьма не могла успокоиться. Было ясно: деникинцы доживают в Одессе последние дни. Днем и особенно по ночам с улицы доносилась беспорядочная стрельба, а пове-

дение надзирательниц говорило о том, что они больше не чувствуют себя хозяевами в тюрьме.

Пятого февраля, когда в городе почти не смолкала пулеметная перестрелка, до нас дошли слухи, что деникинцы отступают. Настроение у всех стало особенно нервным, напряженным. Мы тогда не знали, что находимся уже под охраной первого, изданного в тот день приказа военно-революционного комитета, напечатанного в газете «Одесский коммунист». В этом приказе говорилось: «До сведения ВРК дошло, что одесскими высшими властями бывшей добровольческой армии принято решение произвести ряд массовых расстрелов находящихся в тюрьме политических заключенных. ВРК ввиду этого приказывает всем воинским командам означенного постановления добровольческих дикарей не выполнять. Все участники расстрела революционеров-мучеников будут по приходе советских войск безжалостно расстреляны, как предатели и враги пролетарской революции. Советским коллективам воинских команд взять на учет всех участников расстрелов рабочих и политических заключенных для передачи их в руки революционного суда» *.

Тюрьму охраняли прибывшие из Киева воинские части. После прогулки мы решили не возвращаться в свои камеры, а отправиться в мужское отделение. Здесь в коридорах было оживленно. Первыми, кого я увидела, были Перепечко и Богущ, а Макар уже собирался идти в женское отделение освобождать нас. Решено было взять охрану тюрьмы в свои руки. Конвой без сопротивления сдал оружие...

По железнодорожным путям добрались мы до города, где еще продолжались уличные бои. Их вели вооруженные рабочие отряды. В город вступали красноармейские части 41-й дивизии.

На одной из улиц я попала в дружеские объятия Нюры Панкратовой, Павла Логинова и Михаила Горева. Двумя днями позже в Одессу прибыла направленная ЦК КП(б)У группа товарищей — Кин, Ян Гамарник, Лаврентий Картвелишвили.

Начались полные напряженного труда будни по восстановлению свободной советской жизни...¹

¹ «В огне гражданской войны». Сборник документов и материалов. Одесса, 1962, стр. 355.

Одесский губернский комитет КП(б)У готовился к эвакуации из города. Партийная организация Городского района переходила на нелегальное положение. Уход из Одессы советских войск поставил нашу районную организацию в очень тяжелое положение. Она состояла в основном из членов партии, работавших в советских учреждениях, профессиональных союзах и т. п. Большинство коммунистов не успело уехать. С первых же дней хозяйничанья белогвардейцев в городе они очутились без работы, без средств к существованию.

Для руководства партийной организацией Городского района была оставлена «тройка» в составе: Уралова (Плетнева), Борисова (Штейна), Рашковецкого.

Вскоре после захвата Одессы деникинцами руководящая «пятерка» провела совещание районных «троек», на котором присутствовало 26 человек. Заседание состоялось в помещении союза пекарей по Старопортофранковской улице в доме № 34. Было решено оживить работу старых партийных ячеек на предприятиях, создать новые, связаться с профсоюзами, распространять подпольную газету «Одесский коммунист», разъяснять политику партии в создавшихся условиях и т. п.

Работа в профсоюзах была одной из важных задач партийной организации нашего Городского района. С этой целью мне поручили установить тесную связь с подпольным Бюро профессиональных союзов, секретарем которого был Борисов. Мне удалось наладить партийную работу в профсоюзе табачников, и вскоре я стал председателем этого союза.

26 августа 1919 года меньшевики создали временный совет профсоюзов города Одессы, так называемый центрпроф. В президиум его вошел весь «цвет» меньшевистской организации во главе с их лидером Коробковым. Заручившись поддержкой меньшевистского центрпрофа, деникинцы допустили полулегальное существование профсоюзов.

Мы установили связь с профсоюзами и проводили в них работу. В клубе имени Ратнера удалось созвать конференцию из представителей десяти союзов, стоявших на советской платформе. Конференция оформила подпольный совет профсоюзов.

Скоро почти во всех профсоюзах были созданы партколлективы, насчитывавшие в общей сложности до двухсот членов

партии. Партколлективы имелись в союзах, объединявших рабочих мелких предприятий, таких, как союзы швейников, деревообделочников, кожевников, печатников, парикмахеров, химиков, щетинщиков, пекарей, фотографов, строителей, служащих, коммунальщиков. Даже в профсоюзе домовой прислуги, состоявшем в основном из неграмотных, отсталых женщин из деревни, был создан партколлектив из 11 коммунистов, возглавлявшийся О. Н. Петровской. Городской райком партии через эти партколлективы распространял среди рабочих подпольный «Одесский коммунист», направляя правления профсоюзов на более решительные шаги в борьбе против предпринимателей и белогвардейцев, на борьбу с засилием меньшевиков в центропрофе и лакейскими методами их работы в профсоюзах.

Особую роль играл партколлектив табачной фабрики Попова, как наиболее многочисленный и организованный, известный своими революционными традициями. На этой фабрике работало свыше двух с половиной тысяч человек, преимущественно женщин, тяжелый труд которых оплачивался очень низко. Но была и большая группа — около двухсот человек — квалифицированных рабочих-мужчин: механиков, слесарей, токарей, инструментальщиков, электромонтеров. Эта квалифицированная часть рабочих явилась движущей революционной силой фабрики на протяжении всего времени борьбы за Советскую власть.

Еще в начале 1918 года я был избран секретарем большевистской партийной организации фабрики, и с тех пор моя связь с этой фабрикой и ее парторганизацией не прерывалась на протяжении долгих лет. О жизни и деятельности партколлектива этого предприятия и хочется рассказать подробнее.

Когда в апреле 1919 года Одесса была освобождена от англо-французских интервентов и начался короткий, четырехмесячный, период восстановления Советской власти на Одесщин — по август 1919 года, — на табачной фабрике Попова был введен рабочий контроль. Его возглавляли коммунисты Л. Вольман, Т. Фиткаленко, Ф. Панков, Я. Пипко. Городским советом народного хозяйства тогда руководил рабочий этой фабрики П. Винокуров. Я был избран на районной конференции председателем Городского районного комитета партии. Партийные и советские органы развернули большую работу по восстановлению разрушенного и разграбленного оккупантами и белогвардейцами хозяйства города и губернии.

Однако скоро положение на фронтах гражданской войны ухудшилось, а 23 августа Одесса пала под натиском белогвар-

дейцев. Наступил разгул деникинской реакции. Но жестокий террор не испугал коммунистов фабрики. Партколлектив ее снова стал опорным пунктом Городского районного комитета.

Стремясь выявить коммунистов и профсоюзных активистов, белогвардейская контрразведка устроила работать на фабрику провокатора Заинчковского (по кличке «генерал Тряпкин»)- Этот Тряпкин в свою очередь действовал через пристава Александровского района Одессы Каблуцкого. Пристав стал часто устраивать налеты на фабрику, охранники производили обыски и аресты. Налеты Каблуцкого особенно тревожили нас потому, что контрразведка могла добраться до оружия боевых дружин Городского района, хранившегося в кочегарке фабрики. Решено было убрать Каблуцкого. Это решение выполнил член боевого отряда табачной фабрики Григорий Семенович Рендель. Он застрелил пристава Каблуцкого на Пушкинской улице, около монастыря. Провокатор Тряпкин был впоследствии, уже в годы Советской власти, судим и по приговору суда казнен.

На другой табачной фабрике — Асвадунова преобладало влияние меньшевиков. По заданию Горрайкома коммунисты с фабрики Попова Гольдшмидт, Шелудько и я вместе с работницей фабрики Еленой Николаевной Денисовой (Лелей) организовали и здел большевистский партколлектив.

Вспоминается подпольное собрание актива Городского района, которое состоялось в конце ноября 1919 года в помещении кооператива фабрики, на углу Мало-Арнаутской и Пушкинской. Присутствовало на нем 18 представителей от предприятий и партколлективов профсоюзов. Доклад сделал секретарь Городского райкома Уралов. Он говорил о задачах, стоящих перед парторганизацией района в связи с директивами, полученными от Зафронтбюро ЦК партии Украины, и решениями недавно прошедшей общегородской партконференции. В основном они сводились к тому, чтобы расширять партийные коллективы на предприятиях и в профсоюзах, ускорить организацию вооруженных отрядов, накапливать оружие, усиливать борьбу против половинчатых мероприятий меньшевистского центропрофа и против злодеяний деникинской власти.

На предприятиях и в профсоюзах скоро начались конфликты по вопросам зарплаты, социального страхования и помощи безработным. Меньшевистский центропроф создал примирительные камеры, паритетные комиссии, но они бездействовали. Предприниматели отказывались вносить свою долю средств на социальное страхование и увеличить зарплату, несмотря на огромный рост дороговизны. После длительных переговоров и

угроз со стороны профсоюзов объявить забастовку металлисты, коммунальщики, пищевики, табачники и некоторые другие профсоюзы добились все же увеличения зарплаты.

Социал-предатели — меньшевики и эсеры, верховодившие во многих профсоюзах и в центропрофе, уговаривали рабочих мирно сотрудничать с хозяевами. Предательское поведение центропрофа особенно ярко проявилось во время конфликта, возникшего в связи с заключением коллективного договора между профсоюзом металлистов и объединением владельцев металлообрабатывающих заводов («Металлсоюз»). Восемнадцать дней тянули промышленники с договором и наконец ответили категорическим отказом подписать его и повысить заработную плату. Возмущение, негодование охватило рабочих. Они решили продолжать борьбу. Другие профсоюзы обещали им поддержку. Обстановка складывалась явно не в пользу меньшевиков с их тактикой «сглаживания», и центропроф оказался вынужденным под давлением рабочих предъявить ультиматум «Металлсоюзу». Ультиматум содержал требование провести совместное заседание представителей профсоюза и предпринимателей с целью переговоров об условиях заключения колдоговора.

Наконец от промышленников был получен явно издевательский ответ: «Совместное заседание не может быть создано, так как все члены правления «Металлсоюза» заболели. К тому же правление переселяется в другое помещение».

Объявить забастовку! — решили рабочие. Металлисты были готовы к ней, о поддержке их заявили другие профсоюзы. Забастовка должна была превратиться во всеобщую. Но центропрсф не дал на нее санкции. Явочным порядком прекратили работу рабочие водопроводной станции, но центропроф забастовку их сорвал.

Этот конфликт не прошел для меньшевиков бесследно. При первом же серьезном политическом испытании «генералы» остались без армии. Это ярко показали выборы в городскую думу. Общегородской комитет партии, подпольный «Одесский коммунист» призвали рабочих бойкотировать выборы. Городской райком партии провел во всех профсоюзах и на предприятиях кустовые собрания партколлективов, разъясняя, что в думе будут верховодить капиталисты и их лакеи — смертельные враги рабочих. Меньшевики и эсеры призывали рабочих участвовать в выборах. На призыв горкома партии откликнулись рабочие организации. Результаты были сокрушительными для меньшевиков и эсеров, для деникинской власти. На выборах в думу участвовало всего 27,5 процента избирателей. Рабочие

бойкотировали выборы. Они показали, что идут за большевиками.

Между тем аресты усиливались, проводились в еще более широких масштабах, чем прежде. Тюрьма была переполнена. Только в ней числилось, по данным на 28 декабря 1919 года, 1075 арестованных, 800 из которых обвинялись в принадлежности к большевикам и сочувствии им.

Важную роль в оказании помощи арестованным и их семьям выполнял большевистский подпольный Красный Крест. В Городском районе была также группа членов партии, активно работавших в Красном Кресте.

Террор деникинских палачей усиливался с каждым днем. Были зверски замучены руководитель разведотдела военнореволюционного штаба А. В. Хворостин и сменивший его Петр Лазарев, девять участников «процесса 17-ти», секретарь союза металлистов Горбатов и многие, многие другие. Об этом писали листовки Одесского подпольного комитета КП(б)У.

В ответ на злодеяния белогвардейцев подпольный губком партии решил провести общегородскую политическую забастовку. В тяжелейших условиях деникинского подполья Гор- райком мобилизовал весь свой актив на подготовку забастовки. Секретарь Горрайкома Уралов, Борисов и другие разъясняли в профсоюзах и на предприятиях ее необходимость и цели.

«Одесский коммунист» в те дни напечатал открытое письмо одного рабочего-металлиста к центропрофу, который, выражая общие настроения рабочих, писал: «Пусть перестанет наш «благородный конь» — центропроф играть в жмурки с властью генералов и полковников. Надо заговорить твердо и открыто. И если наш «благородный конь» не тронется с места, пусть знает, что тогда мы, металлисты, передовой элемент и авангард рабочих, заговорим первыми... И заговорим, пользуясь не их пышными, но пустыми и трусливыми словами, а нашей простой и верной речью — всеобщей забастовкой».

Городской райком партии провел подпольные собрания представителей левых элементов профсоюзов. Единодушные решения, принятые на этих собраниях, гласили: объявить общегородскую забастовку протеста и добиваться признания и Утверждения ее центропрофом.

Вопрос о забастовке протеста был внесен в повестку дня пленума центропрофа и обсуждался на нем трижды. 5 января 1920 года меньшевистско-эсеровское руководство центропрофа предложило ограничиться резолюцией протеста против зверств и расстрелов, чинимых деникинской властью. Большевики настаивали на всеобщей политической забастовке.

10 января снова собрался пленум центрпрофа совместно с представителями 20 профсоюзов. Длительные прения ни к чему не привели, и решение снова не было принято. Голоса разделились. Вопрос о забастовке передали для предварительного обсуждения на правлениях профсоюзов. Итоги обсуждения показали, что работа, проделанная подпольным Городским райкомом партии, не прошла даром. Из 22 профсоюзов 15 высказались за немедленное объявление забастовки.

Эсеровско-меньшевистское руководство центрпрофа заволновалось. Его представители разошлись по профсоюзам. Сам председатель центрпрофа Коробков присутствовал на заседании правления профсоюза табачников, проведенного совместно с представителями рабочих фабрик Попова, Асвадунова и других, где я делал доклад о забастовке.

Пытаясь запугать рабочих, Коробков резко высказался против всеобщей политической забастовки, но его высмеяли, и участники заседания приняли решение потребовать от центрпрофа немедленно объявить всеобщую забастовку.

И вот 18 января снова собирается пленум центрпрофа. Выступавшие товарищи (от металлистов — Слепченко, от деревообделочников — Хаскин, от пекарей — Лисеев, от табачников — Фатер, от швейников — Гепштейн, секретарь подпольного совпрофа Борисов) настаивали на том, чтобы немедленно объявить забастовку. От союза моряков выступил его председатель правый эсер Суходоль. «Иголка хочет бастовать? Пусть бастует, — заявил он. — Мы, моряки, не будем поддерживать забастовку» (союз швейников тогда назывался «союзом игль»). Так пренебрежительно отнесся ставленник деникинцев Суходоль к одному из самых революционных отрядов одесских рабочих. Но и его выступление не помогло. Голосование дало такие результаты: за немедленное объявление забастовки высказалось 49 членов пленума центрпрофа, против 32 и 13 воздержались. Таким образом, две трети состава пленума выразило... несогласие с линией исполкома центрпрофа.

Тогда руководство центрпрофа решилось на отчаянный шаг. Исполком подал в отставку и этим сорвал принятое решение.

Представители профсоюзов, голосовавшие за немедленное объявление забастовки, опубликовали в «Одесском коммунисте» декларацию, в которой заявили следующее:

«1. Идея всеобщей забастовки — протеста против непрекращающихся арестов и насилий над политическими заключенными не получила осуществления главным образом вследствие политики исполнительного комитета центрпрофа, все время

лицемерно оттягивавшего объявление забастовки и саботировавшего постановление большинства пленума совпрофа.

2. Вся моральная ответственность за срыв забастовки, а следовательно, и за лишение защиты томящихся в тюрьмах товарищей, продолжающих оставаться под гнетом произвола и кровавого разгула своих тюремщиков, падает всецело на руководителей центрпрофа в лице исполкома и представителей профсоюзов, которые либо ради шкурных интересов, либо вследствие своего малодушия поддержали исполнительный комитет в его преступной политике.

3. Первоначальное решение об объявлении забастовки, принятое большинством и не проведенное в жизнь исключительно по вине исполнительного комитета, остается для нас незыблемым».

...Дни денкинской диктатуры были уже сочтены. Общегородской комитет партии предложил провести кустовые собрания с докладами «О текущем моменте». Наш Горрайком выполнил это указание. Такие собрания были проведены: в подвале еврейской больницы на собрании с докладом выступил Костров; в кочегарке фабрики Попова — Югов и Игнат; на квартире Дуси Новиковой, по Разумовской, № 44, неоднократно выступал с докладами о текущем моменте пишущий эти строки; в доме № 14 на Нарышкинском спуске — Родионов; в доме № 35 по Средней улице на квартире Любы Сироты — Игнат; в союзе швейников — Уралов.

...41-я дивизия Красной Армии приближалась к Одессе, а в самом городе по призыву большевиков в срочном порядке формировались рабочие вооруженные отряды. Они были созданы на предприятиях, в профсоюзах. На фабрике Попова командиром отряда назначили меня.

Начальник штаба, объединявшего все отряды, Федор Корнюшин, приказал отряду табачной фабрики немедленно прибыть в распоряжение ревкома. Мой отряд — в нем Фидкаленко, Лосев, Шелудько, Панков и другие — хорошо вооружен. Получено задание председателя ревкома Павла Логинова разобрать на Нарышкинском спуске дорогу, для того чтобы воспрепятствовать движению белых из порта в город. Представитель Морского райкома партии Михаил Горев снабдил отряд инструментами, и мы отправились к месту назначения, указанному штабом 41-й дивизии, действовавшей в контакте с ревкомом.

Дорога была разобрана, и отряд занял боевые позиции, когда неожиданно появились два всадника. Они оказались разведчиками одной из частей 41-й дивизии, наступавшей со сто-

роны Николаева. Основные части дивизии вошли в Одессу на следующий день, 7 февраля 1920 года.

...Мы вышли из подполья. Перед нами встали новые задачи: восстановить и упрочить органы Советской власти, наладить хозяйственную и культурную жизнь.

В первые дни после освобождения города в Одессу прибыла группа товарищей из ЦК КП(б)У. В их числе Ян Гамарник, Павел Кин, Л. Картвелишвили (Лаврентий). Вместе с ними мы включились в активную работу по ликвидации последствий деникинщины.

Уже 9 февраля состоялось первое легальное заседание комитета партии, на котором были организованы отделы губревкома.

12 февраля было созвано собрание партийного актива. Был избран временный губком КП(б)У во главе с Яном Гамарником. Губком принял решение провести перерегистрацию членов парторганизации. Была создана центральная комиссия по перерегистрации под председательством Гамарника и районные «тройки», в состав которых вошли Трофимов (Дед), Матяш, Б. Гумперт, Р. Лучанская, Н. Соболев, С. Кравцова, Главацкий и другие.

9 марта после перерегистрации прошла общегородская партийная конференция, на которой присутствовало 75 делегатов, представлявших 778 членов партии. «Тройка» в составе И. Перепечко, Борисова, И. Бровякоза приступила к подготовке съезда профсоюзов. Переизбирались правления профсоюзов, кооперативов, фабкомы.

В первые же дни после освобождения города была созвана комиссия по раскопке могил замученных деникинцами. В нее вошли Х. Топоровская — председатель, Я. Ольгин — секретарь и З. Марьямов.

На извлеченных из могил трупах были обнаружены следы жестоких пыток. Некоторые были изуродованы до неузнаваемости. Тысячи жителей города, видевшие трупы казненных, воочию убеждались в зверином облике белогвардейцев, тех, кто ратовал «за единую и неделимую Россию».

Похороны жертв контрреволюции, состоявшиеся 15 февраля, вылились в политическую демонстрацию небывалой силы.

20 февраля губком вынес решение об организации субботников для очистки и приведения в порядок города, порта, железной дороги и других мест. Субботниками, в которых приняли участие огромное число городских жителей, был нанесен первый удар по разрухе и эпидемиям.

7 марта в помещении городского театра открылась первая

общегородская рабочая конференция. Из 651 делегата с правом решающего голоса за резолюции, предложенные большевиками, проголосовало 511 делегатов конференции. Это была победа большевиков, если учесть, что в Одессе имелось еще немало членов мелкобуржуазных партий.

Огромный рост влияния большевиков показали и выборы в городской Совет рабочих и красноармейских депутатов, проведенные в начале апреля 1920 года. Из 500 депутатов Совета 315 были коммунисты и 39 — сочувствующие им. Фракция большевиков составила более 70 процентов от числа депутатов городского Совета!

На заседании городского Совета 9 апреля Ян Гамарник от имени фракции большевиков огласил декларацию, требовавшую исключения из состава Совета 20 депутатов — правых эсеров и меньшевиков — предателей рабочего класса. Пленум Совета единодушно поддержал декларацию.

Городской Совет приступил к мирным текущим делам.

Х. С. Топоровская

Ночи и дни

Квартиры, паспорта, прописки

В те дни мое участие в подполье, к которому готовилась партийная организация Одессы, представляло передо мною еще в общих и смутных очертаниях. В чем оно будет выражаться? Постепенно все стало приходить в ясность. И началось это именно с того дня, когда я встретила с Асей. Небольшого роста девушка, с копной черных волос, внимательно оглядела меня и тихим голосом — при этом она слегка опустила голову, казалось продолжая размышлять, — сообщила, что мне следует заняться подысканием квартир для тех, кто остается в подполье.

Я занимала крохотную комнатку в изрядно населенной квартире в доме на Жуковской улице. Сюда приходило много народу, и благодаря этому на первых порах можно было пользоваться моим жилищем для нелегальных встреч. Вскоре Ася стала приносить сюда для хранения мешочки со шрифтом, а однажды вручила мне пачку паспортов. За несколько дней до

вступления деникинцев в город ко мне на квартиру пришли Павел Логинов и Самуил Дерш.

Логинов, высокий, худощавый шатен, с бородкой клинышком, в пенсне, ходил больше на профессора, чем на военного руководителя подполья. Дерш ростом был выше Логинова, с черными как смоль волосами. Серо-голубые глаза его поблескивали под широким лбом. Он неважно говорил по-русски, и причудливые обороты его речи вызывали подчас улыбки на лицах собеседников.

Польский рабочий Дерш рано познал тюрьму, нелегальное существование, политическую эмиграцию. Он вернулся из Англии в Россию в первые дни Февральской революции и тотчас же включился в политическую борьбу. Сражался на фронтах гражданской войны. Перед оставлением Одессы ему было поручено подготовить разведывательную работу подполья. Твердая воля и большое мужество сочетались в этом человеке с благородством и сердечной теплотой.

Подыскание квартир оказалось делом сложным. Хозяева оговаривали вселение весьма недолгими сроками, нередко возвращали задаток и паспорт. Иные, извиняясь, просили подождать.

До конца августа никто от партийной организации ко мне не приходил. Первым явился Дерш. В очках и с бородкой, он стал почти неузнаваем.

Скоро квартира на Жуковской стала местом частых посещений Логинова. Здесь он встречался большей частью с членами военных «пятерок» и «троек», но чаще всего с Дершем. В целях лучшей конспирации Логинов предложил мне прописаться еще где-нибудь вместе с Дершем и принес два паспорта. Недалеко от моря, на Лермонтовской, мы сняли комнату. Вещи свои перенесли туда в большом желтом чемодане. В этой квартире в трудные минуты у нас оставались ночевать по три-четыре человека. Впоследствии хозяйка квартиры, вызванная в контрразведку на очную ставку со мной, рассказала все, что ей было известно о странных жильцах с желтым чемоданом.

Вскоре пришлось снять третью комнату в доме на той же Жуковской, с окном, выходящим на задний двор. Комната находилась в цокольном этаже, была с отдельным входом, так что хозяйку можно было не беспокоить. Здесь происходили встречи Дерша с нашими разведчиками, Логинова — с Корнюшиным, В. Перепечко, Ф. Залесской и другими. Квартира была хорошо законспирирована. Хозяйка, вдова, одинокая женщина, оказалась замечательным человеком. Она догадывалась,

что люди, которые приходили сюда, так сказать, не совсем обычные посетители, но никогда не обнаруживала стремления выведать что-либо.

Мою квартиру на Жуковской всячески оберегали. Все, что там накопилось в дни подготовки к подполью, постепенно выносили, по мере надобности. Как-то в полдень пришел Дерш с «маляром» за гранатами. Уложили их в ведро, запылили все мелом, и парень ушел. Через некоторое время после него должен был уйти и Дерш. Вдруг я услышала чей-то тревожный, чуть приглушенный и, как мне показалось, предупреждающий шепот у двери:

— Ищут кого-кто. Они там, в правом флигеле.

Я глянула в окно. Посреди двора стоял белогвардеец с винтовкой, опущенной прикладом на асфальт. И ни одной души во всем дворе. Мгновенно созрел план: свести Дерша, не успевшего уйти, к соседу — зубному врачу, который жил через коридор. Я быстро проскользнула к его двери и, не постучавшись, вошла в столовую совершенно незнакомой мне семьи.

— У меня тяжелобольной... Прошу вас, окажите помощь.

Человек средних лет встал из-за стола и бросил, обращаясь к кому-то:

— Халат!

Затем он подошел вплотную ко мне, испытующе посмотрел в глаза и сказал:

— Ведите больного.

Я тотчас же его привела.

— Не выпускайте, пожалуйста, пока я сама не приду за ним, — попросила врача.

Удалился последний белогвардеец, в доме возобновилась обычная жизнь, и я пришла за «больным».

— Все, — сказала я, войдя к врачу.

На лице Дерша я увидела выражение какой-то мучительной усталости. А врач, не снимая халата, смотрел на нас обоих и, ничего не сказав, проводил в коридор. Я почувствовала, что он смотрит нам вслед. Обернулась. Он сочувственно кивал головой, как бы говоря:

— Понятно...

Мне так и не пришлось еще раз увидеть этого врача, объяснить, поблагодарить.

Новые встречи

Дел, связанных с подысканием квартир, становилось меньше, и я получила от Логинова новое задание — вести учет зарплаты, выдаваемой группе товарищей из

военного отдела. Фамилий записывать нельзя. Каждый имеет свой условный знак: кто квадрат, кто ромб, кто треугольник. Геометрические фигуры часто в те дни заменяли имена товарищей, названия улиц, явок. Записи велись аккуратно и точно.

В начале сентября «пятерка» развернула энергичную деятельность по созданию партийных коллективов. Немалая доля этой организационной работы, а затем, в октябре, подготовки к первой общегородской конференции легла на плечи секретаря «пятерки» Розы Лучанской. Вскоре я стала ее помощницей. Решения «пятерки» Лучанская записывала на мелких клочках бумаги. За «протоколами» — разрозненными, одной Лучанской понятными записями — я ходила к ней на Соборную площадь, либо она приносила их ко мне.

Как раз в эти дни Логинов предложил мне связаться с подпольщицей по имени Нюра. Явка была в молочной, пароль — «Пять бутылок молока». Буфетчица, свой человек, провела меня в расположенное позади буфета небольшое помещение. Там меня встретила полная, невысокого роста женщина с приветливым лицом и добрыми карими глазами. На ней была выцветшая ситцевая юбка и кофта навыпуск. В*таком виде она больше походила на молочницу, чем на партийного руководителя, члена редколлегии нелегального партийного органа. Это была Анна Михайловна Панкратова.

Я села против нее на табуретку и, не говоря ни слова, стала разуваться. Анна Михайловна глядела на меня с недоумением. А когда я достала из туфли запрятанную между стелькой и подошвой крохотную записочку от Логинова, она от души рассмеялась над нашей незатейливой конспирацией.

Поговорили всего несколько минут, и я ушла, чувствуя, что уношу в душе что-то удивительно чистое, волнующее, доброе. Я не предполагала тогда, что это короткое знакомство превратится потом в дружбу, во взаимную привязанность на всю жизнь.

...В октябре провалы участились. Явка на Лермонтовской была временно оставлена: хозяйка не внушала доверия. Встречи товарищей из военного отдела стали проходить в фотографии Песина, которая помещалась на углу Преображенской и Дерибасовской. Во дворе фотографии находилась деникинская коммандатура, логово зверя, и приходиться на эту явку считалось почему-то наименее опасным. Здесь поселился Дерш по паспорту на имя Анатолия Зонненберга. Я была представлена хозяевам квартиры как Вера Павловна Добрускина.

13 октября в фотографии собрались Павел Логинов, Ваня

Препечко, Елена Соколовская, Самуил Дерш и я. Появление Елены отчетливо запомнилось мне. Небольшого роста, хрупкая, с очень приятными чертами лица, которое она тщательно прикрывала вуалью, нарядно одетая. За ней, как мы знали, усиленно охотилась контрразведка.⁹

Посидели недолго. Препечко поручили связаться с тюрьмой через надзирателя общей камеры мужского корпуса, и он вскоре ушел. Стоявший у окна Дерш вдруг отошел за штору. Я глянула в окно. На противоположной стороне улицы на тротуаре стоял офицер и, казалось, с особым вниманием смотрел на окна фотографии. Так как офицеров вокруг комендатуры собиралось обычно немало, мы в тот момент этому не придали должного значения.

Расходились, как всегда, поодиночке. Логинов предупредил, что зайдет на следующий день, в одиннадцать утра. Я уходила последней. Казалось, все обошлось благополучно, но тяжелое предчувствие не покидало меня.

Рано утром 14 октября я решила проверить фотографию и направилась туда. Не успела переступить порог, как жена Лесина бросилась ко мне с рыданием:

— Под утро арестовали Анатолия и моего мужа...

— Вашего мужа выпустят,— успокаивала я ее, а у самой, чувствовала, ноги подкашиваются...

Но предаваться горю было некогда. Надо немедленно предупредить Логинова, что квартира Лесина провалена, предотвратить еще один арест.

Я выбралась из фотографии через стеклянную галерею. Сбивая со следа возможных шпииков, несколько раз заходила в магазины и наконец, в обход, добралась до нашей общей знакомой Друзниковой. Добрая и несколько застенчивая, эта маленькая ростом женщина, с характерным узким разрезом глаз, что делало ее похожей на китаянку, пользовалась нашей симпатией и полным доверием. Друзникову я отправила к Логинову, а сама занялась чисткой квартиры, уничтожением всех и всяческих следов. Мы понимали: кто-то выдал квартиру Лесина, за нами следят.

— Логинов собрался уже уходить, когда я сообщила ему об аресте Дерша. Павел так и упал в пальто на кровать,— вернувшись, взволнованно рассказывала Друзникова.— Он велел тебе немедленно связаться с Андреем и выяснить возможность выкупа обоих.

Андрей, член федерации анархистов, но помогавший большевикам, имел, как нам было известно, какие-то связи в контрразведке. Точного его адреса я не знала. Из разговоров Дерша

с Логиновым помнилось, что Андрей живет в гостинице «Киев».

Схватив пальто и платок Друзниковой, я направилась туда. Дважды обошла гостиницу и, когда убедилась, что никто за мной не следит, вошла в подъезд и быстро поднялась по лестнице. На самом верху остановилась: куда же теперь? На одной из дверей мелькнула табличка с цифрой «80». Кажется, в разговоре об Андрее упоминалась эта цифра. Я подошла к двери и, не постучавшись, открыла ее. За столом сидела женщина, закутанная в шаль, и читала книгу. На кровати в одежде лежал Андрей. Увидев меня, он вскочил.

— Сегодня под утро,— сообщила я,— арестован Дерш и хозяин квартиры Песин. Необходимо немедленно выяснить подробности ареста. Опознан ли Дерш, арестованный как Анатолий Зонненберг, и где они находятся?

Андрей стал быстро собираться.

— Вы выйдете после меня. Ждите в молочной на Троицкой в два часа,— сказал он и ушел.

Ровно в два я была в молочной. Почти вслед за мной вошел Андрей. Он поздоровался со мной, как с человеком, которого давно не видел. Присев к моему столу и заговорив о родных, их здоровье, как бы между делом сообщил, что арестованные находятся еще в контрразведке. За них требуют выкуп в 400 тысяч рублей, из которых 5 тысяч немедленно.

— Ждите ответа на Сретенской, 18, завтра в десять утра.— Я расплатилась и оставила Андрея в молочной.

Поздно вечером я была вызвана на явку к Гордону. Там застала Логинова, Елену Соколовскую, Веру Лапину, возглавлявшую подпольный Красный Крест.

Я рассказала о встрече с Андреем.

— Андрей пугает либо его запутывают,— сказал Логинов.— Нам известно, что их сегодня уже отправили в тюрьму. Красный Крест наметил другой путь спасения — затянуть насколько возможно дело у следователя. Вам придется вместе с женой Песина передать ему через нашего человека 30 тысяч рублей. Этот путь нам кажется более верным. Так решил партийный комитет.

Гордон вручил мне деньги, указал место встречи и описал внешность человека, которому надо их передать.

Я попрощалась и направилась к двери.

— Поберегите себя,— сказал мне Логинов в дверях,— за вами, надо полагать, тащится хвост... Не ходите больше па Лермонтовскую. Держите со мной связь через Друзникову.

Арест

Это было в воскресенье. Рано утром я предупредила жену Песина, что нам предстоит передать деньги следователю, у которого находится дело ее мужа и Анатолия (Дерша она знала только как Анатолия). Встреча должна была состояться на Дерибасовской улице, неподалеку от магазина швейных машин, в десять часов вечера.

Когда стемнело, я направилась к Лизе Ржевской. Она прибыла в Одессу в числе эвакуированных из Николаева и работала в Красном Кресте в паспортном бюро. Мы обменялись пальто, на голове у меня была теперь широкополая бархатная шляпа с пером, и в таком виде я направилась к месту встречи. Жена Песина показалась мне задумчивой, сосредоточенной. События последних дней заметно изменили ее. Человек, которого мы ожидали, был одет в гражданское платье. Получив деньги, уговорились вновь встретиться через два дня, в двенадцать часов, на этот раз внутри того же магазина швейных машин. Песина прошла со мной до ближайшего скверика. На прощание пожала мне руку, обняла и поцеловала.

Я пошла к Вальдманам. Борис Вальдман, секретарь городского комитета партии до ухода красных из Одессы, остался в подполье и в первые же дни был арестован. Его жена успела наладить связь с тюрьмой, даже переписку с мужем, и через нее я надеялась узнать что-либо об арестованных. У Вальдманов застала нашу подпольщицу Залескую. Девушка лет девятнадцати с длинной русой косой, большими глазами и хорошо одевавшаяся, она жила в доме одной генеральши на Херсонской, 10, и ее жилище стало надежной конспиративной явкой. Приходить домой «студентка» Залеская должна была не позже десяти — таков был уговор с хозяйкой.

У Вальдманов я пробыла недолго. Было уже за полночь. Залеская пошла со мной. Обеим нам надо было как-то устроиться на ночлег. Но где? К себе, на Жуковскую, я не являлась со дня провала квартиры в фотографии, и наблюдение за моей квартирой, подумала я, должно быть уже снято. Опыта нелегальной жизни у обеих нас было мало, и кажущееся нередко принималось за действительное. Пришли ко мне на квартиру врозь. Никакой слежки не заметили.

Бошли в комнату. Обдало тем затхлым теплом, которое ощущаешь после осенней холодной улицы в давно непроветривавшемся помещении. Осмотрела еще раз все места, куда прятала партийные материалы: каких-либо следов обыска

нигде не нашла. Я легла в кровать сразу, а Залесская продолжала сидеть у стола и разбирать свою сумку.

— У меня тут деникинские сводки с фронтов да расписки военного отдела. Уничтожить их? — раздумывая, спросила Залесская.

Уничтожать сводки не хотелось. Залесская положила их под подушку. Если нас выследили и за нами придут, рассуждали мы, успеем уничтожить все прежде, чем проникнут в квартиру. Я заснула крепким, но чутким сном.

— Проснитесь, проснитесь! — услышала я над самой головой.— За вами пришли. Впустить?

Открыла глаза: передо мной стояла хозяйка квартиры, одетая, со свечой в руке. Женщина вся дрожала.

— Что ж, придется впустить,— ответила я и стала тормошить Залесскую.

Послышался сильный удар в дверь и ругательства:

— Глухие, что ли?!

Залесская под одеялом рвала сводки, расписки и бросала их под кровать.

— Мы с вами встретились в студенческой столовке...— быстро заговорила Фаня.— Я к вам пришла за книгой и осталась ночевать...

Послышался топот ног. В дверях появился белогвардеец.

— Кто здесь Хана?

— Я.

— Кто же из вас Хана? — повторил он недоумевающе, уви- дез нас обеих в кровати.

— Я, я.

— Приступить к обыску,— распорядился старшин.

В комнату ввалились контрразведчики. Восьмеро, вооруженных до зубов... Мы продолжали лежать в постели, а в комнате шел обыск. Контрразведчики рылись в шкафу, в столе, срывали плинтусы, обои, и мы с любопытством наблюдали, как исчезают все сколько-нибудь ценные вещи в карманах представителяей «единой неделимой*»...

Время шло.

— Разрешите нам одеться,— попросили мы.

— Успеете, торопиться некуда,— сказал старший.

Стали допрашивать Залесскую. Откуда, каким образом она ко мне попала?

Фаня отвечала так, как мы с ней заранее условились.

Наконец нам разрешили встать, но одеваться при них, не отходя от кровати.

— Обыскать всю одежду, распороть все швы,— скомандовал старший, когда мы уже оделись. Я со злостью вывернула чулок, распахнула ворот косоворотки, расстегнула корсаж юбки и спросила:

— Хватит?

— Посмотрим,— ответил он и стал руками обшаривать одежду.

Сидя на окне, я глядела на разгульную банду, творившую погром в квартире. В шкафу двое что-то перебрасывали, снимали и вновь вешали. В чемодане рылся маленький, плюгавый белогвардеец, перебирал фотокарточки. Наконец он закрыл чемодан, ногой отшвырнул под кровать, но тотчас же, как будто вспомнив что-то, снова полез за ним.

— Вот, вот куда припрятали! — закричал он и, растянувшись на полу, захватил горстью разорванные сводки, расписки.

Все сбежались и, обрадованные трофеям, окружили маленького.

— Ах, это то письмо,— громко протянула Фаня.

— Погодите, сейчас узнаем, что это за письмо,— подхватил маленький.— Видите,— читал он,— 18 октября... Это они из тюрьмы получили, как раз в день передач.

Фаня утверждала, что письмо ей прислала знакомая из больницы. Решили собрать все клочки и приложить к протоколу обыска.

— Вы уж меня не ругайте за беспокойство,— обратилась я к хозяйке.

— Что вы,— заплакала она.

Уже почти под утро мы покинули комнату.

Нас вывели на улицу. С моря дул холодный октябрьский ветер. Кругом ни души. До Преображенской дошли пешком. Здесь нас посадили на легковые дрожки и повезли в контрразведку.

Шесть дней в контрразведке

Белогвардейская контрразведка находилась на Елизаветинской улице.

Помню, нас вели вверх по узкой темной лестнице, и наконец мы очутились в полусвещенной, насквозь прокуренной комнате. За столом сидел офицер с опущенной на стол головой. Он спал. Контрразведчик подошел к нему.

— Вместо одной привел двух,— громко доложил он и вручил протокол обыска.

Офицер оглядел нас, посмотрел протокол, обратил внимание на приложенные клочки бумаги и тотчас же вызвал разводящего. Тот повел нас куда-то еще выше, на антресоль, уже изрядно набитую людьми. Арестованные лежали на полу. Некоторые курили. Мы притулились к стене. Сидели молча, остерегаясь «подставных» — тех же контрразведчиков, которые, как нам рассказывали старшие товарищи, под видом заключенных следят за арестованными, подслушивают...

Арестованные стали подниматься, задевая тех, кто продолжал лежать. За перегородкой слышался глухой говор. Говорили о зверствах в контрразведке, о страшном окне, которое закрывают картоном, когда арестованных пытаются...

Рассвело, и стали выпускать в уборную. К нам подсел молодой парень.

— Из военного отдела... — услышала я.

— Наш парень, — шепнула мне Залесская.

Широкоплечий, с живыми глазами, черными усиками и чрезвычайно подвижный, молодой человек оказался Мишей Сазоновым (Нагорным). Сазонов был задержан, когда перевозил оружие из Ананьева.

— Арестованных ночью — на допрос! — раздалась вдруг снизу чья-то команда. И вмиг у дверей образовалась сплошная масса людей. Мы пошли вместе со всеми.

Нас повели по тому же коридору, только теперь вниз. Кругом толпились люди. У дверей следователя мы увидели среди контрразведчиков и того маленького, который обнаружил при обыске разорванные сводки.

Меня вызвали к следователю. Сухой, ровный тон разговора выдавал в нем опытного контрразведчика. После обычной анкетной процедуры, отвалившись на спинку кресла, следователь с видом большой проницательности сказал:

— Но вы ведь не Хана. Это только ваша партийная кличка. И Залесская — не Залесская. А маленькая «китайночка», которая унесла желтый чемодан из вашей квартиры на Лермонтовской?.. Нам ведь известно и ее настоящее имя...

Ёкнуло сердце: он говорил о Друзниковой. Неужели арестовали? Желтый чемодан Друзникова действительно унесла с вещами Дерша накануне его ареста; на Лермонтовской мне в последнее время почти не приходилось бывать. Этот чемодан фигурировал позже на всех допросах. В контрразведке утверждали, что именно в нем содержится касса подпольного комитета.

Я все отвергала. Первый допрос — и мой, и Залесской, — помнится, прошел без серьезных осложнений.

Мы вернулись на антресоль. Нас очень заботило, как сообщить на волю об аресте и предотвратить последующие аресты на наших квартирах, где, конечно, были уже устроены засады.

В полдень в контрразведку к арестованным приходили родные (и выдававшие себя за родных) и приносили пищу, одежду. Помогали они не только своим. Мне удалось отправить письмо Друзниковой с просьбой прислать одеяло. На следующий день принесли одеяло и письмецо, из которого я поняла, что Друзникова цела и невредима.

Квартира Залесской вызывала особую тревогу. Туда приходили товарищи из руководящего ядра подполья, там хранились некоторые партийные материалы. Но как быть с генеральшей теперь, когда «студентка» очутилась в контрразведке? Фаня решила идти напролом. Написать самой хозяйке: дескать, задержана по недоразумению, здесь холодно, неуютно, не откажите прислать теплое одеяло...

К больной девушке, находившейся в нашей камере, ежедневно приходила с передачей сестренка лет пятнадцати. Старшая не раз посылала ее по разным адресам с письмами заключенных. Ей она передавала и письмо Залесской.

Что это? Залесскую вызвали вниз. Она долго не возвращалась. Становилось темно. Тяжелое чувство приходило всякий раз, когда товарищ долго находился на допросе.

— Хана,— тронул меня за плечо Сазонов,— она пришла.

Я оглянулась: на полу сидела Фаня и в упор смотрела на больную.

— Меня вызывали на очную ставку с девочкой, очень похожей на нее,— сказала Фаня.— Уж не сестра ли ее? Девочка, видно, попала в засаду, и ее арестовали у меня на квартире.— Фаня была удручена.

Вызвали вниз и больную девушку. Но она вскоре вернулась, и не одна. За ней показалась девочка, о которой говорила Залесская.

На другой день на квартире Залесской была арестована Роза Лучанская, секретарь подпольного комитета.

— Я видел Розу,— сообщил Сазонов,— она сидит внизу.

Не помню, в тот же или на следующий день меня вызвали на очную ставку с Лучанской.

— Вы эту даму знаете? — спросил меня следователь.

— Впервые вижу.

— Никогда у нее не бывали?

— Нет, не бывала.

— А это что? — И следователь протянул мне фото, на

котором я была снята у ворот дома на Соборной площади, где проживала Роза.

Меня увели наверх. Роза осталась у следователя.

На третий допрос я была вызвана к генералу с шестью пальцами на руке. Он смотрел на меня в упор, говорил мало и зловеще постукивал пальцами по столу.

— Вы молоды,— попробовал он «по-отечески» увещевать меня и как бы невзначай стал размахивать в воздухе револьвером...

На четвертый или на пятый допрос я попала к молодому офицеру. Перед тем как начать допрос, следователь сказал, что он происходит из аристократической семьи и я могу быть с ним совершенно откровенна. А там он уж позаботится о моем скорейшем освобождении.

Спрашивал о членах «пятерки», о других товарищах...

— Никого не знаю.

— Притворяешься, с!— выругался он, позабыв, по-видимому, о своем аристократическом происхождении, и ударил меня револьвером по косточкам пальцев. Я вскрикнула от неожиданности и острой боли. Офицер предложил мне папиросу...

Шестой, последний допрос в контрразведке вел следователь, который допрашивал в первый раз.

— Выбирайте: в тюрьму или на волю. Ваше спасение в ваших руках. Помните: от тюрьмы до Стрельбищного поля недалеко... Завтра отправляем вас в тюрьму,— закончил он полушепотом, как бы по секрету, и встал выжидающе у стола.

Наутро нас выстроили и большой партией через весь город повели в тюрьму. До тюрьмы было восемь километров. Вначале шагали бодро, всматривались в лица прохожих с тайной надеждой встретить кого-нибудь из близких, разглядывали улицы, словно век прошел с тех пор, как мы попали в контрразведку. За городом пошли вразвалку. Так добрались до тюрьмы.

В тюремной камере

Прошли одни ворота, затем вторые и очутились во внутреннем дворе, где находился женский корпус. Из окон мужского корпуса, расположенного в отдалении, нам махали руками.

Вместе с Залесской меня направили в камеру № 32. Мы знали, что с соседями по камерам можно переговариваться через стены, но не владели системой условных стуков. Единственным средством связи с товарищами стала песня, которая наие-

валась через решетку в открытую форточку. В песни мы вставляли слова, которые хотелось передать товарищам.

Прогулки в тюрьме проходили по кругу два раза в день. На первой же прогулке мы обратили внимание на окно в торцовой стене мужского корпуса — коридорное окно, в котором заключенный был виден почти во весь рост. В нем я увидела однажды Дерша. Медленно вытаскивал он из кармана платок и затем провел им по лицу. Я проделала то же самое, и с тех пор это стало нашим условным знаком — приветствием, которым мы обменивались незаметно для всех и для надзирательницы. Лицо его было бледное, заросшее бородой.

Удалось ли с помощью следователя оттянуть дело Дерша?

Нам стало известно, что связь между женским и мужским корпусами налажена через уголовного Алешу, который ежедневно приходил колоть дрова под окнами женского корпуса. Алеша, рыжеватый, широкоплечий, с круглым добрым лицом парень, в самую стужу ходил с открытой грудью. Прикидывался полоумным. Через Алешу получили письмо из мужского корпуса. Пришел он и, как обычно, начал свое дело. Мы бросились к окошку и спустили на ниточке кусочек сахара. Откусив его, он привязал записку, которую мы потянули той же ниточкой вверх. Алеша продолжал грызть сахар и улыбался. Он приходил без охраны, ему доверяли и заключенные, и тюремная администрация.

Вот уже несколько дней вглядываюсь на прогулке в коридорное окно мужского корпуса и никого не вижу.

Не помню, как попала к нам газета, в которой мы прочитали приговор военно-полевого суда над Дершем, Песиным, Вальдманом, Александровичем.

Смертная казнь...

Я заплакала навзрыд...

Прошло еще несколько дней. Под окна явились уголовные колоть дрова. Среди них, как всегда, Алеша.

— Что нового? — крикнула я в открытую форточку.

— Ничего, — ответил Алеша, глядя в землю.

Но вдруг поднял лицо вверх и сказал, казалось, совершенно спокойно:

— Они убиты недавно... Три дня назад. Самуил просил передать Хане... Кто она — Хана? — спросил Алеша, вглядываясь в меня и как бы сопоставляя мои приметы с теми, которые были ему кем-то описаны, и продолжал: — Да, тебе просил передать. Он был со мной до субботы. Когда уходил, сказал: «Передай Хане, чтоб не горевала...»

Опустив голову, Алеша взялся за топор.

Свидание, первое и единственное

В то утро никто не толкался в уборной, и день как будто ничего особенного не предвещал. Мы вернулись после уборки в камеру. Позавтракали. И тут показавшаяся в дверях надзирательница, не входя в камеру, крикнула:

— Топоровская, на свидание!

Вызов на свидание? Ко мне?

Я быстро накинула на плечи пальто и вышла.

— Говорить на свидании разрешается только вслух,— отчеканила дежурная.— Ничего не передавать, ничего не принимать!

Прижавшись к решетке, напряженно вглядываюсь в дверь, через которую впускают пришедших.

Я вижу Сазонова, приближающегося к решетке.

— Здравствуйте, Хана! Как здоровье? Как живете? — весело спрашивает он.

— Хорошо, все здоровы,— вторю ему.— А ваше как?

— Здо-рово, здо-р-о-во-о-о...— тянет он, дожидаясь, когда пройдет надзирательница. И продолжает, мигая глазами:

— Весна... Скоро весна.— И махнув рукой в сторону города: — Весна хорошая. Уже птички поют, п-о-ю-т,— повторяет он, растягивая слово «поют» и вкладывая, по-видимому, в него какой-то особый смысл.

Надзирательница снова прошла мимо и заслонила Сазонова. Он, выгнув шею, чтоб не потерять ни единой секунды, продолжал:

— Весна нынче ранняя, ранее прошлогодней... Скоро наладится путь, и наши родные вернуться.— Затем, улучив момент, советует серьезно: —Питайтесь лучше. А я пришлю вам побольше мяса. Мясо получите скоро...

Наружная дверь приоткрылась:

— Свидание окончено.

Сазонов стал выходить, пятясь спиной и продолжая разговаривать со мной глазами, жестами, пока дверь за ним не закрылась.

В камере обняла Фаню и шепнула ей:

— Родные мои, скоро, скоро...

— Нет, ты расскажи все по порядку. Кто? Откуда? С кем свидание? О чем?

— Миша, Миша Сазонов нас навестил. Ну и товарищ!.. Он так говорил о весне, о птичках, о приезде родных, что не может быть сомнения: мы скоро будем освобождены.

Вдруг откуда-то ворвался страшный топот человеческих ног. Казалось, целый полк движется к нам по коридору. «Значит, всех нас сейчас выведут на тюремный двор и прикончат», — подумала я.

Шум в коридоре усиливается. Уже ясно слышен звон шпор на втором этаже и омерзительный крик:

— Открыть все камеры!

«Избивают», — ударило в сознание. И не успела я что-либо сообразить, как дверь нашей камеры распахнулась, к нам ввалился белогвардеец, за ним еще несколько.

— За что сидишь? — крикнул один из них.

— Здесь уже были, — неожиданно бросила надзирательница.

Три слова решили судьбу нашей камеры.

— Пошли дальше!

Мы поняли, что они уходят. Но камера остается открытой, и опасность избиения еще не миновала.

Слышим, как отпирают соседние камеры, а затем крики и угрозы: «В кашу превратить!»

Утверждали, что из тюрьмы поступил донос на ее начальника Белина. Он-де сочувствует политическим... И впрямь при нем в тюрьме дышалось как-то «свободно», насколько это слово применимо к тюрьме. В тюрьму даже проникал «Одесский коммунист», сначала в мужской корпус, затем к нам. Каким образом? Через тех, кто посещал тюремную церковь, через Алешу. Не без пользы были и встречи в бане. Неплохо была налажена связь между корпусами. И вот Белин смещен. Из Киева прибыла новая администрация, ознаменовавшая свой приход избиением политических заключенных.

Режим в тюрьме резко изменился. Запретили петь, стоять у окна. Чуть слышится песня, сразу: «Стрелять будем!» Стало строже на прогулках — ни оборачиваться, ни переговариваться. Прекратились передачи, и нас сразу же отрезали от внешнего мира. Не приходил больше и Алеша рубить дрова под нашими окнами.

Настала еще одна среда — день передач. Открываются соседние камеры и — о радость! — обычное:

— Готовить посуду, корзину!

В открывшуюся дверную форточку просовывается большой каравай хлеба. Подсакиваем к двери и принимаем хлеб. Но это оказывается еще не все. Через полуоткрытую дверь следует высокая плетеная корзина.

— Корзину назад, — говорит надзирательница, запирая камеру.

Мы быстро перебираем содержимое и ничего примечательного не обнаруживаем. Передача сугубо продовольственная...

Ворота рушатся

Конец января 1920 года. И хотя нет еще конца деникинщине, стали заметны весьма странные, полные загадок и недомолвок перемены в тюремном быту. Охрана женского корпуса снова заговаривает с заключенными. Коридорные надзирательницы о чем-то таинственно шепчутся. На прогулках нет прежней строгости. Мы отваживаемся вступать в разговор даже с охраной под окнами:

— Говорят, красные недалеко?

— Скоро нам всем баня будет,— ответил однажды, не поднимая головы, молодой охранник.

Не всегда, однако, наше нетерпение охрана встречает так мирно. Иной из них поднимает ружье и грозит стрелять...

Но близость конца деникинщины день ото дня ощущимей. И все чаще одолевает тревога: расстреляют нас перед отступлением или уведут как заложников.

Среды и воскресенья ожидают теперь с особым нетерпением и надеждой. Не сообщат ли что-нибудь радостное с воли?

У Залесской поднялась температура, и ее перевели в тюремную, а затем в городскую больницу.

Из города доносится ружейная и орудийная пальба. Здание тюрьмы сотрясается. Спать невозможно. Спит ли кто здесь в эту ночь?

Как четко работает мысль. Одно за другим, цепочкой тянутся воспоминания. Кажется, недавно еще бегала в школу «Общества попечения о бедных детях». Там кормили, обучали грамоте к ремеслу. И вот Хана — швея в большом и чужом городе. Работа в мастерских. Друзья указывают мне путь революционной борьбы, на который я встала твердо, бесповоротно. Кажется, только вчера началась эта новая жизнь, полная тревог, опасностей и большого счастья. Неужели, всему этому конец?

Уже светало, когда я чуть забылась.

...В это по-южному теплое утро 7 февраля мы не гуляли по кругу, а стояли группками у стены нашего корпуса. Слегка зажмурив глаза, я глядела в светло-голубое небо, в лица девушек. Все были взбудоражены. День начинался как-то необыч

но: на прогулку нас выпустили поздно, а затем предоставили самим себе.

— С прогулки! — послышался из корпуса голос надзирательницы.

Вошли в коридор и остановились как вкопанные: ни один человек не ступил ногой на лестницу, которая вела на второй этаж.

— В камеры не пойдем! — крикнул кто-то. Все зашевелились, все сразу заговорили, зашумели, затопали ногами и загородили путь на лестницу. Шум в коридоре подхватили в камерах первого этажа. Заключенные стали бить в железные двери и иступленно кричать:

— Откройте!

Оглушительные удары в двери, громкие возгласы заключенных, возбужденные лица пришедших с прогулки... Полутемный и обычно безмолвный тюремный коридор представлял сейчас клокочущий котел, который вот-вот взорвется.

— В мужской корпус! — кричат женщины.

А в коридорах мужского корпуса уже толпятся люди. Камеры открыты.

На волю!

Массивные главные ворота тюрьмы распахнуты настежь...

Я перешагнула трамвайную линию и бегу, бегу, затерявшись в огромной толпе, по дороге, ведущей к городу.

Вперед, еще вперед! Откуда-то доносятся выстрелы. Железная дорога. Навстречу нам эшелон: отстреливаясь, уходят белые. Мы залегли. Эшелон промчался. Приближаемся к городу. Людской поток постепенно растекается в разных направлениях. Переходим на нормальный шаг и сливаемся с уличными пешеходами.

На одной из улиц вдруг увидела Логинова. Он стоял у дерева и во что-то напряженно вглядывался. Я подошла поближе, и только тогда он увидел меня. Вздрыгнул и стал забрасывать вопросами: «Каким образом? Все ли вышли?»

— Вышли все, способные ходить. Надо вывезти из тюрьмы больных. Требуется транспорт.

— Наши еще не подошли. Белые окопались в разных местах города. Вozить сейчас опасно...

А несколько часов спустя встретились все мы, участники подполья.

Все ли?

И еще острее, еще глубже в тот час каждый ощутил тесный круг товарищей, утрату близких, любимых, дорогих, не Доживших до этой встречи.

Весной 1919 года по путевке ЦК КП(б)У я приехала в Одессу. В губкоме партии мне поручили организовать работу оргинструкторского и иногороднего отделов. Опыта было мало, в городе я никого не знала, и задача показалась мне очень трудной. Тогда-то и пришли мне на помощь две жизнерадостные девушки — Клавдия Гольберт¹ и Люся Эдельштейн^{1 2}. Все в них было созвучно боевой обстановке тех дней: и увлеченность революционной работой, и радостное восприятие жизни, и готовность преодолеть любые трудности. Вскоре они стали инструкторами губкома партии. Так началась наша дружба: вместе работали, вместе жили — коммуной... Все, о чем я пишу здесь, неразрывно связано с ними.

Когда в августе 1919 года положение в Одессе стало угрожающим и губком партии начал подготовку к переходу в подполье, я вошла в руководящую «пятерку», в которой мне было поручено возглавить политический Красный Крест.

Подполье близко свело меня с замечательными товарищами — большевиками того поколения, которому выпало трудное счастье непосредственно бороться за победу пролетарской революции. О них, о людях самоотверженных, отважных подпольщиках и верных товарищах хочу рассказать в воспоминаниях, посвященных в основном многотрудным и беспокойным делам политического подпольного Красного Креста Одессы в черные дни деникинщины.

За несколько дней до оставления советскими войсками Одессы Люся, Клавдия и я почти не выходили из губкома. Шла подготовка к переходу в подполье. Еще и еще проверяли надежность связи с районами, запоминали адреса явок, устанавливали пароли, договаривались о месте и времени встреч.

23 августа. Началась эвакуация. В губкоме сжигают партийные документы. То и дело к нам забегают товарищи, уxo-

¹ Клавдия Николаевна Гольберт — член КПСС с 1919 года. После выхода из подполья была на ответственной работе в Одесском губисполкоме; позднее — преподаватель в вузах города Москвы.

² Ольга Ефимовна Эдельштейн. В 1917 году — красногвардеец, в 1918 году — участница большевистского подполья в Киеве, впоследствии — инженер-химик.

дящие с Красной Армией, вооруженные, с вещевыми мешками, кто в военной, кто в рабочей одежде. Получаем последние напутствия. Прощаясь, некоторые просят: «Поберегите семью!» — и торопятся, чтобы не опоздать.

Наступили сумерки. Губком опустел. Пора уходить и нам. Идем на Маразлиевскую, быстро собираем немудреные пожитки, прощаемся и, подавленные происходящим, смертельно усталые, расходимся по разным квартирам, которые сняли несколько дней назад.

Клавдия и Люся торопились на Французский бульвар, я — на Дерibasовскую. Комнатка моя была в богатой буржуазной квартире.

С маленьким чемоданчиком пришла я «домой» и, как подкошенная, повалилась на кровать. Проснулась поздно. Бегу за газетой. На улицах людно. Играют военные оркестры, балконы украшены коврами, развеваются трехцветные царские флаги. Дамы из буржуазии осыпают цветами «доблестное войско освободителей».

Тоска сжала сердце. Никогда не забыть охватившего меня чувства безмерного несчастья. Только вчера все кругом было свое, родное, необходимое, как дыхание и солнечный свет! Были товарищи, работа. А сегодня?.. Уж не сон ли это? Раскрываю газету — и вот оно, страшное сообщение, напечатанное крупным шрифтом: «Сегодня ночью под Одессой задержан и расстрелян председатель Одесского губисполкома Иван Клименко...» Я была его невестой. Вчера еще, в походной шинели, вооруженный, зашел он проститься; зашел на одну лишь минуту, торопясь к последнему поезду. Не в силах совладать с вихрем скорбных чувств и горем личной утраты бегу к своим на Французский бульвар, к Клавдии и Люсе...

На стенах домов уже появились военные приказы: под страхом смерти выполнять распоряжения новой власти, выдавать большевиков и красноармейцев. На окраинах Одессы — первые виселицы. На груди повешенных дощечки с предупреждающими надписями: «Так будет со всеми, кто сопротивляется!»...

...В Одессу вернулся Михаил Югов¹, который был эвакуирован вместе с парторганизацией. Он сообщил: Клименко жив и находится в 45-й дивизии, которая в составе Южной группы войск с боями пробивается на север.¹

¹ Член КПСС с 1918 года, один из организаторов комсомола в Одессе, секретарь губкома комсомола.

Наступила пора разворачивать деятельность Красного Креста. Но в первые же дни подполья наши планы были нарушены. Жизнь неумолимо выдвигала иные задачи, стоявшие, казалось бы, далеко от наших текущих дел, но уйти от них мы не могли.

Контрразведка арестовала Бориса Вальдмана, работника военного отдела. В подвалах большого дома на Базарной улице, где он жил, еще до занятия Одессы войсками Деникина был организован основной склад оружия и боевых припасов. После ареста Бориса его родственники заметили слежку за их квартирой. Опасаясь обыска, семья просила немедленно убрать оружие. Положение было критическим: другого надежного места для военного склада у нас не было. В течение дня мы объехали ряд явок, побывали у товарищей, где, как полагали, можно было бы спрятать оружие, и уже к вечеру были готовы перенести его по частям в разные места.

...С нетерпением и тревогой ждали наступления темноты. Стемнело. Теперь пора! На улице тихо, изредка слышны только шаги патрулей... Иду. У фонаря замечаю пролетку. Еду на Базарную улицу. Пролетка остановилась у дома, где жили Вальдманы, и два наших товарища тотчас же начали нагружать ее. С трудом дотащили они тяжелый мешок с патронами, ящики с взрывчаткой, динамитом, револьверы и, уложив все это у моих ног, дали мне в руку сумку, в которой находились гранаты «лимонки».

Остановились за два-три дома от явочной квартиры на Тираспольской улице. Меня уже ждали. Быстро разгрузили пролетку и благополучно перенесли все на явку.

Это была столовая, состоявшая из двух небольших комнат, уставленных столами для обедающих. За ними, в глубине, находилась кухня и маленькая каморка, в которой жила семья хозяйки столовой (фамилии ее не помню). Семья хозяйки — муж и трое маленьких детей. Спали все на одной огромной кровати, рядом с которой стоял платяной шкаф. В него-то и сложили мы смертоносный груз.

Лишь дней через десять — двенадцать удалось перевезти оружие в другое место. Пока оно хранилось у хозяйки столовой, явка здесь была закрыта. Никто из подпольщиков не приходил туда с паролем: «Можно ли у вас заказать курицу под белым соусом?»

И все же контрразведка что-то учуяла. Оружие мы вывезли, а на следующий день на явку пришли с обыском.

...Помню по-южному жаркий сентябрьский день, когда мы переносили оружие и патроны на одну из наших явочных

квартир. В тот раз я была с работником военного отдела Иосифом Махом. Высокого роста, сильный, тренированный, Иосиф без труда нес две тяжелые корзины. У меня в руках был тоже солидный пакет с патронами. Солнце палило нещадно, и, на наше счастье, улица была пуста. Вдруг замечаю: бумага, в которую завернуты патроны, расплзается. Вот-вот они рассыплются по тротуару.

— Иосиф, что делать? — шепчу я, судорожно прижимая к себе пачку.

— Клади в подол юбки и скорее вперед,— командует он.

Выполняя приказ, мы бежим. На углу беседка-грибок: вокруг — скамейки. Благополучно добежали. Никого нет... Мах раздобыл где-то большой бумажный куль, веревку, и мы были спасены!

С подпольщиками из военного отдела нас все время связывала общая работа. С ними обдумывали мы способы облегчения участи арестованных товарищей, они энергично участвовали в нашей работе, а мы помогали им. И особенно тесные отношения у нас были с Иосифом Махом. Рабочий, член партии с 1913 года, матрос Балтийского флота, участник киевского подполья в дореволюционное время, а затем в гражданскую войну, он в 1919 году был направлен Зафронтбюро ЦК КП(б)У в Одессу для военной работы. В его лице подполье получило хорошее подкрепление. Это был мужественный человек, опытный подпольщик, знаток подрывного дела. По пути в Одессу, пробираясь через занятые деникинцами районы, он дважды попадался в руки врагов, но оба раза ему удавалось бежать. В Одессе Мах руководил военным отделом в Пересыпско-Слободском районе и работал в военном отделе подпольного губкома. Он много сделал для освобождения арестованных большевиков. Когда стало известно, что Розе Лучанской грозит расстрел, Иосиф занялся организацией ее освобождения. На его счету было много боевых дел: он создавал боевые группы и лично участвовал в диверсионной работе.

Вернемся, однако, к деятельности подпольного Красного Креста.

Через несколько дней после занятия Одессы деникинцами Красный Крест приступил к работе. В губернском комитете Красного Креста были Клавдия, Люся, Соня Кравцова, Н. Александрович, Д. Рашковецкий и железнодорожник Гры- Дин. В дальнейшем состав комитета часто менялся, и вспомнить всех товарищей трудно.

Политический Красный Крест был нелегальной организацией, в своей работе теснейшим образом связанной с общей деятельностью партийного подполья, являясь его существенной частью. Руководители Красного Креста, как правило, были членами районных партийных комитетов и отчитывались перед своими партийными организациями.

Основной в работе Красного Креста была помощь жертвам белого террора. Дело беспокойное, трудное. Мы устанавливали связи с заключенными в тюрьме и контрразведке, передавали им продукты и одежду, устраивали свидания, изыскивали способы освобождения путем выкупов или затыжки расследования дела, отправляли из города «провалившихся» и преследуемых, снабжали медикаментами партизан в селах... Таков далеко не полный перечень дел, которыми занимался наш Красный Крест.

К моменту организации подполья Красный Крест располагал довольно значительными денежными средствами. Мы получили их до ухода Красной Армии из города прямо из банка. Новенькие, неразрезанные листы керенок, царские «ни-колаевки», украинские «лопатки» или «метелики» доставляли много хлопот, вызывая подозрения у деникинцев, принимавших передачи в тюрьме.

В городе осталось много партийцев, не успевших выехать при наступлении деникинцев. Нужно было помогать им. Без средств к существованию остались семьи ушедших на фронт и арестованных товарищей. Мы связались с районами, выявили остро нуждающихся и помогали товарищам. С этого началась работа Красного Креста.

Постоянной заботой было снабжение преследуемых контрразведкой товарищей новыми паспортами и другими документами. Для изготовления их при губкоме было создано паспортное бюро, работой которого ведали Я. Волошенко и Г. Ларский, оба опытные конспираторы, участники подполья в дни англофранцузской оккупации. Паспортное бюро не имело ни одного провала и хорошо обеспечивало подпольщиков нужными документами. Помещалось оно на углу Коблевской и Ольгиевской улиц в молочной, где имелось специально оборудованное для этих целей помещение.

По делам паспортного бюро мне приходилось часто встречаться с Григорием Ларским. Это был бесстрашный подпольщик, член партии с 1917 года, один из организаторов одесского комсомола, бессменный член его комитета в трудные месяцы немецкой оккупации и англо-французской интервенции, один из организаторов первого всеукраинского съезда комсомола,

участник многих всеукраинских и всероссийских съездов Коммунистического союза молодежи, впоследствии — работник исполкома КИМ.

Очень важное дело выполняли товарищи, работавшие по заданию партии в контрразведке и в других карательных деникинских органах. С огромным риском для жизни они мужественно выполняли свой партийный долг.

Помню, в полицейском участке на Молдаванке работал наш подпольщик Карасев. Он доставлял нам сведения об арестованных и этим во многом содействовал их спасению.

Большую помощь оказывала подполью Ксения Гаврилова, школьный товарищ и друг А. М. Панкратовой¹. По поручению Анны Михайловны, используя связи своего отца, в прошлом царского генерала, Ксения поступила на работу в канцелярию контрразведки. Она имела доступ к спискам арестованных, знала, где их содержат в заключении, фамилии следователей и их адреса, узнавала, с кем из следователей можно вести переговоры о выкупе, и это было особенно важно.

Ксения с матерью жили скромно и уединенно. На ее адрес велась переписка губкома с Зафронтбюро ЦК КП(б)У.

Работа Красного Креста сосредоточивалась в подпольных райкомах партии. В каждом районе был создан актив, в большинстве женщины. Среди них — жены, сестры, матери арестованных, девушки из рабочих коллективов, профессиональных союзов, учебных заведений, много беспартийных и, конечно, комсомолки. Коммунистки-подпольщицы являлись организаторами всей работы. В каждом районе были свои явки, квартиры.

Передачи продуктовых и вещевых посылок в тюрьму и полицейские участки мы считали существенной частью своей работы.

В дни передач родственники заключенных и девушки из Красного Креста отправлялись к тюрьме и становились в длинную очередь. Назвавшись сестрами или невестами, они передавали посылки. Был в этом деле немалый риск. Редко кто из них знал товарища, которому предназначалась передача. В посылки вкладывались записки с воли. Их зашивали в швы рубах, под заплаты, в пояса, засовывали в носики чайников, в двойное дно кастрюль и даже в кувшины с кислым молоком, предварительно обернув клеенкой. Записки были не только желанным приветом с воли. В них сообщались необходимые све-¹

¹ А. М. Панкратова — впоследствии видный советский историк, лауреат Государственной премии, академик. Умерла в 1957 году. — *Сост.*

дебия о ходе судебных дел, и это помогало заключенным лучше ориентироваться на допросах и нередко обеспечивало успешное завершение дела.

Мы получали ответные записки от арестованных товарищей, что облегчало помощь им. Так удалось спасти подпольщиков И. Бахарова, С. Лекишвили, Чопа. Они сообщили на волю фамилии своих следователей, и Красному Кресту удалось договориться о выкупе. Таким же путем, за крупную взятку, был освобожден сидевший в Бульварном полицейском участке товарищ Рекис — бывший секретарь Одесского губисполкома, впоследствии народный комиссар финансов Украины.

Опорными пунктами Красного Креста на Молдаванке были три явки. Мне приходилось бывать на явке в Еврейской больнице (ныне 3-я Советская больница). Здесь работали наши товарищи Анна Чечельницкая — кастеляншей, Паша Давиденко — санитаркой. В больничных палатах третьего этажа они укрывали подпольщиков, больных тифом. Товарищи, остававшиеся без квартир, скрывавшиеся от полиции, также находили в больнице приют и питание. Там же иногда собирались и мы, чтобы договориться об очередных делах.

Хорошо помню самоотверженную подпольщицу Анну Борисовну Чечельницкую, или Аннушку, как все ее называли. Это была работница Одесской джутовой фабрики, участница революционных событий 1905 года; была сослана в Сибирь, бежала из ссылки. В 1917 году она в Одессе, активно участвовала в установлении власти Советов в городе. Бесстрашный человек и задушевный товарищ, преданный делу партии коммунист, опытный конспиратор, Аннушка была образцом для молодых подпольщиков.

Помню так же явку на квартире Берты Исааковны Шнейдерман, члена партии с 1905 года, в доме № 14 по Треугольному переулку. В этой семье все были большевиками: сама Берта Исааковна, ее муж, трое сыновей¹ и дочь. Ее квартира была, по существу, общегородской явкой Красного Креста, местом наших постоянных встреч. Здесь бывала Елена Соколовская; отсюда Анна Михайловна Панкратова руководила не-удавшейся попыткой устроить побег партийно-комсомольской группы, арестованной контрразведкой и проходившей по из-¹

¹ Два сына Б. Й. Шнейдерман были предательски убиты в Пятигорске во время мятежа Сорокина. Именем старшего сына (В. Крайнего) названа одна из центральных улиц Пятигорска и установлен памятник на месте его гибели.

вестному «процессу 17-ти». На этой же явке готовились передачи для заключенных. Носили их Клавдия, Люся, Э. Лубоцкая, Фрося Мартынова, С. Кравцова. Последняя была секретарем комитета Красного Креста. У своей бабушки, которая жила в подвальной комнате, она хранила наши списки, документы.

Однажды на эту явку нагрянули с обыском деникинцы. Как раз в это время готовили передачу для Розы Лучанской. Берта Исааковна вынула из печи пирог, в котором была запечена записка. Увидев пирог, деникинцы захотели его отведать. Положение становилось критическим. Как быть? Хозяйка нашла выход. Она быстро срезала все края пирога (в одном из них и была записка), а середину любезно предложила гостям. Однако пирог не спас положения. Вся семья Шнейдерманов была арестована, а вместе с ними и случайно заночевавшие у них подпольщики.

После допроса в контрразведке всех бросили в подвал херсонского полицейского участка. Было это уже в начале февраля 1920 года. Всю ночь в коридоре раздавались крики пьяных белогвардейцев, требовавших выдать им на расправу арестованных большевиков. Вооружившись взятым у уголовников ножом, подпольщики решили подороже отдать свою жизнь.

На рассвете, когда наступило затишье, узники увидели через решетку окна спешившихся всадников. Это были прорвавшиеся в город кавалеристы из бригады Котовского. Вдруг во двор вбежала Фрося Мартынова, работник Красного Креста, и, что-то объясняя командиру котовцев, повела его в помещение участка. Арестованные были спасены.

Фрося Мартынова еще до прихода деникинцев приехала с мужем в Одессу с Кубани. Муж был партийным работником, а Фрося ведала хозяйством губкома, который занимал тогда помещение Английского клуба. Во время деникинщины она активно участвовала в работе Красного Креста на Пересыпи и Молдаванке. Молодая, полная сил, смелая, она не раз выполняла ответственные поручения.

В Городском районе активистами Красного Креста были Д. Рашковецкий (деревообделочник), неутомимая Маня Гепштейн, одна из руководителей профсоюза «Игла», и совсем юная Ольга Петровская, возглавлявшая работу партколлектива при профсоюзе домовой прислуги. Прачечная родителей Петровской была одним из пунктов, где готовились посылки для заключенных. Выносили их в пакетах, под видом выстиранного белья.

Хочется особенно отметить Рахиль Гладштейн. Эта тихая, молчаливая работница-швея, член союза «Игла», хранила у

себя основной денежный фонд губкома партии и была кассиром Красного Креста. До конца подполья она с честью выполняла это опасное поручение. Рахиль принимала участие в революционном движении с 1910 года, в 1914 году вынуждена была эмигрировать в Англию. Вернувшись после Февральской революции в Одессу, вступила в партию большевиков, была активным участником подполья во время интервенции.

Удобным местом встреч и хранения нелегальных документов была квартира Б. С. Авербах, друга и жены Яна Гамарника. Она жила в семье сестры, мужем которой был известный поэт Бялик. Его положение в Одессе отводило подозрения контрразведки и давало возможность пользоваться квартирой для нужд подполья.

Уполномоченными Красного Креста в Морском районе были С. Добровольская и М. Ачканова, обе члены партии, энергичные, упорные в борьбе.

Большую работу проводил член Пересыпского райкома и общегородского комитета Красного Креста Николай Александрович, «Коля Маленький», как его мы называли, рабочий завода РОПИТ, член партии с 1917 года, красногвардеец, участник подполья в дни интервенции. В ноябре 1919 года Александрович был арестован и до конца декабря находился в тюрьме. Его взяли на поруки рабочие РОПИТа.

В Молдавском районе Красным Крестом руководила член районной партийной «тройки» София Котляр (Тонина), член партии с 1917 года, опытная подпольщица, энергичный и неутомимый работник.

Из числа активисток Красного Креста хочется назвать также женщин-коммунисток Е. Папахину (Катя), М. Саперштейн, Колоусову-Федорову (Мара), Ф. Южную, работавшую по связи. Обо всех них можно сказать одно: это были люди, не боявшиеся смотреть в лицо опасности, преданные революции, отдававшие все силы для спасения товарищей.

4 ноября 1919 года была арестована секретарь «пятерки» Роза Лучанская. Еще раньше деникинцы захватили работника военного отдела Ф. Залесскую и Х. Топоровскую. В камерах смертников уже томились подпольщики Макар (Липман), Игнат, один из руководителей комсомола. Были арестованы также работники военного отдела Иван Перепечко, Александр Ожешко.

Многим из них грозила смертная казнь. И, как всегда, когда случались провалы, на помощь Красному Кресту приходили

члены губкома, районные комитеты, работники военного отдела. Исключительно большую заботу проявляла об участии товарищей Анна Михайловна Панкратова, тогда секретарь Пересыпского райкома, а после ареста Лучанской, секретарь Одесского губернского комитета партии. Она стала душой одесского подполья, его центральной фигурой. Человек необычайно сердечный, отзывчивый и задушевный, она была инициатором многих мероприятий Красного Креста и сама непосредственно принимала в них энергичное участие. В газете «Одесский коммунист» не раз появлялись ее страстные, бичующие статьи с призывом встать на защиту жертв белогвардейского террора.

Когда партийно-комсомольская группа была приговорена к смерти по «процессу 17-ти», Анна Михайловна взялась за организацию боевой дружины, которая должна была отбить арестованных. Она передавала в тюрьму сердечные, полные дружеского участия и теплоты письма. С чувством глубокого уважения вспоминают Анну Михайловну те, кому довелось встречаться с ней в подполье. Полная энтузиазма и революционного горения, она сама хорошо передавала много лет спустя свое отношение к революции, к подпольной работе. «...Была во мне непоколебимая вера в победу нашего великого дела, была юношеская готовность отдать всю себя делу партии и советской власти... был тот творческий энтузиазм, перед которым нет преград...»¹ — писала она товарищам по подпольной работе.

Взятки, которые давались представителям денкинского «правосудия», оказались действенным средством, позволявшим затянуть разбор дела. Большую энергию и предприимчивость проявляла в этом Софья Северная. Смелая, предприимчивая и энергичная женщина, жена большевика-чекиста, она устанавливала необходимые связи с офицерами контрразведки и следователями и не раз добивалась затяжки дел.

Но бывали у нас и горькие неудачи. За сохранение жизни Б. Вальдмана и С. Дерша были внесены немалые деньги, но оба они были замучены денкинцами. Не удалось спасти видных работников подполья Лазарева и Хворостина, погибли девять человек, осужденные по «процессу 17-ти».

Освобождением Лучанской занималась Виктория Уласевич, член подпольного губкома КП(б)У. Прошло много лет, а образ Виктории отчетливо Естает в памяти. Высокая, статная, с гордо посаженной головой, большим лбом, серыми умными глазами, сильным грудным голосом. Вся она — быстрая, устремленная

¹ «Черноморская коммуна» (город Одесса), 29 мая 1957 г.

вперед, всегда занятая делом. Виктория Осиповна родилась в Смоленске, вступила в революционное движение еще в гимназические годы. За активное участие в подпольной работе была брошена в 1918 году в харьковскую тюрьму; после гражданской войны находилась на партийной работе в Харькове; затем, окончив Институт красной профессуры,— на научной работе в Академии наук СССР и Наркомземе.

Не раз приходилось и мне бывать с Люсей у одного деникинского следователя, полковника. Его квартира была на Преображенской улице в доме, где жило много контрразведчиков. Когда в первый раз шли к нему, волновались, вернемся ли обратно? Позвонили. Дверь открылась сразу. Нас, очевидно, ждали. Перед нами стоял молодой офицер. Он молча проводил нас в комнату, плотно закрыл дверь и сразу приступил к делу. Выслушав рассказ об аресте «моего двоюродного брата», как назвала я Ивана Перепечко \ сидевшего под именем Сербичен-ко, и просьбу облегчить его участь, офицер сказал: «Освободить не могу, помочь постараюсь. Нужны деньги. Пока тысяча рублей. Потом посмотрим». Мы уплатили деньги и ушли, радуясь удачному началу. За Перепечко платили, и он оставался в тюрьме до освобождения Одессы.

Приближалась вторая годовщина Октябрьской революции. И как ни тяжело было положение в обстановке постоянной слежки, недавних провалов и арестов, решили отметить в тесном кругу близких друзей пролетарский праздник. К этому времени я, Люся и Клавдия после провала наших квартир жили втроем в большой комнате в доме № 12 по Стурдовско- му переулку. Наша хозяйка, одинокая старуха, немка, едва понимала русский язык и к тому же была совершенно глухая. Наверху жила семья Доры Камергородской, активного работника подполья. Решили собраться у нас. Хозяйке объявили, что 7 ноября день моего рождения, и она охотно стала нам помогать готовиться. Соблюдая все правила предосторожности, вечером к нам пришли Павел Логинов, Александр Гордон, Елена Соколовская — все близкие друзья. Вечер провели в задушевной беседе. Вспоминали товарищей, родных, которые встречали праздник на дорогах войны, тихо, чуть слышно напевали ¹

¹ Иван Николаевич Перепечко — член партии с 1914 года, рабочий- печатник, активный участник киевского подполья в 1918 году; в одесском подполье при деникинщине один из руководителей военного отдела. В дальнейшем — на ответственной профсоюзной, военной работе, делегат ряда партийных съездов.

песни революции, мечтали о скорой победе. Потом так же осторожно, поодиночке разошлись, сохранив надолго теплоту дружеской встречи...

В тот раз с нами была Елена Соколовская. Обычно мы не встречались с ней. По решению губкома, она должна была уехать из Одессы. И только особые обстоятельства заставили ее остаться в городе. Товарищи берегли ее. Никто не знал, где она живет. Строго соблюдая все правила конспирации, Елена продолжала работать.

В декабре 1919 года по решению Южного бюро Коминтерна Елена уехала во Францию. По возвращении на родину Соколовская принимала участие в работе конгресса Коминтерна, помогая работе французской делегации. «...В памяти возникает ее обаятельный образ невысокой хрупкой девушки с тонкими чертами лица, смеющимися глазами, с тяжелыми каштановыми косами. Казалось, она не создана для борьбы, но какое героическое, отважное сердце скрывалось за этой внешностью! Всегда спокойная, в любой момент готовая взять на себя самую трудную, самую опасную работу» \— писал о ней член ЦК КП(б)У Я. А. Яковлев, получив ошибочное известие о ее гибели.

Образ легендарной подпольщицы, мужественной и смелой, не знавшей страха в борьбе с врагами революции, навсегда сохранился в моей памяти.

Наше дальнейшее пребывание в Одессе становилось опасным для организации. Слишком многие в городе нас знали. Бывало и такое. Идем мы, как обычно, вдвоем по улице и слышим громкий возглас: «Товарищи, здравствуйте!» И нас догоняли, останавливали, называли по именам и просили связать с подпольем. Это были в большинстве люди, неизвестные нам по работе в легальное время, приходилось уклоняться от привлечения их к работе в подполье. По решению подпольного губкома, нам нужно было уезжать. В двадцатых числах ноября я, по паспорту жена офицера Ольга Вилковисская, и неразлучные мои подруги Клавдия и Люся выехали из Одессы в Киев. Мы везли заученную наизусть информацию губкома о положении дел в подполье и имели адрес, по которому должны были явиться в распоряжение Киевского подпольного центра.¹

¹ Сборник «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.», 1923 г.

Одесские моряки действуют

...Когда войска генерала Деникина подходили к Одессе, меня вызвали в губком партии и предложили срочно отобрать группу коммунистов-моряков для возможного оставления на подпольной работе в городе. Член Совета обороны предгубисполкома И. Е. Клименко вручил мне мандат с разрешением снять с тральщика «Граф Платов» радиостанцию для использования ее в подполье. Радисты тральщика, сами недавние подпольщики во время англо-французской интервенции, демонтировали рацию и помогли перенести ее в Морской райком партии, помещавшийся тогда в доме № 3 по улице Гоголя.

Выполнив все, что было поручено, явился в губком партии и доложил, что для работы в подполье подобраны надежные люди: Иван Калабин, Климент Чеснулевич, Франц Богуш, Мария Ачканова, Прокофий Колбаса и еще несколько человек; что установлены пароли, места явок в Морском районе. Все названные мною кандидаты были одобрены губкомом партии.

В одну из ночей вдвоем с Богушем перенесли рацию из здания Морского райкома партии к нему на квартиру, откуда позднее он должен был доставить ее в другое, более надежное место.

Припрятали мы с Чеснулевичем и оружие, необходимое для подполья, частично у Степаниды Гудковской — жены коммуниста Андрея Гудковского, схваченного и расстрелянного белогвардейцами у села Ильинка, когда он возвращался из Москвы со II Всероссийского съезда профсоюза моряков и речников, а частично у Чеснулевича.

—
Вскоре Одесса была захвачена деникинцами.

Прошло некоторое время, и я направил к Чеснулевичу Калабина и подпольщицу Добровольскую, в прошлом работницу губкома партии. Чеснулевича я просил договориться о месте и времени моей встречи с Богушем. Встреча состоялась. Узнал от Богуша, что белогвардейцы арестовывают всех, кого подозревают в сочувствии Советской власти, но что все оставленные нами для подпольной работы моряки живы, здоровы и находятся на свободе. Он также сообщил, что среди моряков прошел

слух, будто бы я, бывший председатель райкомвода (районного комитета профсоюза моряков), убит и что кто-то даже видел мой сильно обезображенный труп в морге.

Обсудили, как разворачивать в создавшихся условиях подпольную работу. Решили, что на первое время всем оставленным в подполье надо находиться в гуще моряков, на судах, в судоремонтных мастерских, прислушиваться к разговорам и выяснять настроения людей. Слухи о моей смерти поддерживать. Установили, что в качестве явок будем использовать квартиры на Коллонтаевской, 35, на Прохоровской улице, 52, на Косвенной, Пишхоновской и других улицах. Богуш должен был подыскать помещение для подпольной рации, на него же возлагалось и ведение радиосвязи.

Вскоре я побывал на явочных квартирах губкома партии. Повидался с Розой Лучанской, Павлом Логиновым, Верой Лапиной, проинформировал их, что делается в Морском районе, и попросил Лучанскую подобрать в наш райком секретаря. Вскоре к нам был направлен бывший судовой механик Михаил Горев. Теперь наш Морской райком партии состоял уже из пяти человек: меня — председателя, М. Горева — секретаря, И. Ка- лабина, К. Чеснулевича и Ф. Богуша.

С приходом денкинцев вернулись в Одессу суда, уведенные белыми во время их бегства в апреле. Вернулись также судовладельцы, а с ними и их прихвостень правый эсер Суходоль, бывший председатель правления профсоюза моряков в период оккупации города австро-немецкими, а затем антантовскими войсками. Суходоль принялся за «реорганизацию» профсоюза, чтобы, как неоднократно он повторял, «и духа большевистского среди моряков не было». Члены правления и технические работники, работавшие при Советской власти, были отстранены. Вместо их Суходоль подобрал в аппарат профсоюза послушных ему единомышленников. Поэтому все усилия подпольщиков мы сосредоточили на работе в порту и на судах. Всемерно усилили агитационно-пропагандистскую работу среди судовых команд. Мы распространяли листовки и подпольную газету «Одесский коммунист», вовлекали в борьбу новых товарищей.

Неожиданно полиция арестовала Франца Богуша. Его арест сильно встревожил нас. Пришлось сменить явки и пароли, а некоторым подпольщикам и местожительство, хотя все мы хорошо знали Богуша и не сомневались, что он ничего не скажет на допросах. Через некоторое время выяснилось, что арест Богуша никак не был связан с нашей подпольной работой. Однако его не выпускали из тюрьмы. Мы же лишились нашей

рации, так как не знали, куда ее перепрятал Богуш, и остались без радиосвязи.

Партийная организация Морского района, состоявшая вначале из нескольких оставленных для подполья коммунистов, выросла и теперь насчитывала в своих рядах 30 человек. Под руководством члена райкома И. Калабина организовали разведку. Работу Красного Креста в Морском районе вели София Добровольская, Мария Ачканова и другие. Они выявили наиболее нуждающиеся семьи погибших и арестованных и оказывали им материальную помощь. Такая помощь была оказана семьям погибших от рук белогвардейцев Якова Черняка, Андрея Гудковского, а также семьям арестованных в разное время Ф. Богуша, А. Кривошеева, П. Колбасы, С. Степанова, И. Маркова и другим.

После первой общегородской партийной конференции, которая состоялась в начале ноября 1919 года, мы, по указанию военного отдела подпольного губкома партии, создали группу боевиков-подрывников, чтобы задерживать в Одесском порту суда, использовавшиеся белогвардейцами для военных перевозок. Группу возглавил член нашего райкома партии Климент Чеснулович. В нее вошли Иван Стадницкий, Иван Бахарев, Антон Кривошеев, Николай Клячко-Киячко, Павел Гончаров, Тимофей Копейкин и другие. У нас были револьверы, взрывчатка, гранаты и взрыватели, но не имелось самовзрывающихся снарядов.

Но, как говорится, голь на выдумки хитра. На Левашовском спуске неподалеку от входа в порт была кафе-закусочная. Владельцем ее числился моряк Исай Марков. Это был коммунист, активный подпольщик. За большим буфетом, уставленным бутылками и графинчиками, находилась потайная дверь в маленькую подвальную комнату. Здесь подпольщик Николаи Прокофьев и начал мастерить самовзрывающиеся бомбы, или, как их тогда называли, «адские машины», — взрывные устройства с часовым механизмом.

Попытки взорвать прибывший в порт греческий пароход «Полимитес» с грузом артиллерийских снарядов и другим военным имуществом и стоявший на ремонте в Одесском порту крейсер «Кагул» у нас сорвались. Зато были подорваны пароходы «Маргарита», «Тигр» и греческий пароход «Леополис», доставивший из Англии для белогвардейской армии большую партию военного груза.

Значительно расширили мы пути получения информации и сводок с фронта военных действий. В Морском районе выуживала копии телеграмм и приказов белогвардейского коман

дования работавшая в морском агентстве подпольщица Мария Ачканова. Неоднократно добывал оттиски типографского набора не пропущенных цензурой в городские газеты сообщений с военной информацией секретарь нашего подпольного райкома Михаил Горев. Все такого рода сведения регулярно помещались в подпольной газете «Одесский коммунист», что оказывало большую помощь нашей агитационной работе.

Из получавшихся нелегально московских радиосводок мы знали, что Красная Армия добывает Колчака, перешла в наступление на Южном фронте и громит деникинцев. Замечали мы это и по усилению движения судов, прибывавших в Одессу с белогвардейскими войсками для пополнения фронтовых частей.

Как-то моряки, работавшие в подполье, предложили выпустить листовку — обращение непосредственно к морякам, которые в апреле девятнадцатого года участвовали в уводе белыми судов за границу. Необходимость в такой листовке была большая, поскольку упорно ходили пущенные кем-то слухи, что после изгнания деникинцев из Одессы Советская власть будто бы расстреляет всех моряков, так или иначе помогавших белым. Обращение от имени Морского подпольного райкома партии мы подготовили, и оно было отпечатано за деньги в количестве около 400 экземпляров в маленькой типографии, помещавшейся на углу Кузнечной и Тираспольской улиц. Эту листовку мы распространили среди моряков, а также расклеили в порту и прилегающей части города.

В листовке сообщалось, что Красная Армия наступает на всех фронтах и близится час освобождения Одессы, что деникинцы готовятся к бегству и намерены увести с собой все торговые суда за границу, что слухи о том, будто Советская власть расправится с теми моряками, которые уходили с белыми в апреле, являются лживыми и провокационными. Подпольный райком призывал всех моряков не верить никаким выдумкам провокаторов и сплотить свои силы для сопротивления уводу судов из Одессы.

Наш призыв оказал большое влияние на моряков: заметно пала среди них дисциплина, участились случаи неподчинения судовому начальству и самовольного оставления судов. Усиленно заработала белогвардейская контрразведка, разыскивая «смутьянов» и покинувших корабли моряков.

Морской райком распространил в порту и обращение одесского подпольного военно-революционного повстанческого штаба, призывавшее деникинских солдат и офицеров переходить

на сторону Красной Армии. Оно тоже било в одну точку — разложить деникинскую армию.

Имея на судах своих людей, наш райком партии переправлял в занятые белогвардейцами порты оружие и боеприпасы для подпольщиков и партизан, а также нелегальную литературу. На тех же кораблях к партизанам и подпольщикам отправлялись и наши люди. Осуществлялись такие перевозки с помощью легально действовавшей посреднической конторы «Русь», которая была создана одесским военно-повстанческим штабом для целей подполья.

Так, на парусном судне «Мечта» его команда по документам конторы «Русь» перевезла в Николаев винтовки и боеприпасы для партизан Баштанской республики. Туда же по документам этой конторы капитан парохода «Возрождение» Зотов доставил патроны и взрывчатку. В накладной же указывалось, что «отправляется десять ящиков болтов для крестьянских телег». Всякий раз посылавшиеся нами грузы попадали по назначению.

...С начала 1920 года Одесса все больше наводнялась белогвардейскими воинскими частями, отступавшими под ударами Красной Армии. Так как для захвата города путем вооруженного восстания у подпольной организации сил было явно недостаточно, подпольный военно-революционный комитет поставил задачу всемерно препятствовать эвакуации белых и вывозу ими награбленного народного добра.

Бежать из Одессы деникинцы могли только морем. Поэтому порт и суда торгового флота усиленно ими охранялись. Награбленное добро, военное снаряжение, воинские части, удирающие гражданские лица — все это сосредоточивалось в порту. На рейде и в порту наготове стояли и военные суда белогвардейцев, а также французские и английские миноносцы.

Подпольный военно-революционный комитет выпустил специальное обращение к морякам, призывавшее их всеми способами препятствовать белогвардейцам увести флот и в решительный момент покинуть суда. Наш Морской райком партии усилил разъяснительную работу среди моряков. Подпольщики, особенно Пелагея Петрова, Александра Манойленко, Мария Шулик и Мария Ачканова, умело обходя все посты охраны, пробирались в порт и на суда, раздавали членам команд обращение военно-революционного комитета, вели беседы с моряками.

В это же время на базе нашей подрывной группы был создан военный отряд Морского района, в который вошли прежде всего коммунисты, способные носить оружие.

4 февраля воинские части деникинцев и различная буржуазная публика стали грузиться на суда. Многие моряки всеми способами срывали подготовку судов к выходу в море. Несмотря на то что едва ли не за каждым из них был установлен строгий надзор, наиболее решительные ухитрялись вовремя уходить с кораблей и укрываться на берегу. Объявленная ранее мобилизация торговых моряков не дала деникинцам ожидаемого результата: дезертировавшие моряки не являлись на свои суда.

Деникинское командование попыталось привлечь для судовых работ солдат из воинских частей. Но эта мера ничего не дала. А в Одессу прибывали все новые и новые эшелоны с войсками, военным имуществом, разными награбленными ценностями. Волей-неволей пришлось белогвардейцам выводить из порта брошенные командами суда на буксирах военных кораблей. Впряглись в непривычное буксирование и миноносцы интервентов.

Когда передовые части Красной Армии появились на подступах к Одессе, военно-революционный комитет дал сигнал к выступлению боевых групп. Утром 7 февраля вышли на улицы группы Молдаванского района, за ними — Пересыпско-Слободского. К боевым дружинам присоединились рабочие. Восставшие освободили из тюрьмы и полицейских участков политических заключенных. А днем в Одессу вошли части 41-й дивизии и полностью очистили город от белогвардейцев. К утру 8 февраля войска Красной Армии вместе с боевой дружиной моряков, хорошо знавших все ходы и выходы в порту, захватили последний оплот деникинцев.

Порт был забит всяким добром. Безмолвно стояли брошенные совершенно исправные пушки разного калибра, валялись ящики с артиллерийскими снарядами, винтовки, пулеметы и патроны к ним, сиротливо замерли у причалов выведенные из строя торговые суда. Остался в порту пароход «Дмитрий», груженный хлебом. Капитан судна — офицер военного флота — накануне, как выяснилось, требовал поднять пары и немедленно уходить в море, но ни его требования, ни угрозы не подействовали на команду: она не выполнила приказа. За этот подвиг команда потом была занесена на Красную доску. Застряли в порту также пароход «Александра», имевший на борту 12 тысяч пудов угля и 300 пудов бензина, и ряд других судов.

Чтобы обезопасить порт от вражеских диверсий, мы сразу же по окончании военных действий взяли его под охрану: у всех входов и выходов расставили часовых из нашей боевой группы и красноармейцев.

После более чем пятимесячного хозяйничания белогвардейцев в Одессе в третий раз, но теперь уже навсегда, была установлена Советская власть.

Н. Л. Александрович   **Ропитовцы**

Нас пятеро — А. Панкратова (Нюра, Палич), И. Мах, П. Гарин, Д. Корнеев, автор этих строк,— и все вместе мы образуем Пересыпско-Слободской райком партии.

Пересыпь — один из тех районов Одессы, где сосредоточено большое число промышленных предприятий, значительные массы рабочих. Рабочие и их семьи преобладали среди населения Пересыпи. Впрочем, ясное представление о лице района даст сухой, но все же достаточно выразительный перечень находившихся в районе заводов, фабрик и мастерских. С приходом денкинцев все они перешли в руки прежних хозяев.

Назовем эти предприятия: станкостроительные заводы Беллино-Фендериха, Новороссийский, Баханова, сельскохозяйственного машиностроения Гена, судостроительный Равенского, металлообрабатывающий Спивака-Спивакова, выпускавший посуду и жестяные изделия Левина, электростанция (собственность бельгийского акционерного общества), мастерские порта, железнодорожная станция Пересыпь и мастерские при ней. Отметим также некоторые средние и мелкие предприятия: сахарный, свечной и пробочный заводы, мельницы Вайнштейна, маслобойный «Купероль», скотобойни.

В этом перечне не названо еще одно предприятие — судоремонтный и судостроительный завод, коротко именуемый РОПИТ, как принадлежавший Российскому обществу пароходства и торговли. Крупнейший в районе и по размерам производства и по количеству занятых на нем рабочих, он, естественно, уже с самого начала революции играл весьма значительную роль во всех политических событиях в городе. И хотя денкинщина наложила свой отпечаток на жизнь предприятия, большевистская партийная организация распространяла свое влияние на все его многочисленные цехи, а рабочий коллектив завода хранил верность общему пролетарскому делу.

Подполье живет, и движение этой жизни повседневно ощущаешь в цехах. В каждом цехе оно свое, но в чем бы это движение ни выражалось, направлено оно к одной общей цели. Суровы законы конспирации, но все подпольные большевистские группы и составляющие их люди нисколько не разобщены друг от друга. Механизм подполья действует согласно.

Неплохо поставлена служба осведомления и связи, и осуществляют ее потихоньку, неприметно ничем не выдающиеся в служебном смысле люди. Ворота на контроле — важнейший пункт. Кто из представителей властей явился на завод? Кто ушел? Это точно знают большевики А. Шерепенко, И. Шаталов, В. Станчак и другие, которым поручен заводской администрацией этот пост. Превосходный связной большевик Н. Зигельман, он же электромеханик высокого класса. Российское общество пароходства и торговли не допускает евреев к работе на заводе. Однако для него оно сделало исключение: Зигельман обслуживает все 22 цеха.

Есть свои люди и в плавучем доке, в такелажном и парусных цехах. В доке работает С. Донцов, боцман катера «Баламут». Изо дня в день развозит он рабочих по судам, стоящим в порту. На все суда проникает боцман, будь оно пассажирское, грузовое или военное. У него тесные связи с рабочими и экипажами судов, которых он снабжает большевистскими листовками и номерами газеты «Одесский коммунист». Обыски, как бы тщательны они ни были, не дают результатов. Наши подпольщики идут на всякие ухищрения, чтобы обмануть начальство и пронести нелегальную литературу.

Плавучий док, в котором заняты И. Донцов (младший), Я. Мородов, Ф. Ноговицкий, стал прибежищем для тех подпольщиков, кому опасно оставаться на своих обычных местах. И вот теперь они среди безработных, которые стоят у ворот и ждут работу, называемую в просторечье «бритьем бороды». Суть ее — в очистке подводной части судов от ракушек мидий. Среди этих безработных, помнится, были однажды Тарас Костров и Иосиф Мах, один из видных работников военного отдела подпольного губкома партии.

Наносить удары по врагу, дезорганизовать тыл деникинской армии — таков был призыв к действиям, выраженный в словах директивы Зафронтбюро ЦК КП(б)У: «Необходимо проявить максимум энергии и организованности в деле разложения деникинской армии и разрушения политических, экономических и технических возможностей белогвардейского государственного строительства». Этой директивой и руководствовались в своей борьбе большевики РОПИТа.

Наш завод — серьезный участок деникинского тыла. Здесь ремонтируются броневики, тяжелые орудия, военное снаряжение. Белогвардейское командование каждый раз негодует: сроки ремонта срываются, да и качество не на должной высоте. Упреки справедливые. Ибо все доступные средства и способы применяют рабочие, чтобы замедлить ремонт. Когда он все же приближается к концу и тянуть время дальше невозможно, то выводятся из строя ответственные узлы или детали механизмов. К ремонту приступают вновь. Что касается качества, то может ли оно быть высоким, заявляют рабочие, ежели подлинны мастера своего дела томятся в контрразведке или в тюрьме? Освободите их, и тогда все пойдет на лад.

Важная задача подпольщиков РОПИТа — задержать суда, воспрепятствовать уходу их из Одессы. А их немало, судов, поставленных на ремонт во «дворике» завода и в порту. С. Дзигунов, В. Чумаченко и другие большевики, которым поручили обеспечить задержку судов, вскрывают кингстоны — особые люки в подводной части корабля. Придумали и такое: расклепали листы обшивки на одном борту и переложили балласт на ту же сторону. Пригласила администрация других рабочих выравнивать судно, да поздно! Сели на мель «Вече», «Император Николай II», «Евфрат», «Тигр», «Освобождение», «Ксения», «Суворов», «Балаклава»...

Как и завод РОПИТ, артиллерийские мастерские, расположенные в конце Дальницкой, — еще один важнейший участок деникинского тыла. Немало удивительного происходит в этих мастерских, где ремонтируют бронепоезда, орудия, пулеметы, винтовки. Систематически выводят здесь из строя готовое к сдаче на склад и отправлению на фронт вооружение. Сбивают рамки прицела и подрубают резьбу в «хвостовиках» стволов орудий. Делается это с таким искусством, что обнаружить дефекты не в состоянии ни одна техническая комиссия. Можно не сомневаться: пушка, кажущаяся вполне готовой к действию, после первого же выстрела выйдет из строя.

«Генерал Мамонтов». Это бронепоезд, поступивший в мастерские для срочного ремонта. Заказ выполнен. Но сущие пустяки свели все на нет. Подпольщики Мороз и Гречков насыпали наждак в подшипники и отпустили гайки в рессорах. Ушел бронепоезд в пробный рейс на станцию Пересыпь-Сортировочная, и произошла «неприятность»: рессоры после первых же выстрелов из орудий перестали служить, «сели», расплавились и подшипники.

Девять орудий уже вышли из ремонта, приняты комиссией, и предстоит им долгий путь на фронт. Но оказался их путь

до смешного коротким. Большевики Инде и Ильчук подпилили оси колес, и доехали орудия всего лишь до Балковской улицы...

Приезд Деникина в Одессу, его выступления с речами на заводе РОПИТ и в железнодорожных мастерских не были просто прихотью генерала. Они диктовались намерением установить «добрые» отношения с рабочими, завоевать их сочувственное отношение. А это, по расчетам главнокомандующего вооруженными силами юга России, должно было упрочить как внутреннее, так и международное положение деникинского режима. И вот, руководствуясь такими целями, Деникин избрал местом своей непосредственной встречи с рабочими в Одессе завод РОПИТ и железнодорожные мастерские. Что ж, выбор не был случайным. И завод, и мастерские являлись предприятиями, работающими на транспорт, а стало быть, игравшими важнейшую роль в материальном обеспечении боевых действий.

Используя старые методы разжигания национальной розни, белогвардейцы сразу же после захвата Одессы стали собирать распыленные кадры черной сотни. Теперь эти кадры усилиями контрразведчиков к приезду главнокомандующего были кое-как вновь сколочены. Им и надлежало изобразить собой рабочий класс. «Я рад, что русские рабочие сберегли русскую душу в дни всеобщей смуты,— заявил Деникин делегации черносотенцев, явившейся приветствовать его.— Рад видеть вас под нашим славным национальным трехцветным знаменем». На заводе РОПИТ генерала хлебом-солью встретил рабочий малярного цеха старик Степин. Поняв позже истинную суть и цели провокационной тактики, примененной Деникиным и теми, кто был с ним, Степин горько сожалел о своем поступке и, когда это потребовалось, выразил желание быть в числе трех делегатов, посланных заводским комитетом требовать от деникинских властей освобождения политических заключенных.

На банкете, который был устроен в честь Деникина заводской администрацией, главную роль играл белобандит Петров (он был незадолго до этого представителем от «рабочих» в комиссии, созданной деникинцами для фабрикации фальшивок о деятельности ЧК). «Выражаю благодарность генералу Деникину,— сказал Петров,— пусть же пошлет ему господь нерукотворную силу, которая укрепила бы его и сделала великим творцом единой и неделимой России...»

Подлинный смысл того, что происходило в те дни на заводе РОПИТ, хорошо выразил рабочий поэт в стихотворении, опубликованном в подпольном «Одесском коммунисте»:

...Сразу вспомнили времена «потерянного рая»,
Как встречали Романова Николая.
С хлебом, с солью, с поклонами,
Со святыми божьими иконами.
Принимали «его превосходительство».
Словно императорское величество.
Нашим «лидерам» Петрову и Сухо долю Счастье
выпало большое на долю.
«Именитого гостя» они ублажали,
Генеральские ручки чуть-чуть не целовали...
Под конец Деникин нас благодарил,
Разные разности, подачки сулил,
Говоря: «Как большевиков победим,
Всех тогда мы щедро наградим.
Вас, рабочих, не забудем тоже —
Вы для нас всего дороже.
Будете тогда трудиться не в кандалах,
Сможете мечтать о своих «правах»...

И еще один визит нарушил заполненную, как могло показаться стороннему наблюдателю, одними лишь производственными заботами жизнь на заводе. Нанесли этот визит лица не столь сиятельные, как Деникин со свитой, но и они пытались воздействовать на классовое сознание ропитовцев в том же направлении, что и белогвардейский воитель.

В середине декабря, после того как Красной Армией был освобожден от белогвардейцев Киев, на завод явились два субъекта, отрекомендовавшиеся представителями «киевского рабочего легиона». Поговорив с членами заводского комитета, они предложили устроить общее собрание рабочих. Надо, видите ли, толковали они, посвятить рабочих в сущность текущих событий, а также получше познакомиться с настроениями ропитовцев.

Администрация завода дала согласие и обещала содействие. Что касается заводского комитета, то он отказался от участия в организации такого собрания. Однако заводской комитет получил подписанное инженером Кирстой, командиром пресловутого рабочего легиона, письмо с выражением желательности собрания с указанием даты его — 31 декабря.

В двенадцать часов последнего дня 1919 года рабочие завода сошлись на обычном месте, где они проводили свои собрания. Председатель завкома довел до сведения присутствующих, что собрание создано не заводским комитетом, а делегацией «киевского рабочего легиона». Поэтому заводской комитет-де

обращается к тем, кто явился, с вопросом: считают ли они желательным открыть собрание?

Шум.

«Кто за собрание?» — снова задает вопрос председательствующий. Замелькали десятки рук. «Кто против?» Лес их. Кирста потемнел в лице, но все же просит «уважаемое собрание» предоставить ему возможность высказаться.

Народ волнуется. Слышатся голоса: «Не надо речей! Долой его! Пусть освободят рабочих из тюрьмы! С этой же трибуны генерал Деникин говорил нам: «Вы, рабочие, должны есть, работать и учить детей, а политика — не ваше дело»...»

Выступает Кирста. Южнорусский рабочий класс, заявляет он, освобожден Добровольческой армией от большевиков. Киевский рабочий легион стремится найти общий язык не только с властью, но и со всей поддерживающей ее общественностью, в первую очередь с работодателями. И вас призывает к тому же. Пора покончить с взаимным непониманием, все еще существующим между рабочими и предпринимателями.

Кирста продолжает:

— Наступило время создавать, по образцу английского рабочего движения, свободные от партийного влияния профсоюзы — тред-юнионы...

Кирсту, ратующего за создание новой, далекой от интересов рабочих разновидности профсоюзов, сменяют на трибуне представители группы «Единство», агитационного отдела Добровольческой армии. Речи их то и дело прерываются враждебными репликами.

На трибуне рабочих:

— Кого коснулся зверский террор? Кто они, четверо повешенных на Ярмарочной площади? А 12 казненных в Херсоне? А 61 убитый в Николаеве? Кто они?

— Рабочие! Труженики! — несутся возгласы в ответ.

— Ну, и нечего нам собираться здесь! — заключает рабочий и требует: — Пусть освободят наших товарищей из тюрьмы!

На этом митинг закончился.

Оружия, оружия, оружия! Мы стремимся пополнить им наши склады. Они существуют и на заводе РОПИТ, и на станкостроительном Беллино-Фендериха, и на других предприятиях. Чердак модельного цеха на РОПИТе превратился в своеобразный арсенал. Среди моделей, заброшенных под крышу, хранятся оружие, патроны, гранаты, взрывчатые вещества и даже пулеметы. На заводе создаются рабочие боевые дружины.

Потребность в оружии и снаряжении растет день ото дня. Оно требуется до крайности, и мы добываем его всякими способами. Но допускаем однажды неосторожность и терпим серьезную неудачу.

Выдав себя за бывшего сотрудника ЧК, который-де в свое время не успел выбраться из Одессы и ныне скрывается от белых, агент деникинской контрразведки, действовавший под фамилией Глебов, втерся в доверие неопытного в конспиративных делах М. Димашева. Глебов сказал, что знаком с одним военным, который намерен продать восемь револьверов. Димашев связал контрразведчика с Д. Корнеевым, а через него с И. Махом, заведовавшим военным отделом нашего Пересыпско-Слободского райкома партии. Встреча с Махом произошла в сквере на Старосенной площади, одном из наших явочных пунктов. В ту же ночь на квартиру Маха нагрянули деникинские офицеры.

Случилось так, что у Маха заночевали Перепечко (Сербиченко) и Ожешко (Василенко), работники военного отдела подпольного губкома партии.

— Где ваша одежда? — спросили Перепечко.

— Вот она, — указал он на одежду Белова, сына квартирной хозяйки Маха.

Тщательно ошупали одежду, снятую с вешалки, разрезали затем матрацы, подушки и, ничего не найдя, направились в соседнюю комнату. В какое-то мгновение Перепечко успел вложить в уже осмотренный матрац печать и документы, которые были при нем.

Обнаружили несколько винтовок, взрывчатку, бикфордов шнур, бомбы. Все это принадлежит ему, Маху, признался он. Люди же, которые оказались на квартире, его случайные знакомые. Встретились на Толкучем рынке, зашли к нему и, так как было поздно, заночевали.

Всех троих увезли. В пути все спрашивали: кто из них знает Николая Александровича? Мах ответил, что немного знаком, но где тот живет, ему неизвестно. Агенты привезли Маха на Московскую, 49. Здесь я действительно проживал.

Меня контрразведчики застали дома.

— Мы давно ищем тебя, — обратился ко мне офицер, метнув взгляд, полный ненависти.

— Живу я в этом доме много лет, и, право же, зря вы меня долго искали.

Мне было приказано встать между двумя офицерами вполоборота к окну; третий приблизил к моему лицу лампу. В это время кто-то (это был Мах) меня рассматривал со двора.

— Ты работаешь в большевистском подполье,— сказал офицер.

Я возразил:

— Никакого представления о подпольной работе не имею.

Тогда они придрались к тому, как я пользуюсь выражением «подпольная работа».

Мах, глядя в окно с улицы, разумеется, не «узнавал» меня. Александрович, утверждал он, роста высокого, к тому же лысый...

Неожиданно под самым окном раздался выстрел. Офицеры вздрогнули. Один из них вышел, чтобы выяснить, в чем дело, и, вернувшись, раздраженно повторял: «За это я расстреляю его».

Уже потом, когда нас привезли в контрразведку, узнали, что Мах бежал. События, как о них рассказал мне после выхода из подполья Мах, развивались так:

— Терять было нечего. Застрелят во время побега или позже, в контрразведке,— не все ли равно? Когда везли, чтобы опознать тебя, агенты, переговариваясь, бросили как бы вскользь: «Песенка Маха спета, будут пытаться, а потом расстреляют». И вот стою я во дворе, под окном, и вижу, что агент, который при мне, явно замерз. Ходит он, чтобы согреться, взад и вперед. У ворот стоит охрана, поэтому он уверен, что я никуда не убегу, и наган свой держит в кобуре. Я рассчитал: пока агент повернется лицом ко мне, вытащит из кобуры оружие и прицелится, я успею взобраться по стенке сарая...

Сильный прыжок — и я на крыше. Перескочил на крышу другого сарая, провалился, сильно ушибся. Поднялся, спрыгнул в соседний двор. Мелькнула мысль: «А если ворота на улицу на замке? Что тогда?» Но ворота не заперты. Отлично. Снял я пальто, чтобы легче было бежать, оставив его «на память» господам офицерам, подался через Лиманчик на Слободку-Романовку на конспиративную явку к Марии Веле. Отсюда немедленно сообщили об арестах по другим явкам...

О том, что произошло, я позднее узнал от Э. Бакинской, жены Маха. Ее неопубликованные воспоминания, с которыми она ознакомила меня, содержат описание драматических эпизодов в жизни Маха, их было немало, и один из них как раз тот, когда, бежав, Мах оказался на квартире Марии Веле.

«После долгих поисков,— пишет Э. Бакинская,— я пришла к Маху на Слободку-Романовку (адрес мне дал Коля Чудновский). Я застала Маха в ужасном состоянии. Он был завшивлен, оборван. Я уговорила его пойти на квартиру к моим знакомым, где он сможет помыться. Мах долго колебался, но под вечер согласился.

Мы вышли. Нужно было пробраться на Молдаванку, на Алексеевскую площадь. Добирались мы и трамваем, и пешком. Шли по Алексеевской площади и были уже в ста шагах от дома, когда Мах увидел, что навстречу ему идет офицер из контрразведки, тот самый, который его арестовал. Встреча была крайне неожиданной для обоих. Но Мах, с присущей ему способностью быстро преобразаться в минуту опасности: становится бесстрастным и бесстрашным, мгновенно ориентироваться в обстановке и принимать решение, был таким же и на этот раз. Он опустил руку в карман, будто бы намереваясь достать револьвер. Офицер, видимо растерявшись, быстро прошел мимо. На углу — я это видела — он остановился. Не знаю, заметил ли офицер, куда проскочил Мах. Задыхаясь, Мах спросил меня: есть ли черный ход? Нечего было и думать о купании и переодевании. Мы спрятались в чужом дровяном сарае, там просидели до рассвета, и с первым же трамваем, когда рабочие отправлялись на работу, Мах, растворившись в массе людей, добрался до своей Слободки.

Много лет спустя вспоминал он об этой встрече и никак не мог простить себе легкомыслия, уступив тогда моим уговорам о.

...Так было в ту ночь с Махом. Меня же под усиленным конвоем отправили в контрразведку. Начались ночные допросы, сопровождаемые избиениями. Спрашивают все о том же: знаю ли Перепечко? Знаю ли Маха?

— Перепечко не знаю. А Маха знаю: покупал тетради в его магазине, что в доме Попудсвой на Преображенской улице.

В доме этом помещался писчебумажный магазин, владелец которого был однофамильцем Иосифа и человеком, весьма популярным среди школьной детворы, покупавшей «тетради Франца Маха».

Знаю ли Корнеева?.. Немного: он недавно заказывал моему отцу, столяру, чемодан и однажды приходил к нему по этому же поводу...

Контрразведчики от меня ничего не добились...

Тюрьма. Раздели, разули и отвели в камеру № 24 второго корпуса. Цементный пол, окна с решетками, но без оконных рам и стекол. Ни коек, ни матрацев, ни соломы. Спим на холодном полу.

Среди нас — подосланные контрразведкой провокаторы, которых периодически «избивают» охранники, чтобы отвести от них подозрения в предательстве. С азартом, захлебываясь от восторга, рассказывает некий Бурченко, выдающий себя за

матроса Черноморского флота, как он пачками расстреливал белогвардейцев... Втягивая собеседников в разговор, он добивается от них откровенных рассказов. Настойчиво допытывается, кто такие Перепечко и Ожешко, с которыми я делюсь передачами. Отвечаю, что они, по-видимому, рабочие, помощи со стороны не получают и поддержать их следует.

Возбуждение, тревога, волнения среди рабочих Одессы грозят вылиться во всеобщую забастовку протеста против арестов и насилий, которые деникинская власть чинит над политическими заключенными. Заводской комитет выделяет делегацию. Ей поручается потребовать освобождения томящихся в тюрьме рабочих завода.

Нас берут на поруки. И вот я снова на заводе, в столярноплотничном цехе. Осторожно ищу связи с подпольем. Новинский (Стасик), один из активных работников Пересыпи, вводит меня в курс жизни. Тарас Костров знакомит с директивами губкома партии...

Я вновь отдаюсь подпольной деятельности.

Р. Э. Ларина

Они победили смерть

После целого месяца отчаянного сопротивления Красная Армия была вынуждена оставить Херсон.

Перебралась в Николаев, а потом в Одессу и наша небольшая группа молодых херсонских коммунистов. В нее входили Ида Краснощекина, Дора Любарская, Миша Пельцман и я. Возглавлял ее Борис Михайлович (Туровский), до эвакуации заведовавший орготделом Херсонского укома партии. Ему, в недавнем прошлом рабочему-маляру завода Гуревича (ныне завод имени Петровского), в то время едва исполнилось девятнадцать лет. Все мы выдавали себя за учащихся, которые едут в Одессу продолжать образование. У меня был «аттестат зрелости», свидетельствовавший об отличном окончании восьми классов 2-й ведомства императрицы Марии гимназии.

С той же целью конспирации, как только мы приехали в Одессу, я подала заявление о приеме в Новороссийский университет и была принята на первый курс медицинского факультета. Однако о занятиях в университете не приходилось даже и мечтать.

Работа в подполье поглощала все мое время, что называется, без остатка.

Для того чтобы установить контакт с повстанческим движением в уездах, наметили послать в уездный город Вознесенск небольшую группу товарищей — Василия Петренко, Кравчинского (Купчинского), Бориса Михайловича (Туровского), Льва Спивака (Федю Синани) и Мишу Пельцмана. Им было поручено связать местные партизанские отряды с военно-революционным повстанческим штабом Одесской области. Паспорта и деньги для этой группы были переданы мне Ингуловым.

Пельцман, Петренко и Кравчинский пришли на постоянный двор Майбаха, находившийся на Малой Арнаутской улице, и договорились о подводе для поездки в Вознесенск. Дежурившие на постоялом дворе агенты деникинской контрразведки заприметили эту группу. Неискушенные в конспиративных делах, молодые подпольщики вели себя явно неосторожно. Деникинцы выследили их и в день отъезда всех арестовали. Отсюда потянулся след к другим.

Ничего не зная об аресте, я пришла к Доре Любарской на квартиру. Утром следующего дня нам с ней нужно было отнести листовки в условленное место, а также выполнить некоторые другие поручения. На квартире Любарской хранились различные документы. В числе других бумаг лежали в шкафу и предназначенные для распространения листовки.

Уйти домой в тот вечер я не смогла. У меня начался сильный жар. Обеспокоенная Дора оставила меня ночевать.

Ночью на квартиру нагрянули трое контрразведчиков во главе с полковником Ивановым. Так как квартира Доры считалась хорошо законспирированной, то документы прятала она не очень тщательно. Они лежали на дне платяного шкафа, прикрытые сверху одеждой. Все это контрразведчики сразу обнаружили.

Дора назвала меня своей подругой по гимназии (она тоже окончила гимназию в Херсоне), которая случайно зашла к ней и, внезапно почувствовав себя плохо, осталась ночевать. В числе пришедших с обыском контрразведчиков оказался мой однокурсник по медицинскому факультету, сдававший вместе со мной документы при поступлении в университет. Он подтвердил, что я студентка.

— Одевайтесь, там выясним! — последовала команда, когда обыск закончился.

На извозчицких дрожжах нас привезли в помещение контрразведки. Грубо втолкнули в переполненную комнату, где уже стояли вплотную, дыша друг другу в лицо, несколько десятков

арестованных. Придя в себя и осмотревшись, я вскоре увидела среди них Иду Краснощекину. Потом привели Михайловича, Пельцмана, Спивака.

В ту же ночь начались допросы. «Обработку» арестованных из нашей группы поручили одному из особенно свирепых контрразведчиков — Аркадьеву. Вызвав Дору, он долго рылся в ее личной переписке, издевался над ее стихами, рисунками (она писала стихи и хорошо рисовала).

Меня не трогали двое суток, и я уже готова была поверить, что придуманная Дорой версия сыграла свою роль, но на третьи сутки меня вызвали на допрос. Контрразведчики требовали от меня назвать «сообщников по подполью», грозили расстрелять, если я откажусь говорить... Я же твердила одно: политикой не интересуюсь, Дора — гимназическая подруга. А Дора возвращалась с допроса избитая, истерзанная, с ссадинами и кровоподтеками. И несмотря на это, улыбаясь и желая успокоить меня, говорила: «Держись, Рая. От меня они ничего не узнали и не узнают».

Снова и снова требовали палачи от своих жертв признаний и выдачи сообщников. С какой-то особенной изощренностью издевались они над Идой Краснощекиной.

С момента ареста меня мучило беспокойство о доме, куда в любой момент могли нагрянуть агенты контрразведки. Догадается ли моя сестра Соня уничтожить или передать кому следует хранившиеся у меня списки подпольных работников? Я опасалась, что будут обнаружены адреса, откроются явки. К счастью, как потом выяснилось, сестра успела все передать Нюре Панкратовой, с которой была связана по работе. И когда пришли с обыском, то ничего, кроме учебников и расписания университетских лекций, у меня не нашли.

Продержав несколько дней в контрразведке, нас развели по полицейским участкам города: тюрьма была переполнена, все участки были превращены в ее филиалы. Я и Дора попали в Бульварный участок. Там уже находился жестоко избитый, с переломленной переносицей Миша Пельцман.

Вскоре сюда же доставили сестер Барг — Риву и Полю. Старшая, девятнадцатилетняя Поля вся была в синяках и кровоподтеках. Мы недолго были вместе, нас развели по разным камерам. Мы с Дорой попали в камеру № 3 (для уголовных).

Трудно представить себе что-нибудь ужаснее этой камеры, шириной в полтора и длиной в три с половиной аршина, со стенами, по которым стекала вода, и цементным полом, покрытым грязью на полтора вершка. Окошко без стекла, забито фанерой.

Здесь нас продержали, пока не вызвали на так называемый суд.

Стремясь придать расправе над арестованной группой молодежи значение крупной политической победы, деникинцы организовали «процесс 17-ти», объединив в нем людей, многие из которых до этого даже не знали друг друга. Иду служители белогвардейского «правосудия» объявили главарем организации. Ида сознательно поддерживала эту версию, всячески стремясь смягчить участь других подсудимых, и принимала на себя все обвинения.

Военно-полевой суд был назначен на 31 декабря 1919 года. В здание, где он заседал, и была доставлена окруженная тесным кольцом конвоиров каша группа из 17 человек.

Здание суда было оцеплено многочисленной охраной. У входа толпился народ, хотя о суде никто не оповещал. Люди все прибывали. Но вот в подъезде показался закутанный в бурку офицер. Он подозвал начальника караула и что-то ему сказал, поведя рукой в сторону толпы. Конвой немедленно оттеснил народ. И вот стоим мы, зажатые стражей, в узком коридоре. По бокам каждого — стражники. Разговаривать запрещено.

В зал заседаний вызывали по одному. 1 и 2 января в работе суда был перерыв. Заседания возобновились и продолжались в следующие дни. Вечером 4 января нас снова ввели под конвоем в зал суда для объявления приговора, разместили на скамье подсудимых. Слева от меня сидела Дора, справа — Ида. Впереди находились Борис Михайлович, Лев Спивак, Зигмунд Дуниновский. Лица их искажены от мучительной боли. Ноют раны, арестованные с трудом передвигают ноги. Особенно ужасен вид Иды. Но она еще находит в себе силы приободрить товарищей, шутить, улыбаться.

Я заплакала. Я понимала, что теряю самых близких и дорогих людей, боевых товарищей. Ида меня успокаивала: «Не плачь, у тебя все впереди. Смотри, наши наступают. Не теряй верь».

Мерзко прозвучало последнее слово Кравчинского (Купчинского). Упав на колени, он истерически зарыдал и стал молить о прощении. Больше никто пощады не просил. Все, кроме Кравчинского, отказались писать прошение о помиловании.

Судьи удалились на совещание. Часа через два они вышли для объявления приговора.

— Краснощекина Ида!

Тучный офицер, возглавляющий суд, обращается в ту сторону, где, тесно прижавшись друг к другу, сидим мы, 17 подсудимых.

Ида поднимается во весь рост. Полный презрения ее взгляд упирается прямо в лицо председателю суда.

— Краснощечкина Ида! — выговаривает отдельно оглашающий приговор.— Суд при штабе обороны города Одессы приговаривает вас к смертной казни через повешение.

— Только и всего?—Ида гордо встряхивает волосами.— Знайте же: хотя бы каждый день убивали вы по десяти человек, но наша Красная Армия каждый день берет новые города и станции, доберется скоро и до вас. Мы умираем молодыми, умираем спокойно, так как знаем: за нами и за нас пойдут новые сотни стойких борцов. Ваша песенка спета еще раньше, чем вы спели ее нам...

Ида садится. Как она прекрасна! Я с восторгом гляжу на нее.

— Михайлович Борис.

Встает Борис.

Объявляется такой же приговор.

— Пусть мы умрем! — восклицает Борис громким и четким голосом.— Лучшие наши товарищи, партийные работники целы. Они ни на минуту не прекращают работу. Вы ничего не добьетесь, господа судьи. Неужели думаете, что бессмысленным убийством десяти человек, почти детей, вы совершили великое дело? Вы ничего не добились, лишний раз доказав свое бессилие!

В напряженной тишине слышатся имена:

— Любарская Дора...

— Ройфман Яков...

— Спивак Лев...

— Дуниновский Зигмунд...

— Петренко Василий...

— Пельцман Михаил...

— Барг Полина...

И после каждого имени размеренно падают слова: «приговаривается к смертной казни через повешение». Девять человек были осуждены на смертную казнь. Кравчинскому, принимая во внимание его «чистосердечное» раскаяние, заменили смертную казнь отправкой на фронт. Меня приговорили, ввиду отсутствия улик, к десяти годам каторги. Остальных — к различным срокам каторжных работ.

Лез Спивак, услышав приговор, крикнул белогвардейским судьям:

— Вам все равно амба. Вы все пойдете пешком по Черному морю. Наши уже близко, вот-вот займут Одессу!

Дора, у которой был сильный красивый голос, закинув высоко кудрявую голову, запела «Интернационал». Слова подхватили осужденные. Я не могла петь. В тоске я смотрела на друзей, и спазмы сдавливали мне горло. Вслед за «Интернационалом» без передышки затянули «Не два века нам жить, а полвека всего, так о чем же тужить, было б даже смешно!». Растерянно смотрели на поющих судьи, потом спохватились и приказали стражникам «заткнуть глотки».

Судьи ушли. В наступившей тишине я услышала плач Ривы Барг. Нервы мои не выдержали, зарыдала и я. Ида, Дора, Борис утешали нас.

Никто не верил в иной исход процесса, и приговор не казался неожиданным. Но мысль трудно мирилась с неотвратимым концом. Я вспомнила, как накануне ареста мы мечтали о своем родном Херсоне. Борис, собираясь ехать в Вознесенск, просил Ингулова разрешить ему уехать из Вознесенска в Херсон. О возвращении в Херсон просила и Ида. Победа, мы знали, была уже так близка!..

Нас вывели во двор городской комендатуры и поставили, легко одетых, в подворотне. Зима в тот год была суровой, в ту ночь с моря дул сильный ветер. Чтобы согреться, начали приплясывать. Наши попытки согреться таким образом еще более ожесточили стражу, которая накинулась на нас и стала избивать. Особенно же сильно досталось Леве Спиваку, который настойчиво требовал увести нас в помещение.

Только в пять часов утра, еще больше усилив конвой, нашу группу доставили в Бульварный участок и втолкнули в холодную камеру с разбитыми стеклами. Мы стали приплясывать. На угрозы охраны мы хором потребовали поместить нас в теплую камеру. Танцы продолжались. Потом снова начали петь. Смертники пели молодыми бодрыми голосами: «Наша жизнь коротка, все уносит с собой». Это была любимая песня Бориса Михайловича.

Последняя ночь осужденных на казнь...

Устав от танцев и песен, все сели на пол, сблизив головы над газетой — ее позволили нам передать,— и впились глазами в строки.

— Наши уже наступают...— горячо говорил Яша Безбожный.

— Я вчера слышала это от солдат,— откликнулась Ида.

Готовясь проститься с жизнью, Дора с тоской и слезами следит за движением нашей Красной Армии, как бы отсчитывает каждый шаг, измеряет расстояние между армией и родным Херсоном...

Скоро потухла лампочка сверху, и над окошком повисла зеленоватая луна.

Все решили не спать в эту ночь. Говорили, насколько подготовлена Одесса к восстанию, вспоминали оставшихся на воле товарищей.

Сидевший в Бульварном участке с начала прихода денкинцев Александр Рекис сумел получить с воли письма и записки осужденным... С его же помощью были затем раздобыты бумага и карандаши, и почти все, сидя на полу, принялись писать последние письма родным и друзьям. Яркие, незабываемые строки писем юных героев подполья!

Их было семь. Семь предсмертных писем. Одно от имени всех: «9 коммунистов, осужденных 4 января 1920 г. военнопольевым судом при штабе обороны г. Одессы на смертную казнь, шлют свой предсмертный прощальный привет товарищам. Желаем вам успешно продолжать общее дело. Умираем, но торжествуем и приветствуем победоносное наступление Красной Армии. Надеемся и верим в конечное торжество идеалов коммунизма.

Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Коммунистический Интернационал!

*Дора Любарская
Ида Краснощеккина
Яша Ройфман (Безбожный)
Лев Спивак*

*Борис Михайлович
Дуниновский
Василий Петренко
Миша Пельцман
Поля Барг».*

Собрав все написанные смертниками прощальные письма, я вручила их Рекису, и он сумел их незаметно передать пришедшему к нему на свидание товарищу. Так письма попали на волю и были напечатаны в номере «Одесского коммуниста», в том же самом номере, в котором появилось сообщение о взятии красными войсками Херсона.

...Целую ночь никто не смыкал глаз. Рассвет встретили пением «Интернационала». Пятого вечером должна была состояться казнь.

Загремели засовы. Распахнулась дверь.

— Выходи! — закричал, появляясь в дверях, заспанный офицер.

Приговоренные поднялись на ноги, но не двигались с места.

— Ваше благородие! — забормотал часовой.— Так что ребята... Караул отказывается... Воля ваша...

— Как отказывается? — вскричал офицер и быстро метнулся куда-то по коридору...

6 января вечером опять поднялась бегодня по коридорам. Неясно гудели над низкими сводами голоса солдат. Часовой, войдя на минуту в камеру, сказал, оглядываясь:

— И второй караул ни в какую. Не соглашается...

Караул — и первый и второй — отказались вести приговоренных на казнь...

В девять вечера в камеру ввалились пьяные, с налитыми кровью глазами, солдаты. Все поняли, что это конец.

— Прощайте, товарищи! — поднялся первым Яша Безбожный. — Да здравствует Красная Армия!

Он упал, захлебнувшись кровью от удара кулаком в лицо. Я рыдала. Борис крикнул:

— Не плачь, Рая, наше дело победит. Передай товарищам, что мы умираем с верой в наше дело.

Выходя из камеры, Ида бросила нам:

— Больше мужества, товарищи!

Дора снимает с себя новое, красивое бежевое пальто и передает мне со словами:

— Мне уже конец, Рая, а тебе еще жить и носить. А это, — добавляет она, снимая с ног модные лакированные черные туфли, — передай своей сестре.

Дора была из зажиточной семьи и хорошо одевалась.

Не успела я прийти в себя, а ее уже не было в камере.

Приговоренных начали избивать прямо в коридоре. Потом, окровавленных, потащили в подвал. Оттуда слышались выстрелы. Расправа продолжалась долго. В пьяном иступлении прикладами добивали тех, кто умер не сразу.

Когда же наконец все затихло, кто-то из стражников заглянул в подвал. Перед его взглядом открылась страшная картина. Со слезами на глазах, таясь от начальства, передавали нам стражники подробности увиденного. Девять человек с разможенными лицами лежали распростертыми на окровавленном полу подвала. Безбожный с невестой лежали, обнявшись, в одном углу. Ида, крепко сжимая руку Бориса, — в другом. Возле замученных валялись разломанные от ударов приклады винтовок...

Нас, оставшихся в живых, перевели в тюрьму. Меня с Таней Бабичковой поместили в общую камеру...

...7 февраля мы вышли на свободу. Не задерживаясь долго, я уехала в родной Херсон.

2 марта 1920 года в Херсоне состоялись похороны моих погибших друзей. Весь город в скорбной торжественности проводил их в последний путь.

Это было на Молдаванке

Мы спешно готовимся к подполью. Функции Молдаванского районного комитета возлагаются на партийную «тройку»: М. Адова (Краковского), М. Каминкера и меня.

Одесса захвачена белыми. Наступила полоса нелегальной борьбы. Пора действовать. Но чем заняться в первую очередь? Установить связь с теми, кто оставлен для подпольной работы на фабриках и заводах, решаем мы. Имена их, да и сами они нам известны. Это Матюхин, работающий на городской водопроводной станции, Карнаухов, многие другие. Нужно спешно создавать партийные коллективы при профсоюзах. Именно в профсоюзах: ведь в них, доступных для всех и широких по своему составу, будет легче поддерживать связи с людьми, направлять их волю на борьбу с денкинской. Выбор этой организационной формы отвечал также указаниям «пятерки», руководящей подпольной работой в городе. В Молдаванском районе были созданы 18 партячеек на предприятиях и партийных коллективов при профсоюзах.

Рабочие тянулись к правде, испытывали стремление знать побольше, особенно о событиях, происходивших в советских районах. Ответы на свои вопросы они находили на страницах подпольной газеты «Одесский коммунист». Немалый интерес, к слову сказать, представляли материалы, которые должны были публиковаться в одесских газетах, но изымались денкинской цензурой. Гранки оказывались у нас: их доставлял наборщик Г. Верлюк, член подпольной организации. С помощью М. Адова материалы передавались для соответствующего использования в «Одесском коммунисте». Наша газета печатала также секретные, предназначенные для белого командования фронтовые сводки, которые тайно доставлялись в редакцию. Их комментировал наш постоянный обозреватель, подписывавший свои обзоры псевдонимом «Красный». Комментарии всегда вызывали живейший отклик, поднимали настроение, будили бодрость. Газета доставлялась на все предприятия Молдаванки и переходила из рук в руки. Нелегальные листовки и воззвания расклеивались ночью, и первыми читали их рабочие, направлявшиеся ранним утром на работу.

...Много труда требовала охрана явочных квартир от провалов. А обеспечить безопасность товарищей, за которыми буквально охотились агенты белогвардейской разведки? Приходилось прилагать огромные усилия и проявлять немало находчивости.

По указанию Одесского подпольного губкома партии Ксения Гаврилова, используя связи, устроилась на работу в деникинскую контрразведку. Доступ к картотеке арестованных давал ей возможность держать подпольную организацию в курсе того, как идет следствие. Другой подпольщик, Карасев, работая в полицейском участке, сообщал о готовящихся облавах, а также о перемещениях, которые предстоят арестованным. Те, кто работал в Красном Кресте — Надежда Северная, Блюма Гамарник и другие — вступали в контакты со следователями. За крупные суммы иногда удавалось освободить арестованных или смягчить их участь.

Врезался в память случай, который произошел с А. М. Панкратовой (Нюрой), тогда секретарем подпольного губкома партии. Жила она нелегально в квартире зубного врача на Слободке, в рабочем районе города. Я приходила к ней информировать о положении в Молдавском районе и получать новые задания. В мою обязанность входило также поддерживать связь Нюры с Ксенией Гавриловой, квартира которой, как находившаяся вне подозрений, служила местом, куда поступали материалы из ЦК КП(б)У. Неподалеку от Гавриловой была квартира семьи Панкратовых. Как-то к ним нагрянули контрразведчики, произвели обыск и потребовали от матери сказать, где находится ее дочь. Обо всем, что случилось у Панкратовых, нам дала знать Ксения. Над Нюрой нависла опасность ареста.

Чтобы спасти Нюру, пришлось прибегнуть к своего рода маскараду. Я нашла парикмахера, тоже подпольщика, который взялся покрасить Нюре волосы. Сделал он это, однако, настолько неудачно, что А. М. Панкратову пришлось остричь наголо; она сделалась неузнаваемой. Помог ли маскарад или нам удалось запутать следы, поселив Нюру в надежное место, неизвестно, но ареста удалось избежать.

Одним из центров подпольщиков в нашем районе стала бывшая Еврейская больница. Здесь проводились собрания, заседал комитет Красного Креста. Здесь же хранили денежные средства, документы, прятали и знамя Молдавского райкома партии. Ежечасно рискуя жизнью, отдавали себя делу спасения товарищей, работавшие в больнице Аннушка Чечельницкая, врач Юзефович, Когельман, Прасковья Давыденко, Фрося Мартынова. Сюда направлялись подпольщики, которых под

видом больных скрывали от преследований контрразведки. Так были спасены Корытный, Богатый, Воркун.

...Грозные предупреждения деникинских властей о расстреле за незаконное хранение оружия не производили того впечатления, на какое были рассчитаны. Боевые «пятерки», созданные на предприятиях Молдавского, как и других районов города, не только не сдавали, но добывали новое оружие. В их распоряжении было немало винтовок и патронов, ручных гранат, имелись даже пулеметы. Боевики помогли осуществить несколько побегов арестованных коммунистов.

Вспоминается эпизод с освобождением Жозефа Казарновского. Организовать его побег поручили Островскому, Церлю- ку, Кушниру. Когда Казарновского вели на допрос, боевики затеяли перестрелку с конвоем. Казарновский скрылся. Больной тифом, он еле добрался до незнакомой квартиры. К счастью, здесь проживала рабочая семья, приютившая его. Нам потом удалось переправить его в больницу. Но и там было далеко не безопасно: беглец не имел паспорта и к тому же часто бредил. Красный Крест нашел для него надежное убежище. Когда снова пришла Советская власть, Казарновский стал председателем ревкома Молдавского района.

Красная Армия приближалась к Одессе, и боевым «пятеркам», сведенным в отряды, надлежало содействовать ее частям при вступлении в город. Вооруженные рабочие отряды скрытно расположились на улицах, ведущих к станции Товарная, разоружали отступающих белогвардейцев, задерживали обозы.

Полученное отрядами чрезвычайное задание — препятствовать вывозу из города оружия, боеприпасов и другого военного имущества — выполнялось в точности. Наступил момент, когда быстро и четко должна сработать наша связь с Артиллерийским депо. Я уже упоминала Карнаухова — он являлся «полпредом» подполья в этом ответственном пункте. Ему было дано задание саботировать выдачу оружия частям белых* Оформление документов на вывоз оружия, по удачному стечению обстоятельств, находилось в его руках. И вот, когда команда деникинцев на автомобиле явилась в депо, Карнаухов признал документы, которые предъявил офицер, недостаточными и потребовал, чтобы распоряжение было подписано генералом Бровяковым. Деникинцы, разумеется, не могли знать, что никакого генерала Бровякова не существовало. Но тем не менее им пришлось отправиться в город «для выяснения недоразумения». По пути они были разоружены нашими отрядами.

На плечи членов боевых «пятерок» Молдаванского района легли в те дни ответственные дела. Вооруженные рабочие по поручению подпольного губревкома освобождали заключенных из полицейских участков и из казармы на Старопорто- франковской, приспособленной под тюрьму.

Части Красной Армии находились на близких подступах к Одессе, в которой еще продолжала существовать деникинская комендантура, а Молдаванский район перешел уже в руки вооруженного пролетариата. Вся парторганизация находилась на военном положении. По улицам патрулировали боевые отряды. А у всех радость в сердцах.

Дождались победы!

П. В. Китайгородский

Живительный родник

Рождение газеты

Как и многие другие товарищи, я был оставлен для работы в одесском большевистском подполье. Прежде всего необходимо было связаться с людьми по указанному мне адресу конспиративной явки. Сделать это удалось только через неделю. Встреча произошла в крошечной, с низкими потолками молочной. Я потребовал стакан молока, уселся за столик и стал ждать. Через некоторое время молодой хозяин молочной провел меня в заднюю комнату. Здесь навстречу мне шагнул, приветливо улыбаясь, смуглолицый человек. Он назвал себя Александром Гордоном. Ему, старому профессиональному революционеру, было поручено сопровождать меня до места, где должно состояться конспиративное заседание подпольной руководящей «пятерки».

В прилично обставленной квартире мы застали всех в сборе. Большинство в комнате были мне незнакомы. На заседании, припоминаю, присутствовали Елена Соколовская, Вера Лапина, Виктория Уласевич, А. Гордон, Павел Логинов. Павел открыл заседание. Когда подошли к вопросу о распределении обязанностей, я выразил желание работать в газете.

— Ну вот,— откликнулся сразу Логинов,— предлагаю ввести товарища Палю (такой была моя кличка) в состав редакционной коллегии «Одесского коммуниста».

Помимо меня в коллегия были включены Александр Гордон, Тарас Костров, Леонид Тарский, член руководящей «пятерки», ведавший вопросами печати. Тут же был намечен план первого номера. Соколовская взялась написать передовую, я — обзор международного положения.

Когда несколько дней спустя я пришел на заседание редакционной коллегии (подпольная редакция помещалась на Оль- гиевской улице, 29), то застал там Соколовскую, Кострова и Тарского. Обзор был прочитан вслух и одобрен. Затем Соколовская ознакомила коллегия с передовой. Тарас Костров написал две статьи. Были рассмотрены и другие материалы, предназначенные для первого номера. Но газета не вышла в срок. Возникли какие-то технические «неполадки». Пришлось добавить к заготовленным еще несколько статей и выпустить номер на шести полосах.

Первый номер подпольной газеты... Что содержал он в себе?

Передовая статья, озаглавленная «Одесса, сентябрь 1919 года» и подписанная коллективным «Редакция», характеризовала обстановку, разъясняла, что требуется для того, чтобы как можно успешней вести борьбу за восстановление власти Советов. Пролетариату, говорилось в передовой, необходимо умение видеть и правильно оценивать действительность. А действительность такова: «Несмотря на дешевизну хлеба, доставленного сельскими кулаками, число голодных не убывает. Количество безработных в городе растет. На фабриках продолжаются расчеты. Все это ведет к ужасающему обнищанию масс...» Партия загнана в подполье. Но «она не страшится вновь перенести тяжесть преследований, пыток и расстрелов... Беспощадно срывая покровы буржуазной лжи, бичуя огненным словом правды трусливых палачей, «Одесский коммунист», — заявляла редакция, — будет живительным родником среди мертвой пустыни... Рабочие массы будут знать правду и пойдут за этой правдой».

В моем обзоре «Международное положение и мировая революция» давался анализ политического и экономического положения Германии, Англии и Италии. Заканчивался он словами: «Мировая революция грянет! Да здравствует мировая революция!»

Все шесть страниц газеты, от первых до заключительных строк, последовательно обнажали перед читателем подлинный лик пытавшихся рядиться «под Европу» добровольческих держиморд. Острыми, метко нацеленными были принадлежавшие перу Кострова статья «Деникинская конституция» и близкий по теме фельетон «Госпожа Тыркова и мистер Джон Кэм».

Остроумно высмеивались в них потуги белогвардейцев установить новые нормы, способные, как они утверждали, справедливо регулировать правовые отношения между людьми. На самом же деле эти нормы выражали корыстную волю утвердивших свою диктатуру капиталистических классов. «Воскрешение коалиционных иллюзий» — статья под таким названием посвящалась выработанным деникинцами законопроектам по «рабочему вопросу».

Вот еще статья: «Новое по-старому». Она предостерегала трудящихся от веры в фальшивые посулы коронованных и титулованных воров: «Времена как будто изменились, толкуют о конституции и народном собрании. Вместо «Боже, царя храни» поют «Коль славен», вместо «Ваше превосходительство» говорят «господин генерал» и т. д. и т. д. Не правда ли: Россия обновилась? Россия зажила новой жизнью? Но попробуем поскоблить лакированный носок держимордовского сапога, и что мы увидим? Политическая сила рабочего класса сведена к нулю. А экономическая? К двум нулям. Конечно, на бумаге пишется: примирительные камеры, профессиональные союзы, охрана труда и т. д. А на деле? На улицы выбрасываются десятки тысяч рабочих, безработица ужасающая, убийства и зверства не прекращаются... Сплошной белый террор, издевательства, пытки, глумления. И даже одесские буржуазные писаки должны были признать, что все пошло по-старому, по-ии- колаевскому».

Буржуазия была бессильна перед лицом хозяйственных трудностей, хотя ее пресса с шумом провозгласила окончание революции и наступление «органической эпохи». И в этом бессилии читатель мог убедиться, прочитав статью «Напрасные потуги», в которой приводились факты, заимствованные из самих же буржуазных источников. И в деревне, как явствовало из той же сводки фактов, положение было не лучше. Деникинские войска, проходя по Украине, писала газета, подвергают разгрому крестьянские хозяйства, реквизируют скот и инвентарь, что неминуемо ведет к полнейшему обнищанию крестьян.

Хочу несколько слов сказать о буржуазной одесской печати, в то время довольно многочисленной. Такие верноподданные деникинцам газеты, как «Одесские новости», где окопались «либераль» вроде П. Юшкевича, В. Канторовича, Седого и других, меньшевистский «Южный рабочий», кадетское «Родное слово», «Одесский листок» соперничали друг с другом в поношении Советской власти, советских порядков. Особенно изощрялись они в описании «ужасов «чрезвычайки»». Идейные оруженосцы

Добровольческой армии, они отлично знали, что при большевиках не было ни одного случая избиения или применения пыток даже к самым оголтелым врагам революции, но сознательно извращали действительность. В то же время зверства деникинской армии, заливавшей кровью города и местечки Украины, учинявшей жестокие расправы с крестьянской беднотой, той же прессой совершенно замалчивались.

В рабочих районах Одессы не прекращались аресты, расстрелы. Бесследно исчезали профсоюзные работники, профсоюзные объединения лишались своих помещений. А «Южный рабочий»? Торжественно и вдохновенно твердивший о «большевистских жертвах», сей орган печати не находил слов, чтобы выразить свое отношение к многочисленным фактам грубейших издевательств, насилий и пыток, которые совершались каждый час полицейскими и военными властями.

И вот вышел он, первый номер «Одесского коммуниста». Незамедлительно раздалось многоголосое завывание буржуазных газетеноч. «До корня затоптать красное семя!» — неистово вопила одна из них. И все единодушно: «Беспощадно расправиться с большевиками, оставшимися в городе!»

Противоречия зреют, борьба продолжается

Период временного замешательства и растерянности, последовавший в Одессе за разгромом рабочих организаций и кровавыми расправами деникинцев, был преодолен довольно быстро. Рабочая и профсоюзная жизнь, замершая на какое-то время, начала проявляться в разных формах. В передовой «Наши задачи», появившейся в октябрьском номере (132-133) «Одесского коммуниста», отмечалось «нарастающее революционное настроение» в рабочих массах. Статья призывала развить «самую сильную работу» как в рабочих организациях, так и среди начинающего остро выражать свое недовольство трудового крестьянства. В другой статье, опубликованной в том же номере, сообщалось о повстанческом движении, широко разлившимся по Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Херсонской губерниям. Партизанские отряды в Новомосковском и Павлоградском уездах на Екатеринославщине, писала газета, совершают непрерывные нападения на поезда, расправляются с отдельными отрядами деникинцев, оставаясь при этом неуловимыми.

На страницах нашей подпольной газеты появились рубрики «Из партийной жизни», «Рабочая хроника». Факты в них из-

лагались кратко, отрывочно, но даже и они свидетельствовали о том, что, находясь в глубоком подполье, большевики продолжают спланировать рабочих, собирать силы для штурма. Да, утверждал большевистский орган, живут и действуют рабочие организации!

Читатель узнал из нашей газеты и о состоявшейся партийной конференции представителей районов города Одессы с участием членов общегородского комитета КП(б)У. Из другой заметки, озаглавленной «Заседание секретарей районов», стало известно о том, что в Молдавском районе приступили к организации партийных коллективов при профсоюзах. В Городском районе работа оживилась: удалось установить систематическую связь с девятью профсоюзами... Красный Крест оказывает широкую помощь семьям арестованных...

В этом же номере (132-133) были напечатаны заметки «Железнодорожника» о положении в железнодорожных мастерских, и «Металлиста» — на металлообрабатывающих предприятиях. Корреспонденция, имевшая подпись «Металлист», заканчивалась так:

«Зажали нам рот приставским кулаком: политикой, мол, не занимайся. Нет, не потерпим больше такого издевательства. Пускай перестанет наш «благородный конь» (так именуют наш Центропроф) играть в жмурки с властью генералов и полковников. Надо с ними говорить открыто и твердо. Наше благородие не двинется так скоро с места. Пускай знает, что мы, металлисты, передовой элемент и авангард рабочих во всей России, заговорим первые и не их красноречивым, не трусливым словом, а нашим простым и верным языком — всеобщей забастовкой. И требовать будем не лишнего гривенника на час... Будем требовать освобождения политических арестованных».

А вот какой многозначительной заметкой был завершён тот же номер «Одесского коммуниста»: «Приказ по добровольческой армии. «1. IX. Ввиду замеченных мною массовых переходов наших воинских чинов в неприятельский лагерь, бывали случаи целыми полками, то приказываю: замеченных в таком тяжком преступлении расстреливать на месте, что вменяю в обязанность всех командных чинов. За мобилизованными крестьянами и рабочими следить зорко».

Этот деникинский приказ был добыт нашими подпольщиками в белогвардейском штабе, и он вовсе не предназначался для широкой огласки. Но мы превратили его в большевистский агитационный материал: трудящиеся должны были знать, что деникинская армия разлагается, что уже близок ее конец и

что никакие репрессии не помогут белому режиму избежать краха...

В следующем, также вышедшем в октябре (134-135) номере была напечатана передовая «Пора ответить». Она призывала рабочих ответить на репрессии и аресты всеобщей политической забастовкой: «Подголоски буржуазии типа «Южного рабочего» обивают пороги их превосходительства с ходатайствами и покорнейшими просьбами... Рабочему классу с ними не по пути. В руках рабочего могучее, давно испытанное средство — всеобщая политическая стачка».

В свете правды

В ноябре и особенно в декабре положение в подпольной организации резко осложнилось. Массовые аресты вырвали из наших рядов многих ценных работников. Прервалась связь с центром. Деникинцы подошли к Туле...

Много страданий причинял холод. Дома не отапливались: не было ни угля, ни дров. Стужа в редакции не давала возможности как следует сосредоточиться. Писать приходилось с перерывами, которые делались каждые полчаса, чтобы, попрыгав, хоть немного отогреть оковеневшие руки, плечи, ноги. Но разве могли эти трудности лишить нас воли, энергии? «Одесский коммунист» выходил регулярно. Мы знали: газета создаст боевое настроение, открылает большевиков, весь трудящийся люд.

Рейд Мамонтова, прорыв в тыл Красной Армии белогвардейского корпуса не мог не отозваться болью в сердце каждого из нас. Как расшумелась в эти дни кадетская и меньшевистская печать, превознося лихость бравого генерала! Особенно старался «Южный рабочий». Когда же немного времени спустя деникинская рать под натиском Красной Армии начала пятиться от Орла на юг, те же газеты, значительно умерив пыл, стали уверять читателей, что войска производят перегруппировку, а понесенное поражение есть не что иное как «планомерная, систематическая оттяжка» белых частей на новые позиции...

Истинное положение на фронте освещалось в военных обзорах, которые регулярно публиковались на страницах «Одесского коммуниста». В основе этих статей лежали сводки главного командования Добровольческой армии о ходе военных действий. Предназначенные для внутреннего осведомления высших чинов, они через ряд посредствующих звеньев поступали в редакцию «Одесского коммуниста» и отлично использовались.

Легко вообразить, как неистовствовали деникинцы, читая на страницах выходящей в подполье газеты ими же засекреченные сообщения, которые сопровождалась к тому же весьма основательными комментариями большевистского обозревателя. А в это время наш читатель, пробегая глазами строки обзора, получал отменно точную картину того, что происходило на фронтах.

Во втором после перехода на нелегальное положение номере газеты военный обзор занимал три столбца. обстоятельный разбор хода операций в тылу белых придал этому обзору особый интерес. Речь шла о действиях повстанческих групп в Екатеринославской, Полтавской и Киевской губерниях. Отряды шахтеров сумели развить усиленное наступление на Дону. Красные повстанцы действовали повсюду, восстания охватывали временами целые уезды. Роль этих «местных» восстаний была весьма существенной. Они во многом способствовали усиленному наступлению Красной Армии на Киевском направлении. «Оттесненная было к Житомиру северная группа украинских советских войск соединилась с наступающими со стороны Чернигова войсками Советской России,— говорилось в обзоре,— и отбросила белых к югу почти до самого Киева и на восток за реку Ирпень... Падение Киева становится неизбежным, если только белые не предпочтут ослабить другие участки фронта и бросить сюда все свои силы».

«Фронт и тыл» — так был озаглавлен очередной военный обзор в «Одесском коммунисте». В нем сообщалось о боевых действиях, предпринятых повстанцами в районе между Никополем и Александровском. Бои завершились разгромом белых. Фронт белых, свидетельствовал обозреватель, тает с каждым днем, в то время как Красная Армия беспрестанно пополняется и укрепляется.

Обзору военных действий, появившемуся в ноябрьском номере подпольной газеты, было дано название: «Курск — Мариуполь». Наши войска, сообщалось в нем, продвинулись на широкой полосе к югу. Курск накануне падения. Нависает угроза Харькову с фронта. Об угрозе Москве теперь не приходится говорить: «Золотые купола сорока сороков, о которых грезили белые, уплывают в туманные дали...»

Тыл белых разваливался. Сквозь дикие оргии, разгул и произво́л бесновавшейся деникинщины явственно проступал ее близкий конец. А из сурового подполья не уставал звучать бодрый голос партии. Е статьи, заметках, сообщениях с фронтов «Одесский коммунист» разоблачал ложь и обман, распространяемые буржуазной прессой.

В ноябре в двойном (138-139) номере газета напечатала передовую, названную «Рассеянная легенда». В статье характеризовалось положение в городе и в деревне, находившихся под властью деникинской военщины. «Пролетариат хотели убедить в том,— писал «Одесский коммунист»,— что пришла новая буржуазия, умная, культурная и творящая, которая сможет вдохнуть жизнь в замерзшие заводы и рудники и осыпать благодеяниями рабочие массы... Крестьян думали убедить, что победа контрреволюции принесет окончательное решение земельного вопроса и российские зубры положат свои владения на алтарь возрожденной России. Кого думали обмануть фабриканты, помещики, урядники, полицейские, охранники?..

Туман рассеялся... Поднялась деревня, на которую так хотелось опереться нашей контрреволюции.

Недалек тот час, когда жестокий и кровавый режим окажется бессильным сдержать порыв революционных рабочих и крестьян!» — этими словами заканчивалась статья.

Газета слала горячий привет героической Красной Армии, добивавшей контрреволюцию.

Чем ближе подходил фронт к Одессине, тем яростнее бесчинствовала деникинская контрразведка. Вести из белогвардейских застенков приводили в содрогание. Как гром поразило подполье сообщение о зверской расправе с А. Хворостинным, членом Одесского областного комитета партии и начальником разведки военно-революционного повстанческого штаба. Казнь Хворостина точно ножом полоснула по нашим рядам, но вызвала прилив еще более жгучей ненависти к палачам, еще крепче закалила подполье. «Одесский коммунист» посвятил светлой памяти павшего товарища горячие строки: «Озаренные великой идеей социальной революции, рядовые члены нашей партии, дети рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции проявляют сверхъестественный героизм духа, высокую, благородную доблесть и беспримерную отвагу...»

Для связи с редакцией подпольным губкомом партии была выделена Нюра (А. М. Панкратова). Горестную весть о Хворостине принесла она. Доставила письмо, написанное им перед казнью и переданное надежными людьми.

Молодая, крепкая, с лучающимися глазами, Нюра приходила в условленное время в редакцию, принося с собой вдохновляющую струю жизнелюбия и отваги. Появившись незаметно и не раздеваясь (в комнате царил неопиcуемый холод), Нюра спешила поделиться новостями, затем извлекала из глубины рукавов

предназначенные для публикации письма, заметки, материалы. Улыбаясь, она как-то раз добавила к своему рассказу:

— Меня все ищут. Ну и буду же я висеть на деникинской веревочке.

И правда, смерть подстерегала ее, как и всех нас, на каждом шагу. Но хранили нас постоянная поддержка всего трудового населения Одессы и неиссякаемая вера в торжество дела, которому мы отдались...

«Пролетариат Одессы, равняйся!»

«Наступление на всех фронтах» — в озаглавленной так обзорной статье о ходе военных действий сообщалось: «Полная ликвидация Петроградского фронта. Припертая к Нарве армия Юденича окончательно уничтожена. На Южном фронте, овладев линией Киев — Харьков, Красная Армия уже достигла в нескольких местах Днепра. Весь участок между дугой Днепра и линией Кременчуг — Николаев находится в руках повстанцев...»

Заканчивался этот краткий обзор так: «Красная Армия не остановится, пока не уничтожит у берегов Черного и Азовского морей последние остатки белогвардейцев».

Ждать оставалось уже недолго.

Начало 1920 года. Январский номер. Он открывался короткой передовой Тараса Кострова, над которой заголовок: «Разгром». Ее сжатые, ясные и выразительные строки звучат как набат: «...Авантюры Колчака и Юденича лопнули, словно мыльные пузыри. Деникин разбит наголову. Скоро, очень скоро его встретят где-нибудь «на второй родине»...

Теперь даже добровольцы и меньшевики понимают, что контрреволюция разгромлена. Им остается призвать на помадь всю свою сообразительность и уразуметь раз навсегда, что Красная Армия бьет белую не случайно, а исполняя предначертания истории».

Оперативная сводка от 29 декабря изобиловала множеством фактов успешного продвижения красных частей на западном, южном и восточном фронтах.

Скупое, но полное значительного смысла донесение: наши части с боем овладели узловой станцией Лозовая, где захвачены пленные, 40 паровозов, 399 вагонов, из коих 49 с углем и дровами. Телеграмма «Наши трофеи», датированная «Киев, 25», перечисляет: в Фастове захвачено 20 миллионов патронов, 12 исправных паровозов, 2500 вагонов с военным имуществом,

железнодорожный путь у Белой Церкви забит вагонами на протяжении пяти верст. Все имущество, захваченное деникинцами при эвакуации Киева, отобрано нами в Фастове.

Еще один, январский, предпоследний номер «Одесского коммуниста». Газета призывает рабочий класс с оружием в руках готовиться к выступлению. «Пролетариат Одессы, равняйся!» — громогласно звучит боевая команда подпольного глашатая. «Винтовки в руки! Равнение на Красную Армию!» — по-военному отрывисто и строго вычеканены концевые строки передовой.

Очередная сводка радуется новыми вестями: 8 января занят Херсон. Ведется наступление на Николаев и Одессу.

Завершалась труднейшая полоса подпольного существования партийной организации. Накануне прихода Красной Армии была созвана общегородская партийная конференция. Она подвела итоги деятельности за все время подполья. Много говорилось и об «Одесском коммунисте». Газета, констатировала конференция, сумела завоевать доверие у пролетарских масс. Не затихая, будила она мысль, давала перспективу, поднимала на борьбу...

Как была организована работа в редакции? На мне, фактическом редакторе, лежала та часть дела, которая относилась к отбору, подготовке всех материалов и их редактированию. Остальные члены редколлегии выполняли различные поручения.

Состав редколлегии по сравнению с первоначальным заметно поредел. Так, Елена Соколовская совсем выбыла; она была отправлена в Париж. Зигмунд (Дуниновский) был арестован. Леонид Тарский писал военные обзоры, но выступал со статьями и на другие темы. Тарас Костров, несмотря на то что был много занят организацией и ведением в подполье агитационной работы, печатался на страницах газеты очень часто. Его литературный талант уже тогда ни у кого не вызывал сомнений, и нисколько не удивительно, что впоследствии он стал одним из руководящих деятелей комсомольской печати. Годы же, когда Костров возглавлял газету «Комсомольская правда», были лучшей порой в развитии творческих сил этого весьма одаренного, но, увы, рано ушедшего из жизни журналиста.

Был кооптирован в состав редколлегии и Ингулов, известный в подполье под кличкой «Сергей». Острые, с веселым и злым задором, его фельетоны, как и фельетоны Кострова, помогали подполью и были очень популярны. Ингулов вел в подпольной организации военную работу, будучи членом губкома партии и начальником военно-революционного повстанческого

штаба, и это обстоятельство не позволяло ему глубоко входить в редакционные дела.

...«Да здравствует победоносная Красная Армия!» С этим ликующим лозунгом, набранным во всю первую страницу, вышел «Одесский коммунист» в феврале 1920 года. Это был 148-й номер газеты, последний перед выходом из подполья. И столь же боевой, призывный трехколонный лозунг «Да здравствует революционная Одесса!» на последней газетной странице.

Красная Армия вплотную подошла к городу. На окраинах завязалась перестрелка. Когда я утром, по своему обыкновению, отправился в редакцию на Ольгиевскую, перестрелка шла уже на улицах города. Белогвардейцы стягивали к портовым причалам под защиту английских военных кораблей остатки своих разбитых частей.

Вечером начал заседать военно-революционный комитет города Одессы.

В час ночи 8 февраля 1920 года состоялось первое легальное заседание губкома. Председательствовал Логинов. Среди самых неотложных вопросов обсуждался и вопрос о печати. Мне были поручены обязанности ответственного редактора. Предстояло срочно организовать выпуск «Одесского коммуниста» — теперь уже в иных, нормальных условиях жизни редакции, типографии, экспедиции. Материальной базой для газеты должны были служить типография и помещение закрытой в числе других вражеских рупоров газеты «Одесские новости».

Прямо с заседания я отправился с несколькими товарищами на Екатерининскую, в прежнюю, на время покинутую редакцию. Мы шли по тревожно пустынным улицам. Кое-где еще раздавались выстрелы. Шаги наши гулко отдавались в тишине. Громко стучало сердце. Пылала голова...

В глубине двора ярко светились окна типографии. Здесь нас уже ждали рабочие и кое-кто из профессиональных журналистов, чье искреннее отношение к нам было известно и проверено по связям с подпольем. На других мы не рассчитывали: меныневиствующие литераторы бежали вместе со своими хозяевами, изрыгая потоки брани.

Распределив наспех обязанности, приступили к срочному выпуску газеты. Номер вышел в уменьшенном формате на двух полосах. Газета радостно приветствовала родную Красную Армию, принесшую рабочим и крестьянам столь желанную свободу. Передовая была посвящена празднику освобождения Одессы от врагов трудящихся. Остальной материал номера со

стоял из немногих телеграмм, приказов военно-революционного комитета, нескольких информационных заметок.

Занималась заря, когда мы покидали типографию. Пущенная полным ходом ротационная машина уже выдавала тысячи экземпляров «Одесского коммуниста», возвещавшего о начале новой жизни в освобожденной Одессе.

Б. М. Яковер

Тысяча случайностей

В одесское большевистское подполье, в котором предстояло организовать типографское дело, я пришел вооруженный кое-каким опытом не лега лигой работы. Приобрел я его в другом подполье — в дни англо-французской интервенции.

По примеру прошлого решили наладить печатание газеты в каменоломнях на Куялькике, там, где уже раньше славно поработала наша тайная типография. Каменоломни просторны, вместительны, с большим количеством входов и выходов. Вряд ли здесь нас кто-нибудь отыщет, думалось мне.

Ночью в несколько приемов, со всеми предосторожностями, доставляем в укрытие печатную машину «лилипут» (конечно, в разобранном виде), шрифты, краски. Итак, база для печатания есть, и теперь скоро можно приниматься за дело...

Последние советские части покинули город... А вскоре пришли белогвардейцы.

Пора приступать к выпуску подпольной газеты. Но из беседы с рабочими типографии одной из белогвардейских газет выяснилось, что контрразведка знает о нашей типографии. Каменоломни раскрыты!

Провал! Положение с выпуском «Одесского коммуниста» серьезно осложнилось. А подпольный комитет партии требует организовать набор и печатание газеты во что бы то ни стало. Что делать? Есть один выход: связаться с частными типографиями кустарного типа. Хозяйчики, которым они принадлежат, далеки, конечно, от какой-либо идейности, и прельщают их только деньги. Но переговоры с ними надо вести с помощью третьих лиц. Знать нас они не должны.

Нашелся, наконец, и посредник. Первый номер будет напечатан в типографии на Тираспольской улице. Одновременно

договорившись с владельцами других типографий — на Торговой улице, на Пушкинской и еще кое-где. Печататься в одной и той же типографии опасно.

Но иметь в своем распоряжении типографию — это еще полдела. Требуется экспедиция. Организовать доставку газет из типографии — труднейшее дело в условиях подполья. Без верных людей сделать этого нельзя. Экспедиция обосновалась в двух местах: на углу Прохоровской, в доме № 53, и на Глухой, в квартире рабочего Чепурного. Сюда и доставлялись номера газеты. Происходило это так. Газеты укладывали на дно корзины, с какими хозяйки обычно отправляются на рынок, а сверху насыпался лук, картофель, другие овощи. Экспедиторами работали две женщины. Отсюда, с базы, «Одесский коммунист» переправлялся надежным людям на предприятия и распространялся среди рабочих.

Несмотря на исключительно тяжелые условия подполья, мы старались, чтобы номер газеты выглядел чисто и опрятно, выходил в свет без технических неряшливостей, создающих впечатление торопливости, поспешности. Часто заголовки набирались в других типографиях, а затем уже вставлялись в оставленные для них места на полосе номера. Как бы ни было трудно и опасно, корректура каждого номера неизменно доставлялась в редакцию и там тщательно просматривалась. Такой стиль строгого, требовательного отношения к печатному слову сложился с первых дней подполья и соблюдался в любых обстоятельствах.

Конечно, не все обходилось у нас гладко. Иногда обстоятельства складывались даже драматично.

Однажды ночью пришел я в типографию на Ланжероновской, напротив городского сада, чтобы проверить, как идет печатание очередного номера. И вот владелец типографии отводит меня в сторону и сообщает о досадном случае: значительная часть оригиналов пропала. Я был потрясен. Как быть? Где искать среди ночи редакторов? Нельзя же допустить, в самом деле, выпуск номера с пробелами. Да и как объяснить эту неожиданность читателю? Мне, правда, был известен весь состав редакции, но я не знал адресов. Выручила из беды Нюра (Анна Михайловна Панкратова), к которой я кинулся за помощью. Она ночью подняла с постели нужных товарищей, и недостающая часть материалов поступила в типографию для немедленного набора.

Номер был спасен, без опозданий отпечатан и доставлен в экспедицию к назначенному времени. Больше всего досталось тревог и волнений самой Нюре. В течение ночи она не

сколько раз отправлялась в путь из типографии на квартиры редакторов и обратно. А ведь это грозило ей смертельной опасностью. Хождение ночью было строжайше запрещено властями, и патрули могли в любой момент открыть стрельбу без предупреждения. И все же меньше всего тревожилась Нюра за себя. Ее заботило одно: «Одесский коммунист» должен выйти в срок.

Выпускать газету было нелегким делом, и зависело оно подчас буквально-таки от случайных обстоятельств.

Взять хотя бы бумагу. Простой, казалось бы, вопрос, тем более если она имеется. Сколько, однако, хлопот с ней! Бумага требует определенного формата. Ее нужно, стало быть, резать. А где? И вот сам дивисься хитрости, с какой приходилось выходить из положения. Под видом переплетной артели снимаем помещение в типографии Шермана. Сюда привозим бумагу, так сказать, на легальном основании, здесь разрезаем и отсюда уже тайно переправляем в типографию. Все уладилось? Вроде бы да. Но нет. Новое и совершенно неожиданное затруднение. У хозяина типографии на Тираспольской улице заболел брюшным тифом сын. В горячечном бреду он кричит: «Идет полиция, нас накроют». Комната, где лежит больной, отделена от типографии тонкой деревянной перегородкой. В типографию заходит народ. Перепуганный насмерть хозяин категорически требует:

— Уходите, ни за какие деньги не берусь больше за это дело!

Пришлось перейти в другую типографию.

Или вот: ранним утром к одному из наших «экспедиторов» стучит в окно девятилетний мальчуган. Это сын рабочего Чепурного, на квартире которого нелегальная экспедиция. Его послали передать, что квартал оцеплен полицией, готовится облава. А в экспедицию уже доставлена партия свежотпечатанных номеров «Одесского коммуниста». С большим трудом удалось добраться до экспедиции и перенести все газеты в потайное место. Дело обошлось на этот раз благополучно.

Партийное задание выполняется. Газета выходит. Большевицкий голос не перестает звучать из подполья. Наряду с газетой выпускаются листовки, прокламации, воззвания военно-революционного комитета... И все это должно печататься совершенно неотложно...

Незадолго до бегства деникинцев из Одессы со мною приключилась неприятность. Как ни соблюдал я конспирацию, но однажды по выходе из типографии был задержан патрулем, подосланным, по-видимому, провокатором. Коротенький диа

лог, и мне дают понять, что речь идет о деньгах. Патрульные не стремятся во что бы то ни стало арестовать меня. Нет, им нужно «заработать». В кармане у меня 2 тысячи рублей, но с меня требуют иную сумму — 5 тысяч. Однако патруль сговорчив и, кроме того, верит в мою честность. Готов подождать. Заплатите? — спрашивают. Предложено серьезно. Осторожности ради, перестая выходить на улицу, через доверенное лицо сообщаю на явочную квартиру о сделанном мне предложении и ожидаю указания: продолжать ли работу?

Мне отвечают: «Уплатить «долг» и, осторожно работая, выпускать газету».

...Сто сорок пятый номер, сто сорок шестой номер... В них уже слышны отголоски победоносного наступления Красной Армии. Пестреют бодрые заголовки. Окончательная победа не за горами.

Сто сорок седьмой номер. Разложение в «добровольческих» частях, во всем деникинском аппарате достигает предела. Но укусы белых становятся еще более ядовитыми. Свою злобу и бессильную ярость они вымещают на беззащитном населении.

Сто сорок девятый номер. На этот раз в типографию вхожу уверенно, не принимая обычных мер предосторожности. Части Красной Армии на подступах к городу. Они уже в самом городе. Уж нечего думать о подпольном «Одесском коммунисте». Время заботиться о выходе легальной газеты — таково распоряжение военно-революционного комитета.

Пробираясь по улицам города, носящим следы отступления «добровольцев», у моста на Екатерининской площади попадаю в полосу ожесточенной перестрелки. Еще квартал, и я в типографии буржуазных «Одесских новостей», прекративших свое существование вместе с изгнанием деникинской власти. Рабочие, которых я застаю здесь, радостно возбуждены. Они готовы выпускать снова открытый, легальный орган партии большевиков.

С. Б. Ингулов

Тихий Зигмунд

В сборнике Истпарта «Памятник бор* цам пролетарской революции» напечатано следующее письмо: «Дорогие товарищи! Я был арестован во вторник, т. е. не* делю тому назад. При мне ничего не найдено. При аресте били*

не веря, что я поляк. Весь вторник я провел в уголовном розыскном, ночь со вторника на среду провел в Петропаловском участке. Приблизительно до полудня был спокоен, т. е. думал, что меня отпустят скоро; через полчаса меня позвали на допрос. Там меня били около часа; били резиной, ногами, крутили руки и ноги, одну ногу вытянули к лицу, другую к затылку, поднимали за волосы, клали на пол и танцевали по телу, били в лицо, зубы, но так, чтобы не оставалось повреждений. Наконец, взбешенный моим молчанием Иваньковский, первая сволочь в мире, ударил меня револьвером по голове. Я упал, обливаясь кровью. Несколько раз падал в обморок. Под влиянием нахлынувшей апатии я сознался, что работал. Мне грозит смертная казнь, если до того не случится чего-либо исключительного. Ночью я два раза пытался выброситься из окна четвертого этажа, но меня хватили и снова били. На рассвете меня опять вызвали на допрос, требуя, чтобы я назвал фамилии и адреса товарищей, работавших со мной. Снова били долгое время и ничего не добились, так как на все вопросы я отвечал незнанием. Велели подписать дознание в том, что я уже сознался. Я подписался, после чего Иваньковский, махнув рукой, велел отправить меня в какой-нибудь участок. Фактически я уже распрощался с жизнью, и если волею случая останусь жить, это будет для меня приятный и неожиданный подарок, выигрыш жизни. Теперь, когда рана на голове зажила, когда боль во всем теле не так ощутительна и живительные силы снова овладели организмом, а ближайшие перспективы на* воле так заманчивы, хочется жить, жить во что бы то ни стало. Без борьбы не сдамся, без борьбы не умру, и если все же придется умереть сейчас, то встречу смерть с высоко поднятой головой. Прощайте! Ваш Зиг.»

Это письмо взято из подпольного «Одесского коммуниста». В том номере газеты, откуда перепечатано «Правдой» и из «Правды» сборником Истпарта. Рядом напечатано еще другое, более короткое:

«Дорогие товарищи! Я уже писал вам, что пал жертвой провокации. Под влиянием пыток и избиений я сознался. Сегодня предстоит суд — скорый, но неправый. Меня, возможно, расстреляют. Ухожу из жизни со спокойной совестью, никого не выдал. Будьте счастливы и доведите дело до конца.

Прощайте! Ваш *Зигмунд*»¹

¹ «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917— 1921 гг.». Сборник материалов. М—Пг., 1923.

Его расстреляли.

Судили семнадцать. Из них девять приговорены были к смерти. Вечером смертников должны были повести в тюрьму, чтобы ночью расстрелять. По дороге мы с группой железнодорожников готовили нападение. Дежурили до поздней ночи, наткнулись на офицерский отряд, вступили с ним в перестрелку и рассыпались. Приговоренных не отвели в тот вечер в тюрьму. Приговор был приведен в исполнение в участке.

Расстреливали издевательски медленно. Перед этим били прикладами, шомполами, вновь пытали. Умерла молодежь с песнями на устах.

Зиг, Зигмунд, Дуниновский, Дунин, Вишневецкий, Лотов — это все он. Кто он был настоящий, так я и не знаю. Кажется, Лотов. Это псевдонимы всего за шесть месяцев деникинского подполья на юге Украины...

Журналист, редактор мелитопольских «Известий», редактор органа политотдела 58-й дивизии «Борец за коммунизм», Лотов у нас сидел на явке, заведовал паспортным бюро, выполнял и другую работу. Но, конечно, он не рвал с газетой. Журналист — одержимый. Что бы ни делал он — к газете вернется...

Зигмунд был членом редакции подпольного «Одесского коммуниста». Писал мало. Больше возился с техникой. В нелегальной редакции техника — все. Написать, собрать материал — пустяковое дело, напечатать — вот самое трудное.

Газета выходила регулярно, приводя в отчаяние контрразведку и «главноначальствующего Новороссийской области» генерала Шиллинга. Зигмунд был связан с рядом типографий, печатал в них листовки, паспортные бланки, свидетельства об освобождении от воинской повинности.

Это был типичный газетчик-подпольщик. Со спокойным видом, в кургузом пальтишке и в студенческой фуражке, сдвинутой прямо на пенсне, он тихо насвистывал «Сильву», расхаживал по улицам, держа левую руку в кармане... Здесь он держал всякую нелегальщину с таким расчетом, чтобы всегда можно было ее выбросить. Мы почти ежевечерне посещали оперетку и иногда занимали весь ярус галерки. Зигмунд здесь разгружал свой карман, передавая нам свежие номера газеты, бланки и листки.

Недолго ему пришлось поработать. Провал «сжег» наши явочные квартиры. «Сгорела» и «Посредническая контора» Дуниновского на Херсонской. Спасаясь от ареста, он переехал на мою квартиру, но здесь уже была засада. В его левом кармане нашли пачку паспортных бланков.

Мы, чудом уцелевшие и чудом сохранившие свое детище «Одесский коммунист», не один раз — и в товарищеской среде, и на столбцах сначала нелегального, а затем легального органа губкома партии «Одесского коммуниста» — вспоминали о тихом Зигмунде, журналисте, вышедшем из самой революции и за нее мученически погибшем.

П. Т. Пастернак

Висунская республика

Непокорное оно, село Висунск!

Началось с террористических актов — уничтожения нескольких представителей государственной стражи — так называлась деникинская полиция. А вскоре широко развернулось повстанческое движение, которое вобрало в себя все трудовое селянство Висунска, проникнувшееся сознанием, что жить под деникинской пятой невозможно. Восстание требовало организованности и, конечно, руководителей, которые способны были бы организовать, сплотить людей для решения боевых — и не только боевых — задач. Нашлись эти руководители: Ф. С. Юхименко, З. М. Мурляня, В. Н. Яриловец, А. Т. Переяслав и другие.

Готовясь к восстанию, руководители связались с Одесским, а также с Николаевским и Херсонским подпольными комитетами большевиков. А уже в начале сентября 1919 года на висунском кладбище состоялось большое нелегальное совещание. Руководил им Ф. С. Юхименко. На совещании было около 80 человек. Решили немедленно приступить к организации партизанского отряда. Отряд был сформирован и насчитывал 275 штыков и 35 сабель при двух пулеметах. В состав его влились повстанцы Березнеговатого и других близлежащих сел.

Через некоторое время Одесский подпольный комитет прислал в Висунск своего представителя. Прибыли также представители из Херсона и Николаева. На совещании, состоявшемся 21 сентября с их участием, был обсужден план организации вооруженного восстания во всей округе. Ф. С. Юхименко и другие висунцы на следующий же день установили связь с соседними селами и предложили создать в них повстанческие группы. Дело быстро продвинулось, и несколько дней спустя в Висунск поступили донесения: в селах

организованы многочисленные группы, готовые в любую минуту встать с оружием в руках в ряды повстанцев биться за Советскую власть. Так, в селе Большая Александровка в отряде насчитывалось 600 человек, в Новом Буге — 200, а Баштанка обещала прислать хорошо вооруженный отряд численностью 600 человек.

Слухи о готовящемся восстании, очевидно, дошли до коменданта Херсона полковника Саликова. В Висунск был послан карательный отряд из 120 человек с пушками под командованием бывшего пристава Богомолова. Двигаясь к Висунску, каратели расстреляли по пути многих крестьян в Ново-Петровке, Снигиревке, Любомировке и других селах. Но деникинцы не добились цели. Беспощадная жестокость вызвала лишь новый взрыв возмущения, и крестьяне сотнями вливались в ряды повстанцев.

Утром 24 сентября отряд Богомолова подошел к Висунску. Ударили в набат. На помощь партизанам поднялось почти все взрослое население. Каратели были отбиты. Богомолов, раненный в бою, бежал с остатками своего отряда в Херсон.

...Общесельский сход в Висунске. Повстанцы заявляют: они готовы бороться против белогвардейцев до последнего вздоха! Тут же, на сходе, избирается ревком. В его составе Ф. С. Юхименко (председатель), В. Н. Яриловец (заместитель), З. И. Мурлян и другие. С этого дня Висунск стал главной базой повстанцев.

Повстанческий военный комиссариат объявил набор бойцов! в партизанские отряды, занялся их вооружением, разработал порядок обороны Висунска, Березнеговатого и соседних сел, Наш отряд насчитывал уже около 500 бойцов.

Стремясь раздавить очаг партизанской борьбы, деникинцы предприняли 1 октября второе наступление на Висунск, на сей раз с двух направлений: со стороны Снигиревки двигался отряд из 600 человек, вооруженный орудиями и пулеметами, *иод* командованием капитана Молодцова; от станции Явкино — отряд поручика Заикина такой же численности. Белогвардейцы потребовали сдаться без боя. Но повстанцы отказались даже дать ответ на это наглое требование. Парламентеров задержали и препроводили в висунский ревком. В тот же день каратели начали яростное наступление. Бой продолжался до самой ночи, но и на этот раз враг был разгромлен.

Но белогвардейцы не отказались от дальнейших попыток разгромить партизан.

В предвидении нового наступления стало особенно ясно, что без содействия крестьян всей округи висунские повстанцы едва

ли сумеют одолеть белых. Поэтому на другой же день ревком разослал своих гонцов во все соседние села за помощью. В одно из самых больших сел — Березнеговатое приехали Юхименко и Мурлян. Много выступило ораторов на созванном митинге. Были и такие, кто предлагал подождать с вооруженным восстанием. Однако такого рода речи встретили дружный отпор батраков и бедняцко-средняцкой части населения. После горячих споров собрание решило присоединиться к восстанию и признать его руководителем висунский ревком.

Ревком выпустил на украинском языке несколько листовок и воззваний с призывами к крестьянам вступать в партизанские ряды. «Боритесь против белых и иных бандитских отрядов, против угнетателей и грабителей украинского народа, за Советскую власть!..» — говорилось в одном из них.

И эти обращения сыграли свою роль: в Бисунск стали стекаться сотни крестьян, готовых с оружием в руках защищать народную власть.

На призыв Висунска первой откликнулась Большая Александровна, приславшая отряд, вооруженный несколькими пулеметами и артиллерийским орудием. Правда, пушка была без замка, но местные мастера изготовили замок собственной конструкции, после чего орудие не раз посылало смертоносные гостинцы врагу. Прибыли подкрепления и из других сел.

Теперь Висунский ревком стал готовиться к боям более значительным по масштабам. Но чтобы партизанская оборона была успешной, решили провести одну важную организационно-политическую меру. И вот 21 октября в Висунске состоялось собрание селян с участием представителей окрестных сел. Висунск вместе с окружающими населенными пунктами был торжественно провозглашен независимой народной республикой. Тут же было избрано правительство республики: председатель — Ф. С. Юхименко, нарком по военным делам и командующий висунской армией — В. Н. Яриловец, начальник кавалерии — З. М. Мурлян. Были избраны также народные комиссары финансов, продовольствия, юстиции. Вошли в состав правительства также представители ряда сел — Большой Александрова, Ново-Севастополя и других.

Участники этого памятного собрания, конечно, отдавали себе отчет в том, что Бисунск не может быть ни отдельным, ни независимым государством и что провозглашение республики диктуется суровой обстановкой борьбы. Организовать восстание крестьянства против угнетателей — именно в этом был главный смысл этого акта. И цель была достигнута. Трудящиеся действительно рассматривали Висунскую республику

как подлинную защитницу их интересов и всеми средствами поддерживали ее.

...После двух неудачных попыток разгромить Висунск деникинское командование на некоторое время оставило нас в покое. Это позволило пополнить свои силы, наладить тесную связь с багганскими и другими партизанскими отрядами. К концу октября в повстанческих отрядах насчитывалось до трех с половиной тысяч бойцов. Одной только конницы, которой командовал Захар Мурлян, было более 1500 сабель. Сколотив солидную боевую силу, руководство республики приступило к подготовке наступления на Херсон и Николаев с целью дезорганизовать тылы деникинцев. Намечалось выводить из строя дороги, захватывать военные обозы, разоружать воинские части и помогать таким образом Красной Армии.

Стоит сказать также, что в те дни к нам неоднократно приезжали посланцы от Махно и Петлюры с предложениями объединиться с ними. Но, выполняя волю народа, наше правительство всякий раз отвечало отказом. Мы поддерживали связь с полевым штабом Красной Армии и с Николаевским подпольным комитетом большевиков и выполняли их боевые задания.

Был конец октября, когда наши отряды повели наступление через Снигиревку на Херсон. Вечером они неожиданно для белогвардейцев подошли к городу и ворвались на вокзал и в предместья. Натолкнувшись на бешеное сопротивление противника, партизаны вынуждены были снять осаду города, продолжавшуюся двое суток, и отступить. Наши войска отошли на станцию Снигиревка.

Висунские партизаны причиняли белогвардейцам много беспокойства. Особенно успешным был наш поход на станцию Явкино. Николаевский подпольный комитет через своих связных сообщил штабу висунских партизанских отрядов, что по железнодорожной линии Николаев — Знаменка на фронт отправляется в эшелоне большая группа офицеров. Из Висунска на Явкино вышли кавалеристы Мурльяна. Как вихрь налетели они на офицерский эшелон. В короткой яростной схватке белые были разгромлены: 75 офицеров были убиты в бою и много их взято в плен.

...Со всех концов Херсонщины под красные знамена партизан стекалась в Висунск молодежь. Восстание разрасталось до таких размеров, что генерал Слащев вынужден был снять с фронта несколько пехотных полков. Не раз вместе с карателями полковника Саликова предпринимали они атаки на Висунск. И каждый раз терпели поражение.

В ночь на 20 ноября 1919 года белогвардейские полки с

двумя батареями и эскадроном кавалерии повели решительное наступление на Висунск. Все население Висунска и Березнеговатого приняло участие в этом бою. Взрослые дрались с врагом, подростки подносили патроны, женщины перевязывали раненых. К утру выяснилось: не хватает патронов. Несколько смельчаков решили добыть их у белых. Операция удалась, и у нас оказалась целая подвода с боеприпасами.

Во второй половине дня противнику удалось захватить северную часть села. Укрепившись в южной его части, наше войско продержалось до поздней ночи. На рассвете 21 ноября повстанцы организованно отступили через Давыдов Брод к Малой Александровне.

С жестокими боями пробивались партизаны на Кривой Рог навстречу Красной Армии, наступавшей из Екатеринослава.

В январе 1920 года висунские партизаны, отряды которых к тому времени значительно пополнились за счет вступающих в них по пути партизан других районов, соединились с регулярными частями Красной Армии.

Правительство Висунской республики сложило свои полномочия.

С. Гайдук,
С. Теселько

Непримиримая Баштанка

Баштанка — крупное село на юге Украины, 2 тысячи дворов. Земля, в основном, принадлежала помещикам и кулакам. Жесточайшей эксплуатации подвергались малоземельные, безлошадные крестьяне и батраки, которые составляли преобладающую часть населения. Такой была Баштанка в прошлом.

Баштанка лежит неподалеку от Николаева, значительного по тем временам промышленного центра, и его влияние накладывало свою печать на духовную жизнь крестьян-бедняков. Крестьяне массами отправлялись в город на заработки и обычно устраивались на судостроительные заводы «Наваль» и «Рус-суд». Здесь они были свидетелями, а нередко и прямыми участниками рабочего движения. Получив революционную закалку, беднота, возвращаясь домой, становилась сознательной и организующей силой в деревне.

С большим воодушевлением встретили беднейшее крестьянство и батраки весть о социалистической революции. К этому времени вернулись в село те, кто был выслан царскими властями за революционную деятельность. Вернулись и солдаты, участники октябрьского штурма в Петрограде. Среди них были Марк Прихода, Михаил Прядко, Семен Дубяга и другие. Они и стали организаторами многочисленных митингов и собраний, на которых разъясняли подлинную суть происшедшей революции и подписанных Лениным декретов о земле и мире. Создали в Баштанке волостной революционный комитет, и первой его заботой стал раздел помещичьей земли и имущества среди малоземельных и безземельных крестьян.

В период немецкой оккупации Украины, в 1918 году, крестьяне Баштанки под руководством ревкома выступили против оккупантов и украинских буржуазных националистов. Повстанцы разгромили варту (полицейское управление), а затем разбили направленные в разное время в Баштанку три карательных отряда...

Баштанка осталась советской.

В марте 1919 года в Баштанку вступили регулярные части Красной Армии. В созданный волревком вошли В. Гайдук (председатель), М. Прядко, И. Самойленко, М. Прихода, А. Небаба, М. Дубогрей. А в июне прибыл представитель Николаевского комитета партии с целью помочь организовать в Баштанке коммунистическую ячейку. Она была создана, и в нее вступили М. Прядко, В. Гайдук, И. Руденко (секретарь) и другие. Коммунисты привозили из Херсона и Николаева политическую литературу, устраивали собрания, проводили беседы. На фронт отправлялись хлеб, фураж. Налаживалась материальная помощь сельской бедноте.

Передышка оказалась кратковременной. В августе денкинская армия заняла Николаев и прилегающий к нему район. Заняла и Баштанку. Под защитой белогвардейцев помещики отбирали у крестьян землю, имущество, зверски расправлялись с беднотой...

И вновь поднялись жители Баштанки. Поначалу выступали небольшими группами. Приводили в негодность железнодорожное полотно на линии Долинская — Николаев, совершали мелкие диверсии. 16 сентября 1919 года стало днем открытого выступления. На многолюдном собрании крестьян, созванном по инициативе большевиков, действовавших в это время подпольно, вынесли решение: восстановить Советскую власть и организовать повстанческий комитет. В состав его вошли 11 человек. Белогвардейская власть была свергнута. Начала свое

существование Баштанская республика. Имя это ей дали сами повстанцы.

Повстанческий комитет поддерживал крепкую связь с николаевским большевистским подпольем. От него получал информацию, указания. Чтобы сделать связь с подпольным комитетом регулярной, был выделен специальный связной.

Вскоре в Баштанке сформировали небольшой отряд из 50—60 партизан. Он быстро пополнялся и через несколько дней насчитывал уже более пятисот бойцов. В соседние села Привольное, Горожино, Ново-Григорьевку, Пески, Христофоровну, Константиновну и другие повстанческий комитет направил членов партии и активистов для организации там партизанских групп.

Спустя две недели было уже пять отрядов, в которых состояло свыше 2 тысяч вооруженных партизан, готовых сражаться с белыми. Население оказывало им всяческую поддержку, снабжая оружием и продовольствием.

Перед партизанами была поставлена задача — не пропускать ни одного поезда, никаких грузов, отправлявшихся белыми из Херсона и Николаева на фронт. И с этим партизаны справились. Не раз разрушали железнодорожную линию между станциями Явкино — Ново-Полтавка — Лоцкино и в других местах; задерживали продовольственные обозы и гурты скота, которые белые перегоняли для снабжения своей армии; выводились из строя большие участки телеграфной линии Херсон — Николаев — Полтава — Харьков.

Деникинский генерал Слащев, утвердившийся в Николаеве, неистовствовал. Карательным отрядам он дал категорический приказ: положить конец существованию этой проклятой Баштанки! И вот 22 октября 1919 года, восстановив движение по железнодорожной линии, разрушенной партизанами на двадцать километров по обе стороны от Баштанки, белые под прикрытием бронепоезда повели широкое наступление. Но деникинцы натолкнулись на упорную оборону повстанцев, и наступление захлебнулось. Понеся большие потери убитыми и ранеными, враг отступил.

Отбив первый натиск деникинцев, повстанческий комитет вовсе не рассчитывал, что каратели оставят Баштанку в покое. Баштанская республика, ее люди были всегда начеку. Она располагала широкой сетью оповещения. С какой бы стороны ни появлялся противник, донесение поступало тотчас же, и оборона организовывалась незамедлительно.

Николаевский подпольный комитет, во главе которого стоял «Сергей» (Ингулов), прислал в конце октября в Баштанку

своего представителя — товарища Афанасия. Это был энергичный коммунист, рабочий, сумевший завоевать большой авторитет у селян. От него мы узнали, что в Николаеве готовится восстание против деникинцев. Приняли решение объединить усилия баштанских партизан и николаевских рабочих.

Отряды баштанцев выступили в направлении Николаева. По пути заняли села Калиновку, Гороховку и станцию Водопой. Отсюда в город отправилась группа разведчиков. Один из них — М. И. Реця был схвачен белыми. После чудовищных пыток, ничего не добившись от него, деникинские палачи повесили отважного партизана на телеграфном столбе на Соборной улице в городе Николаеве. Больше недели белые не позволяли снять труп Рецы, а потом его бросили в реку Ингул.

...Бои с деникинцами завязались у станции Водопой. Партизаны отбросили противника, белые отступили. Однако наши разведчики так и не смогли пробраться в Николаев и связаться с подпольным комитетом. Выступление рабочих не состоялось. Не зная ни численности, ни расположения сил противника, командование партизанского отряда отдало приказ вернуться в Баштанку.

Хорошо вооруженные деникинские войска 10 ноября начали новое крупное наступление на Баштанку. Повстанческие отряды заняли оборону на нескольких участках общей протяженностью шесть километров — от железной дороги до каменоломен. Бой длился до позднего вечера. Внезапный удар нашей кавалерии, которой командовал Балух, по левому флангу белых решил исход сражения. Потеряв многих убитыми и ранеными, каратели к ночи отступили.

Чтобы подавить сопротивление партизан, генерал Слащев вынужден был принять самые решительные меры. Срочно были переброшены с фронта две дивизии, которые с ходу развернули наступление на Баштанку. Двое суток мы вели жестокий бой с превосходящими силами белых. Наши передовые отряды были отсечены от станции Явкино и колонии Доброе.

Обстановка для партизан осложнилась. Как усилить оборону? На совещании командиров за отдельными отрядами и группами закрепили определенные участки. Провели собрания партизан, разъяснили им предстоящую боевую задачу. Партийная ячейка, заседавшая совместно с повстанческим комитетом, решила срочно обратиться за помощью к Висунской республике, созданной красными повстанцами в соседней Берез-неговатской волости с центром в селе Висунск. Для переговоров с висунцами от нашего повстанческого комитета были посланы пишущие эти строки.

Ночью незаметно мы перешли занятую белыми железную дорогу и вскоре прибыли в Висунск. Повстанческий комитет решил оказать помощь и срочно направить в Баштанку кавалерию и отряды пехоты.

Больше тысячи висунских повстанцев с трехдюймовыми орудиями и тремя пулеметами подошли на следующий день к селу Явкино, расположенному в семи километрах от железнодорожной станции того же названия. Но здесь пришло известие, что утром 12 ноября, продвигаясь по железной дороге Херсон — Екатеринослав, крупные силы белых перешли в наступление на Висунск. Висунские повстанцы были вынуждены спешно вернуться в родные места. Договорились с командиром их отряда З. Мурляном, что баштанские партизаны отступят в случае необходимости на Кривой Рог. Туда же, если сложится неблагоприятная обстановка, отходить и висунским повстанцам.

И в тот же день озверевшие деникинцы снова атаковали Баштанку со стороны станции Явкино. Два дня шли упорные, кровопролитные бои. Несмотря на численное превосходство, все попытки белых сломить баштанцев не принесли успеха. Тогда деникинцы, используя свежие, только что прибывшие войска, стали окружать село.

Героически дрались в этих боях не только повстанцы, но буквально все трудовое население Баштанки. Однако силы были неравными, и белогвардейцы, не без помощи кулаков, прорвали нашу оборону и вступили в Баштанку. К вечеру сопротивление отдельных групп партизан было сломлено.

Началась дикая расправа. По приказу Слащева Баштанка была отдана на разграбление деникинской солдатне. Больше недели продолжалась кровавая оргия, сопровождавшаяся грабежами и насилиями. Повсюду пылали пожары. От трехсот крестьянских хат остались только кучи пепла и обуглившиеся бревна. Партизан расстреливали на месте — погибло около пятисот человек. Одновременно белогвардейцы прочесывали окрестные села и хутора, где могли найти убежище партизаны. Лишь небольшой части повстанцев удалось спастись. Они ушли в отдаленные села и в глубоком подполье продолжали борьбу.

История украинского села Баштанка в годы гражданской войны — это героическая эпопея о людях, вступивших в отчаянную схватку с силами старого мира, с белогвардейщиной, пытавшейся вернуть отнятые революцией привилегии и земли свергнутым эксплуататорам. И эта самоотверженная борьба нашла признание в благодарной памяти советских людей. Отмечая заслуги

крестьян села Баштанки, IX Всеукраинский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в 1925 году наградил село Красным Знаменем.

М. Н. Ленау

Николаев. 1919 год.

После короткого боя под Николаевом наши части, отошедшие из Херсона, стали отступать к переправе через Буг. По улицам проходили товарищи, друзья. Тяжело было расставаться с ними нам, остающимся для работы в подполье, нельзя было к ним подойти, в последний раз попрощаться. На улицах шныряли темные личности, наблюдавшие как за отступающими, так и за стоящими на тротуарах рабочими и работницами. Многих из друзей я видел в последний раз. Одни из них пали в боях, другие были расстреляны белогвардейцами, третьи погибли от сыпняка...

В Николаев вступила слащевская конница. Буржуазия ликовала. Замелькали белые платья буржуйских дочек, которые высыпали на улицу, разодетые по-праздничному, и посылали воздушные поцелуи золотопогонным «освободителям города».

Генерал Слащев со своим штабом, чествуемый кадетами, торжественно праздновал победу над Николаевом.

И уже в это самое время большевистское подполье начинало разворачивать свою деятельность. Оно готовилось к длительной и упорной работе в деникинском тылу.

...Я нанял квартиру у одного знакомого, у которого одно время жил в 1918 году во время австро-германской оккупации. Не ошибся я в нем и на этот раз. Семья квартирохозяина оказала нам немало ценных услуг, хотя все они хорошо знали, какой опасности подвергаются за укрывательство коммунистов.

Не успел я еще как следует обосноваться на снятой квартире, а ко мне уже стучались. Пришел Гриша Хазанов. Он оставался руководить подпольной комсомольской организацией в Николаеве. Вместо того, чтобы поздороваться, Гриша сразу же приступил к делу:

— Какие у тебя документы?

— Никаких, кроме партийного билета и удостоверения, написанного на лоскутке полотна чернильным карандашом.

— Ни к черту не годится!.. Эге, да у тебя, брат, физиономия студента. Студенческая фуражка (я купил ее в шапочной мастерской накануне перехода на нелегальное положение) тебе к лицу. Ты студент...

И Гриша вытащил из-за пазухи студенческую книжку Новороссийского университета на имя Любимова. На случай, если придется подвергнуть испытанию мои знания, а на этом я мог сорваться, Гриша вручил мне второй документ — билет студента Одесской консерватории (я был неплохим музыкантом, умел играть на флейте, пианино и других инструментах).

Через час у меня в комнате уже перебывало несколько человек подпольщиков-комсомольцев. Целая комсомольская ячейка!

В целях конспирации потом ко мне меньше стали ходить. Денег у меня было много, но совзнаками, и как только сов- знаки были аннулированы деникинскими властями без замены, я оказался без копейки в кармане. Меня-то кое-как подкармливали домохозяева, но положение Гриши было отчаянным.

Изможденный, худой как щепка, он работал не покладая рук. Питался сухарями и солеными огурцами. Наладить связь с другими оставшимися в подполье товарищами-партийцами в первое время не удавалось.

Я решил помочь Грише и нанялся тапером — пианистом в оркестре, игравшем при буфете на Морском бульваре. Играл два вечера и заработал двадцать рублей, которыми поделился с Гришей. Парень ожил. Но на третий вечер пришлось бросить таперство, так как я столкнулся с белым офицером, которого допрашивал перед отступлением из Херсона. Я бежал из оркестра, скрывшись в многолюдной толпе, гулявшей по бульвару.

Я встретился с одним из николаевских подпольщиков — Сашей. Он сообщил мне, что из Одессы прибыл представитель областного подпольного партийного комитета товарищ Сергей (Ингулов) и что он назначает мне встречу. На следующий день я явился по указанному адресу.

Сергей внимательно оглядел меня своими близорукими глазами, задал несколько вопросов о прежней работе и, очевидно, решил, что я «парень подходящий». Кроме Сергея в комнате находилась товарищ Виктория — подпольщица.

Свидание продолжалось недолго. Сергей предложил мне приступить к работе в любой белогвардейской газете, но держать курс на работу в деникинском «Агитпропе» — «Осваге». Как устраиваться, сказал он, дело твое. Директива — устроиться, а дальше действовать в интересах подполья... Проинструктировав меня в течение нескольких минут, Сергей попрощался с нами.

Как поступить на работу в редакцию? В городе издавались две газеты: одна Якушкина¹, другая меньшевистского профсовета—«Луч». Намечался выход третьей газеты — видного биржевого дельца Френкеля «Трудовая копейка». Большевистская газета нас мало интересовала... Надо было попасть в «центр политики» — в газету Якушкина, которая фактически являлась официозом штаба генерала Слащева.

Я решил действовать. Во время моей работы в «Херсонских известиях» при Советской власти мне часто приходилось по телефону вести переговоры с нашим николаевским корреспондентом, местным репортером. Наше знакомство было, так сказать, «телефонное». Репортер работал в газете Якушкина. Я явился в редакцию и, вызвав его на улицу, сразу приступил к делу.

— Я — Ленау... Я должен поступить на работу в какую-нибудь газету... Вы должны дать мне рекомендацию.

Видя, что парень растерялся от неожиданности, я стал напирать дальше:

— Деникин недолговечен. Деникин уйдет, а вы останетесь здесь, что будет, когда вернется Советская власть? Понятно?.. Вы должны мне дать рекомендацию.

Поддействовало. Репортер дал рекомендацию к редактору «Трудовой копейки» (у Якушкина штат был переполнен, пришлось пока как за «зацепку» ухватиться и за «Трудовую копейку»).

Рекомендация имела успех. Редактор принял меня на хроникерскую работу и дал ряд поручений. Но работать в «Трудовой копейке» не пришлось: начальник гарнизона города Николаева не разрешил выхода «Трудовой копейки». Этот факт произвел большое впечатление на николаевскую буржуазию и кадетов, ибо если в глазах деникинцев даже такая газета

¹ Вячеслав Якушкин, потомок народовольцев Якушкиных, прибыл в Николаев из Москвы в 1917 году по поручению партии эсеров, к 1919 году скатился в лагерь идеологов деникинщины, став махровым черносотенцем; в 1920 году был расстрелян по приговору Николаевской губернской чрезвычайной комиссии.— М. Л.

выглядела левой, то чего же им дальше сулит курс, взятый «южнорусским правительством»?

Тогда издание газеты затеял крупный помещик, кадет В. П. Юрицын. Он был другом главнокомандующего Новороссийской области барона генерала Шиллинга, и дело с выпуском газеты быстро наладилось. Секретарем редакции назначили старого журналиста А. М. Ростиславского. Выделили редколлегия газеты в составе некоего Владимирского, карьериста и борзописца, писавшего гнуснейшие передовые статейки; адвоката Равича (Александрова), писавшего большие фельетоны- пасквили на Советскую власть и большевиков, готового на любую подлость, лишь бы доказать свою преданность «единой неделимой».

Газета стала называться «Южное слово». Рекомендацию в эту редакцию мне дал уже редактор «Трудовой копейки». Мне предстояло проявить себя знающим дело и расторопным репортером, чтобы получать от редакции ответственные поручения, интервьюировать «высокопоставленных лиц», которые, разумеется, главным образом интересовали подполье, и, вполне понятно, не столько они сами, сколько их канцелярии, где можно было раздобыть тот или иной интересующий подпольную организацию материал.

По поручению редактора я отправился взять интервью у начальника военного порта адмирала Римского-Корсакова. Меня принял адъютант адмирала, молодой безусый лейтенант, который, как по всему его виду было заметно, страшно был горд тем, что носит адъютантские аксельбанты и кортик. Он доложил обо мне адмиралу. Последний принял меня весьма любезно и, узнав о цели прихода, попросил прийти к нему вечером на квартиру, на Адмиралтейскую улицу.

Вечером, принаряженный с игопочки, в черной паре, я сидел в кабинете адмирала. Он говорил, а я все записывал в блокнот. Адмирал, рассказав всю свою родословную, начиная от деда, перешел к изложению своего «послужного списка» и истории своих «боевых подвигов». Я все добросовестно записал. Интервью было прервано супругой адмирала, пригласившей нас в столовую ужинать. За бутылкой вина адмирал разошелся, расхрабрился и стал грозить большевикам, утверждая, что, он, адмирал Римский-Корсаков, через два месяца будет начальником морских сил Балтийского флота, который будет плавать под императорским штандартом.

Адмирал продолжал болтать и стал выбалтывать такие вещи, которые мне, подпольщику, вознаградили потерю целого вечера.

Через два дня в газете появилось интервью адмирала. Редакция была довольна моей работой. Еще более доволен был адмирал. Я узнал, что он страшно честолобив, и намотал это себе на ус.

С тех пор я стал вхож в дом адмирала. Он меня[^] величал «дорогим сыночком», угощал сигарами, вином, а по военно-морскому управлению дал через адъютанта директиву, чтобы мне предоставляли все необходимые для печати материалы и сведения.

Конечно, только небольшая часть получаемых мною сведений попадала в печать, другие же — об отсутствии топлива на судах, о волнениях среди матросов, о передвижениях военных судов ит. д.— получали те, кому они были более полезны.

Если буржуазные кварталы жили в атмосфере лихорадки, спекулятивной горячки, если валютчики, казнокрады, взяточники, тыловые офицерские крысы и чиновники жили как в угаре и их заповедью было: лови момент днем, «на деле», а по вечерам в ресторанах, то совершенно иная жизнь царила на Слободке и в других рабочих районах.

Редко можно было встретить рабочую семью, из которой один или два члена не были бы по ту сторону фронта — в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Заводы почти не работали. На гиганте «Навале» еле-еле теплилась жизнь, с грехом пополам работал «Тремсуд».

Заводом «Тремсуд» управлял директор-поляк (фамилии его не помню). Мне удалось в редакции добиться поручения бывать в качестве репортера на этом заводе. По удостоверению редакции заводская полиция беспрепятственно меня пропускала непосредственно к директору. Разумеется, пока я добирался от входных ворот до директорской — а проходить надо было огромный двор расстоянием в полверсты,— я по дороге, бывало, «посою» несколько прокламаций и пару-другую номеров подпольного «Одесского коммуниста». Директор меня информировал только о положении и перспективах завода. Рабочего вопроса он не касался и уже в первой беседе заявил, что такового сейчас не существует:

— Рабочие хотят есть, пить, одеваться и работать, политика их не касается. Политика — дело Добровольческой армии...

Нормальная работа завода начнется после занятия Москвы Добрармией. Это вопрос двух-трех недель. Орел взят. Не сегодня-завтра будет взята Тула, а оттуда до Москвы рукой подать...

А. А. Лиманский, первый
председатель
Северо-Кавказского краевого
подпольного комитета РКП(б), до
ареста в мае 1919 г.

М. С. Кочин, заведующий
орготделом и типографской
техникой Северо-Кавказского
краевого подпольного комитета
РКП(б), до ареста в мае 1919 г.

А. Г. Климов, командир разведки
отряда «Гром и молния».

Активные участники большевистского подполья на Северном Кавказе (справа налево). Сидят: М. Т. Маслиев, А. Л. Яичников, В. Ф. Черный, С. В. Полуян, А. И. Галаган, Н. Л. Гайденко; стоят: А. Ф. Черный, Г. М. Сергеев, Н. Д. Кожин, К. М. Корнилов, Е. А. Борзик

«Донская правда», орган Донбюро РКП(б),
пересылавшаяся на Дон через деникинский фронт

10238 Мандат: Н.И. Точеному
 командиром партизанского отряда
 Черниговского губкома КП(б)У
 командиру партизанского отряда
 Н. И. Точеному

Мандат Черниговского
 губкома КП(б)У
 командиру партизанского
 отряда Н. И. Точеному

Члены «пятерки» по руководству большевистским подпольем в г. Одессе:

П. Логинов

Л. Тарский

А. Гордон

— Ну а до взятия Москвы?

До взятия Москвы «несуществующий рабочий вопрос» давал себя чувствовать на каждом шагу, и мало для кого было тайной, что администрация завода больше тратит времени на информирование контрразведки, чем на администрирование.

Оставалось непонятным, зачем главнокомандующему генералу Шиллингу, прибывшему из Одессы, понадобилось сейчас лее после пышного банкета у В. П. Юрицына отправиться на завод «Тремсуд», чтобы выступить перед рабочими.

В день митинга я беседовал со многими рабочими. Их разбирало любопытство, что же им доложит генерал. Многих докладчиков слыхали за время революции, но генералов — впервые.

Собрание было довольно многолюдным. Рабочие слушали. Генерал говорил.

Надо отдать справедливость генералу, он проявил хорошие качества пропагандиста. От конкретного переходил к общему. Начал с того, что цены на хлеб, мясо, сапоги и мануфактуру в Сибири при правительстве Колчака низкие. Он сравнивал цены советские с ценами сибирскими и все бил в одну точку: разобьем, мол, большевиков, все будет дешево: и хлеб, и сапоги, и махорка... Одно было слабое место у оратора. Он «забыл» упомянуть о восьмичасовом рабочем дне, о профсоюзах, о свободе стачек. Правда, в поданных записках рабочие напомнили об этих вопросах, но в ответ солдафон-пропагандист, не моргнув глазом, отчеканил по-фельдфебельски:

— Я политикой здесь не занимаюсь. Наше дело военное. Политикой будет заниматься правительство после победы над большевиками. Образ правления установит Учредительное собрание, оно и установит политику по интересующим вас вопросам. А теперь мы знаем только одно: с богом, на большевиков, за единую неделимую Русь.

После такого «вразумительного» ответа в задних рядах раздались возгласы:

— Хлеба дайте! Соловья баснями не кормят! Хлеба нет. Денег не платят...

Генерал щелкнул каблуками, брякнул шпорами, приложил руку к козырьку и пошел прочь.

После посещения завода Шиллингом администрация зашевелилась и, опасаясь волнений рабочих, стала изыскивать средства для хотя бы незначительного удовлетворения материальных потребностей рабочих. Некоторые цехи частично перешли на изготовление предметов, которые можно было обменять на хлеб у крестьян. Была снаряжена экспедиция на пароходе, пущенном по Бугу к Ингулу, для такого обмена.

Но из этой затеи ничего не вышло.

В селах полыхал огонь крестьянских восстаний. Тогда-то и появился знаменитый свирепый приказ Слащева, в котором он грозил беспощадно расправляться с повстанцами, или, как писал он, белым войскам предстоит «весь путь от Николаева до Умани осветить зарей во всю ночь» (стиль у генерала Слащева был весьма своеобразный).

Рабочие голодали. Свирепствовал сыпняк. Деникин объявлял одну мобилизацию за другой. Рабочие не шли. На улицах устраивались облавы. По ночам шли повальные грабежи. Жизнь в городе превратилась в сплошной кошмар. Расстрелы мирных граждан, убийства в квартирах, на улицах стали обычным явлением.

В городе фактически установилась диктатура белой контрразведки.

Вскоре генерал Слащев оставил кошмарный кровавый след в Николаеве... Трудно без содрогания вспомнить «расстрел 61-го». Остановлюсь лишь вкратце на событиях трагической ноябрьской ночи 1919 года.

Однажды ко мне явился подпольщик Саша Биншток и сказал, что останется у меня ночевать. Нужно было написать воззвание к рабочим в связи с восстанием в Баштанке и Висунске. У девушки — соседки по квартире была пишущая машинка. Соседка нам ее уступила, и мы с Сашей по очереди стучали на машинке. Лишь под утро мы улеглись спать на полу, но заснули не сразу. Оба были под впечатлением воззвания. Не помню, теперь в точности содержания прокламации. Мы не предполагали тогда, какие роковые последствия эта прокламация принесет 61 молодой жизни. Наутро Саша ушел, забрав с собой воззвание.

Через три-четыре дня пришел Гриша (Хазанов).

— Сегодня будет у нас работа... Будет расклейка прокламаций.

Гриша хуже меня знал город и просил посоветовать, где лучше всего расклеить. Я объяснил. Мы еще часа два толковали с ним, говорили о скором разгроме Деникина и с увлечением строили планы нашей работы после прихода красных...

Гриша ушел оживленный, радостный, бодрый.

Утром меня разбудила квартирная хозяйка.

— Вставайте! Весь город бежит на площадь Коммунаров. Там лежат расстрелянные николаевские большевики.

Я вскочил и как пуля помчался в редакцию. Торопливо раскрыл газету. Да. Опубликован список 61 расстрелянного в эту ночь. Затем следует короткое сообщение о раскрытии подпольной организации и резолюция Слащева: «Расстрелять за то, что пошли против единой неделимой».

Быстро пробегаю список. В списке наши товарищи — Щербина, Поляков, Сосновский, Гриша Хазанов и Тамара Мальт (комсомолка), других знакомых имен я в списке не вижу.

Я помчался на площадь Коммунаров у завода «Тремсуд».

Пребывание в царской армии, двухлетние походы во время империалистической войны достаточно закалили мои нервы. Я видел много крови. Но то, что представилось моим глазам на площади у завода «Тремсуд», могло заставить кричать даже камни...

Большая часть площади была залита кровью. То тут, то там валялись покрытые пылью человеческие мозги, отрубленные пальцы, кусок уха, глаза, обрубок ноги... У подножия разрушенного белыми памятника коммунарам, погибшим в 1919 году в селе Козловке, были сложены в ряд 58 трупов (раненым во время расстрела Щербине, Полякову и Асушкину удалось бежать). Лица мертвецов изуродованы. Тех, кто не погиб сразу, рубили пашками. Многие расстрелянные были раздеты казаками донага.

Площадь была запружена народом. Обезумевшие женщины, старики, дети, с блуждающими глазами, перешагивали через трупы, переворачивали их вверх лицами, опознавали своих близких — детей, отцов, мужей, братьев. Душераздирающие крики женщин, тоскливый плач детей оглашали воздух. Я бродил по полю, искал Гришу и Тамару Мальт.

Я их нашел... Они были истерзаны пьяными контрразведчиками. В груди клокотало. Казалось, еще миг — и вскочишь на камни памятника и крикнешь собравшейся толпе: «Месть палачам!»

Только холодный рассудок удерживал от бесцельного шага...

Как разворачивался ход трагедии в ночь на 20 ноября 1919 года?

По данным, собранным мною, события происходили таким образом. Комсомольцы приступили к расклейке воззвания. По неосмотрительности они дали расклеить несколько прокламаций десятилетнему мальчику. Тот был пойман контрразведчиком. Ребенка стали пытать. Он рассказал, что прокламации

ему дал Гриша и привел контрразведчиков на квартиру Хазанова. Гриши не было дома, соседи сказали, что он ушел к Тамаре Малът. У нее на квартире они и были захвачены с прокламациями. Их отвели в контрразведку. Начальник контрразведки Шерман и его ближайший помощник поручик Липоман поспешили с докладом к Слащеву с заранее подготовленным списком на 61 человека. Слащев кутил в Общественном собрании на банкете, устроенном в его честь по случаю отъезда на петлюровский фронт. Слащев выслушал начальника контрразведки и, не долго думая, наложил свою трагически знаменитую резолюцию, утверждавшую расправу.

В час или два ночи началась казнь. По списку, составленному в контрразведке, из тюрьмы выводили заключенных и саживали на грузовики. Им говорили, что отправляют на «этап». Всех их привезли на площадь Коммунаров. Там в каком-то помещении заседал «суд» из контрразведчиков и офицеров, среди которых был и руководивший расстрелом поручик Липоман.

Некоторых приговоренных к расстрелу арестовывали в квартирах и свозили на площадь Коммунаров.

Для расправы был вызван специальный эскадрон казаков, которых предварительно напоили спиртом.

Последними привезли Гришу и Тамару. Их зверски избивали. Тамару за волосы подвешивали к потолку, требуя назвать имена большевиков. Грише огнем жгли пятки. Юноша и девушка держались стойко. Тамара, стиснув зубы, не проронила ни звука, Гриша запел «Интернационал». «Да здравствует Советская власть», «Да здравствует коммуна» — были его предсмертные слова.

Обреченных выводили по восемь человек, ставили у стенки и расстреливали. Так свершилась казнь шестидесяти одного. Шедших утром на завод рабочих заставили складывать трупы в один ряд¹.

Через два часа после посещения площади Коммунаров я был в штабе Слащева. Начальник штаба полковник Дубяго от имени генерала Слащева дал мне следующее интервью:

¹ По поручению губернского комитета партии мне довелось выяснять обстоятельства расстрела в ночь на 20 ноября 1919 года. Об этом я сделал сообщение на заседании Николаевского городского Совета 20 ноября 1921 года. Выступившие после меня товарищи Шляпников из профсоюза водников, Щербина и другие дополнили мой доклад. Отчет об этом заседании был опубликован (см. «Известия Николаевского губкома и губисполкома» 22 ноября 1921 г.) — М. Л.

— В Николаеве не осталось ни одной большевистской сволочи. Контрразведка ночью выловила всю подпольную организацию, и она расстреляна.

Но все это было далеко от истины. Ни один из членов комитета, никто из активных подпольных работников партии не был арестован. В тот же день состоялось собрание подпольной организации. На этом собрании было больше товарищей, чем когда-либо. Подполье действовало.

Расстрел шестидесяти одного был началом агонии белых. Чем дальше, тем больше население убеждалось, что безрассудные расправы над рабочими и крестьянами и кровавый террор усиливаются по мере развала Добровольческой армии. На фронте под Тулой дрогнули деникинские войска и Красная Армия перешла в решительное наступление. В тылу продолжалось разложение белогвардейского режима.

Как-то рано утром на телеграфном столбе на Никольской улице жители города увидели труп повешенного крестьянина. На груди у него была приколотая записка: «Партизан».

Оказалось, что ночью горстка партизан совершила налет на город. Одного из них деникинцы захватили в плен, остальные отступили. Труп болтался на столбе в течение суток. У столба собирался народ. Рабочие и крестьяне, специально приезжавшие поглядеть на то, «чи правда, що Дешкш селян випае», открыто выражали свое возмущение.

Через два месяца после того, как я поступил в «Южное слово», издатель газеты кадет В. П. Юрицын, не вдаваясь в объяснение причин, приказал заведующему издательством меня уволить. Тщетны были старания секретаря редакции и заведующего издательством доказать, что я хороший работник, «имею связи». Меня уволили.

Но без дела я оставался недолго. С распростертыми объятиями меня принял в свою газету Якушкин. Его газета к этому времени приняла откровенно черносотенный характер, в связи с чем большинство сотрудников ушло из редакции. Я стал работать у Якушкина. Здесь были лучше связи с белогвардейскими руководящими кругами. Через пару недель газету перестали читать. Якушкин занялся выборной кампанией в городскую думу.

На фронте белых произошла катастрофа. Белогвардейцы отступали к Харькову. Чувствовалось приближение конца деникинщины. Юрицын приготовился к спасению своей персоны с тонущего корабля Добрармии. Под предлогом отсутствия бумаги он ликвидировал «Южное слово». Тогда николаевское отделение «Осага» приступило к изданию газеты «Южная

речь». Заведовать делами редакции было поручено помощнику начальника «Освага» поручику Ромодановскому. Редактором газеты назначили начальника «Освага» штабс-капитана Коля. Ромодановский принял меня к себе на работу по рекомендации адмирала Римского-Корсакова, который тогда уже являлся градоначальником. Мне поручили прием информации по телефону из одесского «Освага». Поручик по секрету говорил мне, что на эту работу должен назначаться особо надежный человек, так как информация состояла из двух частей — одной для печати, другой только для сведения начальствующих военных лиц. Это было именно то, чего я добивался в течение нескольких месяцев. Задание Сергея Ингулова я выполнил.

Работать мне теперь стало особенно удобно, ибо я имел на руках такое удостоверение:

«ЮЖНАЯ РЕЧЬ»
Ежедневная политическая,
экономическая и общественно-литературная газета
г. Николаев. Хере. губ.

Предъявитель сего М. Н. Любимов состоит сотрудником газеты «Южная речь», издаваемой Николаевск, пунктом Одесского отделения Пропаганды. Редакция просит всех лиц и учреждения оказывать г. Любимову всякое содействие. Секретарь редакции

(подпись)

В этой связи вспоминается такой случай. Однажды ночью я шел по улице, нагруженный целой пачкой прокламаций. Вдруг контрразведчики оцепили всю Соборную улицу и стали обыскивать всех прохожих. Военных и тех обыскивали. А я предъявил свое удостоверение, держа в другой руке завернутый сверток прокламаций, и меня немедленно пропустили, а подпоручик, руководивший облавой, к тому же еще и взял под козырек.

Работа шла у нас совсем «чисто». Я принимал информацию в восемь часов вечера на междугородной телефонной станции. После приема тотчас же отправлялся к себе домой, где меня уже ждал Саша. Я ему отдавал не подлежащую оглашению «секретную информацию» и только после этого шел в «Осваг».

Для деникинщины наступили черные дни... Среди белых царил паника. Дисциплина в войсках резко упала. Шли грабежи. Началась подготовка к эвакуации. Сводки ввали безбожно. Я принимал из Одессы информацию о том, что «красные оттеснили наши части и продвинулись на 15 верст» и т. д.,

а поручик Ромодановский по-своему «переправлял» ее для печати, после чего она выглядела уже так: «Наши части оттеснили красных и продвинулись вперед» и т. д.

Ромодановский стал заявлять, что он хотя и патриот, но любит «каштань» (каштанами он называл деньги), и действительно он обирал «Осваг» и газету как только мог; штабс-капитан Коль принялся писать «либеральные» статьи, в которых ратовал за равноправие, «учредилку» и т. п. И без того бездарные статьи, подделанные под влиянием страха под «республиканский дух», были еще более отвратительны.

Белые арестовали в Одессе бывшего председателя Николаевского ревкома Ф. Соколова и доставили в Николаев, где военный суд приговорил его к смертной казни.

Согласно существовавшему положению, приговор должен быть утвержден начальником гарнизона. Наша организация подняла на ноги рабочие массы. Ф. Соколов пользовался большой популярностью среди рабочих. Под давлением рабочих меньшевистский совпроф послал делегацию к начальнику гарнизона Николаева с ходатайством о помиловании. Генерал ответил: «Я подумаю».

Я помчался за «интервью» к генералу. Генерала в штабе не оказалось. Пошел к нему на квартиру.

Я спросил:

— Расстреляете Соколова?

Генерал, сложив руки на груди и сделав «святое лицо», произнес:

— Я поступлю так, как подскажет мне моя совесть.

Он притворялся. Любому было ясно, что могла подсказать генералу «совесть». Подействовало другое — десятки писем, присланных рабочими, с угрозой, что если Соколов не будет помилован, то он (генерал) будет убит.

Смертная казнь была заменена Соколову двадцатью годами каторги.

Паника в городе усиливалась. Белые потеряли голову. «Мой» адмирал Римский-Корсаков сообщил мне однажды, что решил передать власть назначенному «демократическим путем» городскому голове и что кандидатом на этот пост он намечает брата Юрицына — Сергея Петровича, эсера, бывшего редактора-издателя «Сынов отечества», при Керенском бывшего губернским комиссаром Временного правительства.

Юрицын взял управление из рук белых на два дня. Выпустив из тюрьмы политических заключенных, он испугался «бремени власти» и вместе с братом-кадетом бежал на яхте в Одессу, а оттуда в Константинополь.

Из тюрьмы были выпущены Соколов, Насеноник, Шляпников, Зеленеv, М. Пархоменко и другие товарищи.

Через неделю белые в панике бежали на кораблях.

В десять часов вечера 31 января советские войска и партизаны-повстанцы на плечах бегущих казаков вступили в Николаев, ставший теперь красным Николаевом навсегда.

Л. С. Леонов

На смену павшим вставали новые бойцы

Фактическим началом подполья на Харьковщине можно считать середину июля 1919 года. Дело в том, что оставленные для подпольной работы коммунисты вскоре после занятия города деникинцами в конце июня 1919 года были арестованы. Провалы произошли и в других городах Украины. Поэтому избежавшие ареста коммунисты из других мест направлялись в Харьков, где их не знали и где они могли развернуть подпольную работу. Мой приезд в Харьков также был связан с провалом в Екатеринославе.

Так из работников, приехавших из других городов, начала складываться харьковская подпольная партийная организация, которая затем пополнялась местными товарищами.

Большое число коммунистов присылало Зафронтное бюро ЦК КП(б)Украины, возглавлявшееся С. В. Косиором. Оно было руководящим центром для подпольных организаций на Украине и в Крыму.

Направляясь в Харьков, я получил адрес явки, которая была на учете у Зафронтбюро (по Конторской улице, дом № 40). С трудом связался с местными подпольщиками М. Буровым (Адиным) и А. Левитиным. Они и ввели меня в организацию, предварительно устроив мне тщательный опрос.

Первоначально работа харьковских подпольщиков в значительной мере сводилась к выявлению преданных Советской власти товарищей, организации явок. Затем была поставлена задача во что бы то ни стало создать типографию. Специалистов печатного дела мы нашли. Одним из них был рабочий Сливинский, работавший в то время в типографии Яковлева. Он

сообщил нам, что эвакуированный Харьковский губком партии оставил в Сумах небольшую типографию и принадлежность к ней. Через несколько дней основная часть типографского оборудования была перевезена из Сум членом нашей организации Губкиной. Не хватало шрифта. Его запас постепенно пополнялся Сливинским, который незаметно выносил шрифт из типографии Яковлева. Все же этого было недостаточно. Полностью наладить работу типографии мы не имели возможности из-за отсутствия денег.

В Харькове на полуполюгальном положении существовал Красный Крест. Как-то представительница этой организации Трахтенберг передала нам просьбу приехавшего партийца связать его с нашей подпольной организацией. Опасаясь провокации, мы категорически отказались от приема работников через Красный Крест. Так как приезжий настойчиво продолжал требовать встречи, мы пошли на это и уполномочили одного из руководителей организации М. Адина (Бурова) встретиться с ним. Вдвоем с Буровым они пришли ко мне на квартиру (я жил тогда в Подольском переулке). Прибывший предъявил мандат Зафронтбюро, в котором было указано, что он является членом «тройки» по организации подпольной работы на Левобережной Украине. Кличка его Казимир. Это был Михаил Черный.

Несколько слов об этой «тройке». В дни эвакуации советских учреждений из Киева Зафронтбюро выделило «тройку» для организации подпольной работы на Левобережье, в которую вошли Михаил Черный, Петр Слинько и Тарногородский. В самый разгар эвакуации Черный и Слинько выехали в направлении Черкасс, откуда вели наступление деникинцы. В их задачу входило поскорее оказаться на захваченной врагом территории, чтобы потом легче было добраться до Харькова, уже занятого белыми. Вместе с членами «тройки» выехали девушки-коммунистки Наташа Порш и Леля Чернышевская, которые везли деньги и бланки для паспортов.

После встречи у меня мы пригласили Казимира на наше заседание, которое состоялось на квартире сестер Эбич (в доме № 3 по Ботаническому переулку). Сестры Эбич, беспартийные, работали в Красном Кресте. Мы информировали Казимира о положении в городе. А положение это, признаться, было неважное: не было средств, документов, налаженных явок, свирепствовал белый террор и т. д. Все это не позволяло активизировать деятельность подполья.

На этом заседании мы никаких организационных вопросов не рассматривали, договорившись решить их в более подходящих условиях, так как квартира, где мы в тот раз собрались,

не отвечала требованиям конспирации. Подыскать другую квартиру поручили мне. Следующее заседание состоялось на квартире моих знакомых Новиковых, проживавших по Пушкинской улице в доме № 53, рядом со штабом командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского. Комната, в которой мы заседали, находилась на втором этаже флигеля. Новикова дежурила на улице.

На повестке дня стояли три вопроса: 1) реорганизация подпольного комитета, 2) рассмотрение плана работы, 3) распределение обязанностей.

В состав комитета вошли: М. Буров (Адин), Андрей Колесников, А. Левитин, Н. Меклер, М. Черный, Л. Леонов. Я был избран секретарем подпольного губкома партии. Согласно принятому плану на ближайшее время, комитет должен был организовать подпольный ревком, наладить сеть явок в разных районах города, установить связь с другими городами и с Зафронтбюро, закончить организацию типографии, продолжать собрание сил для подпольной работы. Обязанности распределили следующим образом: за Михаилом Черным осталось общее руководство; Бурову поручили создание ревкома, налаживание связи с воинскими частями, приобретение оружия, руководство разведывательной работой; Колесникову — связь с профсоюзными организациями; мне — организацию явок, связи с другими городами и Зафронтбюро, выявление людей, готовых работать в подполье, и определение их на службу в нужные нам белогвардейские учреждения; Меклеру — организацию типографии.

После первого заседания комитета, утвердившего план, активность подполья заметно оживилась. Мы немедленно послали товарищей в Екатеринослав, Киев, Луганск, Кременчуг, в Зафронтбюро для информации и установления регулярной связи.

На первых порах были открыты три явки: на Плехановской, Мещанской и Ключковской улицах. Между прочим, это оказалось довольно сложным делом. Нередко для организации явок приходилось приобретать собственные торговые заведения.

Наиболее подходящим видом явочных квартир мы считали бакалейные лавки, в которых обычно имелись задние комнаты. В этих-то комнатах и должна была сосредоточиваться наша работа. Но тут мы сталкивались с трудностями в подборе «лавочников», ибо из числа подпольщиков трудно было найти подходящих товарищей, кто мог бы, не вызывая подозрений контрразведки, сойти за торговцев. Для этой цели пришлось

привлекать беспартийных, выразивших желание помочь подпольщикам и хорошо известных кому-нибудь из членов комитета. Каждая такая явка должна была быть на самокупаемости, однако в дальнейшем им часто приходилось выделять дотации.

Клочковская явка была предназначена для ревкома и связи с партизанскими отрядами; здесь обосновался секретарь ревкома, отсюда направлялась вся ревкомовская работа.

Явка на Плехановской служила для связи с заводами. Дежуривший на ней получал информацию с предприятий, держал и непосредственную связь с рабочими-подпольщиками.

Явка на Мещанской улице считалась центральной для приема посылавшихся к нам из других городов товарищей. Отсюда они направлялись и на соответствующую работу. На этой явке ежедневно дежурил секретарь подпольного комитета.

Кроме того, мы имели несколько квартир для проведения своих заседаний.

В то время, когда мы начали широко развертывать подпольную борьбу, деникинская контрразведка вырвала из наших рядов Михаила Черного. Как только нам стало известно об этом, я созвал заседание комитета. Бурову поручили выяснить обстоятельства ареста и местонахождение Черного. А. М. Янова, намеченная руководителем создававшегося тогда нами подпольного Красного Креста (к этому времени он еще не был организован), должна была сразу же, после того как от Бурова поступят сведения о Черном, связаться с арестованным и организовать регулярные передачи ему.

Красному Кресту удалось за сравнительно короткое время наладить связь с тюрьмой, организовать регулярные передачи арестованным и переписку с ними. Большую помощь во всем этом оказал надзиратель тюрьмы Власенко, глубоко сочувствовавший и бескорыстно помогавший нам. Впоследствии он был расстрелян белыми.

В своих письмах товарищам арестованные во всем оставались верными себе. Михаил Черный даже через толстые стены своей одиночной камеры ухитрился давать нам советы и указания, предостерегал от предателей, жертвой которых стал он сам.

Пытаясь добиться освобождения арестованных, Красный Крест прибегал к различным способам, главным из которых был подкуп. Перед соблазном получить кругленькую сумму денег не могли устоять многие деникинцы. Ряд товарищей удалось таким образом освободить. Но выкупить Петра Слинью, Михаила Черного и членов ревкома оказалось невозможным.

Накануне казни в пересланном нам предсмертном письме Черный писал: «Дорогие, вчера 28 октября в конторе тюрьмы был военно-полевой суд. Приговорено двадцать два человека к смертной казни, в том числе я... Завтра нас расстреляют. Я спокоен и давно приготовился к этому. Сообщите об этом моим родным и знакомым. Привет вам, дорогие друзья. Целую вас. Берегите себя. Умираю спокойно. Мстите. Ваш Михаил».¹

В лице Михаила Черного мы потеряли не только прекрасного организатора и незаменимого руководителя, но и отличного товарища, с большой заботливостью относившегося ко всем членам нашего подпольного коллектива. Его уверенность, его заражающая энергия придавали нам силы в тяжелой, неравной борьбе. «Нужно быть уверенным в победе — и мы победим», — говорил он нам всегда, и эти слова мы вспоминали в трудные минуты.

...Приток новых работников в харьковское подполье из центра и ряда городов Украины продолжался. Они приезжали с паспортами, полученными в центре, а фабрикация этих документов была далеко не совершенной. Бывало так, что в паспорте, там, где указывалось местожительство, значилась улица с несуществующим номером дома, или на документах разных ведомств стояли подписи одних и тех же лиц. Такое положение создавало опасность провалов, и потому стояла острая необходимость организации своего паспортного бюро. Мы выбрали трех человек — Соколова, Данишевского и Ашкенази, которые развернули работу не хуже любого полицейского паспортного стола. Бюро помещалось в доме № 4 по Театральному переулку в квартире, принадлежавшей Брунзелю. Квартира состояла из пяти комнат. Когда белые пришли в Харьков, сыновья и зять Брунзеля ушли в белую армию, и таким образом освободилась площадь, которую хозяйка сдавала внаем. В одной из комнат и поселился Соколов, у которого обосновалось подпольное паспортное бюро. Надо сказать, что мы старались по возможности использовать для своих целей подобные квартиры, не вызывавшие подозрений властей.

Наше бюро имело гравера, который изготовлял печати, штампы полицейских участков разных городов. Бланки для документов печатал владелец частной типографии на Грековской улице кустарь Исаев. В его типографии мы предполагали печатать и листовки. Работал Исаев в ночное время один, без помощников. За работу брал дорого, но с этим приходилось мириться. О том, что типография Исаева работает на нас, знали¹

¹ «Летопись революции», 1924, № 4, стр. 104.

лишь я и Сливинский, который и свел меня с Исаевым. Сливинский же, оказавшийся впоследствии предателем, и выдал Исаева контрразведке.

Наши «паспортисты» были связаны с некоторыми полицейскими участками и с воинским начальником, откуда получали подлинные, «законные» документы. Паспортное бюро было одним из важных наших отделов. Большое количество документов мы передавали пленным красноармейцам, которые, бежав из деникинских лагерей, пробирались с фиктивными паспортами в партизанские отряды. Немало паспортов выдали мы также солдатам деникинских частей, которые, как мы знали, готовы были дезертировать из белой армии. Паспортное бюро снабжало документами подпольщиков не только Харькова, но и других городов, а также через ревкомы еще и повстанческие отряды.

Быстро разворачивалась работа подпольного Харьковского ревкома. Ему удалось связаться с партизанскими отрядами, действовавшими в лесах Харьковской губернии. Их было шесть: в Сумском уезде отряд Савченко и Березовского численностью сто бойцов при одном пулемете, в Лебединском и Чугуевском уездах отряды, насчитывавшие 50 человек при двух пулеметах; в Ахтырском уезде отряд Фролова из 60 человек, в Изюмском уезде отряд Сазонова — 50 человек и в Валковском уезде — Корнеева — до 20 конных партизан при двух пулеметах. Кроме того, ревком наладил связь с рабочими-подпольщиками электростанции железнодорожных мастерских.

В тот период разворота деятельности подполья приехал из центра с мандатом Зафронтбюро с назначением в члены комитета Яковенко. Первое время он производил на нас впечатление опытного и толкового работника, но, как оказалось впоследствии, был провокатором. Еще спустя несколько дней приехали Френкель с женой Анной (их клички — «Француз» и «Француженка»). Френкеля и Яковенко кооптировали в состав нашего комитета.

Заседания комитета проводились довольно часто и проходили бурно. Первым вопросом повестки дня обычно была информация секретаря комитета о проведенной за время между заседаниями работе, о прибывших новых работниках и данных им поручениях. Оживленные прения вызывало обсуждение предстоящих задач. Дело в том, что, находясь в глубоком вражеском тылу, далеко от развертывавшихся на фронте боевых действий, мы не могли по деникинским газетам судить об истинном положении дел. Но мы знали о продолжавшемся отступлении Красной Армии, о падении Курска, Воронежа, Орла.

Прорыв Южного фронта белоказаками генерала Мамонтова, захват ими Тамбова и Козлова — все это говорило о том, что борьба с деникинцами потребует немало времени, и нам нужно было точнее определить, по какому руслу следует направить свои усилия. В этой связи многие из нас высказывались за то, чтобы сделать упор на пропагандистскую работу, вести планомерную организацию уездных и районных ревкомов, укреплять связи с партизанскими отрядами, собирать оружие. Выдвижения неосуществимых, всякого рода авантюрных проектов мы избегали.

Другая, численно меньшая, часть комитета считала необходимым взрывать мосты, склады боеприпасов и т. д., не учитывая, что мы не имели для этого ни необходимых материалов, ни организованных боевых групп.

Различие точек зрения на задачи текущего момента и в связи с этим взглядов на методы и направление партийной подпольной работы вызывало острые споры в комитете. В скором времени наметилась даже немногочисленная группировка, которая поставила себя в оппозицию большинству организации. Товарищи из оппозиции часто игнорировали правила конспирации и без ведома комитета, не считаясь с условиями разгула белого террора и широко разветвленной агентурой контрразведки, собирались группой до 15 человек, открывали широкие прения, в которых главное место занимала критика работы комитета. Как только я узнал об этом, то вызвал этих товарищей и разъяснил им обстановку, указал на последствия, к которым могут привести подобные действия, и сделал им строгое предупреждение. К резким мерам мы старались без крайней необходимости не прибегать, так как дорожили каждым работником подполья, тем более что все они были горячо и искренне преданы нашему делу.

Основная часть оппозиции вскоре согласилась с линией комитета, но оказались и непримиримые — Буров, Левитин, Соня Бальзак, которые продолжали выступать против линии большинства. На одном из заседаний комитета нам пришлось прибегнуть даже к крайней мере — вывести Бурова из состава комитета.

...В Харьков прибыла большая группа нелегальных работников из Екатеринослава — Орлов, Гринев, рабочие Брянского завода, Макс (фамилию не помню), М. Харнас, члены Екатеринославского губкома. Из Зафронтбюро к нам были направлены Миша Яновский (Хорольский), бывший член Полтавского губкома КП(б)У, Мазнюк, бывший офицер, Радько, крестьянин; затем приехал Белкинд (Орлик) из Киева.

В связи с приездом этих товарищей возникла необходимость реорганизации комитета. На заседание комитета был созван весь наш актив. После тщательного обсуждения предложенных кандидатур избрали новый губернский комитет в следующем составе: Френкель, Яковенко, Колесников, Буров, Хорольский, Соня Бальзак, Леонов. Я был снова избран секретарем губкома.

Вновь избранному комитету поручили изучить сложившуюся обстановку и определить направление текущей практической работы. На следующий день на Вознесенской улице состоялось заседание комитета, на котором был реорганизован ревком. В его состав вошли: Яковенко — председатель, Орлов — секретарь, Радько, Клим и Гринев — члены ревкома. Тут же назначили начальника оперативного отдела при ревкоме — Мазнюка, на которого возложили координацию наших действий с партизанскими отрядами. Наметили примерный план работы ревкома. Он предусматривал расширение и укрепление связей с партизанскими отрядами, организацию уездных ревкомов, приобретение оружия и отправку его партизанам, усиление работы по разложению деникинских воинских частей. Много внимания уделялось Красному Кресту, для укрепления которого мы выделили Харнаса и Анну Френкель.

Туго шло дело с организацией типографии. Если удавалось достать шрифт, то не было материалов, без которых нельзя было приступить к печатанию. Эту работу мы поручили типографскому рабочему Максу, бывшему члену Екатеринославского подпольного губкома партии. Он сумел кое-что приобрести, и нам удалось выпустить две листовки и два номера газеты.

Комитет придавал большое значение работе в профсоюзах. Как и в других городах, профсоюзы в Харькове возглавлялись меньшевиками, во всем поддерживавшими деникинскую власть. Многие из прибывавших к нам товарищей направлялись, в зависимости от их прежней специальности, в соответствующие профсоюзы, где они регистрировались как безработные, принимали участие в собраниях, забастовках и т. д. Особенно удачно была налажена работа в союзах табачников, кожевников и металлистов. От нашей организации в союзе металлистов работали М. Харнас и Козлов.

Во времени реорганизации подпольного губкома партии денежных средств в нашем распоряжении было достаточно. Их мы получили из киевской организации.

Немало внимания уделяли мы разведывательной работе. Задача была не из легких, но наши бесстрашные подпольщицы

Стася Слинько (жена Петра Слинько) и Леля Чернышевская сумели завязать связи среди штабного офицерства и регулярно добывали ценные сведения, которые тотчас же отправлялись Зафронтовому бюро.

...На одном из заседаний губкома было внесено предложение в целях большей централизации руководства подпольем комитет широкого состава распустить и образовать партийную руководящую «тройку». Эта «тройка» в свою очередь должна подобрать «профтройку» и придать ей функции высшего подпольного органа по руководству работой в профсоюзах. Эти предложения комитет одобрил. В избранную вскоре на собрании актива нашей организации партийную «тройку» вошли А. Френкель, Миша Хорольский и я. Через несколько дней мы детально обсудили положение в профсоюзах; была выделена «профтройка», членами которой стали старые профсоюзные работники Белкинц и Харнас, а также энергичная, несмотря на свой преклонный возраст, Анна Френкель. Профтройка, получив от меня все городские связи, приступила к работе.

Заседания нашей партийной тройки проходили часто, и на каждом обсуждались основные вопросы деятельности подполья. Помнится заседание, на котором сделал доклад секретарь ревкома Орлов. Он рассказал о возмутительном поведении Яковенко. Организация уездных ревкомов, возложенная на последнего, всячески оттягивалась, тормозились боевые начинания ревкома. Всеми силами Яковенко противился посылке коммунистов в деникинские части с целью разложения их. Заслушав информацию, мы поручили ревкому проводить эти мероприятия без участия Яковенко.

Настало время строго проверить Яковенко. К этому мы подошли очень осторожно. Поручили члену «парттройки» Мише Хорольскому обследовать работу ревкома, выяснить причины разногласий и обо всем доложить.

...Ревком собрался в один из вечеров в домашней столовой в Жаткинском проезде. Присутствовало девять человек. Примерно через час после начала заседания в столовую нагрянули агенты контрразведки с отрядом солдат, окружили дом, и все присутствующие были арестованы. Яковенко же предъявил какую-то бумажку и тут же был освобожден. Всех, в том числе и хозяина столовой, который не подозревал, что в одной из его комнат проходило заседание ревкома, повели в контрразведку.

Все это рассказала нам хозяйка столовой. Яковенко в тот же вечер около полуночи явился на квартиру Френкеля и «сообщил» о том, что произошло в столовой. Его самого, мол, не арестовали потому, объяснил он, что он сказал, что пришел

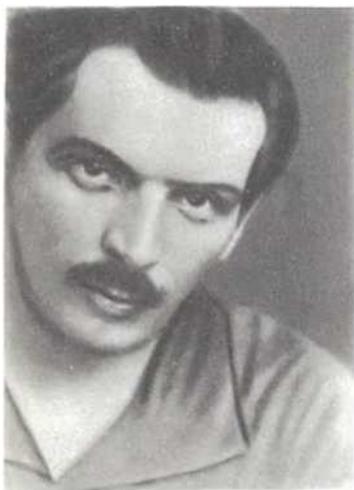
Руководящие работники большевистского подполья в г. Одессе:

Е. Соколовская

С. Дерш

А. Панкратова
(«Нюра Палич»)

Активные участники большевистского подполья в г. Одессе, замученные денкинцами. Проходили по «процессу 17-ти»:

Дора Любарская

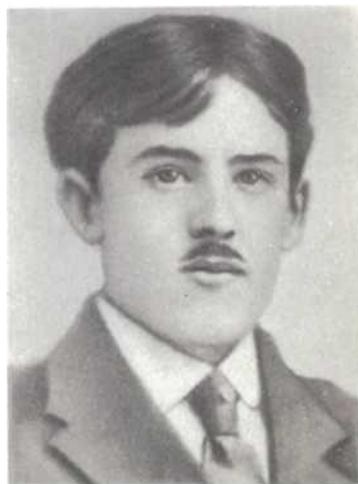

Ида Краснощекина

Зигмунд Дуниновский

Василий Петренко

Мемориальная доска на стене бывшего
Бульварного полицейского участка, где были
замучены подпольщики

Поля Барг

ЗДЕСЬ НА МЕСТЕ СТАРОГО
ПОЛИЦЕЙСКОГО УЧАСТКА
6-ГО ЯНВАРЯ 1920 ГОДА
ДЕНИКИНСКИМИ ПАЛАЧАМИ
ЗАМУЧЕНЫ КОМСОМОЛЬЦЫ
КОММУНИСТЫ
ОСУЖДЕННЫЕ ПО ПРОЦЕССУ
„СЕМНАДЦАТИ“
1. ЛЮБАРСКАЯ ДОРА
2. КРАСНОЩЕКИНА ИДА
3. БАРГ ПОЛЯ
4. ДУННОВСКИЙ ЗИГМУНД
5. ТУРОВСКИЙ БОРИС
6. ПЕТРЕНКО ВАСИЛИ
7. ПЕЛЬЦМАН МИХАИЛ
8. РОНФМАН ЯКОВ
9. СПИВАК ЛЕВ
ОСТАЛЬНЫЕ ВОСЕМЬ
ТОВАРИЩЕЙ ПРИГОВОРЕННЫ
К ВЕЧНОЙ КАТОРГЕ

Руководители харьковского подполья при деникинщине:

Михаил Черный

Петр Слинько

Листовка подпольщиков Крыма

Группа руководителей и активных работников подполья в Крыму. Третий слева в первом ряду Павел Михайлович Ословский («Антон»), командир Ялтинского партизанского отряда, секретарь подпольного горкома и председатель ревкома г. Ялты; во втором ряду: Сергей Яковлевич Бабаханян («Николай»), секретарь Крымского подпольного обкома партии (пятый слева); Матвей Андрианович Егеров, один из организаторов Альминского партизанского отряда, член штаба Повстанческой армии (первый справа); в третьем ряду: Владимир Семенович Васильев («Вася»), комиссар военного отдела подпольного обкома партии, комиссар Повстанческой армии (пятый слева); Клеопатра Константиновна Кожина («Патя»), член Симферопольского подпольного горкома комсомола, заместитель начальника разведки комсомольской боевой дружины (третья справа)

ужинать. Он просил Френкеля передать мне, чтобы я явился утром в указанное им место обсудить случившееся и подумать, что делать дальше.

Ранним утром Френкель пришел ко мне, информировал меня и передал просьбу Яковенко. Сопоставив факты и уже несколько не сомневаясь в том, что провал явился результатом предательства Яковенко, мы решили немедленно уйти с явочных квартир и сообщить всем нашим работникам, Зафронт- бюро и в другие города, связанные с нами, о провале явок. Как нам стало потом известно, на всех явках были устроены засады контрразведчиков, и товарищи, которым не успели сообщить о происшедшем, были арестованы. К счастью, таких арестов оказалось немного, так как известие о провале быстро распространилось по всей организации.

Начались аресты среди подпольщиков, забирали и хозяев квартир.

Организовали новый ревком, но и его вскоре арестовали.

Эти провалы произошли в момент перелома на фронте. К этому времени Красной Армией был взят Орел. Она уже подходила к Курску, все более приближаясь к Харькову.

В нашей «тройке» осталось двое — Френкель и я, так как Миша Хорольский был арестован вместе с ревкомом. Пришедшие ко мне Харнас и Анна Френкель передали, что контрразведка усиленно меня разыскивает, что арестованный ранее Сливинский ценой предательства выпущен на свободу. Мне необходимо было на некоторое время глубоко законспирироваться, так как Сливинский на заседаниях комитета хотя и не бывал, но меня хорошо знал, — мы с ним не раз встречались по делам типографии.

...Наступили последние дни деникинщины в Харькове.

Если первое время в белогвардейских газетах сообщалось о «победоносном» продвижении белых армий, то после начала контрнаступления Красной Армии характер сообщений изменился. Чувствовалось, как неудержимо двигается к Харькову наша армия. В витрине гостиницы «Метрополь» была вывешена карта, на которой цветными шнурами обозначалась линия фронта. Она все больше и больше приближалась к Харькову. Среди белогвардейцев началась паника. Бесчисленные приказы командования о мобилизации, публичные казни дезертиров не помогали. Белогвардейская армия разлагалась. Пьянство и грабежи захлестнули город.

Деникинская контрразведка продолжала свирепствовать. Незадолго до освобождения Харькова Красной Армией были расстреляны арестованные подпольщики. От рук палачей пали

наши лучшие товарищи. Погибли двое рабочих Брянского завода и рабочий-печатник Макс. Уничтожена была хорольская группа подпольщиков, которая пробиралась через фронт. Среди погибших — харьковские подпольщики Феня Жуковская, неоднократно переходившая линию фронта с ответственными поручениями, комсомольцы Саня Чернихов и Ваня Минайленко. Последние двое, работая в подпольном ревкоме, выполняли ответственные поручения: передавали документы пленным красноармейцам, были связными с партизанскими отрядами. Попав в руки врагов, комсомольцы держались бесстрашно. Саня Чернихов на допросе заявил: «Я хочу умереть вместе с моими товарищами».

За два дня до вступления в Харьков Красной Армии началась поспешная эвакуация белых. Поездов не хватало, заполнялись они преимущественно командным составом, буржуазией и их имуществом.

11 декабря 1919 года уже были слышны орудийные выстрелы. Вечером в тот день передовой отряд Красной Армии под командованием Саблина вошел в Харьков. Население, особенно рабочие, выйдя на улицы, радостно приветствовало красноармейцев, принесших избавление от ужасов белогвардейщины. Над Харьковом навсегда заалело красное знамя Великого Октября.

А. М. Янова

Подпольный Красный Крест

С середины июля 1919 года началось мое участие в большевистском подполье Харькова.

В начале августа из Киева приехал Михаил Черный. Вместе с ним прибыли Леля Чернышевская и Наташа Порш.

Как-то утром ко мне явилась Чернышевская и предложила пойти к Михаилу. От него мы получили задание встретить на Театральной площади между семью и восемью часами также прибывшего из Киева Петра Слинько и проводить его по данному нам адресу. Мы прождали до десяти часов, но Слинько не было. Пришлось возвратиться к Михаилу и сообщить о не состоявшейся встрече. Потом мы еще несколько раз прошли по Театральной площади, но результат был таким же. Позже

выяснилось, что за Слинько была установлена слежка еще в Киеве, и он был схвачен контрразведкой. Разумеется, Слинько ехал из Киева по документам на чужое имя. По ним мы и начали его искать. Эти поиски тоже не увенчались успехом. Лишь позже его обнаружили в контрразведке под настоящей фамилией.

Михаил Черный был отличным организатором и умелым конспиратором. За короткий срок работы с ним мы многому научились. В первую же встречу он обстоятельно поговорил с нами, просто и доходчиво объяснил, как нужно вести себя на улице, на явках, предложил изучить проходные дворы, разузнать, кто живет рядом в квартире, во дворе. Михаил преподавал нам элементарные уроки конспирации в подполье, и они не раз потом спасали нас от ареста.

Вскоре после того, как образовались подпольные губком и ревком, был создан политический Красный Крест. Возглавить его поручили мне. Вместе со мной работали Люба Козленко, сестры Эбич и Евгения Молохова и другие.

Работа Красного Креста в условиях белогвардейского террора имела особенно важное значение. Нам предстояло наладить связь с тюрьмой, организовать передачи арестованным, помогать их семьям и семьям красноармейцев, путем подкупа сотрудников контрразведки добиваться освобождения наших товарищей и т. д.

К работе Красного Креста мы привлекали большое количество молодежи и ряд коммунистов-подпольщиков. Я, например, вскоре познакомилась с одним из видных харьковских большевиков — Кравцовым (Тучей), а через него с шестнадцатилетним Ваней Минайленко, ставшим деятельным нашим помощником.

Если на первых порах мы ограничивались сравнительно небольшим количеством передач, так как списки выявленных арестованных были еще невелики, то уже примерно в августе встал вопрос о том, где готовить пищу, где собирать пакеты, где их раздавать товарищам для передачи арестованным в тюрьму. Для этой цели вначале мы использовали бундовский клуб. В этом клубе все было очень удобно. Он находился в стороне от оживленных центральных улиц, его посещали в основном рабочие, молодежь. Сюда же приходили и товарищи, которые, не имея явок, искали встреч с подпольщиками. Удобство заключалось еще в том, что при клубе был буфет, где готовились котлеты, пирожки и другие закуски. Это обстоятельство нас особенно прельщало, поскольку передачи, состоящие только из колбасы и молока, без чего-нибудь домашнего, могли вы

звать подозрения тюремного начальства. В клубе же для нас приготавливали именно домашнюю пищу. Особенно большую помощь оказывали нам кухарка и буфетчица. Они очень умело вкладывали записочки в пирожки с капустой или кашей, в хлеб, в пробки бутылок с молоком и даже в котлеты. Наши товарищи в тюрьме знали, что получаемую пищу нужно предварительно проверить, чтобы не проглотить непрочитанную записку.

В том же клубе поначалу собирались и городские комсомольцы. В поисках связи туда как-то забрел бежавший из деникинского плена комсомолец Саня Чернихов, которому вскоре губком поручил создание подпольной городской комсомольской организации.

К сожалению, через некоторое время пришлось уйти из этого клуба. И пришлось потому, что его руководство, состоявшее из меньшевиков, запретило нам собираться, опасаясь, что если контрразведка кого-нибудь в клубе арестует, то их могут обвинить в сочувствии большевикам. Этого они больше всего боялись.

Остаться без базы для Красного Креста мы, разумеется, не могли. Подобрали специальную квартиру в Булгаковском переулке. Здесь мы бывали в основном только днем, соблюдая все меры предосторожности. Но примерно через месяц ночью на квартиру нагрянули контрразведчики. Начался тщательный обыск, и, хотя никаких следов нашей работы деникинцы не нашли, они все-таки арестовали семнадцатилетнюю дочь хозяйки квартиры Юровскую, которую впоследствии расстреляли вместе с другими товарищами.

Снова возник вопрос, где и как готовить передачи. Пропустить хотя бы один день передачи значило обречь товарищей на голод и, главное, вселить в них тревожные мысли. И как бы трудно нам ни было, каждый раз находили какую-нибудь квартиру у родных, знакомых, в крайнем случае использовали какую-либо явку и там собирали и готовили пакеты с питанием, бельем, мылом. Позднее, когда мы связались с семьями арестованных, положение несколько облегчилось: отпала необходимость собирать в одном месте большое количество продуктов и людей.

Для арестованных, особенно тех, у кого в городе не имелось родных и близких, получить передачу было большой радостью. У измученных жуткими тюремными условиями товарищей немедленно поднималось настроение. И не удивительно: наши передачи были прежде всего свидетельством того, что о них думают, помнят, заботятся. Они понимали, что, если можно организовать

передачу, значит, можно помочь и с освобождением. Так постепенно налаживалась наша связь с тюрьмами. Мы регулярно приносили передачи и письма в каторжную и пересыльную тюрьмы.

Как-то в середине сентября не явился на явку Михаил Черный. Это сразу вызвало тревогу. Прождав день, мы начали поиски. Когда убедились, что его нет ни в больнице, ни в полиции, стали наводить справки, нет ли его в контрразведке. Вначале Михаила искали по документам, по которым он был прописан. Но поиски не увенчались успехом. Тогда решили искать его под настоящей фамилией и узнали, что Михаил, как и Петр Слинко, находился в контрразведке, а затем был переведен в тюрьму. Мы попытались попросить о свидании или передать хотя бы что-нибудь из продуктов, но в тюрьме ответили категорическим отказом: слишком опасными были они для белогвардейского режима, чтобы позволить им связываться с внешним миром.

Начали искать нелегальные пути, связи. Это удалось Ване Минайленко. Он узнал, что зрители тюрьмы Рябко и Власенко живут в одном из домов на Холодной горе. Рискуя головой, он явился прямо к ним на квартиру и повел разговор в открытую. Ваня заявил, что в каторжной тюрьме находится группа железнодорожников, в том числе его родственник, что им ничего не разрешают передавать и он очень просит помочь ему, за что готов хорошо заплатить. Не знаю, чем подкупил надзирателей Ваня: то ли своей непосредственностью, а может быть, они и сами искали повод помочь арестованным, но после небольших колебаний Рябко и Власенко согласились. Деньги они взяли только для того, чтобы подкупить других, но не для себя. Они поставили условием, что об их помощи должно знать как можно меньше людей.

На первых порах о Рябко и Власенко знали только Ваня, Туча и я, позже Леонов и еще некоторые из членов ревкома. Рябко и Власенко, которые искренне нам сочувствовали, оказали подполью исключительно большую помощь. Через них мы связались со Слинко и Черным, передавали им письма, получали на них ответы...

Вот одно из писем, полученных через надзирателя Рябко:

«Товарищи! Нас несколько раз жестоко били. Контрразведка хорошо знает наше прошлое, наши задачи. Они нас не оставят в покое. Им необходимо знать наши связи, явки. Нам необходимо вас отстоять. Нас били, пытали и еще будут мучить. Боритесь изо всех сил с врагами, берегите себя. Вы скоро увидите Советскую власть на Украине. Прощайте. Михаил».

Михаил писал и за себя и за Петра, так как Слинько сломали руку. Передавали письма надзиратели удивительно ловко и незаметно, искусно пряча их в рукавах.

Обо всем этом рассказали нам товарищи, вышедшие на волю. Был и такой случай, в котором также большую помощь оказал нам Рябко. Арестовали одного из организаторов основанной группы коммунистов Давиденко (Семена Ключа). При нем оказались нелегальные документы, что, естественно, намного усложняло его судьбу. Узнав об аресте Давиденко, мы начали хлопотать об его освобождении, готовить выкуп. Следователь за определенную сумму согласился на наши условия и предложил такой план: в каторжную тюрьму случайно попала какая-то уличная женщина-пьянчужка, которую должны были отпустить. И тогда следователь предложил подменить эту женщину Семеном. Но для этого нужно было передать в мужскую тюрьму для Семена женскую одежду и переодетого в нее вывести за ворота.

За осуществление этого плана взялся Рябко. Он передал подготовленную плохонькую одежду: платье, ботинки, платок. Получив одежду и необходимые документы, купленные у следователя, Рябко вывел «женщину» за ворота, довольно грубо подталкивая. «Женщина» ворчала, не подчинялась, но Рябко так крикнул, что «она» в страхе припустилась бегом. Позже Семен со смехом рассказывал о своем освобождении.

Продержались надзиратели до провала третьего ревкома. Рябко и Власенко арестовали, их избивали, пытали, бросили в камеру, где сидели наши товарищи, требовали, чтобы они выдали, кого знали. Но ни одного человека Рябко и Власенко не выдали, не назвали они и тех, кому носили передачи.

Впоследствии нам удалось выкупить довольно большую группу арестованных товарищей: кое-кого из железнодорожников, Немишева, Катю Ковалеву (Большую), Катю Маленькую и других.

Однако все наши попытки выкупить Михаила Черного и Петра Слинько не увенчались успехом. Ни один из следователей не решался на это, так как они были под особым надзором. Их расстреляли.

Очень большую помощь оказывала нам Евгения Францевна Молохова. Из деятелей прежнего буржуазного Красного Креста одна она пришла к нам и с первых дней работы оказывала неоценимые услуги. Мы получили возможность пользоваться каретой «Скорой помощи» (муж Молоховой был заведующим «Скорой помощи»). Были случаи, когда в карете перевозили наших людей. Несколько раз спасали товарищей, которым грозил

арест, раненых красноармейцев, командиров. Их забирали в «Скорую помощь», там они некоторое время отлеживались, а затем, выписавшись, включались в подпольную работу или уходили к партизанам. Впоследствии мы договорились направлять сюда и здоровых, если в этом была необходимость.

Однажды мне передали, чтобы я зашла к Туче на Валковскую, 25. Жил он на разных квартирах, но явка его была здесь. Окна выходили на улицу. Туча обычно сидел в последней комнате, занавески в ней были всегда опущены.

Туча производил впечатление сурового и малоразговорчивого человека. На самом деле это был добрый и отзывчивый человек, обладавший вместе с тем решительным характером. Дисциплинированный и подтянутый, он не выносил малейшей разболтанности в работе. Встречал товарищей всегда с улыбкой, шуткой или украинской прибауткой. Никогда при встречах долго не задерживался сам и не задерживал других. Даст задание или спросит о выполнении и тут же расстанется. При всех случаях напоминал об осторожности и смелости. Туча редко бывал на городских явках, но, когда он приходил, его всегда встречали шуткой. «Теплая туча спустилась с Холодной горы», — с улыбкой говорил кто-нибудь или еще что-нибудь в этом роде. И он отвечал обычно такой же шуткой.

Когда я пришла к Туче, у него уже сидели Ваня Минайленко и товарищ Василий из вагонных мастерских. Василий сообщил, что на днях арестовали группу рабочих, среди них почти все коммунисты. Их семьи находятся в тяжелом положении, нужна помощь.

Мы взяли списки и пошли по указанным в них адресам, чтобы связаться с семьями. Но дома, кроме ребятишек, никого не застали. А на другой день произошел случай, чуть не стоивший жизни мне и другим нашим товарищам из подпольного Красного Креста. Заранее распределив пакеты с передачами, мы договорились, кто кому будет передавать, и направились к воротам тюрьмы. Среди нас были юноши, девушки, жены арестованных, были Ваня и его мать — Евдокия Петровна. Она тоже принесла передачу и все боялась забыть фамилию своего «племянника». Я стояла сравнительно близко от ворот. Когда я назвала фамилию арестованного и назвалась его женой, из очереди раздался крик, послышались брань и слезы. Какая-то женщина начала кричать, что это она жена, что я — такая-сякая, вырываю у ребятишек последний кусок изо рта, отбиваю у нее мужа.

Теперь, мол, она знает, где он пропадал вечерами... И так далее в том же духе. С этими словами она бросилась ко мне с кулаками. Поднялся шум.

Назревал скандал. Я пыталась уговорить женщину, чтобы она замолчала, но из этого ничего не вышло. Ко мне подбежали Соня (Недомерок), Поля Вольская и еще кто-то из наших. Мы все начали уговаривать женщину. Выручила смекалка и находчивость Вани Минайленко. Он подскочил к «обманутой» женщине, дернул ее за рукав (а паренек он был крепкий, здоровый) и закричал:

— Что вы делаете! Ведь я же вас знаю и вашего мужа знаю. Это не тот. Мы пришли к однофамильцу. Глупая... Это мой двоюродный брат, а эта женщина — его жена, — указал он на меня, — а вот его мать, — Ваня показал в сторону своей матери.

Евдокия Петровна растерянно подтвердила, что она действительно мать однофамильца.

— Здесь много однофамильцев, — сказал Ваня, — что же, все и будем драться и ругаться?

Взволнованный его голос подействовал. Женщина перестала кричать. Постепенно успокоилась и толпа. На наше счастье, видимо, никого из шпиков, обычно шнырявших в очереди, не было.

Свой сверток я все же передала по назначению, а когда вернулась в толпу, женщина стояла рядом с Ваней и плакала. Успокоив ее, мы тут же направились к Туче, чтобы посоветоваться, как в дальнейшем избежать таких эксцессов.

По дороге к нам присоединились две женщины. Они были сравнительно молоды, но горе согнуло их. Разговорились. Мы намекнули им, кто мы в действительности. Они нас упрекнули, почему же не обратились к ним за помощью? Мы договорились, что будем давать деньги на продукты родным и знакомым арестованных, а они сами будут носить передачи.

Вскоре на Холодной горе и на Основе у нас появилось большое число знакомых женщин, которые стали активно помогать в передаче продуктов арестованным. Впоследствии, работая в Харьковском женотделе, я встречалась со многими из них. Наша школа пошла им явно на пользу.

Большую помощь оказывали женщины Ивановско-Холодногорского района. Особенно запомнилась Прасковья Даниловна Ионас (тетя Паша). Она много времени отдавала работе в Красном Кресте, доставала продукты, иной раз готовила у себя на квартире, разносила передачи. Это была полная, солидная женщина. Одетая просто, как и все жены рабочих. Примерно такого же типа была и Соколовская.

Обе они всей душой были преданы нашему делу, активно помогали во всем.

Когда мы их предупреждали об осторожности, они утверждали, что с ними ничего не случится, за ними никто не следит. Эта уверенность, к сожалению, оказалась для обеих роковой. После разгрома третьего ревкома Ионас и Соколовскую арестовали и расстреляли.

Вспоминается мне и мать Вани Минайленко. Старшие сыновья ее были в Красной Армии. Евдокию Петровну часто можно было видеть у ворот тюрьмы с узелком для «племянника», а таких племянников у нее бывало несколько. После ареста Вани она носила передачи уже сыну. И с исключительным мужеством переносила страшное горе — арест младшенького.

Но все же главными и основными помощниками во всей работе Красного Креста были наши комсомольцы, молодежь. Подвижные, вездесущие, они даже в мрачную обстановку очередей, собиравшихся у ворот тюрьмы, вносили живую струю. Подростки, они безотказно носили передачи «братьям», «сестрам», «тетям»...

Девушки вели большую работу и как связные, что в условиях подполья также было весьма сложным делом. Они были обязаны предупреждать о провалах, по возможности выяснять, нет ли засады после провала явки, выполнять множество разных поручений.

Возник вопрос, где достать денег для подпольного комитета. Послали товарищей в Зафронтбюро. Вскоре в Харьков прибыли две шикарно одетые дамы с большой суммой денег — Мария Кустелян и Сима Березовчук. Они остановились в гостинице «Россия» как жены офицеров. Но долго задерживаться в гостинице было опасно. Договорились с секретарем подпольного губкома партии Леоновым, что утром я с Анной Френкель («Французенкой») поеду в гостиницу и заберу деньги.

На другой день в условленный час мы явились на Екатеринославскую улицу, в гостиницу.

Привезенные деньги были в основном «кережки», достоинством в 20 и 40 рублей, некоторые — целыми «простынями», неразрезанные.

Деньги были зашиты в шляпы, горжетки, муфты, в нижние юбки, а поверх юбок нашит шуршащий шелк, чтобы скрыть шуршание ассигнаций (дамы носили тогда такие юбки), спрятаны в чемодан с двойным дном. В общей сложности «дамы» доставили полтора миллиона рублей. Часть денег мы уложили

в саквояж, а остальные пришлось забрать прямо вместе с тем, в чем они их привезли. Не совсем удобно было выходить из гостиницы в меховой горжетке на полотняном костюме. Чтобы сгладить впечатление, мы, спускаясь по лестнице, усиленно благодарили провожавшую нас Кустелян за посылки от родных. Видимо, ни у кого подозрений не возникло, потому что мы избежали расспросов, нам даже сочувственно улыбались.

Выйдя на улицу, я и Френкель сели на извозчика и направились к «французам» (Френкелям). Товарищи обрадовались деньгам. Особенно были довольны мы, работники Красного Креста.

Не успели мы распороть одежду и разобрать купюры денег, как пришел Яковенко *К* Он заявил, что все деньги заберет к себе: мол, у его квартирной хозяйки есть несгораемый шкаф, там он их спрячет.

Мы запротестовали и решительно заявили: в решении губкома сказано, что деньги должны храниться в разных местах. После долгих пререканий договорились, что берем необходимую сумму для Красного Креста, часть денег поступает в распоряжение губкома, а Яковенко заберет остальные, чтобы, как он выразился, их никто не «разбазарил».

...Разгром третьего ревкома был для всех нас страшным ударом. Арестовали Резникова, Асю Рабинович, Тучу, Лидова, большое число подпольщиков на заводах. Казалось, что враги наступают на нас со всех сторон. В первые дни мы сменили квартиры, некоторые уехали из города. Мне пришлось прятаться в какой-то кладовке на Москалевке. Вскоре обзавелись новыми паспортами и другими документами. Снова со всей остротой встал вопрос о выручке товарищей. Бросились в тюрьму к надзирателям Рябко и Власенко, но те уже были арестованы. Пришлось снова налаживать связи, искать людей внутри тюрьмы, чтобы связаться с нашими. Несколько позже такую возможность нашли, но не в такой мере, как помогали нам прежние надзиратели. Все же письма из тюрьмы мы получали до последних дней.

Пытались снова установить контакт со следователями, с которыми были связаны раньше. Кое-кого нашли. Договорились о таксе: примерно 15—20—25 тысяч за освобождение арестованного.

Договорились со следователем об освобождении Резникова, Аси, Тучи и других. О Ване Минайленко, Сане Черкихове, се-¹

¹ Впоследствии оказался провокатором. — *Сост.*

страх Эбич взялись хлопотать родные. Их мы снабжали деньгами, советовали, к кому обращаться.

Мы вырвали немало людей из тюрем... Но основную группу наших друзей, товарищей, с которыми мы работали, выручить из лап врага не удалось.

Нас заверили, что Резников, Ася, Туча и Лидов будут освобождены, что их нужно ждать в условленных местах, имея при себе для них одежду. Вечером на Екатеринославской улице дежурили Семен Грай и Леля Чернышевская, на Московской — Козлов и я, а у самой тюрьмы — группа наших подпольщиков. С заготовленной одеждой прождали до позднего вечера, но никто не явился. Связные тоже не могли сказать ничего утешительного. Мы собрались в квартире на Юрьевской. Ночью пришли связные и сообщили, что всех товарищей, которых мы ожидали, расстреляли. Это было 21 ноября. В эту ночь у многих из нас появились седые волосы.

Арест и гибель наших товарищей требовали от нас еще более напряженной работы, еще больше бдительности, осторожности.

Белогвардейские газеты трубили о своих победах и о «стратегических отступлениях», а мы, читая сводки, были убеждены, что белых бьют, что называется, и в хвост и в гриву. Мы понимали, что близится конец деникинщины, что недолго осталось властвовать белой своре на нашей земле. Но опасность была еще велика. Из тюрьмы мы продолжали получать записки с предупреждениями о предательстве. Как ни тяжело было пережить гибель товарищей, мы с новой силой включились в борьбу.

В те последние дни деникинской власти в Харькове организовался четвертый ревком в составе Ивана Федоровича Савельева, Ивана Гончарука, Ивана Козлова, Зиновия Табакова (последний был представителем партии украинских левых эсеров). Козлов в это время был секретарем губкома. Ревком ставил перед собой задачи: передавать командованию Красной Армии сведения военного характера, координировать действия подпольщиков и партизанских отрядов, готовиться к восстановлению Советской власти, делать все, чтобы спасти арестованных подпольщиков.

И снова ожила наша организация. За линию фронта было послано несколько товарищей с сообщениями о положении в городе и о планах белых. Одновременно послали товарищей для связи с партизанскими отрядами в Полтаву, Чугуев, Зми

ев, которые должны были отрезать белогвардейцам пути отступления. За несколько дней до вступления в город частей Красной Армии подпольный ревком издал приказ войскам белых, предлагая солдатам немедленно сложить оружие. Приказ был расклеен на улицах и разбросан в казармах.

Контрразведка не переставала охотиться за подпольщиками, но больше провалов не было.

8 декабря в городе началась паника. Эвакуировали тюрьмы. Свыше 2 тысяч заключенных белогвардейцы отправили по этапу на Змиев — Бахмут. Вслед ушедшим по этапу были посланы наши люди. По дороге кое-кого удалось освободить, но, к сожалению, это были единицы. Большое количество угнанных погибло в пути, часть их деникинцы бросили больными в Змиеве, Изюме, Бахмуте.

Последние дни перед освобождением были особенно напряженными для всей подпольной организации, и в частности для работников Красного Креста. Наметили квартиры, где соберемся, чтобы оттуда при первой возможности выйти навстречу нашим. 11 декабря мы собрались в квартире на Чернышевской улице. На улице дежурили связные. Вечером раздался резкий звонок. Мы бросились к дверям. Семен Грай крикнул: «Пошли на площадь. Наши пришли!» Мы не пошли, а полетели. На площадь уже вступил отряд из дивизии Саблина.

М. Я. Левитин

Боевые дела

После разгрома деникинцами 1-го Екатеринославского крепостного полка ¹, в котором я служил, оставаться в Екатеринославе мне дальше было нельзя. Екатеринославский подпольный комитет партии направил меня на подпольную работу в Харьков.

По приезде в Харьков, я включился в работу уже действовавшего здесь подпольного ревкома. Ревком занимался орга-

¹ 1-й Екатеринославский крепостной полк был сформирован в 1918 году из рабочих. Командирами батальонов и рот в нем были бывшие офицеры царской армии, которые при наступлении Деникина изменили Советской власти и перешли на сторону белогвардейцев.— *Сост.*

низацией «пятерок» в железнодорожных мастерских, на заводе Гельферих-Саде, паровозостроительном заводе и на других предприятиях.

В железнодорожных мастерских по заданию ревкома работой руководил подпольщик Василий (настоящего имени его я не знал). Подпольщики устраивали побег пленных красноармейцев, которых деникинцы водили работать на железнодорожную станцию. Под пакгаузом Василий со своими товарищами устроил довольно обширный тайник, куда во время работы незаметно отводили пленных, и они там отсиживались до конца рабочего дня. Здесь для них были приготовлены продукты и одежда. Беглецы переодевались, и их затем отводили на конспиративные квартиры. Снабдив бежавших из плена документами, оружием, подпольщики переправляли их в партизанские отряды.

Оружие мы добывали разными путями, в частности через одного юнкера из корниловского полка, связанного с подпольем. Чаще всего оружие от него получал я. Дело происходило обычно так. Я жил в Харькове в доме № 9 по Грековской улице. Из окна моей комнаты был виден весь двор казармы корниловского полка, находившейся неподалеку по той же улице. В условленный день и час юнкер выходил из казармы и шел ко мне. По пути он заходил в часовую мастерскую, помещавшуюся на первом этаже в нашем доме. Побыв немного там и убедившись, что «хвоста» за ним нет, юнкер поднимался ко мне на второй этаж и передавал оружие. Большой частью он приносил револьверы, а иногда и гранаты.

Оружие мы доставляли также из Кременчуга. За ним ездили Ефим Левитин и Меклер, а я и Лиман их охраняли. Однажды в корзинах мы привезли пятнадцать револьверов, пироксилиновые пашки, динамит и патроны. Оружие и боеприпасы мы передавали затем боевым «пятеркам». Они хранились на лесном складе у Семена Берегового, который был заведующим этим складом.

Для того чтобы устраивать побег военнопленных и принимать подпольщиков из других городов, нам необходимо было иметь паспорта. В них нуждались и мы сами, харьковские подпольщики. Как-то раз дочь моей квартирной хозяйки Соня Крумин познакомила меня со своей родственницей, торговкой с крытого рынка. В разговоре с ней я спросил, не может ли она достать паспорта. В ответ услышал, что достать паспорта для нее сущий пустяк, так как она близко знакома с участковым приставом. Через несколько дней родственница квартирной хозяйки принесла мне три паспорта с пропиской в Петинском

районе. Потом стала приносить по пять-шесть паспортов. Однажды поинтересовалась, зачем мне так много паспортов. Я ответил, что у нее покупаю паспорта по 500 рублей каждый, а на бирже перепродаю за тысячу. Есть смысл торговать ими? Таким объяснением она вполне удовлетворилась, так как тогда на денежной и товарной биржах можно было купить все что угодно.

На товарной бирже, например, продавались накладные на целые вагоны с продовольствием и военным обмундированием. Особенно охотно покупали крупные партии солдатских сапог и ботинок, которые потом перепродавались втридорога тому же военному ведомству. Затем эти же накладные опять шли в продажу, и их снова скупало военное ведомство. Нередко эти накладные на вагоны с продовольствием, обувью и обмундированием проделывали по два-три круга от интенданства к биржевым маклерам и обратно. Вовсю шел безудержный грабёж «единой неделимой», продававшейся оптом и в розницу. Кроме паспортов мне удалось через мою двоюродную сестру Женю Стамм, служившую в канцелярии Политехнического института, раздобыть пять или шесть студенческих удостоверений. Ими мы снабдили наших девушек-подпольщиц и связную Полю Люкиш. Но вскоре этот путь получения документов был для нас закрыт, так как сестра попала под подозрение и у нее отобрали печать.

Естественно, что все эти способы приобретения документов были ненадежными и небезопасными. Ведь пристав, продававший паспорта, мог предать и нас. Поэтому решено было организовать свое подпольное «паспортное бюро».

Это нам удалось, и с его организацией мы получили возможность более регулярно снабжать документами наших подпольщиков.

Примерно в первых числах августа 1919 года ревком разработал план взрыва радиостанции в штабе генерала Май-Маевского. На обсуждениях этого плана в ревкоме присутствовал Яковенко, который прибыл в Харьков с мандатом Зафронтбюро и вошел в состав второго ревкома. Он отрицательно отнесся к этой нашей диверсии, как и к военно-подрывной работе в деникинском тылу вообще. Такая «забота» о безопасности белогвардейцев нас насторожила.

Юнкер из корниловского полка, или, как мы его звали, «наш юнкер», познакомил юную подпольщицу Дусю Зельдович (ей было всего восемнадцать лет) с офицером-радистом из штаба Май-Маевского. Офицер увлекся красивой девушкой, их часто видели вместе и даже считали женихом и невестой. А это

давало ей возможность часто бывать в штабе, и поэтому мы отводили Дусе не последнюю роль в осуществлении операции по взрыву радиостанции.

Мы тщательно готовились. Точно распределили, кому что делать, принесли взрывчатку, наметили место, куда ее заложить. Оставалось назначить день и час. О готовности доложили на заседании ревкома.

Но произошли непредвиденные события. Неожиданно Зельдович получила от губкома указание немедленно выехать в Луганск в качестве связной. Она задание выполнила, вернулась в Харьков, однако операцию по взрыву радиостанции нам провести так и не удалось. Деникинское командование сменило всю охрану станции и почти весь обслуживающий ее персонал, в том числе и знакомого Дусе офицера.

И снова закралось у нас подозрение на члена ревкома Яковенко. Как потом оказалось, оно было обоснованным...

Тогда же, в августе, выяснилось, что в партийной кассе почти нет денег. Кроме текущих расходов деньги нужны были также для организации побегов пленных красноармейцев. Операцию с пополнением кассы губкома поручили организовать мне. Я решил разыграть роль богатого коммерсанта. Целыми днями терся на товарной и валютной биржах, завязывал «деловые» знакомства, говорил с дельцами о всяких маклерских делах, словом, присматривался и изучал обстановку. На денежной бирже менял валюту, на товарной мне удалось познакомиться с одним крупным дельцом. У нас завязались «деловые» отношения. Маклер охотно купил у меня иностранную валюту, приобретенную нами накануне специально для такого случая, и попросил достать ему еще. Я согласился. Наша группа, тоже наблюдавшая за «моим знакомым», установила, что тот закупил у военного интенданства большую партию товара. В разговоре с ним я узнал, что за купленные накладные маклер должен заплатить наличными. Значит, у него на руках должна быть крупная сумма денег, решили мы.

И вот, облачившись в лучшие костюмы, какие нам удалось достать, мы с Буровым, председателем нашего подпольного ревкома, отправились к коммерсанту домой. С нами пошли Дуся Зельдович и Лиман. Часов в девять вечера я и Буров позвонили в квартиру биржевика. Лиман остался дежурить на улице, а Зельдович на лестнице. Открыв дверь и увидев, что я не один, маклер смутился. Но я успокоил, сказав, что это свой, да и внешность Бурова внушала доверие. Как же он испугался дальше, когда мы, войдя в квартиру и приказав не поднимать шума, от имени подпольного центра потребовали у него деньги!

Мы взяли у маклера 50 тысяч рублей, пообещав их вернуть ему, как только вернется Советская власть...

После этой операции я перестал ходить на биржу.

Через некоторое время случайно встретился на улице с маклером. Он довольно дружелюбно спросил, почему меня не видно на бирже.

— Бросил дела,— ответил я.— Боюсь, что вы меня зафрахтуете.

— Я не дурак, а делец,— ответил коммерсант.

Здесь, думается, будет уместным сделать небольшие отступления.

...Шла середина 1920 года. Я и Буров работали в это время в Харьковской губчека. И однажды Буров приказал разыскать и привезти маклера, чтобы «вернуть ему долг». За ним на его прежнюю квартиру поехал я и дежурный комендант. Коммерсант сразу узнал меня и был сильно перепуган нашим визитом. Заплакала жена. Мы стали их успокаивать, но наши заверения, что ничего плохого не случится, что маклера приглашают только для того, чтобы вернуть долг, мало на них подействовали. Когда приехали в чека, Буров, поздоровавшись с коммерсантом, вынул из несгораемого шкафа пачку денег и протянул гостю. Тот упорно отказывался, говорил, что никаких денег ему не нужно и единственное, что он просит, это помочь ему устроиться на работу. Деньги ему все же вручили и с работой помогли. Наш знакомый стал заведовать продовольственной базой на железнодорожной станции. Отзывы о его работе были положительные...

Немного позже наша боевая группа провела еще одну операцию. Однажды мой брат Ефим Левитин нос к носу столкнулся на улице с есаулом Слюсаревым и штабс-капитаном Саввичем, с которыми мы служили в Екатеринославском крепостном полку и которые хорошо знали нас как большевиков.

Офицеры сразу узнали брата, но он не растерялся, метнулся в сторону и вскочил в проходившую конку. Но погони не последовало, так как Саевич и Слюсарев шли с девицами, а те не пожелали, чтобы их бросили на улице. Меклер по заведенному в нашей группе правилу конспирации шел за Ефимом на некотором расстоянии и все видел. Офицеры его не знали, и он пошел следом за ними. Саевич и Слюсарев направились в контрразведку.

Во избежание возможных жертв, мы решили убрать обоих офицеров. Наша группа выяснила, что штабс-капитан Саевич

живет в гостинице около моста, недалеко от Павловской площади, часто пьет запоем.

Мне, Дусе и еще одному члену нашей боевой группы удалось проникнуть в гостиницу. Дуся вошла в номер к Саевичу, третий наш товарищ, одетый в военную форму, наблюдал за комнатой Саевича в коридоре. Я был тоже в коридоре и ждал знака, чтобы войти в номер. Наконец товарищ поднял руку. Я быстро встал, вошел в комнату и запер за собой дверь. Саевич сидел пьяный на кровати и, узнав меня, рванулся встать. Я подскочил к нему и сильным ударом в челюсть свалил его на кровать. Дуся накрыла голову подушкой, вынула браунинг и дважды выстрелила. А граммофон на столе продолжал реветь:

«Ты громче, музыка, играй победу».

Дуся вышла. Через несколько минут вышел и я, заперев за собой дверь снаружи...

Слюсареву от имени подпольщиков мы написали письмо, в котором предлагали убраться из Харькова, иначе его постигнет участь Саевича. Через несколько дней Слюсарева в Харькове не было.

В харьковской белогвардейской газете было напечатано, что неизвестными злоумышленниками убит в номере гостиницы штабс-капитан Саевич. Газета призывала деникинских офицеров к бдительности.

...Наша военная группа поддерживала регулярную связь с партизанским отрядом Григория Сазонова, куда мы направили не один десяток освобожденных из плена красноармейцев. Нас сильно беспокоило, что в последние дни посланные в этот отряд связные не вернулись обратно. Мы мучились догадками: что же с ними произошло? Решили проверить явку, находившуюся в одном из сел в нескольких часах езды поездом от Харькова. Для проверки послали меня и Василия. О нашей поездке знали только Буров и Ефим Левитин.

Под видом рабочих, едущих в деревню за продуктами, мы сели в поезд. Прodelав путь по железной дороге, затем шли верст восемь пешком до нужного нам села. Вот и село. Оно было в одну улицу, тянущуюся на большое расстояние. У крайних домов мы увидели у коновязи несколько оседланных лошадей и около них спешившихся конных стражников. Они проверили у нас документы, которые не вызвали подозрения, и нас отпустили. Мы стали ходить из дома в дом, спрашивая нужные продукты, и одновременно осторожно выведывали, где живет крестьянин, с которым мы должны были повидаться. Оказалось, что с такой фамилией в селе много жителей.

С трудом разыскали нужный нам дом. Он стоял на противоположном конце села. Вечерело, когда мы постучались в окошко. Хозяина не было, а жена встретила нас довольно неприветливо. Вскоре вернулся с поля и сам хозяин. Когда мы остались с ним наедине, Василий спросил: «Не продадите ли нам соленых помидоров?» Это была условленная фраза.

Не нужно было особой наблюдательности, чтобы заметить, как смутился наш собеседник, услышав пароль. Но он быстро взял себя в руки и спокойно ответил: «Попозже, когда стемнеет». От нас не ускользнуло и то деланное радушие, с каким он пригласил нас подкрепиться с дороги и отдохнуть. Хозяйка поставила на стол яичницу с салом, огурцы и другую закуску. После ужина хозяин предложил нам отдохнуть, сказав, что скоро придет кум и проводит нас к партизанам.

Василий растянулся на лавке и сделал вид, что заснул. Я тоже прикорнул, сидя за столом. Хозяин ушел на кухню. Нам показалось подозрительным то, что хозяйка уж очень старалась греметь посудой. Но все же сквозь этот шум мне удалось уловить какой-то шепот, затем послышался тихий скрип двери. Через окно хаты я потихоньку выбрался во двор и незаметно стал наблюдать за хозяином, который уже шел по улице. Сначала он шел неспеша, а потом ускорил шаг, явно направляясь к коновязи. Все стало ясным: связной на явке был предателем. Захватив свои пожитки — вещевые мешки, где было фунтов по десяти сала и немного колбасы, — мы, несмотря на уговоры хозяйки, предлагавшей остаться, быстро ушли. И оказалось, очень своевременно.

За деревней тянулся длинный овраг, в который мы спустились и побежали по его дну. А наверху уже слышался топот копыт. Это ехали стражники. Они мчались к дому, который мы только что покинули...

Отбежав на почтительное расстояние от села, мы выбрались из оврага, прошли еще несколько километров и заночевали в стогу сена. Утром разными дорогами отправились на станцию. Сошлись на полустанке недалеко от Чугуева.

По прибытии в Харьков вечером собрались на явочной квартире. Присутствовали Буров, Колесников, Василий, Меклер, Ефим Левитин и я. Мы доложили о нашей поездке, о том, что хозяин явки — предатель. И только тогда Буров сказал нам, что эту явку дал Яковенко. Наши подозрения, что Яковенко провокатор, засланный к нам в подполье, выросли в уверенность...

А вскоре мы узнали страшную новость. Посланная с новым поручением губкома в Луганск Дуся Зельдович была там с не-

сколькими товарищами арестована. Ей грозит расстрел. Об этом секретарю подпольного губкома партии Леонову сообщил разыскавший его незнакомый деникинский офицер. Он сказал, что Дусю можно выкупить за 400 тысяч рублей. Такой суммой денег подполье не располагало, и поэтому было принято решение устроить налет на поезд, когда арестованных повезут на расстрел в Каменское.

Составили боевую группу во главе с Буровым и хорошо ее вооружили. В нее хотели включить также Семена Любича (Жукова) и Сурена Шаумяна, но Буров, как руководитель группы, запретил, сказав, что не имеет права рисковать жизнью этих ребят, так как они прибыли к нам со специальным заданием.

Несколько слов о Любиче и Сурене Шаумяне. Оба они приехали в Харьков в конце июля. Это были на редкость дружные товарищи, боевые и веселые. Семен — высокий, силач, очень спокойный и уравновешенный. Сурен, напротив, худенький, живой, легко вспыхивающий. Тогда мы еще не знали, что он был сыном расстрелянного бакинского комиссара Степана Шаумяна. Оба были храбрыми, казалось, начисто лишены чувства страха. И хотя ревкому было дано указание не рисковать этими ребятами, они не могли сидеть без дела, сами рвались на горячие дела, переносили оружие, охраняли явочные квартиры, выполняли множество других поручений. Причем не считались, малое или большое это поручение, важное или второстепенное, и выполняли их с одинаковой охотой, и, я бы сказал, вносили в подпольную работу своеобразную страстность и пыл. Любич к тому же был членом партии с 1917 года, прошел уже раньше школу подполья и был для нас, молодых коммунистов, большим авторитетом.

...Переговоры с офицером, который предложил выкуп за арестованных, вел по поручению Леонова Буров. Он предложил офицеру вместе поехать в Луганск, там он ему отдаст половину требуемой суммы, а вторую — сразу же после того, как освободят наших товарищей.

В поезде Буров и офицер сели в одно купе. Офицер не подозревал, что в этом же вагоне едет группа хорошо вооруженных подпольщиков, которые внимательно наблюдают за ним. Я устроился на верхней полке в том же купе, где находились Буров с офицером, так, чтобы лицо последнего мне было хорошо видно.

Перед Дебальцево по вагону прошел военный патруль. Я заметил, что документы Бурова контролер вернул, едва взглянув на них, а с офицером, проверяя его документы, обменялся каким-то знаком. Перед остановкой поезда в Дебальцево

я подал Бурову знак выйти, предупредил и других товарищей. Когда все вышли на платформу, мы по цепочке передали: возвращаться обратно, провокация.

В Дебальцево стоял готовый к отходу встречный поезд. Едва он тронулся, мы с Буровым вскочили в первый попавшийся вагон и уехали, а пустой чемодан так и остался в купе у офицера. Не все товарищи из нашей группы уехали этим поездом. Некоторые из них зашли на явку к нашему подпольщику, железнодорожнику со станции Дебальцево, и от него узнали, что три дня назад луганских подпольщиков, в том числе и Дусю Зельдович, расстреляли. Все объяснилось. Офицер был провокатором. Мы долго ломали голову, кто дал офицеру адрес секретаря губкома Леонова...

...В конце октября поздно вечером ко мне неожиданно явился взволнованный «наш юнкер» и сообщил, что под Орлом и Воронежем белые потерпели тяжелое поражение. Удары Красной Армии усиливаются, в связи с чем командование Добровольческой армии спешно перебрасывает наиболее надежные офицерские полки под Орел. Ему приказано со своим взводом нести охрану на станции Люботин, обеспечивать прохождение на фронт воинских эшелонов.

— Необходимо,— сказал юнкер,— принять все меры к тому, чтобы следующие со станции Люботин полки не дошли до места назначения...

Эти сведения я немедленно передал Бурову, который связался с руководителем железнодорожной боевой группы Василием. А уже через два дня в Харькове узнали, что эшелон из 25 вагонов с офицерами Дроздовской дивизии пущен под откос в районе станции Люботин...

В это же время на механическом заводе на станции Новая Бавария, где ремонтировалось оружие для деникинской армии, связанный с нами рабочий-подпольщик вывел из строя шесть станков, из-за чего был сорван ремонт пулеметов.

Вскоре связь с «нашим юнкером» прервалась. А еще немного позднее стало известно, что этот бесстрашный и мужественный человек, оказавший неоценимую помощь в нашей борьбе против врага, расстрелян контрразведкой, которой стала известна его связь с подпольщиками. К сожалению, ни имя его, ни фамилия остались нам неизвестными.

Положение белых на фронтах ухудшалось. Деникинцы в городе озверели. После проведенных нами диверсий начались повальные аресты и облавы среди железнодорожников, а также в рабочих кварталах Харькова. В тюрьме начались расстрелы политических заключенных. Ревком готовил нападение на

тюрьму, чтобы освободить арестованных руководителей подполья Черного и Слинко, других членов губкома и ревкома. Подполье мобилизовало людей из рабочих «пятерок», был разработан точный план нападения. Все было готово. Но в это время произошел провал третьего состава ревкома, и операция осталась неосуществленной.

Нашей боевой группы в это время уже не было в Харькове. По указанию ревкома ввиду явной угрозы нашего ареста мы выехали за линию фронта и добрались до Курска, недавно освобожденного от деникинцев. Через некоторое время мы получили назначение в различные воинские части.

П. И. Долгин

Кровавый путь деникинщины

11 декабря 1919 года. День выдался пасмурный, сыроватый. Но радость, огромная радость заполняет сердца горожан. В Харьков вступает Красная Армия. Сначала показались конные разведчики начдива-41 Ю. Саблина. Они спустились с Холодной горы, проскакали по Екатеринославской улице, свернули на Павловскую площадь и дальше направились к центру. Их встречали харьковчане, простые рабочие люди. «Наши! Наши! Наконец-то!» — раздавались возгласы.

Усталые лица всадников светились радостью, и кони, забрызганные по брюхо грязью, проходили перед собравшимся народом, как на торжественном параде.

Кончился для харьковчан кошмар деникинщины. Закончилось подполье. Четвертый подпольный ревком, ставший сразу после гибели третьего на боевой пост, привел подпольную группу бойцов к победе, несмотря на провокации, провалы.

И вот вместе с Саблиным собрались члены ревкома Иван Козлов, Иван Савельев, Иван Гончарук, Зиновий Тобаков, подпольные работники. Среди них Анна Янова, разведчица Стася Слинко. Сколько радости! Совсем иными кажутся знакомые лица. Но радость освобождения не может заглушить боль тяжелых утрат — гибели многих товарищей, близких, дорогих...

Сразу же после образования временного губернского ревкома было решено создать комиссию для расследования зверств деникинцев. Это решение возникло как-то само собой, как есте

ственная необходимость, как одно из первоочередных мероприятий Советской власти. И хотя в гражданской войне такой практики еще не было, хотя военных и всяких иных дел после освобождения от врага возникало бесчисленное множество, кровавый разгул деникинщины на Украине, их зверские расправы над рабочим и крестьянским людом были настолько отчетливо выраженным актом классовой мести, что показать истинный лик палачей народа и запечатлеть его для истории было делом огромной политической важности. Этим определялись направление деятельности комиссии и ее состав.

Во главе комиссии ревком поставил участников подполья. Председателем назначили автора этих строк, секретарем — Ирину Шевченко. Сама же комиссия состояла из многочисленных представителей профсоюзных организаций, кооперации, различных других общественных организаций. Харьковское медицинское общество делегировало в медицинскую экспертную подкомиссию видных своих деятелей.

В ходе работы было выпущено четыре номера бюллетеня Харьковской губернской комиссии по расследованию зверств, учиненных Добармией. В них были помещены протоколы экспертной подкомиссии с подробным описанием патологоанатомических обследований трупов, показания людей, пострадавших от деникинского террора, списки угнанных белогвардейцами при их бегстве из Харькова и многие другие материалы. Эти бюллетени являются важными документами, обвиняющими одного из «верховных» палачей — Деникина и его офицерскую свору насильников.

В Григоровском бору

С большим внутренним волнением приступили мы к обследованию мест расстрелов в Григоровском бору. Сюда водили белогвардейцы на казнь наших товарищей по подполью. Мы знали, как терзали их в застенках контрразведки изверги-палачи, и все же не могли примириться с мыслью, что увидим их, еще так недавно горевших страстью борьбы, мертвыми, изуродованными до неузнаваемости.

Здесь же уничтожались пленные красноармейцы, жители, заподозренные в сочувствии Советской власти.

Внезапно ударивший в начале зимы суровый мороз и выпавший снег скрыли все, что таилось в бору. Помогли нам жители харьковского предместья Холодная гора, знавшие места казни подпольщиков. Они делали зарубки на деревьях. По ним мы и отыскивали могилы.

К приезду экспертной группы в бору собрались сотни рабочих, их жен и детей, жители окраин.

Молча стояли они, стараясь не мешать врачам. Нарушали порой тишину лишь порывы ветра, пробежавшего по шапкам старых сосен, да вскрики родных и друзей, опознававших своих родственников, своих близких. Никогда мне не забыть лицо старика отца, увидевшего на дне разрытой ямы свою юную дочь и повалившегося как сноп на край могилы...

Картина, представившаяся нашим глазам, когда были раскопаны могилы,— вид обезображенных трупов, привязанных друг к другу толстыми веревками,— превзошла все наши мрачные предчувствия. Почти все трупы были раздеты до нижнего белья, без обуви. В результате подробного освидетельствования экспертно-медицинская подкомиссия констатировала мученическую смерть сотен людей, приводила в своем протоколе описания многих чудовищных способов уничтожения людей, применявшихся деникинцами.

Здесь происходила настоящая сеча. Исступленные в своем бешенстве, палачи стреляли, рубили, кололи, били прикладами, топтали сапогами, добивали безоружных, притом связанных друг с другом людей.

Без слез и глубокой сердечной боли нельзя было смотреть на обнаруженные трупы наших подпольщиков.

Среди них были:

Петр Слинько, двадцати четырех лет, член ЦК КП(б)У. На теле многочисленные следы от ударов тупым орудием и три огнестрельных раны...

Михаил Черный, член ЦК КП(б)У, руководитель харьковской подпольной организации. Руки связаны веревкой. Многочисленные кровоподтеки, происшедшие от ударов тупым орудием. Огнестрельное ранение с деформацией лица и черепа.

Иван Минайленко, семнадцати лет, активный работник подпольного Красного Креста, один из руководителей подпольного комсомола. Смерть последовала от паралича сердца после удара в область сердца.

И еще многие и многие. Далекое не всех удалось опознать, настолько изуродованы и обезображены были их лица...

Очевидцы свидетельствуют

Мы опубликовали в бюллетене комиссии 47 показаний. Написанные под свежим впечатлением пережитого, они отразили действительную картину жизни при белых, полный произвол властей, бесконтрольность и ненаказуе

мость деникинского офицерства, его полное моральное разложение: беззащитная продажность, взяточничество, коррупция, шантаж.

Одно за другим свидетельствуют показания о страшной работе карательных органов деникинщины. Весь город был охвачен сетью этих учреждений, куда тащили арестованных: контрразведка в «Палас-отеле» на Кацарской, 5, сыскное отделение в гостинице «Харьков» на Рыбной улице, комендатура, полицейские участки, гауптвахта, штабы отдельных воинских частей и тюрьма.

Контрразведка в «Палас-отеле» занималась наиболее важными делами, главным образом большевистским подпольем. Она засылала провокаторов в нашу подпольную организацию, громила подпольные явки, оставляла там засады, арестовывала наших товарищей.

Страшный застенок представляла контрразведка в «Палас-отеле». Методы ее работы — избиение шомполами, пытки, насилие, бесчеловечные издевательства.

Несмотря на то что контрразведка хорошо информировалась о подполье — три состава ревкома были выданы провокаторами, — офицеры контрразведки на допросах пытали каждого арестованного, добиваясь новых и новых данных, новых фамилий.

О «Палас-отеле» рассказывает на страницах бюллетеня один из харьковских жителей, не участвовавший в подпольной работе и арестованный только лишь по подозрению:

«— Ну что, подумал? — начал допрос штаб-ротмистр.

— Мне не о чем думать. Я ничего не знаю.

— Врешь, знаешь! — вдруг приходя в ярость, крикнул штаб-ротмистр. — Капитан, начинайте!

Капитан с шомполом в руке подошел ко мне, дав подножку, бросил меня на пол и начал бить. После 20 ударов капитан остановился передохнуть и в это время начал мне описывать последующие пытки, если я не сознаюсь.

— Это, — говорил он, — я тебя только погладил; погоди еще, если этого мало, будем бить по нервным узлам. Это уже немногие выносят, а будешь еще упрямиться, запустим штук пять холодных клизм. Это еще меньше выносят. Если и тогда не поможет, сделаем из тебя шомполом мясо, посыплем солью и оставим на пару часов размышлять. Это еще никто не вынес, не сознавшись.

После этого допроса я вернулся в камеру разбитый более от рассказа палача, что меня ожидает, чем от перенесенных ударов...

...Прошло несколько дней, и в «Палас» привели арестованных членов ревкома... Тут-то настало страдное время контрразведки. Бесперывные, в течение суток, допросы с «пристрастием», то есть с самыми жестокими пытками.

Нечеловеческим мукам подвергались арестованные женщины».

Вот что рассказала в одном из бюллетеней бывшая подпольщица Евгения Кринская: «Около 10 часов утра стали вызывать на допрос к главному заплечных дел мастеру Собинову в страшную, как оказалось после, 64-ю комнату. Первой позвали Мусю Телешевскую. Когда она вошла, на нее с нагайкой и кулаками, обдавая площадной бранью, набросились казак и Собинов. Били за то, что коммунистка, и требовали выдачи товарищей. Позвали меня. Когда я вошла, увидела Мусю, то почувствовала, что силы меня оставляют, так был ужасен ее вид: все лицо в кровоподтеках от нагайки и кулаков офицера».

Одну из активных работниц подпольного Красного Креста — Мандрацкую, продолжает свои показания Кринская, «пороли в течение суток три раза. Когда теряла сознание, ее отпаивали водой, отводили в камеру, а через некоторое время опять принимались бить, думая таким образом выпытать показания о работавших в подполье товарищах...»

Приведем еще один рассказ Германа Михайловича. При наступлении Деникина он был командиром повстанческого батальона Савинской волости Изюмского уезда. Его арестовали в Белгороде при попытке перейти фронт, где содержали в заключении при комендантском управлении, а 31 июля перевезли в Харьков в «Палас-отель». Г. Михайлович свидетельствует:

«...При контрразведке я просидел 12 дней, в течение которых пищи как мне, так и остальным арестованным совершенно не давали; при мне увели двух арестованных, почерневших и в беспамятном состоянии от голода. Каждый день были слышны крики избиваемых при допросах, которые производились большей частью, как я заметил, по вечерам, а то и совсем ночью, причем избиваемых запирали в отдельные комнаты. Помещение, которое занимали арестованные, состояло из четырех маленьких комнат; арестованных содержалось до 150 человек; теснота и грязь были ужасные; спали на полу вповалку женщины и мужчины... Много арестованных выпускалось за взятки, о чем в контрразведке говорили не стесняясь; с меня лично следователь просил 15 тысяч... У арестованных отбирали деньги и драгоценные вещи, на них пьянствовали офицеры контрразведки...»

Гостиница «Харьков», политический сыск, фактически филиал контрразведки... Если контрразведка в «Палас-отеле» занималась большей частью подпольем, то в «Харьков» попадали подозреваемые в сочувствии большевикам. Впрочем, строгого разделения не было. Арестовывали по любому поводу, а часто и без повода, просто с целью вымогательства, получения денег за освобождение. Методы «работы» те же, что и в контрразведке. Вот показания одного из товарищей о своем пребывании в гостинице «Харьков»:

«Я подвергся трем пыткам в контрразведке на Рыбной улице в гостинице «Харьков».

16 ноября меня вывели в помещение, где офицеры подвергли меня допросу и после приказали раздеться и стали избивать шомполами и плетью. Вечером, в семь часов, здесь же, после нового допроса меня подвергли пыткам. Сначала накинута *мне* на шею веревку с петлей и, потянув вверх, так что я должен был стоять в вытянутом положении, начали избивать руками и рукоятками револьверов; били преимущественно по бокам и лицу. Через несколько минут я потерял сознание и повис на веревке. Когда меня привели в чувство, опять подвергли допросу и после третьего допроса опять подвесили веревкой за челюсти и подтянули вверх, так что я вновь оказался в вытянутом положении и с вытянутой шеей, и меня начали избивать по горлу и по бокам, я опять потерял сознание.

Когда меня привели в чувство, то подвергли новому допросу и, поставив к стенке, сказали, что сейчас расстреляют...

После этого меня поставили на колени перед портретом Деникина и заставили петь «Боже, царя храни», во время пения избивали плетью по плечам и бокам».

Каторжная тюрьма. Здесь царили такие же порядки, как в «Палас-отеле» и гостинице «Харьков». Об этом свидетельствует находившийся в тюрьме Илья Морозов:

«...На поверке политических заставляли петь молитву... На каждую законную просьбу отвечали бранью и криком. За малейшее нарушение каторжного устава сажали в темный сырой карцер на хлеб и воду.

Карцеры помещались в нижнем этаже, в полуподвале, размером не более двух аршин на два. Небольшая голая кровать на железных прутьях, параша. Вот вся обстановка камеры. Небольшое окно, плотно закрывающееся чугунной ставней, дверь тоже чугунная, насекомых — клопов и вшей — там были миллионы, холод страшный, а теплой одежды брать не разрешалось. Просидеть 72 часа в этой адской яме было не шутка.

После вечерней поверки наступала длинная мучительная

осенняя ночь. Спать размещались рано, кто как мог. Вдоль низких стен были приделаны железные рамы, обтянутые грязными мешками,— это были кровати. Ни подушек, ни одеял не полагалось. Но не все счастливицы могли спать на таких кроватях, камеры были переполнены, и большинство размещалось прямо на голом полу, вповалку. Спали и на столах, под кроватями и вокруг вонючей параша. Ночью было холодно и сыро, наступили морозы, в окнах не было стекол, был отчаянный сквозняк. Топить и не думали... Многие, раздетые, тряслись как в лихорадке. Здоровых было мало. Появились болезни — бронхит, лихорадка, головные боли, наконец, и тиф...»

В тюрьме происходил и так называемый военно-полевой суд. Сюда приезжали офицеры контрразведки и в конторе вершили свои дела.

«При допросах,— свидетельствует тот же И. Морозов,— давались откровенные намеки на взятку. За десять — двадцать — сто тысяч, смотря по делу, можно было получить свободу. Взяточничество с арестованных достигло громадных размеров. Это была свободная торговля человеческими душами.

А душ этих было немало. В одной только каторжной тюрьме около двух тысяч, затем губернская тюрьма, сыскное отделение, многочисленные участки и арестные дома — все было переполнено, битком набито разного рода людьми. Но не все, конечно, имели возможность дать выкуп за себя, большинство не имело ни копейки, голодало на черном хлебе и терпеливо ждало решения своей участи. А решения эти были просты и ясны.

По выражению одного старого сыщика, «сто плетей за шкуру и на вешалку — вот наш суд». Этот страшный суд решал свои дела по ночам, в глухом застенке, в составе двух-трех полупьяных офицеров. Приговор составлялся заранее, в коротких словах: «Расстрелять!», «Повесить!» Подсудимого вводили только для того, чтобы объявить ему эти страшные слова. Часто решения выносились заочно и объявлялись подсудимому перед стволом винтовки или под петлей веревки».

Однако широко применялся белогвардейцами и старый метод, простой и безотказный, избавлявший даже от такой пустой формальности, как военно-полевой суд,— убить «при попытке к бегству».

Побывал в этой страшной тюрьме и председатель организационной комиссии по созыву международного съезда инвалидов первой мировой войны А. П. Дорофеев.

Он рассказал нашей комиссии, как инсценировались такие «попытки к бегству»:

«Нас было девять человек. Вывели из тюрьмы. Двое, будучи больными тифом, не могли идти и опирались на других товарищей. Только что завели за угол тюрьмы по Семинарской улице, конвой, идущий впереди и по сторонам, зашел сзади нас и построился развернутым фронтом. Нас же построили в два ряда по четыре человека, а я, девятый, был на правом фланге. Скомандовав нам: шагом марш, в то же время сами зарядили винтовки и после пяти-шести шагов в упор, на расстоянии четырех-пяти шагов, в спину раздался первый залп, от которого упало шесть человек; вторично зарядили винтовки. Трое, оставшиеся в живых, бросились бежать, пользуясь темнотой, но, помню, один еще упал. Мы двое продолжали бежать по Семинарской улице... Закоченевший, я направился в домики, и вот в одном меня приняли, где я и скрывался до прихода Советской власти.

В газете же от 18 ноября 1919 г. появилась заметка, что при попытке к бегству расстреляны семь уголовных бандитов, двое из них бежали. Заявляю, что в нашей группе не было ни одного уголовного, все девять — политические».

Этап

Конец деникинщины уже недалек. Все ближе и ближе Красная Армия. На улицах расклеены объявления о поголовной мобилизации в белогвардейские войска. Газеты печатают интервью с генералом Май-Маевским. Генерал говорит об уклоняющихся от мобилизации, об отсутствии патриотизма у многих граждан: объявленный командованием сбор теплой одежды для «доблестных воинов» срывается. Генерал угрожает. Обещанные угрозы приводятся в исполнение. На Павловской и Николаевской площадях жители видят повешенных с прикрепленными надписями на груди: «Дезертир», «Бандит». Они хорошо узнали повадки «грабьармии» — так теперь в народе называют деникинскую армию — и сыты по горло «единой неделимой». С нетерпением ждут прихода Красной Армии — освободительницы.

По опустевшим улицам мечутся белогвардейцы, устраивая облавы на дезертиров. Они шарят по квартирам — нужно побольше награть на черный день.

Контрразведка ускорила завершение своих кровавых дел. 4 декабря вывела на расстрел в Григоровский бор большую группу подпольщиков — 38 человек.

А в каторжной тюрьме — свыше 2 тысяч заключенных, обвиняемых в большевизме. Большинство — рабочие и крестьяне,

рядовые работники сельских и городских советских учреждений, много бывших бойцов Красной Армии... Но не осмелилось, видно, деникинское командование поднять кровавую руку на глазах у харьковского населения и разделаться сразу с такой массой. И вот нашли выход — погнать с собой, а там...

Переполненная тюрьма глухо волновалась. Что будет?..

6 декабря, суббота. День передач. Еще с раннего утра у ворот каторжной тюрьмы толпится народ — родственники, близкие заключенных. Все ждут. Но вот к двум часам дня в тюрьму прибыл большой отряд корниловцев с пулеметами, с походной кухней. Среди них много офицеров. Из губернской тюрьмы пригнали 65 женщин.

К пяти часам вывели из камер 2100 заключенных, и всех 2165 человек быстро построили в колонну, окружили цепью караульных с ружьями наперевес и погнали в путь.

Со страшными криками и стенаниями бросились родственники к своим. Но конвой их грубо оттеснил прикладами. Подгоняемые стражей, арестованные прошли по темным улицам города и вышли на Змиевское шоссе. Так начался этап Харьков — Змиев — Изюм — Бахмут — Ростов, беспримерный по жестокости, варварскому обращению, издевательствам, рассчитанный на медленную мучительную смерть многих сотен людей. Этап — это сплошная цепь злодеяний агонизирующего врага, который знает, что он обречен; но у него еще власть, и в безумии он расправляется, мстит.

Он гонит массу полураздетых и полуразутых людей, которых он же раздел и разул, по полям по снегу, по грязи, голодных, сутками не давая ни куска хлеба, ни глотка воды.

Он требует порядка в рядах, отстающих подгоняет прикладами, падающих готов прикончить штыком, если товарищи быстро не подымут его и, поддерживая, не поведут с собою.

Он размещает их на ночь в тесных помещениях, где ни лечь, ни сесть, можно только стоять, тесно прижавшись друг к другу, гибнуть от голода, жажды, отсутствия воздуха. А когда задыхающиеся начинают требовать воздуха, конвой открывает стрельбу в окна, наполняя помещение пороховым дымом.

На каждом привале он осматривает свои жертвы: на ком еще сохранилось что-либо из одежды, может быть, деньги или другие ценности — под угрозой смерти забирает.

В Змиеве отбирается по списку партия в 250 человек — «в расход».

И так изо дня в день тянется мучительный этап, теряя по пути обессиленных, нашедших смерть от руки палачей...

На станции Шебелинка заключенных погрузили в специальные вагоны-ледники, по 130—140 человек в каждый. Притиснутые друг к другу, они могли только стоять. В таком положении люди находились несколько суток езды до Изюма. На ночь и в пути двери вагонов запирались. Вагоны превращались в душегубки.

Один из арестованных, товарищ Яковлевич, дал комиссии такие показания:

«Настала кошмарная ночь. Наши силы таяли, и не было возможности удержаться на ногах, но сесть места не было, воздуха не хватало, мучила страшная жажда. И вот люди стали умирать стоя на ногах. Умиравшие падали тут же под ноги и топтались другими... Вагон наполнился запахом трупов... и, чувствуя под собой мертвые человеческие тела, живые сходили с ума... В вагоне поднялся невероятный шум, стучали в двери, пытаюсь сломать их. Но тщетно. Наутро выбросили из вагонов трупы, их оказалось несколько десятков. Шум не прекращался и днем. Требовали воды, хлеба. На вопросы, почему нам ничего не дают, почему нас истязают постепенно, последовал ответ: «А вам не все равно умирать, что сегодня, что немного погодя». И кровожадные скоты издевались еще больше».

Положение было таково, продолжает этот свидетель, «что чувствующие в себе достаточно силы сломали решетку... подняли люк на крыше вагона и с идущего поезда бросались вниз. Корниловцы заметили бегство. Наутро были выведены из каждого вагона по несколько человек и расстреляны за то, что некоторые бежали. Из вагонов вывалили новую грудку трупов. На остановках фельдфебель обходил вагоны, стрелял в шумную толпу. Люди падали, но никто не обращал внимания на выстрелы, на смерть товарищей. Что смерть против этой адской муки? Смерть — освобождение. И, чем скорее, тем лучше...»

В последнюю ночь перед прибытием в Изюм произошло крушение: порожняк наскочил на поезд с заключенными.

В Изюме снова расстрелы. Через пять суток этап прибыл в Бахмут — всего около восьмисот человек. Почти две трети погибли в дороге. Да и среди оставшихся много тяжелобольных, часть слабых, с трудом передвигающихся.

В Бахмуте комиссия из трех офицеров учинила оставшимся допрос, после чего вынесла решение: к воинскому начальнику для отправки на фронт под строгим контролем.

Наступавшая по пятам Красная Армия перечеркнула это решение. Многим удалось скрыться еще в Бахмуте, где царил хаос лихорадочной эвакуации. Более крепкие были захвачены

белыми с собой в Ростов. По дороге и в самом Ростове некоторым удалось бежать.

Так закончился этот этап, покрывший несмываемым позором Деникина, деникинских офицеров, деникинщину...

27 марта 1920 года народным комиссариатом юстиции было издано постановление о создании при НКЮ УССР Центральной комиссии по расследованию зверств белогвардейцев. В связи с этим наша комиссия была ликвидирована. Материалы, документы мы передали Наркомюсту УССР...

Г. П. Полянская

Киевское подполье

Деникинцы подступали к Киеву. В начале августа 1919 года по вызову Зафронтбюро ЦК РКП(б)У я приехала сюда из Одессы. Прежде всего встретилась с моей давней знакомой, а в те дни ответственным работником Зафронтбюро Ксенией Листопад. С ней мы когда-то вместе учились в Петрограде на Высших женских курсах, вместе участвовали в студенческой большевистской организации. Ксения сказала мне, что Зафронтбюро решило оставить меня на подпольной работе в Киеве.

Для руководства подпольем на случай захвата города деникинцами 21 августа Зафронтбюро создало областной подпольный комитет партии и ревком Правобережной Украины. Председателем областкома стал А. Л. Гишинский, член партии с 1915 года, секретарем назначили меня; председателем ревкома был назначен Я. М. Муравник, член партии большевиков с 1912 года. Позднее состав областкома и ревкома расширился, в них вошли новые товарищи, в том числе Алкон-Портнов, вступивший в партию в 1904 году, и Д. А. Учитель (Крамов), член партии с 1915 года.

Естественно, во всей нашей работе мы руководствовались письмом Центрального Комитета РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!», написанным Лениным в начале июля, когда деникинский фронт стал главным. Письмо было воспринято как боевой наказ, как политическая директива, определившая направление всей подпольной работы. Исходя из ленинских указаний, а также из полученных нами инструкций, мы еще до

захвата Киева белогвардейцами на совместных заседаниях Зафронтбюро ЦК КП(б)У, областкома партии и ревкома определили следующие задачи большевистского подполья на Прибережной Украине:

разоблачение антинародной сущности деникинщины, установление связи с рабочими массами и организация их для подрыва деникинского режима, прежде всего рабочих железнодорожных узлов и Арсенала, завода, где изготовляли оружие;

правдивая информация трудящихся в белогвардейском тылу о положении на фронте;

налаживание связи с партийными организациями области;

организация повстанческого движения крестьян;

разведывательная работа, сбор сведений о военных планах белых и переправка их через фронт штабам Красной Армии.

Вместе с другими товарищами, оставленными для руководства будущим подпольем, последние дни августа по поручению областкома я занималась подготовкой всего необходимого для успешной работы в тылу врага. Подбирались люди для подпольной работы, готовились нелегальные паспорта, подыскивались конспиративные квартиры, разрабатывались пароли, шифры. Мы создали склад одежды, определили места, где будем хранить нашу денежную кассу, установили связь с подпольщиками на предприятиях и железнодорожном узле, а также с партийными организациями в других городах области.

31 августа деникинцы вступили в Киев.

Первый месяц подполья — сентябрь был чрезвычайно трудным. Белый террор обрушился на коммунистов, всех, кого подозревали как сторонников Советской власти, даже на тех, кто просто по той или иной причине не понравился деникинцам. Обстановка слежки и репрессий крайне затрудняла нашу работу. Членам обкома и ревкома приходилось часто менять квартиры, доставать «хорошие» паспорта, изобретать разные способы, чтобы избежать мобилизации, и т. д. С каждым днем подпольщикам становилось все труднее. Многие товарищи, оставленные для работы в Киеве, при Советской власти работали в ближайших городах — Чернигове, Кременчуге, Житомире, Полтаве. Были случаи, когда белогвардейцы опознавали их на улицах. Так, например, на улице был узнан член подпольного ревкома, раньше работавший в Кременчугской губ- чека (фамилии его не помню). Деникинские офицеры застрелили его на месте среди белого дня.

Меня также опознали как-то белогвардейские офицеры, приехавшие из Чернигова, которые однажды оказались гостями

хозяйки квартиры на Львовской улице, где я жила в первый месяц подполья. Мне пришлось с этой квартиры немедленно уйти и поселиться в доме на Обсерваторной улице, где уже жили подпольщицы Т. И. Аплаксина и А. И. Вагранская. Но и здесь меня выследила бывшая квартирная хозяйка — бело- гвардейка. Она явилась ко мне на новую квартиру и стала требовать денег, угрожая в противном случае донести в контрразведку. Наблюдавшая сцену этого разговора Т. И. Аплаксина вмешалась и пригрозила белогвардейке, что Советская власть арестует ее и родственников, как только Красная Армия освободит город от денкинцев. Это и спасло меня.

Однако в то же время нашу работу усложняло то обстоятельство, что среди оставленных товарищей было мало киевлян, с помощью которых можно было бы быстрее установить связи с рабочими города и уездами Киевщины. В киевское подполье Зафронтбюро направляло людей и с неоккупированной белогвардейцами территории, в частности из Брянска. Переход фронта был связан со многими опасностями. Посланцам Зафронтбюро часто приходилось добираться по Днепру сначала на советском пароходе, а затем плыть к Киеву на лодке. Было немало случаев, когда они попадали в руки денкинских патрулей, охранявших берег. Так получилось и с моими новыми подругами Аплаксиной и Вагранской. Только выдержка и находчивость на допросе позволили им ускользнуть из рук врагов.

Но подполье действовало. Помню, Аплаксина организовала конспиративную квартиру на Обсерваторной улице, явку на Малой Васильковской, на которые прибывали новые товарищи. На явках их принимали и затем связывали с руководителями подполья. С. Белецкая открыла молочную лавку на Фундуклеевской улице, которая служила явкой и местом заседаний подпольного обкома и ревкома. М. Я. Черкасская устроила явочную квартиру в швейной мастерской. Здесь члены обкома и ревкома встречались с подпольщиками и давали им задания. А. С. Лесная установила связи с рабочими ряда предприятий города, а также житомирскими и кременчугскими подпольщиками. У нее же хранились денежные средства... Много было товарищей, которые принимали активное участие в подполье, но фамилий всех не помню.

Обстановка на Правобережной Украине, и в первую очередь в Киеве, имела свои особенности. Части Красной Армии находились на реке Ирпень, в десяти — пятнадцати верстах от города. Наша артиллерия и Красная днепровская флотилия регулярно обстреливали Киев, не давая упрочиться белогвардей-

скому режиму, и постоянно напоминали деникинцам, что освобождение Киева — дело недалекого будущего.

Такое положение доводило деникинцев до неистовства. Лишь за полтора месяца своего хозяйничанья в городе они арестовали и бросили в киевскую тюрьму более 4 тысяч человек. Многих расстреляли без суда и следствия, не предъявляя никаких обвинений.

Подпольная работа обкома и ревкома Правобережной Украины значительно активизировалась в конце сентября — начале октября. К этому времени удалось наладить связи с рабочими в районах и на предприятиях Киева — на Шулявке, Демиевке, в Арсенале, в железнодорожных мастерских и на станции Киев, с подпольными организациями в Каневском, Сквирском, Чернобыльском и других уездах.

15 октября части Красной Армии заняли Киев и два дня удерживали город. В эти короткие два дня свободы тысячи арестованных были выпущены из тюрьмы. Но недолгое пребывание Красной Армии в Киеве вызвало и нежелательное явление: отдельные подпольщики не поняли, что это только кратковременная операция, и легализовались. Остаться им в городе после было уже нельзя, и им пришлось уйти вместе с частями Красной Армии, что лишило подпольную организацию ряда работников.

В ноябре областном организовал выпуск подпольной газеты «Коммунист» и листовок. Для этого создали типографию. Помещалась она в подвале дома № 9 на Вознесенском спуске. Типография просуществовала до декабря 1919 года. Редактором газеты назначили опытного партийного работника Шварцмана. В редакции работал также коммунист М. С. Зоркий, молодой литератор, впоследствии видный советский историк, профессор. Запомнилась мне также Наташа Азол. Энергичная, смелая, она выполняла все, что связано с выпуском и распространением газеты и листовок.

За короткий срок вышли четыре номера «Коммуниста»: два — в ноябре и два — в декабре. Первый номер вышел 1 ноября 1919 года. Он был посвящен приближающемуся празднику — второй годовщине Октябрьской революции. Здесь же были напечатаны статьи, разоблачавшие кровавый деникинский режим, а также призыв к рабочим и ко всему населению бороться с белогвардейскими палачами. Газеты и листовки распространялись на заводах и фабриках, расклеивались на улицах города. Что касается листовок, то первая была выпущена в октябре. Она призывала рабочих и крестьян к срыву мобилизации, объявленной деникинской властью. В результате

вместо 30 тысяч новобранцев, как планировали в белогвардейском штабе, на призывные пункты явилось меньше тысячи человек.

Ответственные задачи выполнял наш политический Красный Крест. Работавшей в нем подпольщице М. Е. Смолянской удалось связаться с некоторыми арестованными товарищами, наладить им передачи. Вспоминается случай, когда подпольный Красный Крест сумел добиться освобождения арестованного коммуниста И. И. Пипко. Он был схвачен в первый раз в сентябре на явочной квартире вместе с другими шестью подпольщиками, в числе которых были Ф. Мороз и Е. Ингунец. Во время двухдневного пребывания Красной Армии в Киеве эти товарищи, как и многие другие, вышли из тюрьмы. Но Пипко по доносу снова попал в руки контрразведчиков. Его удалось выкупить Смолянской, дав взятку следователю. За его освобождение было уплачено 2 тысячи рублей царскими деньгами и 18 тысяч керенками.

Неплохо была поставлена разведывательная работа через наших подпольщиков, сумевших проникнуть в штаб Добровольческой армии. Всей этой работой руководил ревком. Разведывательную группу возглавлял член ревкома Д. А. Учитель (Крамов), которого после его отъезда заменил Л. Г. Зорин. В состав разведывательной группы входили: М. А. Аркадьев, А. В. Барский, И. Д. Мазут, А. И. Вагранская и Ф. Мороз.

Военные сведения в большинстве случаев нам удавалось переправлять по назначению.

Разведка киевского подполья многим обязана энергичному, бесстрашному и находчивому ее руководителю Л. Г. Зорину. Ему удалось привлечь к работе военного специалиста — бывшего офицера царской армии Курковского. Во время денкинской Зорин и Аркадьев встретили его на улице в Киеве. Они знали Курковского еще по службе в Красной Армии. Курковский рассказал, что, будучи больным, отстал от своей части и что не хочет служить в денкинской армии. Зорин уговорил его поступить в штаб командующего киевским гарнизоном генерала Бредова, с которым Курковский был давно знаком. Это удалось осуществить, и подпольная разведка стала получать важные военные сведения. В большинстве случаев они затем поступали командованию Красной Армии...

Областком и ревком организовали ряд удачных выступлений повстанцев в уездах. Первое время недостатком действий повстанческих отрядов было отсутствие единого плана, единого руководства. Положение изменилось после того, как в октябре обком и ревком на совместном заседании приняли реше

ние организовать штаб по руководству повстанческим движением. Начальником его утвердили И. П. Габинского (Каляева). Партизаны-повстанцы, имея единое командование и штаб, стали наносить врагу чувствительные удары. Частыми налетами на города, захваченные деникинцами, партизаны дезорганизовывали белогвардейские тылы и уничтожали живую силу противника, отвлекали на себя вражеские части, чем облегчали героическую борьбу Красной Армии.

Наша работа приносила ощутимые результаты. В последние месяцы подполья участились забастовки и случаи саботажа на предприятиях и на железной дороге. Когда же белая армия готовилась оставить Киев, железнодорожники сорвали ее эвакуацию. На станции Киев они загнали в тушик несколько составов с оружием, несколько поездов перевели на другие пути, подальше от станции...

Задачи, поставленные перед подпольной организацией, были выполнены.

Р. И. Левикова

За власть Советов

Еще до оставления советскими войсками Екатеринослава 28 июня 1919 года губернский комитет партии заблаговременно начал готовить силы для подпольной борьбы в городе и губернии.

В числе тех, кто по решению губкома направлялся на нелегальную работу в Амур-Нижнеднепровском районе, были И. А. Черновалова, член партии с 1914 года, и я.

Свою подпольную деятельность мы начали с выявления и учета оставшихся в районе коммунистов и сочувствующих. Помню наше первое партийное собрание. Оно проходило нелегально на Султановке, в доме № 12 по Церковной улице в квартире подпольщика Семена Калининника. Присутствовали

В. Сучков, Черновалова, С. Калининник, Р. Левикова, Зинуков, Э. Якубовский, М. Левина, Архипов, И. Бимбирис, Гнедухе, Андреев. Мы решили, как наладить связь с подпольным губкомом, и избрали райком. В его состав вошли Зинуков, председатель Бимбирис, секретарь, Черновалова и я, члены, ответственные за связь с губкомом, организацию явок в городе и

работу политического Красного Креста. В. Сучкову и Э. Якубовскому поручили организацию боевой дружины.

Вскоре наш комитет установил связь с коммунистами, оставшимися в районе,— Куксовым, Прокофьевым, Кузнецовым, Гринь, А. Минаевым, Е. Дроновой, Е. Старушкиной, А. Лосевым, Фоминым, М. Гайдуком, Корецким, Петушковым, С. Чалым, А. Абрамовым, Афоным, Конотопцем, Каневцевым и другими.

В августе обязанности секретаря возложили на меня. Тогда же был создан подпольный ревком района, в состав которого вошли Архипов (председатель), Кузнецов (секретарь), Гринь (ответственный за снабжение оружием), Бимбирис, Северный (Прокофьев), Калинин. В дальнейшем для выполнения отдельных поручений и разведки привлекли и беспартийных активистов: И. Д. Новикову, Юзю Якубовскую, сестер Марию и Елену Сучковых и других.

Наши явки находились в районе Амур-Пески на Кирпичной улице, на квартирах Левиной и Бимбириса на Севастопольской улице, в доме Якубовского на Султановке, в доме Якубовского находился также и штаб боевой дружины, а в подвале мы прятали отбитое у белогвардейцев оружие.

Мы распространяли подпольную газету, листовки и воззвания к населению. Выделенные нами агитаторы нелегально ходили на заводы, разъясняли рабочим положение на фронте.

Условия, в которых действовали подпольщики, были очень тяжелыми. Сразу же деникинцы занялись мародерством, грабежами. Каждый день проходили аресты и обыски. В городе у гостиницы «Астория» и в других местах на виселицах, а то и просто на уличных фонарных столбах по нескольку дней висели трупы казненных.

Посланный в разведку дружинник по кличке Андрусик чем-то вызвал у белогвардейцев подозрение. Его пытались задержать. Андрусик стал отстреливаться. И только когда у него кончились патроны, деникинцы схватили его и расстреляли. В те же дни белогвардейцы арестовали коммунистов отца и сына Васильевых. Их тоже расстреляли.

Днем 30 августа белогвардейцы вывезли в Кучугуры, неподалеку от завода Гантке (ныне завод имени Карла Либкнехта), 38 крестьян, арестованных в районе Новомосковска, в котором действовали партизаны, и на глазах у насильно согнанного населения расстреляли. Троицким крестьянам удалось спастись. Как только раздался залп, они упали и притворились мертвыми. Мы переправили их в село Подгорное и там устроили у крестьян-бедняков.

В связи с кровавым разгулом белогвардейщины наши подпольные райком и ревком обратились к населению с воззванием усилить сопротивление деникинцам и ответить террором на белый террор. Это воззвание подпольщики расклеивали на территории заводов и в рабочих поселках.

Кроме того, ревком создал боевую дружину, в которую вошли подпольщики А. Сучков, А. Калинин, Андрусик, Чеботарев, И. Кононенко, Кузнецов, В. Васильев, Бычков, Фомин, Г. Селегенов и другие. Снабжались оружием дружинники за счет белогвардейцев. Почти каждый день нападали они на деникинских солдат и офицеров и таким путем добывали себе винтовки, револьверы, гранаты.

Действия наших дружинников и партизан, особенно усилившиеся при приближении к городу Красной Армии, заставили белогвардейцев покинуть рабочие поселки и устроить себе «квартирь» в железнодорожных эшелонах. Тогда по решению подпольного ревкома дружинники обсадили станцию Амур-Нижнеднепровск и стоявшие там эшелоны. На следующий день налет был повторен. Вечером, часов в десять, группа дружинников, переодетых в деникинскую форму, вошла в помещение дежурного по станции. Здесь находились 12 офицеров. Их обезоружили и отобрали документы. Офицеры оказались из «волчьей сотни» генерала Шкуро. Всех их вывели на перрон и расстреляли. Служащих же станции отпустили по домам.

Чтобы посеять панику среди белых, дружинники по станционному телефону передали в Новомосковск, что Екатеринослав занят красными, после чего тут же вывели из строя связь. Под колеса воинских эшелонов начали бросать гранаты. И только подошедший бронепоезд белых вынудил нас уйти.

После совершенных налетов деникинское командование потребовало от жителей Амур-Нижнеднепровска выдать их участников, грозя в противном случае снести артиллерийским огнем рабочие кварталы. Весь район был оцеплен белыми войсками. Особенно свирепствовали каратели в поселке Султановка. В течение трех дней здесь шли повальные обыски. Солдаты врываются в каждую квартиру, многих арестовали. На противоположном берегу Днепра деникинцы установили десять орудий и навели их дула на Амур-Нижнеднепровск. Но на эту крайнюю меру они не решились...

А ночи по-прежнему оставались нашими. Мы рвали телефонные и телеграфные провода, нападали на солдат и офицеров, мстили за все содеянное белыми...

Вспоминаются такие факты. Дружинники Сучков и Ка

линик обстреляли проезжавших на тачанке шестерых офицеров и в завязавшейся перестрелке четверых убили. Подпольщики В. Сучков, А. Сучков, Э. Якубовский и А. Калинин совершили налет на полицейский участок. Полицейских обезоружили, а заведенные дела на коммунистов и сочувствующих уничтожили.

Кроме боевой дружины в лесу, за поселком «Сахалин», действовал партизанский отряд, состоявший из рабочих нашего района. Их командовал коммунист Никита Макаров. Явочная квартира отряда находилась в поселке в доме подпольщиков Васильевых.

Наш райком: держал связь с подпольным губкомом партии, одним из руководителей которого был М. Колтун, член партии с 1906 года. Мне неоднократно приходилось по заданию губкома доставлять в Амур-Нижнеднепровский райком листовки, паспортные бланки.

Поддерживали мы также связь с подпольной партийной организацией Новомосковском уезда. В этом уезде, как уже говорилось, широко развернулась партизанская борьба. Командиром партизанского отряда был И. Лантух, с которым мне неоднократно приходилось связываться через представителя подпольного уездного комитета партии Завадовскую.

По мере приближения Красной Армии, громившей деникинские полчища, активизировались махновские части, располагавшиеся в районе Гуляй-Поле. Решено было установить контакт с махновскими отрядами. С этой целью в «столицу» батяки Махно выезжал председатель нашего райкома Зинков (кличка Стальной). По возвращении он доложил на объединенном заседании райкома и ревкома, что махновцы готовы к совместным действиям. В ноябре махновские отряды выбили белогвардейцев из Екатеринослава. А ночью мы совершили налет на станцию Амур-Нижнеднепровск. В нем участвовала почти вся наша подпольная организация. Белогвардейцы в панике отступили. Хотя махновцы и воевали против Деникина, они не стали приверженцами Советской власти. По-прежнему это были бандитские анархистские части, которые в любой момент могли повернуть оружие против нас.

Власть в Амур-Нижнеднепровске перешла к подпольщикам. Партийная организация легализовалась. Был организован временный революционный комитет. Председателем его избрали товарища Архипова. Сформировали специальный отряд для охраны поселков. Рабочие заводов района соорудили бронепоезд и дали ему название «Нижнеднепровские партизань». На бронепоезде установили орудия и подобрали команду

из 32 человек. Бронепоезд участвовал в боях за станцию Новомосковск. Узнав о его приближении, белогвардейцы бежали со станции и отступили в город Новомосковск.

...Подошедшие свежие части деникинцев выбили махновцев из Екатеринослава. Положение вновь осложнилось. Нам, подпольщикам Амур-Нижнеднепровска, пришлось уйти из Султановки.

Нашим новым центром подпольной борьбы стал район Амур-Пески. Мы несли большие потери. Люди гибли в боях, от недоедания, холода и эпидемии тифа. Больных увозили в ближайшие села и там укрывали.

С гордостью вспоминаем мы, участники тех событий, что наши подпольные явки, где хранилось оружие, шапирографы, пишущая машинка, литература, паспортные бланки, уцелели до прихода советских войск и ни одна из них не провалилась.

30 декабря 1919 года под ударами Красной Армии и самоотверженно сражавшихся подпольщиков и партизан Екатеринослав и его пригороды были очищены от деникинцев. Власть Советов была восстановлена.

...Сквозь дымку прошедших лет я вспоминаю то первое партийное собрание в освобожденном от белых банд Амур-Нижнеднепровске, которое состоялось в начале января 1920 года. Оно было созвано на территории завода «Сириус». Председатель нашего теперь уже легального райкома товарищ Зи-нуков тяжело болел, и я докладывала на собрании о работе райкома в подполье. Во время доклада потеряла сознание — меня одолел сыпной тиф...

П. Ф. Кож ухарь

Героический Луганск

В начале весны 1919 года белогвардейские части генерала Деникина повели наступление на Донбасс. Им удалось занять его юго-восточную часть.

Ожесточенные и упорные бои с намного превосходящими силами противника развернулись вокруг Луганска.

Против героически защищавших город красноармейских частей и рабочих полков деникинское командование бросило

отборные офицерские и казачьи части. Наши потери были велики. Положение становилось угрожающим.

Для руководства обороной города в Луганске был создан военно-революционный комитет. В него вошли секретарь городского комитета партии З. Ф. Ляпин, председатель городского Совета Н. Г. Мышков, военком Ф. И. Холодилин, представители от заводов и профсоюзов И. Д. Литвинов, Л. И. Мальцев, И. Е. Набивач, Ф. Р. Якубовский и другие.

Военно-революционный комитет организовал снабжение рабочих отрядов оружием и боеприпасами, проводил мобилизации жителей для оказания помощи сражающимся частям, наладил выпуск боеприпасов на патронном заводе...

Потерпев поражение в первых боях, деникинцы были отброшены. Но передышка была короткой. Белогвардейское командование перегруппировало силы, получило подкрепления и в конце апреля отдало приказ о новом наступлении.

Особенно жестокие бои разгорелись в восьми — десяти километрах от Луганска за высоту Острая Могила. Здесь бешеный натиск врага отражали части 8-й армии, 15-й Инзенской дивизии, Тульский красноармейский полк. В их ряды влились рабочие отряды: Вергунский численностью 700 бойцов под командованием Белозерова, Луганский рабочий полк численностью 3 тысячи человек, командиром которого был В. Е. Шелехов.

Во главе обороны Луганска был назначен начальник 15-й Инзенской дивизии Я. Я. Лацис.

На объединенном заседании городского партийного комитета, исполкома Совета и военного командования принимается решение всеми силами защищать город.

Вспоминается, с каким энтузиазмом развернулось на заводах формирование рабочих отрядов. Для их вооружения собирали все имевшееся в городе оружие. Его не хватало для всех желающих встать под ружье.

С пением революционных песен на фронт потянулись вооруженные рабочие колонны. На боевые позиции шли и рабочие, которым не досталось винтовок, но которые горели желанием заменить товарищей, уставших от непрерывных боев. За короткий срок Луганск послал на фронт около 15 тысяч бойцов.

Оставшиеся в городе работали на оборону. На паровозостроительном и патронном заводах работа не прекращалась круглые сутки. Ремонтировались пушки и пулеметы, выпускались боеприпасы. Патронный завод ежедневно давал до полутора миллионов штук патронов.

На помощь рабочим Луганска в это тяжелое время пришли отряды шахтеров из Алчевска, Лозовой, Павловки и других мест. Большую поддержку оказали крестьяне окрестных сел. Они присылали в город отряды добровольцев, которые сражались вместе с рабочими. Из крестьян пригородных сел Большая и Малая Вергунка был сформирован батальон, храбро отбивавший атаки деникинцев.

Коммунисты Луганска с помощью крестьян сумели наладить снабжение защитников города продовольствием. Из Александровки, Вергунки и других сел привозили в город муку, мясо, пшено.

Были мобилизованы все пекарни, столовые города, весь гужевой транспорт. Группа рабочих патронного завода во главе с Дьяченко организовала выпечку хлеба, готовила и доставляла в окопы горячую пищу и прочее.

Для оказания медицинской помощи раненым создали санитарные отряды. Ими руководил фельдшер с патронного завода А. А. Лимарев.

Луганские рабочие — мужчины и женщины, даже дети рабочих, проявляли необычайный героизм в защите родного города от белогвардейцев.

Отряд рабочих патронного завода, которым командовал И. П. Палкин, ночью проник в укрепленный район белогвардейцев, уничтожил группу офицеров, захватил станковый пулемет и благополучно возвратился обратно. Через несколько дней другая группа бойцов-рабочих совершила смелый рейд в тыл врага, собрала ценные разведывательные данные, уничтожила много белогвардейцев, вызвав панику среди деникинцев.

Ночью, когда затихал бой, рабочие доставляли на заводы поврежденное оружие и к утру приводили его в боевую готовность.

Во время одного ожесточенного боя противник вывел из строя единственное орудие, из которого рабочие вели интенсивный огонь по атакующим цепям белых. Ночью его незаметно сняли с позиции, отремонтировали на заводе, и к утру оно уже было на месте. На другой день белогвардейцы, зная, что орудие ими выведено из строя, пошли в атаку, но были отбиты с большими потерями.

Озверелый враг лез напролом, бросал в бой все новые и новые силы... После ожесточенных боев, ценой больших потерь вечером 26 апреля ему удалось прорвать фронт у Иванищева Яра. Белоказачий отряд численностью 150 человек ворвался в город, дошел почти до завода Гартмана. Но здесь его ветрелили

бойцы-пулеметчики во главе с П. А. Сорокиным. Сокрушительным огнем из пулеметов деникинцы были отогнаны, но сам герой-командир погиб в этом бою.

Вспоминаются также женщины-бойцы и санитарки, особенно героически проявившие себя в боях. Это работницы Чекменова, Чижевская, Акулова, Афонина, Шелехова, Михайлова и многие другие.

Рядом с рабочим Ковалевым сражался его сын — шестнадцатилетний подросток. Четырнадцатилетняя дочь рабочего паровозостроительного завода Степана Иванова Люба подносила в окопы красноармейцам патроны, пищу, воду, перевязывала раненых. В критический момент, когда атакующие белые почти вплотную подошли к линии нашей обороны, Люба вскочила на бруствер, подняла над головой свою красную косынку и с криком «Вперед, товарищи!» побежала на врага. За ней поднялись ее отец и все, кто находился в окопах. Враг не выдержал натиска и отступил. Люба в этом бою погибла.

Санитарки под ураганным огнем противника перевязывали на поле боя бойцов, выносили тяжелораненых в тыл, а возвращаясь на фронт, доставляли пищу и боеприпасы. В дни особенно ожесточенных боев, когда нужно было быстро и четко снабжать передовые позиции всем необходимым, лутанчане устраивали живую цепь, по которой буквально из рук в руки передавали в окопы патроны и снаряды.

Вспоминается такой случай. Когда я в составе отряда рабочих патронного завода направлялся к сборному пункту, к нам присоединился подросток лет пятнадцати-шестнадцати и стал просить взять его с собой. Он просил нас дать винтовку, поскольку ему самому, как несовершеннолетнему, на сборном пункте ее не дадут. Мы отослали паренька домой. Но спустя некоторое время, когда наша рота уже заняла позицию на линии обороны и начала окапываться, мы снова увидели его.

В руках у мальчика уже была винтовка, которую он взял у тяжело раненного бойца и занял его место в бою. Это был Леня Воронов — стерженщик чугунолитейного цеха.

Утром 30 апреля был получен приказ командования отбить у белых Острую Могилу.

В два часа дня наша рабочая рота, командиром которой был Иван Акулов, вместе с частями Красной Армии поднялась в наступление. Завязался жаркий бой, продолжавшийся четыре часа. Часов в шесть вечера мы заняли Острую Могилу и водрузили над этой высотой красный флаг.

В этом бою, помню, был тяжело ранен командир взвода рабочих Н. П. Марков. Ему раздробило пулей бедро, но он не ушел с поля боя и продолжал драться с врагами до тех пор, пока не была взята Острая Могила.

Враг был отброшен от Луганска на двадцать — двадцать пять километров. 1 Мая 1919 года стало для защитников города днем большой победы на фронте.

В связи с этой победой исполком Луганского Совета выпустил листовку, в которой писал: «Честь и слава вам, солдаты Великой революции! Вашей честной рабочей душой вы поняли, что вернуть к власти казаков, помещиков и банкиров — хуже смерти. Стойте же смело, товарищи...»

Но недолгой оказалась радость победы. Оправившись после поражения у Острой Могилы, деникинцы снова повели яростные атаки на Луганск. 4 мая они прорвали нашу оборону и захватили город. Луганские рабочие батальоны и красноармейские части вынуждены были отступить в район крупной узловой станции Родаково...

Свое кратковременное пребывание в городе — с 4 по 15 мая — белоказаки и юнкера отметили погромами и безудержным террором. Они не только издевались и творили расправу над рабочими, но и глумились над трупами павших.

Героическая оборона Луганска приковала внимание всей страны. Проходивший в Харькове в мае 1919 года I съезд профсоюзов Украины писал в своем приветствии луганскому пролетариату: «Товарищи луганчане! Кровью своею вы пишете одну из волнующих и блестящих страниц в истории борьбы российского пролетариата за диктатуру. Ваш невиданный героизм вдохновляет наши ряды и служит залогом близкой победы».

Положение в Луганске и Донбассе неоднократно обсуждалось в Центральном Комитете партии. Владимир Ильич Ленин внимательно следил за тем, как поставлено дело помощи Донбассу, и в частности Луганску. В начале мая 1919 года он телеграфировал командующему Южным фронтом: «Абсолютно необходимо, чтобы Вы лично не только проверили и ускорили, но и сами довели подкрепление к Луганску».

Помощь Луганску была оказана. В середине мая сюда прибыли бригада 7-й стрелковой дивизии, вооруженные отряды из Харькова и другие подкрепления. Действуя плечом к плечу с ними, луганские рабочие отряды, отступившие в Родаково, развернули бои с деникинцами и 15 мая освободили город.

...Во второй половине мая и начале июня 1919 года сражения на различных участках фронта в районе Луганска разго

релись с еще большей силой и ожесточением. Деникин послал в наступление на Донбасс новые полчища белогвардейцев, имевшие большое количество пулеметов и артиллерии, танки и даже самолеты.

Красные части и рабочие полки стойко сражались с врагом, но силы были далеко не равны. Генерал Деникин бросил на Луганск кавалерийский корпус Шкуро, несколько эскадронов белоказаков Мамонтова, донской казачий и офицерский полки. К городу были подтянуты броневики и артиллерия, полученные белогвардейцами от иностранных союзников. Дальнебойным пушкам, танкам деникинцев красные войска могли противопоставить только винтовки и небольшое количество артиллерии. Не было боеприпасов, продовольствия. К тому же в тылу наших войск на Украине и в северной части Донской области непрерывно полыхало пламя кулацких мятежей. В этой тяжелой обстановке наши войска вынуждены были в июне оставить Луганск и отступать через Воронеж на Царицын.

Но уже через несколько месяцев Красная Армия освободила город от деникинцев. 24 декабря 1919 года Луганск навсегда стал советским.

Героическая борьба красноармейских частей и рабочих Луганска в 1919 году была значительным вкладом в общее дело борьбы трудящихся, победу Советской власти. За боевые и революционные заслуги 16 мая 1924 года город Луганск был награжден орденом Красного Знамени.

Трудящиеся орденоносного Луганска свято чтут память о мужественных борцах за дело революции...

Н. А. Нарцов

На Приднестровщине

В августе 1919 года 45-я, 47-я и 58-я дивизии 12-й армии оказались отрезанными от основных сил Красной Армии. Киев заняли войска деникинского генерала Бредова, со стороны Екатеринослава наседали конница Шкуро, Херсон и Николаев были захвачены генералом Слащевым. В северо-западной части Украины хозяйничали петлюровцы. По линии Днестра сосредоточились белорумынские армии.

В штабе 45-й дивизии на станции Бирзула 19 августа состоялось совещание, на котором присутствовали командиры дивизий И. Э. Якир, И. Ф. Федько и члены реввоенсовета армии Я. Б. Гамарник, В. П. Затонский, политкомиссар 45-й дивизии Н. В. Голубенко и представитель Одесского губкома партии А. М. Панкратова.

Обсуждались два основных вопроса. Первый — о выводе частей 12-й армии из «мешка». Было решено пробиваться на север, в направлении Житомира, в районе которого оперировала 44-я дивизия начдива И. Дубового.

Второй вопрос заключался в том, чтобы на оставляемой территории, в деникинском тылу, ни на один день не прекращалась борьба. В подполье уходили большевики, проверенные в партизанской войне против германских оккупантов и гетманщины.

Реввоенсовет Южной группы войск выделил авторитетную партийную комиссию в составе Г. И. Старого, И. К. Дьячишана, И. Н. Криворукова, которой поручил подобрать группу опытных товарищей для организации подпольной работы и партизанского движения в тылу Деникина. Комиссия рекомендовала меня в качестве партуполномоченного по организации партизанского движения и отобрала для этой работы еще 100 человек из числа командиров и политработников. Ядром подполья должны были стать балтские партизаны из отряда Дьячишина, а также коммунисты Рыбницы, Балты, Слободки. Секретарь Балтского уездного комитета партии Б. Корак передал будущим подпольщикам необходимые денежные и технические средства.

Времени оставалось в обрез, поэтому в спешном порядке налаживались явки, уточнялись пароли, продумывалась система связи, заготавливалось оружие.

25 августа группа войск под общим командованием И. Э. Якира двинулась в поход, которому суждено было стать легендарным.

...Деникинцы установили в Приднестровье режим жестокого террора. Обсудив обстановку, мы решили центр своей деятельности переместить с Балтщины в Рыбницу. Это диктовалось многими соображениями: Рыбница была связана железной дорогой с рядом крупных центров, рядом — Бессарабия, где также действовало большевистское подполье, с которым предстояло поддерживать тесные связи.

Задание нам дали следующее: в случае, если Южная группа И. Э. Якира не сможет прорваться на север для соединения с основными советскими войсками, мы должны были создать

базу для ее дислокации, а если она прорвется, то организовать подполье в тылу у Деникина.

В конце сентября в Рыбнице был создан подпольный большевистский партийный комитет, который занялся организацией подрывной работы в тылу врага. В состав комитета вошли: Д. С. Боян, рабочий Рыбницкого сахарного завода Н. Л. Штейн-берг-Стоянов, И. И. Норцова, Г. П. Бондарчук и я. Партийный комитет образовал два органа: Приднестровский повстанческий комитет (повстанком) и полевой штаб по руководству боевыми операциями. В эти подпольные органы входили не только члены партии, но и беспартийные.

Подпольные комитеты действовали во многих более или менее крупных городах и уездах Одесщины. Со многими из них рыбницкие подпольщики поддерживали оперативную связь и согласовывали свою деятельность. Регулярно действовала связь рыбницкого подполья с подпольными центрами Одессы и Винницы. В группе, которую мне довелось возглавлять, бесстрашными и находчивыми разведчиками зарекомендовали себя Александр Мишанчук, Амбросий Рак, Степан Сорочатый, Мария Сорокатая, Моисей Смельчак, Антон Ротаревич, Фока Бадилян и другие. Они взрывали железнодорожные пути, разбрасывали листовки и воззвания, формировали ударные боевые отряды, время выступления которых было приурочено к началу наиболее активных действий Красной Армии.

Наши подпольщики были распределены по селам Крутые, Тымково, Плоть, Бруштены; немало их было в приднестровских селах. Каждый посылавшийся нами в эти села создавал вооруженные группы по 10—15 человек.

Полевой штаб организовал боевую группу, ядро которой составили 30 партизан, переброшенных на левый берег Днестра подпольной коммунистической организацией Бессарабии. Эта группа устраивала диверсии на железной дороге, препятствовала движению деникинских эшелонов.

Большое внимание мы уделяли сбору оружия для подпольных групп. Первое время во избежание провалов мы вынуждены были ограничиться боевыми действиями группы полевого штаба, которая занималась подрывной работой на железной дороге, налетами на штабы противника, ликвидацией наиболее ненавистных белогвардейских агентов. Полевой штаб все эти операции проводил сравнительно далеко от мест, где намечались массовые восстания против белогвардейцев. Нередко члены боевой группы, переодевшись в крестьянскую одежду, выезжали в базарные дни на подводах в те села, где находились деникинцы, окружали их штаб и забрасывали его

бомбами или обстреливали из пулеметов, уничтожая белогвардейцев. Не всегда подобные операции заканчивались бескровно для нас. Мы теряли верных товарищей убитыми и ранеными.

Большую опасность для большевистского подполья представляли скрытые агенты врагов Советской власти, которые всячески стремились проникнуть в наши ряды. Иногда это им удавалось, и тогда мы несли тяжелые потери. Так, рыбацкий торговец Николаев и другие провокаторы выдали деникинской контрразведке 27 коммунистов, посланных к нам Подольским губкомом партии. Из них 25 были расстреляны. Только двоим удалось скрыться, и они потом успешно работали в рыбацком подполье.

В конце октября 1919 года партийный комитет пополнил повстанком новыми товарищами, среди которых были М. Бине, Боровский, Перников, И. Кривошейко, Ю. Бурле, Е. Колибабчук, М. Авербух, А. Коваль, Мураховский, М. Бахман, М. Дьяков, Шилкрут, М. Думенко.

В начале ноября на хуторе Шмалена, в пяти верстах от Рыбницы, подпольный партийный комитет созвал совещание боевых групп, действовавших в районе Рыбницы и в соседних волостях. На совещание прибыло 150 человек, в том числе 35 бессарабцев и 15 рабочих из Рыбницы. Собрались на рассвете, когда жители спали, в самом большом на хуторе сарае. Расходились уже на рассвете следующего дня, так что за сутки успели обо всем поговорить, послушать представителей Одесского губкома партии. Правда, стояли сильные холода и мы все буквально ооченели, находясь в сарае. Там, в Шмалене, из боевых групп был организован партизанский отряд. Командиром отряда по рекомендации партийного комитета был избран я, а председателем повстанкома — Д. Боян.

Приходилось вести работу и по преодолению местнических настроений отдельных партизанских групп, составлявших отряд. Дело в том, что часть партизан преследовала лишь одну единственную цель — освободить Рыбницу и Крутянский район и восстановить здесь Советскую власть. К более широким и согласованным действиям они не стремились. Между тем партийный комитет ставил перед партизанами единую общую задачу — дезорганизовать тыл белогвардейцев, препятствовать передвижениям их войск, уничтожать живую силу противника. Отдельные разрозненные операции, несмотря на героизм и отвагу их участников, часто не приносили успеха. Так, например, окончилась неудачей попытка Воронковской группы партизан выбить деникинцев из Рыбницы. Когда эта группа численностью 25 человек под руководством Стагурского без

согласования с другими партизанами напала в декабре на белогвардейцев, находившихся в Рыбнице, она была разбита превосходящими силами противника, а сам Стагурский убит.

После этого выступления деникинцы увеличили гарнизон в Рыбнице, усилили репрессии. Две наши подпольные ячейки были раскрыты, и их члены арестованы. Захваченный белогвардейцами молодой партизан из села Ержово Тоня Глембовский был сожжен живым в паровозной топке. Однако раскрыть подпольный комитет, полевой штаб и повстанком контрразведке не удалось.

В ответ на зверства белогвардейцев партийный комитет решил, собрав все силы, изгнать врагов из Рыбницы. Четверо партизан — И. Штрикман, Ю. Бурле, С. Сандул, И. Луца — получили задание взорвать в нескольких местах железную дорогу, ведущую к Рыбнице, чтобы не дать возможности деникинским бронепоездам приблизиться к городу. Группе рыбацких подпольщиков было поручено напечатать в типографии воззвание и приказы, в которых сообщалось о восстановлении Советской власти, а деникинским офицерам и солдатам предлагалось сдать оружие. Один из подпольщиков, который работал телеграфистом у деникинцев, должен был направить в Рыбницу со станции телеграмму якобы от имени белогвардейского командования примерно следующего содержания: «Наступают большие силы большевиков. Оставляйте немедленно город Рыбницу. Отступайте в направлении Слободка — Ко дыма». Остальные партизаны получили задание ворваться в это время в город и выбить противника.

Тщательно подготовленная операция была успешно проведена. В январе 1920 года деникинцы были изгнаны из Рыбницы. Однако нам не удалось закрепиться в городе. Через несколько дней белые, сосредоточив значительные силы, повели наступление на город, и мы вынуждены были отойти. Наш партизанский отряд продолжал действовать в районе Рыбница — Крутые — Каменка, совершая нападения на небольшие группы противника, нарушая его связь и пути сообщения.

Желая освободить 19 наших товарищей, захваченных деникинцами, мы вскоре снова заняли Рыбницу. Был образован ревком, который объявил о восстановлении Советской власти. Председателем ревкома стал А. Мензелевский, членами — А. Балан и Ткачук. Начальником гарнизона назначили меня, а комендантами — Бояна и Штейнберг-Стоянова. Председателем Рыбницкого партийного комитета избрали Бине, секретарем — Дац.

На сторону партизан стали переходить и бывшие союзники белогвардейцев — галицийские стрелки. Главкомандующий галицийской армией генерал Микитка и деникинский атташе при нем генерал Стойкин решили пробиться на бронепоезде «Ураган» в район Колбасная — Воронково, чтобы отсюда бежать в Румынию. Наши товарищи захватили бронепоезд и взяли в плен генералов Микитку, Цыриса, Стойкина и весь их штаб. В тот же день наши разведчики захватили в плен в Рашкове князя А. Львова, который пытался уйти в Румынию пешком по льду.

Особенно активизировались действия Рыбницкого партизанского отряда в феврале 1920 года в связи с приближением частей Красной Армии. Получив сведения, что со стороны Одессы под натиском советских войск остатки деникинской армии под командованием генерала Бредова отступают на север в нашем направлении, мы стали готовиться достойно встретить врага. Выпустили специальное воззвание к рабочим и трудовому крестьянству. Оно рассказывало о положении дел на фронтах, призывало вступать в ряды красных партизан, чтобы в последний раз решительно ударить по контрреволюции.

Наше воззвание нашло горячий отклик у трудящихся. Партизанский отряд быстро пополнялся новыми силами. Мы выступили в направлении села Жура, навстречу белогвардейским бандам Бредова. Недалеко от села остановились и стали готовиться к бою. Деникинский авангард не ожидал встретить здесь сопротивление, и наша внезапная атака ошеломила его. Противник в панике бросился по льду Днестра на правый берег реки в Бессарабию. Белорумыны приняли деникинцев за большевиков и открыли огонь. Это заставило врага вновь откатиться на левый берег. Партизаны захватили в плен много белогвардейцев. Но к этому времени подошли основные силы Бредова, и нам пришлось отступить к Рыбнице, а затем к Слободке. Мы не просто отходили, а вели по пути боевые действия против отдельных белогвардейских подразделений и групп. Е наши руки попало 20 штабных офицеров, большое количество вооружения и снаряжения, около 400 подвод.

В районе Слободки партизанский отряд соединился с наступающими частями Красной Армии. Мы влились в 45-ю стрелковую дивизию. В составе этого славного соединения под командованием И. Э. Якира партизаны в феврале 1920 года приняли активное участие в разгроме бредовской группы и освобождении от белогвардейцев левобережья Днестра.

Долгую жизнь прожила я. Приходилось жить на побережье Тихого океана, Балтийского, Средиземного морей, и всегда, любуясь морскими просторами, я мысленно переносилась на родину — в Крым. И нет нигде красивее моря и неба, как над родным полуостровом.

Крым всегда приковывал к себе внимание, и не только красотами природы, Крым — это еще удобный стратегический пункт; и вот почему внимание империалистов-интервентов в первые годы революции так часто останавливалось на этом уголке нашей Родины. Три года Крым служил плацдармом для нападения на молодую Советскую республику. Здесь германские, англо-французские оккупанты собирали крупные силы и помогали белогвардейцам вести жестокую гражданскую войну.

Короткие периоды существования Советской власти в Крыму — с декабря 1917 по апрель 1918 года и с апреля по июнь 1919 года — пустили прочные корни в сознании трудящегося населения Крыма. Крестьяне, получившие землю, не желали снова идти в кабалу к землевладельцам, рабочие, наделенные правами, данными им Октябрьской революцией, не хотели возвращаться к старым порядкам. И вновь началась жестокая борьба...

...Зло цокали подковами по булыжнику кони белоказачьих разездов по мостовым городов Крыма. Заполнялись арестованными грязные и душные камеры тюрем. Каждый генерал, чьи войска занимали крымские города и села, привозил с собой и свою контрразведку. Контрразведчики рыскали по полуострову в поисках красных... Один из белогвардейцев в книге «Конец белых» так характеризовал обстановку того времени: «В Крыму установился «слащевский» режим... тяжелой атмосферой бесправия и самодурства был окутан в это время Крым... Слащевская юрисдикция сводилась к расстрелам... Горе было тем, на кого слащевская контрразведка обращала внимание».

Но кроме слащевской контрразведки была еще деникинская, кутеповская, шкуровская, военно-морская и другие. Одиннадцать контрразведок действовало в Крыму. В тюрьмах

не хватало мест. Гостиницы в городах были превращены в застенки контрразведок.

В Симферополе в гостиницах «Ялта», «Виктория», «Севастополь» творились по ночам кровавые расправы. Контрразведчики пытали арестованных. На улицах города, на фонарных столбах ветер раскачивал трупы повешенных. И тут же рядом, в ресторанах, звучно хлопали пробки. Спекулянты заключали сделки и били по рукам. Наглые белые офицеры поднимали бокалы за здоровье генерала Деникина — «освободителя отечества», «за единую неделимую Россию».

Вот в такой обстановке, запертые с трех сторон морем и с четвертой трудно преодолимыми укреплениями на Перекопе, крымские большевики создавали свою подпольную организацию.

Как же сложилась и действовала в деникинском тылу подпольная организация партии большевиков Крыма?

12 июня 1919 года генерал Слащев высадил под Судаком десант в 600 сабель, отрезав Феодосию от Симферополя. 24 июня белые заняли Симферополь.

Вопрос об организации подполья был решен к 20 июня. Было слишком мало времени при отступлении Красной Армии, чтобы подготовиться к будущей работе. Прежде всего нужно было товарищам, оставленным в подполье, легализоваться. Для руководства был оставлен Сергей Яковлевич Бабаханян, известный позже в подполье как Николай Бабахай, член большевистской партии с марта 1917 года, участник штурма Зимнего в Петрограде. Он был командирован в Крым ЦК партии в мае 1919 года в качестве члена Совета обороны Крымской Советской республики. Кроме Бабаханяна руководителями подполья оставались Александр Ольнер, бывший редактор советской газеты в Севастополе, Шульман и Владимир Хайкевич, члены обкома партии в период Советской власти в Крыму.

Предполагалось, что белые займут Евпаторию позже, чем Симферополь, и поэтому туда для подготовки подполья 22 июня были направлены Алексей Семенович Цвелев и Анна Борисовна Пирумова (партийная кличка «Муха»). За несколько часов до занятия деникинцами Симферополя туда выехали также Бабаханян и Хайкевич.

...С первых же дней прихода белых начались бесконечные облавы и аресты. Но, несмотря на опасности, подстерегавшие на каждом шагу, отважные подпольщики начали свою работу. Прибывшему вскоре в Евпаторию Ольнеру поручили организовать паспортный стол и типографию. Хайкевич и Пирумо-

ва были посланы для налаживания подполья в Севастополе. Решено было также установить связь с Одессой и Феодосией.

Между тем слежка и аресты не прекращались. Стало известно, что кто-то выдал Бабахаяна, белогвардейцы назначили за его голову крупную сумму/Каждые два-три дня приходилось ему менять квартиру, часто не ночевать дома. Иногда по несколько суток он скрывался у Майнакского озера или в степи. Бабахаяну необходимо было на время уехать.

В конспиративной работе не бывает мелочей. Иногда какая-то мелкая деталь может привести к крупному провалу; хладнокровная оценка обстановки открывает большие возможности... Так случилось и с Бабахаяном. Анна Борисовна Пирумова пошла чинить обувь к сапожнику. Сапожник в разговоре сообщил о том, что в порт Евпатории пришло с Кавказа небольшое судно с нефтью, которое вскоре возвратится обратно, команда судна армяне.

Бабахаян и Пирумова решили познакомиться с командой.

Сергей Яковлевич представился инженером Пирумовым, сказал, что он хочет вместе со своей сестрой уехать домой в Армению, но ввиду призывного возраста (ему было в то время 26 лет) ему придется служить в деникинской армии и поэтому обычный путь на пароходе для него закрыт. Человек, с которым происходил этот разговор, согласился скрыть их в трюме и доставить на Кавказское побережье.

Но чем-то непохож был земляк Бабахаяна на торговца. И это действительно оказалось так. После долгих взаимных «прощупываний» между ними состоялся откровенный разговор. «Торговец» сказал Бабахаяну, что он вез нефть в Крым не для продажи, а с тем, чтобы передать ее Крымской республике. Но опоздал... Лишь по счастливой случайности не успел поднять красный флаг на судне, и только поэтому он и его товарищи остались живы. Возвращаться на Кавказ наш новый знакомый не собирался, а намеревался остаться пока в Крыму, чтобы найти способ пробраться через фронт в Советскую Россию.

Это был сын известного большевика, бакинского комиссара, расстрелянного интервентами, Степана Шаумяна — Сурен.

Бабахаян сообщил Сурену, что он коммунист и что в Евпатории есть товарищи, которые помогут ему добраться до Советской России. Сурен покинул судно, а «инженер Пирумов» него «сестра» отплыли в Батум.

По прибытии на Кавказ Бабахаян сделал все возможное, чтобы получить вид на жительство, который позволил бы ему

вернуться в Крым и работать там в подполье. Через два месяца это ему удалось, и он получил паспорт на имя купца, персидского подданного. Анна Борисовна Пирумова осталась работать на Кавказе, секретарем подпольного Батумского обкома партии. Бабахаян вернулся в Крым.

В Севастополе Бабахаян не нашел В. М. Хайкевича, уехавшего к тому времени в Одессу. Туда же выехали также Шульман и Ольнер. После долгих поисков Бабахаян встретился с подпольщиками Сергеем Леоновым, которого знал раньше, и Александром Бунаковым (Рытвинским). Вместе с последним он прибыл в Симферополь. Здесь действовала группа местных большевиков во главе с Владимиром Семеновичем Васильевым, не сумевших по разным причинам уйти из города вместе с Красной Армией, а также присланные из центра А. И. Федорова и Е. И. Григорович. Сюда же прибыли и включились в работу подполья А. И. Граковская, М. Горелик и Зиновий Волович (Зиноша) из Екатеринослава, Софья и Илья Серовы — из Николаева и др.

Начала налаживаться работа. Однако мешало полное отсутствие средств, которых не было не только для партийных нужд, но даже на жизнь подпольщикам, которые по условиям конспирации не могли устроиться на какую-либо работу при белогвардейском режиме. Тогда работающие товарищи стали отчислять половину своего заработка находившимся на нелегальном положении. Однако подпольная борьба разворачивалась, нужно было печатать листовки, нужна была бумага, нужно было добывать оружие.

Решили, что Бабахаян должен поехать в Одессу, установить там связь с центром и получить необходимые средства. В занятой деникинцами Одессе действовала сильная подпольная организация. На совместном заседании с одесскими товарищами предложили, что Крымский обком будет находиться в Одессе и оттуда руководить своей подпольной организацией. Бабахаян выступил против такого предложения. После долгих обсуждений было решено сформировать обком в Крыму. Секретарем его избрали Бабахаяна. Ему же поручили в ближайшие полтора-два месяца созвать съезд представителей крымских подпольных организаций, который должен был избрать областной комитет партии.

Покончив с организационным вопросом, перешли к финансовому. Была единственная возможность достать деньги — получить их от Одесского губкома. Однако, когда на заседании губкома обсуждался вопрос о помощи подполью Крыма, многие одесские товарищи проявили непонимание значения борьбы с

контрреволюционными силами в Крыму. Секретарь губкома товарищ Нюра ¹ прямо заявила, что «не считает работу в Крыму столь уж важной и необходимой». Некоторые высказывались даже в том духе, что «дела Крыма одесситов не касаются». Лишь после длительных споров было выделено 60 тысяч рублей для товарищей, оставшихся в Крыму и желавших оттуда уехать.

Получив эту мизерную по тому времени сумму, Бабаханян вернулся в Крым. (В то время в Одессе месячный заработок рабочего составлял 15 тысяч рублей в месяц, а в Крыму — 60 тысяч; фунт хлеба стоил в Одессе 150 рублей, в Крыму — 300 рублей.) Был реорганизован состав обкома партии: секретарем его остался Бабаханян (Николай), членами стали Спер (Просмушкин), М. Горелик, от Севастополя — Бунаков; несколько позже была кооптирована Тоня Федорова. В Ялте работал присланный ЦК партии для организации подполья Павел Михайлович Ословский (Антон); в Алушту обком партии командировал А. Бродского для организации бюро формирования партизанских отрядов; в Евпаторию в разное время обком посылал Г. А. Шацкого, М. Горелика.

В Феодосии работа велась самостоятельно, возглавлял ее бывший народный комиссар по просвещению Крымской республики Иван Назукин.

В Симферополе подпольщики установили связь с адъютантом губернатора Крыма поручиком Сергеем Константиновичем Тимофеевым. Этот офицер искренне желал порвать с белогвардешщиной и перейти на сторону борцов за Советскую власть. Однако его удалось убедить, что, работая у губернатора, он может больше принести пользы подполью. Тимофеев согласился, только поставил условие сообщить семье в случае его гибели, что он погиб в борьбе за Советскую власть. Была налажена связь также с некоторыми работниками канцелярии начальника гарнизона Симферополя. По этим и другим каналам подпольная организация получала паспорта, бланки, розыскные ведомости, секретные депеши, приказы по гарнизону и т. д. Но не все услуги оказывали сочувствующие нам. За бланки и паспорта надо было платить деньги жадным до наживы белогвардейским чиновникам, а обком по-прежнему не было...

Обком партии решился на рискованный шаг. Постановили связаться с Таврической конторой Центросоюза и отделением Московского народного банка, не успевшими в свое время эва-

¹ Анна Михайловна Панкратова. — *Сост.*

куироваться из Симферополя. Риск состоял в том, что нам не было известно, как отнесутся к работникам подполья люди, работающие в этих организациях. Можно было ожидать всякое.

...По одной из главных улиц города Симферополя — Салгирной идут двое мужчин. Оба бородатые, немолодые, по виду солидные коммерсанты. И действительно, один из них персидский подданный, купец. В кармане у него охранный грамота. В ней написано, что он не может быть подвергнут обыску или арестован без ведома консула. Второй — фабрикант, владелец щелочной фабрики «Слава» в Симферополе. За ними следом на некотором расстоянии идет молодой человек лет восемнадцати, а еще совсем вдали, стараясь не терять всех их из виду, следует юная девушка.

Массивные двери банка плотно закрылись за мужчинами; через несколько минут в здание банка проник и юноша. Девушка «беспечно» продолжала свою прогулку, стараясь держаться там, где больше народу.

Кто эти люди? «Иностраный подданный» — секретарь Крымского подпольного областного комитета партии большевиков Бабахаян, «фабрикант» — руководитель военного отдела обкома Васильев. Юноша и девушка — это И. Китаин и К. Максимова¹, члены городского подпольного комитета комсомола.

Комсомольцы не случайно оказались участниками этой рискованной операции. Была возможна провокация, возможен случайный провал, а поэтому им поручено вести наблюдение за всеми, кто входит и выходит из здания банка. Ни один подозрительный не должен остаться незамеченным. Если же операция будет провалена, то они должны немедленно сообщить в организацию о случившемся. Но в банке все обошлось благополучно, и полученные средства дали возможность закупать оружие, помогать деньгами подпольщикам других городов.

...Крымский подпольный областной комитет партии начал готовить восстание. К марту 1920 года все было подготовлено. К этому времени выросли не только силы партийной организации во всех городах Крыма, но и в каждом городе, кроме Севастополя, были созданы комсомольские организации. В Севастополе из-за частых провалов и арестов подпольщиков обком партии решил не создавать отдельной комсомольской группы.¹

¹ Максимова — фамилия автора настоящих воспоминаний, которую она послала в дни подполья. — К. К.

В Симферополе на первом организационном собрании комсомола в августе 1919 года присутствовало около 20 человек, а в феврале 1920-го уже сформировали боевую молодежную дружину из 22 боевых и 6 санитарных пятерок. Начальником боевой дружины назначили Зиновия Воловича (Зиношу). Много боевых операций провела комсомольская дружина под руководством этого отважного большевика. Начальником штаба дружины стал председатель подпольного областного комитета комсомола Оскар Тарханов, членами штаба — его заместитель Григорий Шацкий и Григорий Григорьев. Создали разведывательную группу, которую также возглавил Тарханов, заместителем его довелось быть автору этих воспоминаний.

Девушки-комсомолки под руководством члена обкома партии Антонины Ильиничны Федоровой изучали санитарное дело, учились оказывать первую помощь раненым.

Хорошо помню, как мы с Тархановым ходили в казармы к белогвардейским солдатам. Для успеха операции Тарханов передевался в форму бойскаута. В то время члены этой буржуазной юношеской организации, хорошо обученные контрразведчиками, были верными помощниками белогвардейцев.

Не вызвав подозрения, «бойскаут» лихо козыряет дежурному офицеру и, отрекомендовавшись, просит разрешения пропустить его в казарму побеседовать «с солдатыками о любви к родине». Его сопровождает девушка с небольшой корзинкой. Дежурный, любуясь безукоризненной выправкой скаута, спрашивает:

— А девушка с вами?

— Да! Она несет табачок солдатыкам.

— Проходите, — охотно разрешает офицер.

Войдя в казарму, Тарханов рассказывает солдатам о положении на фронте, говорит, что против денкинцев воюют их братья, бойцы Красной Армии, такие же, как и они, люди труда. Только они борются не за дворянские поместья и доходы буржуев, а за права всех рабочих и крестьян. А в ответ на реплики солдат, что они, мол, и рады бы уйти к красным, но офицеры говорят, что большевики их обязательно расстреляют, я раздаю солдатам листовки. Мы говорим солдатам, что каждая такая листовка — это пропуск в Красную Армию; с этой листовкой они могут смело переходить через фронт и говорить, что получили их в белогвардейском тылу от большевиков, борющихся там в подполье. Солдаты охотно разбирали листовки. Солдаты доверяют нам, появляются у нас среди них свои люди: «дяди» Пети, «дяди» Вани. Забирая у меня «табачок», они вместо него кладут в

корзину кое-что потяжелее.

Комсомольцы, выполнили свою «программу». И вновь Тарханов салютует дежурному офицеру. Мы довольны, скорее Наи конспиративную- квартиру. Надо разобрать принесенное в корзине. Это патроны, револьверы для участников восстания.

...Восстание назначили, на 8 марта 1920 года. 6 марта на заседании штаба был утвержден план. В ночь с 7 на 8 марта 80 человек — коммунистов, и комсомольцев — должны были собраться в оружейно-ремонтных мастерских за фабрикой Абрикосова. Здесь, в мастерских, у подпольщиков спрятаны 150 винтовок и 4 пулемета. Одновременно десять наших боевиков должны были, подогнать к мастерской из гаража несколько грузовиков, шоферы, которых и начальник гаража были нашими товарищами. На этих грузовиках подпольщики должны были в четыре часа утра подъехать к бывшему приюту Фабра, где помещалась автоброневая команда. Здесь действовала сильная-партийная организация, и при ее содействии предполагалось захватить пять броневиков. Боевая дружина рабочих аэропланного завода «Анатра» должна была занять телеграф* Захват других белогвардейских учреждений возлагался на шесть боевых «десяток», которые должны были выступить с разных концов города, как только получат, по телефону сообщение о благополучном исходе первых операций. Вокзал должна была занять железнодорожная дружина. Это была сильная организация, не раз выполнявшая самые сложные задания обкома партии. Сразу после захвата броневиков подпольщики должны были освободить из тюрьмы арестованных.

Одновременно с Симферополем намечалось выступление боевых подпольных групп в Евпатории и Севастополе. На заседании штаба 6 марта в Симферополе представитель севастопольского оперативного штаба Григорий Столяров заверил, что у них все готово, что в гарнизоне имеется боевая организация, действующая независимо от ревкома, которая уже раньше хотела предпринять самостоятельное выступление. Оперативному штабу с трудом удалось удержать их от преждевременных действий. Столяров сообщил также о том, что команда бронепоезда, стоящего на станции Севастополь, целиком на стороне подпольщиков и по первому приказу готова повернуть орудия против белых. Было решено, что восставшие захватят Севастополь и Симферополь, и бронепоезд двинется на станцию Сарабуз, навстречу белогвардейским войскам, которые наверняка пошлет с фронта

Слащев на подавление восстания.

Однако через несколько часов после отъезда Столярова стало известно, что в Севастополе произошел провал, что контрразведка разгромила конспиративную квартиру портового рабочего Казимира на Корабельной стороне, где собрались подпольщики, окружила весь квартал. На обоих концах улицы были выставлены пулеметы. Захваченные врасплох товарищи оказали отчаянное сопротивление. Двоим из них удалось скрыться во время перестрелки. В руки контрразведки попали Крылов, Шестаков, Наливайко и представитель севастопольских солдат.

В течение ночи в городе и на Корабельной стороне арестовали 28 человек. Силы, подготовленные к восстанию в Севастополе, были разгромлены.

Между тем Красная Армия продвигалась к Перекопу.

Сведения об этом обком партии получил через адъютанта губернатора поручика Сергея Константиновича Тимофеева.

После разгрома подполья в Севастополе и ареста команды бронепоезда в Симферополе трудно было решиться на открытое вооруженное выступление теми силами, которые имелись в симферопольской организации; в Евпатории больших сил не было.

9 и 10 марта красные войска продвигались вперед, но на следующие сутки генералу Слащеву, бросившему на фронт значительные подкрепления, удалось остановить их. Советские части начали отходить. Сообщение об этом разрушало последние надежды подполья на скорое освобождение...

В Севастополе в застенках контрразведки ждали решения своей участи арестованные товарищи. Областной комитет большевиков мобилизовал все силы для их спасения. В Севастополе и Симферополе были проведены рабочие собрания, потребовавшие провести гласный суд.

Однако дело десяти подпольщиков слушал военно-полевой суд. 22 марта суд приговорил троих к смертной казни, пятерых — к десяти годам каторги и двое были оправданы.

Напуганный рабочими волнениями, комендант Севастополя Турбинов не утвердил приговор. Но он и не решился освободить оправданных. Комендант послал слезное письмо Слащеву с запросом, как быть. Слащев сам прибыл в Севастополь. По его приказу арестованных увезли в Джанкой и там всех расстреляли, включая оправданных военно-полевым судом.

Позднее этот белогвардейский палач напишет в своих воспоминаниях :

«Начконтрразведки страшно волновался: рушится с освобождением последних (оправданных.— *К. К.*) не только вся тайная агентура, но и выступление состоится, а на фронте подкрепления красными подвозились; надо было мне либо расписаться в несостоятельности и предать всех своих подчиненных, либо по вызову явиться в Севастополь»¹.

Из сказанного Слащевым ясно, что «тайная агентура» контрразведки, предавшая восстание, была строго законспирирована, что агент, предавший наших товарищей, находился под особо надежной охраной, если Слащев решился расстрелять даже оправданных военно-полевым судом, чтобы скрыть провокатора от возможного разоблачения.

В знак протеста против расправы севастопольские портовики объявили трехдневную политическую забастовку и призвали присоединиться к ним все профсоюзы. Все рабочие Крыма дружно поддержали забастовщиков.

Хорошо помню те дни. Как темная туча перед надвигающейся грозой над улицами городов Крыма нависла гнетущая тишина. Но вот стали поступать радостные сообщения: Красная Армия бьет денкинцев на Северном Кавказе, и одновременно с вестью об этой победе дошла до нас новая, страшная: вся масса недобитых частей Деникина хлынула в Крым. 35—40 тысяч отпетых белогвардейских головорезов, не рассчитывавших на пощадку Советской власти, устремились в свое последнее логово... Провалы в городах участились. Надо было думать об изменении методов подпольной работы.

А дни бежали быстрой вереницей. Наступала погожая весенняя пора.

...Далеко от центра города в глухом месте расположено кладбище. За оградой свежая зелень деревьев, много красивых памятников и совсем простых крестов на могилах. Повсюду тишина. Небольшими группками люди ходят от могилы к могиле. Вот кучка людей, видно родственников какого-то именитого человека, остановилась в почтительном молчании около памятника-склепа. Постепенно молчание нарушается, люди ведут тихую беседу. В группе выделяется человек с длинной темной бородой, черными пронзительными глазами. Эти люди, как видно, не впервые здесь собираются почтить память своего предка, встретиться друг с другом.

Если повнимательней присмотреться к ним, замечаешь, что это люди разного достатка и, наверное, разных профессий. Их связывает только родство. Вот подошел статный, красивый

¹ *Я. Слащев. Крым в 1920 г. Госиздат, 1923, стр. 72.*

молодой человек в форме офицера Ольвиопольского уланского полка. Видно, это общий любимец, так как, несмотря на строгую кладбищенскую обстановку, все начинают сдержанно-радостно улыбаться ему. Офицер наклоняется к уху бородатого и тихо говорит:

— Николай ¹, все в порядке. Ничего подозрительного. Наши на месте. Недалеко от склепа прогуливается *Следопыт*², а у входа на кладбище дежурит Орленок ³. Можно начинать. Я иду на свой пост. Сигналы, как условились.

Взяв под козырек, «улан» уходит.

— Итак, товарищи,— тихо говорит Николай,—я вас собрал затем, чтобы решить вопрос о съезде представителей партийных организаций всех городов Крыма. Каждый видит, сколько прибыло в Крым деникинцев, и это еще больше обострило возможность провалов... Нам нужно посоветоваться. Здесь присутствуют представители симферопольской, севастопольской, ялтинской, керченской, феодосийской организаций. Вот давайте и решим, будем созывать съезд в ближайшее время, скажем, через месяц, или отложим его и будем продолжать работу, как прежде, а все вопросы решать в деловом порядке?

— Я считаю, товарищи, что нужно как можно скорее собрать съезд, так как многие перестали правильно понимать партийную работу. В Симферополе, например, занялись боевыми операциями. Только и читаешь в белогвардейской печати: налет на участок, налет на тюрьму — освобождены «преступники». Ясно, что это работа нашей подпольной организации. Но разве это партийная работа! Мы привыкли основной работой считать работу в профсоюзах, агитацию против белых, разоблачение меньшевиков. От имени феодосийской организации я настаиваю на быстрейшем созыве съезда и перемене методов работы нашей организации.

Оратор закончил свою речь. Это делегат от Феодосии Хмельницкий-Хмелевский (партийные клички «Хмиллька», «Хмиллька»).

— Я не согласен с этим, ибо у Хмилльки старое представление о методах революционной работы,— возражает Антон, секретарь Ялтинского комитета партии.— Сейчас время другое и тактика должна быть другая. Боевые операции должны стоять в программе нашей работы. Чем больше будет кричать белогвардейская печать об опасности, тем больше будет уве

¹ С. Я. Вабахаян.— К. К.

² Одна из подпольных кличек автора этих строк.— К. К.

³ Подпольная кличка Тарханова.— К. К.

ренности у населения в близком конце деникинщины. А это очень важно. Однако много горя принес нам севастопольский провал. Думаю, что можно временно воздержаться от съезда и продолжать работу, кооптировав в обком товарищей. Николаю это право дано центром, пусть он им воспользуется.

Слово опять берет Николай:

— Товарищи! Времени у нас мало. Сидеть здесь долго на кладбищенских лавочках вовсе не так уж хорошо и безопасно. Правда, наши орлята-комсомольцы стерегут, но их тоже надо поберечь. Итак, выражены две противоположные точки зрения, и я присоединяюсь к Хмильке. Не потому, что я согласен с его высказываниями о методах и тактике партийной работы, ибо тут прав Антон. Работать сейчас так, как работали в царском подполье, нельзя, но раз есть товарищи, которые сомневаются, давайте соберемся и решим, как работать дальше. Антон сказал, что мне даны права, я их и хочу использовать, поэтому говорю вам: давайте готовиться к съезду нашей крымской организации. На днях я намереваюсь предпринять поездку по Крыму, чтобы поближе познакомиться с партийной работой.

— А теперь, «родственники именитого человека»,— заканчивает Николай,— цветы мы ему поставили в благодарность за возможность провести расширенный пленум обкома, потихоньку разойдемся в разные стороны.

— Антон! — снова слышится его голос.— Подойди вот к той девушке, которую мы называем Следопытом. Она тебя проводит... До свидания, товарищи, скоро я всех вас навещу.

29 марта, оставив в городе своих заместителей, Бабаханян выехал в поездку по Крыму — Керчь, Феодосию, Ялту, Севастополь. Вначале предполагали провести съезд в Симферополе, но затем остановились на тихом, уединенном Коктебеле, в восемнадцати километрах от Феодосии.

В то время как большевики активно готовились к обсуждению накопленного опыта и планов будущей работы в белогвардейском стане, произошли большие перемены. 29 марта Деникин прибыл в Феодосию и назначил совещание командования корпусов для выбора нового главнокомандующего. Слащев приехал в Феодосию и, заявив, что выборного начала не признает и что Деникин должен сам назначить своего преемника, уехал на фронт. На втором заседании, 3 апреля, Слащев вновь наотрез отказался голосовать. Выборы были сорваны.

4 апреля из Константинополя прибыл Врангель и приказом Деникина был назначен главнокомандующим. 5 апреля гене

рал Врангель вступил в командование «вооруженными силами юга России».

Крымское подполье вступало в новый, еще более ответственный и опасный этап своей истории. Казни, кровавые расправы сопровождали весь период режима «черного барона». Большевицкая организация, отрезанная от центра мощными перекопскими укреплениями, мобилизуя народные массы, всемерно усиливала борьбу с белогвардейцами на Крымском полуострове. Много наших бесстрашных товарищей погибло в застенках контрразведок, в боях с карателями в лесах Крыма. Еще долгие восемь месяцев продолжалось подполье.

Глубокие чувства дружбы и крепкой спайки, верности делу партии большевиков помогали коммунистам и комсомольцам стойко переносить все тяжести подполья, с оружием в руках бороться против белогвардейщины и участвовать в восстановлении Советской власти в Крыму.

М. А. Егоров

В Крымских горах

В годы первой мировой войны тысячи русских солдат (в том числе и я) находились в составе экспедиционного корпуса во Франции, посланного в эту страну царским правительством для участия в войне против Германии и поддержания более прочной «связи» между союзниками, как нам говорили офицеры. На самом же деле мы являлись пушечным мясом, проданным царем французской буржуазии.

Узнав о Февральской революции в России, мы потребовали возвращения на Родину, но вместо этого нас отправили в глубокий тыл во Франции. Там мы в первых числах сентября 1917 года были разоружены, а через некоторое время отправлены под конвоем в Алжир.

Около двух лет мы находились в Алжире и возвратились в Россию только в августе 1919 года. При высадке с парохода в Севастополе увидели, что нас привезли на территорию, занятую белогвардейцами и интервентами.

В то время белые армии наступали. Крым оказался в глубоком тылу. Офицерство, буржуазия, контрреволюционная печать кричали, что Добровольческая армия скоро будет в Мо

скве и что, мол, близок конец большевикам. Командование белых, как видно, рассчитывало использовать нас на фронте против Красной Армии. В этих целях подсланные пропагандисты и агитаторы пытались склонить нас на сторону денкинцев.

Однако, несмотря на длительную оторванность от России, несмотря на травлю, которую вели во Франции буржуазная печать и эмигранты против Советской власти и большевиков, абсолютное большинство солдат экспедиционного корпуса было настроено, можно сказать, большевистски, хотя еще и не имело настоящего представления о свершившейся социалистической революции.

В Севастополе прибывшие из-за границы солдаты старались глубже разобраться в том, что происходит в России. Местные же большевики-подпольщики, видя, что белогвардейцы намереваются использовать нас в борьбе против Красной Армии, всеми доступными им средствами разъясняли солдатам, что белые защищают интересы только капиталистов и помещиков, что в занятых ими районах господствуют старые порядки, земля находится у помещиков, народ по-прежнему бесправен и угнетен. Эта разъяснительная работа помогла солдатам понять, на чьей стороне правда. Не случайно поэтому, когда перед отправкой в Симферополь нас построили и денкинский генерал крикнул: «За великую неделимую Россию! Ура!»— ответа не последовало. Возбешенный денкинец стал угрожать: «Если бы я был главнокомандующим, то нашел бы над вами управу. Будьте вы прокляты!»

Через два дня нас привезли в Симферополь и разместили в кавалерийских и литовских казармах. Здесь снова развернулась борьба за прибывших солдат между большевиками-подпольщиками и белогвардейцами.

В Симферополе мы были лишены возможности свободно ходить по городу, но нам разрешалось выходить за ворота казарм, где женщины торговали разными продуктами. Среди них были и такие, которые оказались связанными с большевистским подпольем, как, например, Мария Черная. С их помощью удалось установить связь с Симферопольской подпольной большевистской организацией, которая специально выделила для работы среди прибывших солдат Тоню Федорову и Катю Григорович.

Зная наши настроения, денкинское командование не оставляло нас в покое и в казармах. Оно присылало агитаторов, которые бессовестно лгали, что большевики — это «немецкие шпионы», что они «продают Россию», «уничтожают пра-

вославленную веру» и т. д. Однако такие выступления переодетых белых офицеров успеха не имели. Тогда появлялись попы и начинали заклинать нас, чтобы мы не оказались в рядах «безбожников», «антихристов-большевиков». Но и их со свистом провожали с трибуны.

Командование стало действовать более решительно. Оно начало отделять от остальной массы солдат украинцев и уроженцев Северного Кавказа под предлогом, что их, мол, отпустят домой. Украина и Северный Кавказ в это время были заняты деникинцами, и, значит, солдаты по прибытии домой неизбежно попали бы в белую армию по мобилизации.

Что же нам было делать? На помощь пришла симферопольская подпольная большевистская организация. Учитывая сложившуюся обстановку на фронтах гражданской войны, она решает организовать в горах Крыма красное партизанское движение, с тем чтобы не давать покоя белым в тылу, отвлекать с фронта их силы, подрывать коммуникации, срывать мобилизации молодежи в белую армию, затруднять или не допускать снабжения транспорта и промышленных предприятий топливом. Кроме того, в партизанские отряды должны были уйти подпольщики, которым нельзя было дальше оставаться в городах.

На первых порах при содействии подпольщиков некоторые солдаты, прибывшие из Африки, временно определились на работу в разные белогвардейские тыловые организации и учреждения. Это позволило сохранить после расформирования экспедиционных частей отправки в местности, занятые белогвардейцами, немало наших боевых товарищей, которые впоследствии активно участвовали в партизанском движении. В числе оставшихся в Крыму был и я.

Для организации партизанских отрядов в горах Крыма подпольная организация направила Ваню Валикова-Волкова, получившего в дальнейшем кличку «Африканец», и меня. Нам выдали поддельные удостоверения, в которых значилось, что мы являемся беженцами из западных губерний России. Мы сменили свое солдатское обмундирование на гражданскую одежду и отправились в путь-дорогу. Взяли курс к селению Саблы. Здесь предстояло найти людей, которые помогли бы в выполнении порученного нам партийного задания.

В то время в Крыму все еще оставалось много беженцев из местностей, которые в годы империалистической войны были заняты немецкой армией. Большинство их жило трудно, голодало, не могло найти работу в городах. Это заставляло уходить в сельские районы в надежде заработать необходимые

средства на пропитание. В одном только Симферопольском уезде насчитывалось несколько тысяч беженцев. Поэтому наше появление в селах, а равно и незнание местности не должно было вызывать подозрения деникинских властей. Вот под видом таких беженцев, отправившихся на поиски работы, и пошли мы с Ваней Валиковым в направлении гор.

Уже начинало темнеть, когда подошли к селению Саблы. У околицы нам преградили путь два крестьянина с палками. Строгими голосами они спросили нас, кто мы такие и куда направляемся. Отвечаем: беженцы, ищем работу. В свою очередь мы поинтересовались, в чем дело, почему они останавливают нас. Разговорились. Мы рассказали о своем бедственном положении, спросили, не найдется ли в селе какой работы. Выяснилось, что местные власти обязали крестьян нести караул на дорогах, задерживать всех неизвестных прохожих и препровождать к старосте. Крестьяне сочувственно отнеслись к нам, к старосте решили не отправлять и даже позвали к себе ночевать. Они тоже жаловались на тяжелую жизнь, на притеснения деникинцев.

Крестьяне выглядели бедно, одежда в заплатках, на ногах грубые постолы, на головах картузы с рваными козырьками. По-видимому, перед нами были батраки или бедняки.

Пошли в дом к одному из крестьян. Как мы и думали, он оказался бедняком. Нас покормили, чем смогли, и потом началась беседа. Крестьяне рассказали, что белые держат их в страхе, забирают лошадей и арестовывают всех, кто добрым словом вспоминает Советскую власть, что при ней, мол, жилось легче. С такими справляются безжалостно.

Узнав, что в доме остановились на ночлег двое незнакомцев, пришли односельчане нашего хозяина, такие же бедняки. Скоро разговор принял общий характер. Некоторые из крестьян открыто возмущались деникинскими порядками, особенно тем, что самый больной вопрос — земельный белая власть и не собирается решать.

Видя такое настроение собравшихся, мы осторожно намекнули, что одними словами делу не поможешь, нужно действовать. Проговорили почти всю ночь и расстались друзьями.

Утром нам показали дорогу в горы, где местные жители выжигали древесный уголь, и предупредили, чтобы мы не заходили в деревню Бешуи, где много кулаков-богачей, которые могут задержать нас и выдать белым.

Эта встреча в селе Саблы показала нам, что на батраков и бедняков, а вероятно, и на середняков можно будет опереться, когда мы будем организовывать партизанский отряд. В припод

нятом настроении двинулись дальше вверх вдоль реки Альмы, оживленно обсуждая планы, как мы начнем действовать. Миновали Бешуи, как нам советовали крестьяне, поднялись на ближайшую небольшую гору и пошли дальше. Наконец вдалеке на левом берегу Альмы заметили дым. Решили, что это и есть место, где крестьяне выжигают уголь. Пошли по направлению к нему. Несколько раз пришлось карабкаться на горы, перебираться через долины и лишь к вечеру, совсем почти выбившись из сил, оказались у желанной цели.

Крестьяне оказались из деревни Мангуш. Поначалу они отнеслись к нам с недоверием. Мы объяснили, что нам нужна работа и готовы наняться к ним выжигать уголь. После некоторых раздумий нас согласились взять в работники.

Итак, мы начали трудиться, работа у нас спорилась, а чтобы поскорее завоевать доверие крестьян, согласились работать только за харчи. Наши «хозяева» быстро убедились, что люди мы трудовые, работать умеем неплохо, держим себя во всем просто. В свободные часы, обычно вечерами, рассказывали о новостях, какие нам были известны, и одновременно выясняли отношение наших новых знакомых к происходящим событиям, к гражданской войне. Оказалось, что многие крестьяне настроены против белогвардейцев. Однажды под большим секретом рассказали нам, что молодежь из их деревни скрывается в горах от призыва в белую армию.

А еще спустя несколько дней и мы открылись крестьянам, что никакие мы не беженцы, а являемся солдатами и прибыли в Крым из французской колонии Алжир, что в горы пришли для борьбы с деникинцами.

Наши новые друзья дали нам немало разных полезных советов, как лучше начать задуманное нами дело в условиях их местности. Рассказали нам и о деревенских кулаках и их подголосках, которые следят за крестьянами, выявляют недовольных белогвардейским режимом и доносят обо всем деникинской контрразведке.

Когда заготовка угля закончилась и крестьяне собрались домой, они пригласили и нас к себе в деревню, чтобы мы могли познакомиться с местными жителями. Мы с Ваней не заставили себя долго упрашивать. На следующий день пришли в деревню Мангуши. И здесь мы, беседуя с крестьянами из числа бедняков и середняков, увидели их готовность помочь партизанам всем, что было в их силах.

В Мангушах мы не могли долго оставаться, и нам пришлось перебраться ближе к деревне Тав-Бадрак в лесные заросли, недалеко от пещерного города Бекла. Это было в октябре

1919 года. Наступали холода, и мы построили шалаш, в котором жили в первое время организации партизанского отряда.

С помощью товарищей из Мангушей нам удалось связаться со многими крестьянами из деревни Тав-Бадрак, которые вскоре стали нашими хорошими помощниками, снабжали нас продуктами, пекли хлеб, добывали сведения о передвижениях и местонахождении белогвардейских частей.

Таким образом, сложилась база для организации первого партизанского отряда из местного крестьянского населения. И этот отряд, на первых порах малочисленный, возник. Он получил название Альминский.

Как только мы обосновались в районе Мангушей и Тав-Бадрак, дали знать о себе в Симферопольскую подпольную организацию. В отряде к этому времени насчитывалось 12 человек, в том числе мы с Ваней, Гриша Бурко, Миша Базарчинский и другие. Вскоре симферопольцы прислали к нам Петра Шкурина, который стал командиром нашего партизанского отряда, политработника Горелика, Яшу Черного, Жоржа, по кличке «Француз», и других, выделили небольшое количество оружия и боеприпасов. В дальнейшем оружие и боеприпасы партизаны должны были добывать себе сами в боевых схватках с врагом. Была нужда и в одежде, все мы изрядно пообносились, но с этим вопросом пока решили подождать: каждый должен был обходиться тем, что имел. Главное — пора было начинать боевые операции.

Первой операцией нашего партизанского отряда был поджог железнодорожного моста через Альму. Сообщение между Симферополем и Севастополем было прервано. Потом разгромили несколько малочисленных деникинских отрядов и уничтожили охранников в деревнях. Как могли, срывали заготовки топлива для белогвардейцев в окрестных лесах. А вскоре перешли к более сложным операциям.

Однажды партизанские разведчики донесли, что в деревне Базарчик разместился белогвардейский отряд. Было решено его обезоружить. Для уточнения данных об отряде и настроениях вражеских солдат послали Мишу Базарчинского. На операцию отправились пять партизан.

...После полуночи партизаны сняли и обезоружили часовых. Затем ворвались в караульное помещение и здесь разоружили остальных. Большинство солдат изъявили желание уйти к партизанам. Тех же, кто отказался присоединиться к нам, отпустили. И эти, отпущенные нами, оказались лучшими «агитаторами» в пользу партизан. Они были живым свидетельством того, что партизаны не убивают пленных, чем пугали их офицеры.

Тяга солдат разлагавшейся деникинской армии в партизанские отряды росла с каждым днем.

После налета на деревню Базарчик белогвардейское командование вынуждено было значительно усилить гарнизоны в селах и деревнях горных районов.

Крестьяне близлежащих горных селений продолжали активно помогать партизанам. В деревне Тав-Бадрак особенно активно нам помогал Яков Томенко и его жена Марфа. Марфа пекла хлеб для партизан из муки, которую мы ей доставляли. Их дом одно время был и нашей явкой. Активным помощником партизан был и крестьянин по фамилии, кажется, Аксентьев из той же деревни. Позднее его схватили белогвардейцы и зверски убили за связь с партизанами.

По мере того как росла численность отряда, партизаны в основном сами начали обеспечивать себя продовольствием: отбирали овец у помещиков и кулаков, покупали скот у местного населения на деньги, захваченные у деникинцев. В лесу мы организовали нечто вроде кухни, на которой варили себе пищу, выпекали хлеб. Но нередко, особенно после того как деникинцы стали выделять в горные районы больше войск для охраны, приходилось и голодать. По-прежнему продолжали нам помогать крестьяне близлежащих селений.

Первое время в Альминском отряде была довольно значительная прослойка коммунистов, но отряд рос, и относительное их количество сокращалось, так как пополнялся он большей частью беспартийными крестьянами и солдатами, дезертировавшими из белой армии. Членам партии приходилось вести большую разъяснительную работу среди нового пополнения, и, конечно, не только на собраниях и в беседах, а прежде всего показывать пример самоотверженной борьбы с белогвардейцами.

Наступившая зима явилась для партизан большим испытанием. В горах выпал глубокий снег, стояли сильные морозы, а мы к этому были плохо подготовлены. Наши шалаши мало спасали от холода, и мы решили строить землянки. Жить в них было намного удобнее, они были просторными, и было где принять новое пополнение из Симферополя.

После наших успешных операций мы в полной мере ощутили на себе силу ударов белогвардейских карательных отрядов. Каратели стремились окружить и истребить нас. Приходилось часто менять места стоянок, а впоследствии перевести свою главную базу в глубь гор, под Чатыр-Даг.

В марте 1920 года по указанию симферопольской подпольной организации партизаны Альминского отряда провели смелую операцию по освобождению пленных красноармейцев и

политических заключенных, вывезенных деникинцами из харьковской тюрьмы при отступлении. В наш отряд прибыли человек 20—25 товарищей, освобожденных из рук палачей. Они были очень слабы, некоторые нуждались в срочной медицинской помощи, а у нас не было ни медикаментов, ни врачей...

К весне 1920 года Крым оказался той территорией, куда бежали остатки деникинских войск, наголову разгромленных Красной Армией в центральных губерниях России, на Украине и на Северном Кавказе. Здесь сосредоточилась вся непримиримая, озверевшая контрреволюция, все наиболее отпетые контрразведчики и каратели. В Крыму началась буквально охота за коммунистами, комсомольцами, партизанами, всеми, кого подозревали в сочувствии Советской власти. Контрразведка засылала в ряды подпольной организации провокаторов и предателей. Многих большевиков, героев-подпольщиков враги замучили, расстреляли...

Верховодил всеми контрреволюционными делами в Крыму барон Врангель, ставленник империалистических государств, сменивший в начале апреля 1920 года Деникина на посту главнокомандующего белогвардейскими войсками.

В начале апреля ушел в Симферополь по делам отряда командир альминских партизан Петр Шкурин и больше не вернулся. Он был убит контрразведчиками на квартире на Шестириковке.

...Ввиду усилившегося террора в горы перебрался Крымский обком партии, ревком и другие областные подпольные организации. В партизанские отряды прибыли многие подпольные работники.

Основные партизанские отряды — Альминский, Тавельский под командованием Григория Фирсова, отряд Глямжо и Жеребцова, часть Феодосийского, Ялтинского и Севастопольского отрядов и другие были стянуты в район горы Чатыр-Даг.

На совещании представителей партизанских отрядов было принято решение об объединении в Повстанческую армию, командующим которой был назначен С. Я. Бабаханян. Начальником штаба назначили Александровского.

После реорганизации партизаны объединенными силами дали решительный отпор крупному отряду белых, проникшему глубоко в леса в районе гор Голый Шпиль и Гапка. Белогвардейцы после короткого, но ожесточенного боя вынуждены были бежать в направлении селений Бешуи и Саблы. Партизаны преследовали белогвардейцев до деревни Тавель, где остатки их отряда засели в помещицкой усадьбе. Много белогвардейцев было убито и ранено в бою, но полностью карателей разгромить не удалось, так как

у нас слишком мало было оружия и боеприпасов и ни одного пулемета. В одном из боев погиб храбрый партизан, начальник разведки — Лука Гой.

Весной и летом 1920 года белогвардейские каратели особенно усилили натиск на партизан. Повстанческая армия оказалась отрезанной от деревень, где она могла пополнять запасы продовольствия, нарушились ее связи с местным населением. Особенно остро ощущалась нехватка оружия. Тяжелое положение породило у некоторых партизан, в том числе и у отдельных командиров, сомнения в целесообразности сохранения крупных боевых единиц. Кое-кто предлагал разбиться на мелкие группы, осесть вблизи горных деревень и дожидаться прихода Красной Армии. Партийная организация и абсолютное большинство партизан решительно отвергли такие предложения, справедливо увидев в них попытку отказа от борьбы с белогвардеищиной. Повстанческая армия была сохранена и продолжала свои активные действия. Впоследствии партизаны оказали большую помощь Красной Армии в освобождении Крыма.

По поручению находившегося в лесах обкома партии мне теперь часто приходилось бывать в Симферополе, куда я доставлял руководящие указания продолжавшим работать в городе подпольщикам, а оттуда переправлять в горы подпольных работников, вливавшихся в партизанские отряды. Кроме того, из города мы доставляли в горы оружие, боеприпасы и денежные суммы. В Симферополе связь с партизанами поддерживали подпольщики Софья Серова, Мария Черная, комсомольцы Москалев, Григорий Шацкий, Лев Портной и другие. Из леса, как правило, приходилось уходить ночью, а в город, чтобы остаться незамеченными контрразведкой, входил утром вместе с крестьянами, едущими на базар. Выходили из города вечером тоже с крестьянами, возвращающимися домой.

В августе Крымский обком партии направил меня на подпольную работу в Симферополь. Но недолго пришлось работать в подполье. Вскоре я был арестован контрразведкой. Вместе со мной арестовали секретаря подпольного обкома комсомола Григория Шацкого. Нас по очереди допрашивали в контрразведке, жестоко избивали, требуя выдачи товарищей. Но на все вопросы палачей был один ответ: «Не знаю».

Допросы не дали результатов, нас препроводили в симферопольскую тюрьму. Через некоторое время при перевозке в другое место заключения мне удалось бежать из-под охраны.

Когда я вернулся в Повстанческую армию, во главе ее стоял уже новый командующий, прибывший из Советской России,

А. В. Мокроусов. Мое прибытие в штаб совпало с началом наступления Красной Армии против врангелевцев. Повстанческая армия готовилась для нанесения ударов по отступающим белогвардейцам. Повстанцы выступили из деревни Боксаны в направлении Феодосии. По пути разоружали отступавшие в панике белогвардейские части, забирали в плен вражеских солдат и офицеров.

В Феодосию Повстанческая армия вступила одновременно с частями Красной Армии.

Закончилась гражданская война в Крыму. Партизаны под руководством большевистской подпольной организации с честью пронесли Красное знамя борьбы с белогвардейщиной до победного конца.

П. К. Хижняк

Партизаны вступают в бой

До начала лета 1919 года я служил в Красной Армии в составе 6-го полка 2-й Украинской стрелковой дивизии, действовавшей тогда на правом берегу Днепра к югу от Киева. Наш полк занимался борьбой с кулацко-белогвардейским бандитизмом в районе Триполье — Тараща — Канев — Кагарлык.

В начале июня особый отдел дивизии направил меня, как уроженца Екатеринославщины, в распоряжение Новомосковской уездной чрезвычайной комиссии. Первой операцией, в которой я принял участие, был разгром контрреволюционной организации в Павлограде. Заговорщики собирались захватить город к моменту подхода деникинцев, но чекисты арестовали их и сорвали готовившийся мятеж.

Деникинцы уже подступали к Екатеринославу. В середине июня враг захватил Павлоград. Развернулись упорные бои за Новомосковск и Екатеринослав, в которых участвовали и мы, сотрудники Новомосковской ЧК.

Под натиском превосходящих сил белогвардейцев мы отступили к городу Кобеляки Полтавской губернии, а затем и к самой Полтаве.

В одном из сел, в пятнадцати — двадцати верстах севернее Полтавы, мы встретили переведенную сюда, на деникинский

фронт, 2-ю Украинскую дивизию, именовавшуюся к этому времени уже 46-й стрелковой. Особый и политический отделы дивизии, выполняя директивы высших партийных органов Украины, отбирали коммунистов, комсомольцев и наиболее стойких беспартийных бойцов и командиров для развертывания партизанского движения в деникинском тылу. Мне тоже предложили работать в подполье. Я дал согласие и через день-два уже шагал в направлении своей родной деревни Николаевки Новомосковского уезда. Принимая всяческие меры предосторожности, я без особых приключений прошел более ста верст и на рассвете 10 августа тихонько стучался в окошко нашей хаты.

Дверь открыл Михаил, мой старший брат, бывший к этому времени уже коммунистом. Командир Красной Армии, он после лечения в госпитале заехал на денек к старикам-родителям, а в это время село заняли деникинцы...

Оказалось, что местные коммунисты Афанасий Петрович Коцюба, Дорофей Иванович Бутенко, Ермолай Григорьевич Яланский, а с ними и Михаил уже начали собирать Николаевский партизанский отряд. В этот отряд вступил и я.

Основной нашей трудностью на первых порах было оружие. Если бы оно имелось у нас, можно было бы в короткий срок сформировать большой отряд. Но поначалу пришлось принимать в партизаны самых надежных, к тому же имевших оружие.

Первой нашей операцией был налет на новомосковскую тюрьму и освобождение из нее арестованных. Мы связались с бывшим николаевским волостным военным комиссаром Василием Лисогорей, заключенным белогвардейцами в тюрьму, и получили от него список верных людей, на которых можно рассчитывать в момент нападения.

Теперь надо было как-то передать им оружие. Жил в нашем селе преданный Советской власти крестьянин Александр Гуртовой, настоящий умелец, как в народе говорят, «золотые руки». Мы попросили его сделать из воска десятков арбузов, в каждый из которых вложили по браунингу с патронами. Арбузы были настолько искусно сделаны, что не вызвали у охраны подозрения. Передачу понесли в тюрьму я и мой сосед Елисей Дуб. Можно себе представить, как мы себя чувствовали, когда передавали заключенным эти «арбузы». Но прошло!

Вечером заключенных вывели на прогулку. И вот в это время вооруженные нами товарищи напали на часовых, забрали их винтовки, прервали связь с городом, а затем, открыв

ворота, вышли из тюрьмы и скрылись. Из тюрьмы бежали более 50 арестованных, которые пополнили наш партизанский отряд.

В середине августа уже в нескольких волостях уезда действовали партизанские отряды и подпольные ревкомы.

В Голубовке партизанский отряд насчитывал 270 бойцов, в Васильевке — 80, в Зыменовке — 300, в Вольном — 100, в Николаевне — 50 человек. В Самарском лесу формировался 1-й Советский повстанческий полк, в селе Петриковке — 2-й полк.

Во многих волостях сельской стражи не было, только старшины и старосты, среди которых было немало таких, кто сочувствовал, а то и прямо помогал нам. В уезде имелось несколько полицейских станов и при каждом отряд стражи. В Новомосковске находились контрразведка и отряды стражи и карателей. Не без нашего участия в Новомосковске распространился слух, что в Самарском лесу находится более тысячи партизан, и белые появлялись в селах только крупными отрядами, и то в дневное время.

В августе деникинцы объявили мобилизацию в свою армию. В ответ наше подполье развернуло широкую агитацию. В один из воскресных дней в Николаевке на площадь у волостного правления стража согнала более трехсот мобилизованных. Священник отслужил молебен, старшина приступил к переключке. Неожиданно к нему подошел юноша. Это был Дорофей Бутенко. Вырвав список из рук оторопевшего старшины, он изорвал его на мелкие клочки, а затем обратился к мобилизованным с горячей речью:

— Деникинский палач Май-Маевский залил кровью улицы Екатеринослава. Белые возвращают буржуям фабрики и заводы, а помещикам экономии, чтобы они снова сели нам на шею. Они грабят наших крестьян, отбирают лошадей и скот, а того, кто им сопротивляется, ждет жестокая расправа... А теперь хотят еще и вас погнать воевать против своих братьев. Неужели вы пойдете?

— Не пойдём! — грянул ответ.

— Тогда по домам, хлопцы!

Мобилизованные мгновенно разбежались, и многие в тот же вечер были в нашем отряде.

Окрыленные первым успехом, партизаны стали действовать в более крупных масштабах. Получив известие, что через Николаевку должны проследовать около тысячи подвод с мобилизованными в деникинскую армию в нескольких волостях уезда, мы решили распустить их по домам.

На окраине села мы остановили подводы. У каждого уполномоченного от волости отобрали списки людей и собрали призывников на митинг. После митинга одни вернулись в свои села, другие подались в леса, пополняя партизанские отряды.

В тот же день я побывал в селе Губинихе, в котором, как нам стало известно, местные власти намеревались отправить в уездный город двести крестьян для призыва в деникинскую армию. Но не теряли времени и губинихские подпольщики. Один из них — Архип Свичкаренко прошел по хатам, поговорил со многими из призываемых. Проведенные разъяснения возымели действие. В результате ни один из мобилизованных не явился на призывной пункт.

Разъяренные срывом мобилизаций, власти направили в села карательные отряды. Начались повальные обыски; белогвардейцы вылавливали дезертиров и партизан.

В Голубовке каратели схватили одного из руководителей местного подполья — Евсея Куценко. В перещепинском полицейском стане Куценко избивали, пытали, вырезали на груди пятиконечную звезду, а на спине выжгли слова: «Защищаю землю и волю». Окровавленного, его привезли в Голубовку в родную хату.

Остановив подводу, офицер подвел к ней мать Евсея и сказал, обращаясь к подпольщику:

— Вот твоя мать! Пожалей хотя бы ее, скажи, где партизаны, и мы тебя оставим в покое.

Но ни слова не сказал, не предал товарищей партизан Евсей Куценко и был замучен палачами.

Деникинцы схватили и замучили также командира партизанского батальона Харитоненко.

Через несколько дней партизаны отомстили за смерть товарищей. Отряд из 34 бойцов разгромил Перещепинский стан. Мне довелось участвовать в этом деле.

Несколько партизан, в их числе я и мой товарищ Федор Носенко, первыми ворвались в помещение стана, обезоружили часовых, забрали дела, заведенные на арестованных, и оружие. Другая группа партизан освобождала арестованных. Успеху этой дерзкой операции во многом содействовал партизан Федор Кравец, который накануне провел тщательную разведку.

Вспоминается еще одна смелая операция. Руководил ею бесстрашный партизанский командир Никита Мефодьевич Никитин (Макаров). Под его командованием партизаны напали ночью на отряд карателей, расположившихся в имении Падыка

в селе Алексеевне. Налет был настолько внезапным, что белые даже не успели оказать сопротивление. Партизаны уничтожили до 90 врагов, захватили их оружие, лошадей, повозки.

...В течение второй половины августа и всего сентября наш Николаевский отряд и соседние отряды проводили отдельные операции против деникинцев, но уже велась усиленная подготовка к всеобщему вооруженному восстанию.

Для того чтобы сделать партизанскую борьбу более организованной, временный Новомосковский уездный подпольный ревком решил созвать съезд представителей волостных и сельских ревкомов и партизанских отрядов и обсудить на нем очередные задачи и избрать новый состав ревкома. Его созыв был большим событием для нашего подполья. Съезд проходил в Самарском лесу возле села Михайловки с 9 по 12 октября 1919 года. На нем присутствовали представители 39 волостных и сельских ревкомов, командиры крупных партизанских отрядов, начальник штаба повстанческих войск Лозово-Синельниковского направления Макаров (Никитин), работники этого штаба, представитель Новомосковского уездного подпольного комитета КП(б)У. Предатели донесли о съезде белому командованию, и оно бросило крупный отряд, чтобы захватить партизанских вожakov. Пришлось прервать съезд и вступить в бой с карателями.

Но съезд довел свою работу до конца. На нем выступили: Афанасий Коцюба от Николаевки, Архип Свичкаренко от Губинихи, Антон Северан из Голубовки, Марк Мороз из Новостепановки, Трофим Павловский от Михайловки, Никита Герасименко от Знаменовки, Марк Новохатский от Васильевки и другие.

Съезд постановил еще шире развернуть борьбу с деникинцами, искоренять махновские настроения, имевшиеся в некоторых партизанских отрядах. Был также избран уездный подпольный ревком.

После съезда было завершено формирование 1-го Новомосковского повстанческого полка, командиром которого стал Александр Гордеевич Молибога, коммунист, уроженец села Знаменовки, участник действий против немецких оккупантов, петлюровцев и белогвардейцев в 1918—1919 годах.

В дальнейшем мне довелось работать в штабе полка, и я имел возможность близко наблюдать все события партизанской борьбы. В мою обязанность входило держать связь с партизанскими отрядами уезда, доставлять их командованию оперативные приказы, собирать на местах информацию для штаба полка.

18 октября каратели совершили внезапный налет на село Николаевку. В бою погибли командир партизанского отряда волости, председатель волревкома Афанасий Петрович Коцюба, несколько партизан и местных жителей.

20 октября штаб полка и уездный ревком из Самарского леса переместился в село Вольное, в десяти верстах к северу от Новомосковска. К этому же селу были подтянуты все подразделения полка, общей численностью примерно 700 бойцов.

22 октября ревком дал сигнал к всеобщему восстанию в уезде. Власть в селах перешла к волостным ревкомам. Наш полк входил в состав повстанческих войск Лозово-Синельниковского направления, а позже — в 1-ю повстанческую бригаду, штабы которых находились в Самарском лесу, а база в селе Васильевке.

С 22 по 31 октября в районе партизанского центра — села Вольного шли непрерывные бои с деникинцами. По железнодорожной линии Новомосковск — Вольное курсировал бронепоезд белых, обстреливавший село и дорогу, ведущую на Новомосковск. Необходимо было срочно парализовать действия бронепоезда. Для этого из состава полка выделили отряд численностью человек пятьдесят, который совершил налет на бронепоезд. Мне тоже пришлось принять участие в этой операции. Под руководством пожилого крестьянина Авальцева из села Вольного мы разобрали путь на протяжении нескольких верст и тем самым сковали действия бронепоезда.

1 ноября партизаны выбили белых из Новомосковска и продержались в городе несколько дней. Одновременно отдельные подразделения полка уничтожили полицейские станы в нескольких селах и разгромили отряды стражи и карателей.

Активные действия партизан встревожили деникинцев, заставили их подтянуть крупные регулярные части. Одновременно они усилили налеты на села, чинили грабежи, массовые расстрелы мирных жителей.

Ожесточенное сопротивление партизан встретили враги в районе села Знаменовки. Белые шесть раз атаковали это село крупными силами пехоты с артиллерией. Население поголовно участвовало в его обороне. В боях под Знаменовкой белогвардейцы понесли значительные потери. Партизаны захватили до тысячи винтовок, 20 пулеметов и много боеприпасов. В этих боях проявили воинское умение и бесстрашие многие бойцы полка, а в особенности командиры Александр Молибога и Никита Герасименко.

В начале ноября с Полтавщины к границам Новомосковского уезда подошла 1-я Украинская повстанческая дивизия.

Мне было поручено встретить повстанцев и провести к Самарскому лесу. Имея на руках предписание уездного подпольного ревкома и пакет, я отправился в путь. Передовые отряды дивизии я встретил у села Перещепино. Меня быстро провели к командиру, которому я вручил пакет с указанием маршрута следования, и вернулся в штаб своего полка. На другой или на третий день в Голубовке наш полк встречал повстанческую дивизию. Из Голубовки повстанцы выступили на исходные позиции для наступления на Новомосковск.

...Началось наступление. Южнее села Вольного вновь разгорелось жаркое сражение с деникинцами. Упорный бой продолжался несколько часов. Силы обеих сторон насчитывали до 3 тысяч штыков и 2 тысячи сабель при 150 пулеметах и 10 орудиях. Окончательного перелома в свою пользу повстанцам добиться не удалось — не хватало боеприпасов. Наш полк вынужден был отойти к Самарскому лесу, дивизия же была брошена на Полтаву, которую она заняла 11 декабря.

В течение полутора месяцев подразделения 1-го Новомосковского повстанческого полка вели операции в тылу деникинцев. Возле села Новостепановки 8-я рота полка наголову разбила отряд деникинцев, захватила 50 винтовок, походную кухню, тачанку и несколько лошадей. Кавалерийский эскадрон полка под командованием Дорофея Бутенко и Фомы Качана в селе Очеретоватом нанес поражение другому отряду белогвардейцев. В селах западнее Новомосковска действовали подразделения 2-го Новомосковского полка под командованием Иосифа Лантуха. Этот полк с приближением Красной Армии очистил от белых большой участок левобережья Днестра между селами Каменка и Петриковка.

В конце декабря 1919 года на территорию уезда вступили части 14-й армии под командованием прославленного командарма И. Е. Уборевича.

Наши 1-й и 2-й повстанческие полки влились в состав 41-й, 45-й стрелковых дивизий 14-й армии и в 46-ю стрелковую дивизию 13-й армии.

Все мы участвовали в дальнейших боях за освобождение Украины от деникинцев...

После того как Красная Армия оставила Киев и наши части отходили к Чернигову, куда переехало правительство Украины, коммунисты Иван Остапенко, Нил Есипенко и автор этих воспоминаний по распоряжению Зафронтбюро остались для организации военно-подпольной работы в Нежинском и Козелецком уездах. Мандаты нам выдали за подписью М. Бош.

Среди воинских частей, которые находились тогда в Чернигове и вокруг него, была и наша часть из нежинцев, именовавшаяся в то время «Полком Правды». Это название полк носил недолго. Через несколько дней он был разделен на три отдельных партизанских отряда, которые затем перебросили в тыл Деникина.

Первым боевым крещением нашего отряда был бой с деникинцами у села Дроздовки, в тридцати шести верстах к востоку от Чернигова. В этом селе в то время расположился на отдых полк Червоного казачества. Узнав об этом, деникинская конница скрытно подошла лесом к самой Дроздовке и неожиданно бросилась в атаку. Под ее натиском червонные казаки стали отходить к селу Грабовке, в направлении Чернигова.

Чтобы дать возможность полку отойти на новые позиции в полном порядке, наш отряд с двумя пулеметами «льюис» залег по обеим сторонам шоссе, по которому деникинцы преследовали полк. Как только появились вражеские конники в косматых папахах, партизаны открыли огонь. Это заставило врага повернуть обратно к Дроздовке.

Несколько раз белогвардейцы с дикими криками пробовали гнать своих коней на нас, но дружные залпы партизан не давали им приблизиться.

Не зная, сколько нас и с кем они имеют дело, деникинцы подвезли несколько пулеметов и три пушки и открыли шквальный огонь. Кругом поднялась такая пыль, что за два-три шага нельзя было ничего разглядеть.

Единственным спасением для партизан была находившаяся неподалеку маленькая долинка. В ней мы и залегли. По этой позиции белогвардейцы не могли вести пристрельный огонь. У некоторых партизан оставалось всего по несколько

патронов. Однако все выполняли боевой приказ — держаться до последнего патрона, пока не зайдет солнце (а оно было уже совсем низко). Ночью же мы тихонько оставили долинку. Крайне утомленные, отступили к селу Смолянки. Стрельба деникинцев не прекращалась, но в темноте она уже не была страшна...

Червонные казаки имели возможность в полном порядке отойти на подготовленные позиции, чтобы потом с новой силой ударить по врагу.

...Миновало уже несколько недель с тех пор, как началась боевая жизнь партизан. Они располагались в лесах, им было приказано разрушать тылы врага, не давать деникинцам возможности упрочить свою власть.

То в одном, то в другом месте партизаны нападали на белогвардейские отряды, заготавливающие продовольствие и фураж. Туго приходилось тем золотопогонникам, кого, случалось, «застукают» партизаны. Бойцы из группы Остапенко и Покинбороды заскочили среди бела дня в села Носовку и Володькову Девичу и захватили почти весь вражеский отряд. В Смолянке, Орловке и Кукшине партизаны нашей группы разбили деникинцев и отобрали у них все награбленное имущество. Все мосты и мосточки в тылу врага, а также железную дорогу партизаны постоянно разрушали. Между станциями Носовка и Нежин одна из партизанских групп пустила под откос бронепоезд, следовавший из Киева...

Действия всех трех отрядов партизан с самого начала боевых операций полностью согласовывались с командованием Красной Армии. Особенно хорошо была налажена связь со штабами Пластунской бригады¹ и бригады Червоного казачества^{1 2}. Одна из наших групп, под командованием Остапенко, находилась вблизи штаба Пластунской бригады, стоявшей тогда в селах Мрине и Плоском, и некоторое время представляла собой как бы главный партизанский центр. Через нее проходили все распоряжения штаба бригады.

Партизанские отряды держали регулярную связь с частями Червоного казачества, пока их не перебросили на север вместе с конной бригадой Гребенки для борьбы против Шкуро и Мамонтова.

Находясь в тылу деникинцев, верст за семьдесят от фронта, я получил письмо командира партизанского отряда Остапенко,

¹ Речь идет о 2-й Пластунской бригаде 47-й стрелковой дивизии.— *Сост.*

² Бригадой Червоного казачества командовал тогда В. М. Примаков, военным комиссаром был Е. Петровский, бывший член Черниговского губ-ревкома при гетманщине.— *Сост.*

из которого узнал об оставлении Чернигова нашими войсками.

До сдачи Чернигова мы поддерживали связь с губревко- мом. Отослали туда два отчета о действиях партизанских отрядов, но директив от него не получили, если не считать общих указаний о том, чтобы держать связь с командованием Красной Армии и выполнять приказы военных штабов.

После оставления Чернигова оказались оторванными от своих надолго. Так получилось потому, что, когда город был захвачен врагом, ни Зафронтбюро ЦК КП(б)У, ни губком не известили нас о том, с кем можно было бы поддерживать связь в Чернигове в случае отступления Красной Армии. Возможно, что такие указания и были, но из-за трудностей перехода фронта до нас они не дошли.

Единственно с кем никогда не прерывалась связь — это с революционной частью населения окружавших нас сел, с бедняками и середняками. Если бы не их поддержка, то мы, окруженные со всех сторон белогвардейцами, не могли бы просуществовать и одного дня. Революционное крестьянство было для нас всем: и разведчиками, и связными, и поставщиками продовольствия, нередко и агитаторами в деревнях.

Примерно дня через четыре после того, как был сдан Чернигов, я получил сведения из разных источников, но одинаковые по содержанию о том, что деникинцы окружили нас со всех сторон и через некоторое время приблизятся к месту нашего расположения. Наша партизанская группа из двухсот человек находилась в это время между селами Хотиновка, Лихачев и Кукшин. Мы решили оставить на некоторое время этот район, где находились уже длительное время и привлекли к себе внимание деникинцев, и перейти в другой район — в направлении города Козельца.

Уже вечерело, когда мы выступили к селу Галчин, находившемуся в пяти верстах от нас. Мы считали, что село не занято деникинцами. Конных у нас было мало, почти все пешие. Оружия было достаточно. Правда, пушек не было, но имелись пулеметы: легкий и два тяжелых. Был также небольшой обоз и кухня.

Не доходя версты две до Галчина, встретили крестьянина. Он рассказал, что из Галчина нам навстречу движется отряд деникинцев численностью примерно 500 солдат и офицеров. Стало ясно, что нам готовят западню. Белогвардейцы наступали с трех сторон: с севера, востока и юга, а на запад, куда можно было отступить, лежало большое и почти непроходимое болото Трубайло шириною до трех верст.

Долго совещаться не пришлось. Вступать в бой с деникинцами и прорываться было нецелесообразно, это обошлось бы нам слишком дорого, а то мог погибнуть и весь отряд. И мы решили уходить через болото.

Свернув с дороги, прошли шагов двести небольшими зарослями и вступили на болото. С большим трудом двигался за нами обоз. Шагов за полтораста от берега застряла кухня, и, сколько мы с ней ни возились, сдвинуть ее с места так и не удалось. Пришлось выпрячь лошадей и бросить кухню.

Вода местами доходила до пояса. Не прошли и трети пути, как выяснилось, что дальше не могут двигаться тачанки с пулеметами, хотя в каждую из них было запряжено по трое коней. Начали распрягать лошадей и разбирать пулеметы «максим». Взвалили их на плечи и пошли дальше. То сзади, то спереди все время было слышно уханье и бульканье: это партизаны срывались с кочек, попадали на глубокие места, просили товарищей помочь им... Только перед рассветом перебрались на другую сторону. Уже на берегу подсчитали, что в болоте осталось четыре коня, все тачанки, кухня и все продовольствие. Все мы были разутые, оборванные, однако оружие и боеприпасы — пулеметы, винтовки и патроны — остались в сохранности.

Стоял октябрь. Небо затянуло тучами. Задул ветер. Пошел снег. Люди и кони дрожали от холода. Выйдя на край леса, натолкнулись на стог сена, зажгли его, чтобы обсушиться, настелили сена на землю и заснули.

Утром узнали, что находимся между селами Олишевка и Смолянка, в двадцати пяти верстах к юго-западу от Чернигова.

Немедля выслали разведку во всех направлениях, а также несколько человек за продовольствием, — голод сильно давал о себе знать. Через некоторое время разведка вернулась и сообщила, что в Смолянке она встретилась с частями Пластунского полка. Эти части оказались отрезанными от своих и находились в тылу деникинцев в очень тяжелом положении: у них не было ни продовольствия, ни боевых припасов. К вечеру того же дня в нашем штабе собрался почти весь командный состав пластунов во главе с командиром и военкомом ¹.

Через некоторое время к нам прибыли и части полка, приблизительно 600 пехотинцев и 150 конников. На совещании выяснилось, что в то время, когда штаб Пластунского полка по

¹ К сожалению, фамилий ни командира полка, ни военкома не помню. Не помню также, какого числа это произошло, хотя хорошо помню, что это было в октябре. — *Н. Т.*

лучил приказ отойти на правый берег Десны и начал отступать, реку перейти уже было невозможно, так как деникинцы захватили все переправы. Попав под обстрел, пластунцы вынуждены были отступить... От командира полка мы также узнали, что партизанский отряд, возглавляемый Остапенко, под обстрелом деникинцев перебрался на правый берег Десны. На мой вопрос, нельзя ли было полку вместе с партизанами ударить в тыл врагу, командир ответил, что такую попытку они предприняли, но из-за усталости личного состава она оказалась безрезультатной.

Через час в полку состоялся митинг. Выступили командир полка, военком и я. Мы убеждали людей бороться до конца, но большинство молчало. Видно было, что действительно с ними боя не выиграешь. Правда, было среди них немало и таких, которые тут же на митинге заявили, что готовы скорее умереть в бою с врагом, чем бросить оружие и покориться. Это были те, кто добровольно вступили в Красную Армию и вот уже другой год дрались с врагами революции. Последним опять выступил командир. Он заявил, что все, кто не хочет прорываться через фронт, должны немедленно сложить оружие, передать его красным партизанам и отойти влево, а кто за комсоставом — отойти вправо. Вправо отошли человек 150 (почти все конники), а пехотинцы стали сдавать оружие и вскоре оставили наш лагерь.

Мы снова собрались на совещание с комсоставом полка. Район, где мы находились, а также места, где имелись паромные переправы через Десну, нам были хорошо известны. По моему предложению оставшаяся часть полка должна идти между реками Десною и Днепром в направлении, где легче было пробиться к красным. Несколько партизан во главе со старшим, товарищем Кияном, из Смолянки, взялись проводить пластунцев до самой Десны, там подыскать паром, на котором и переправить их на правый берег. Совещание закончилось около полуночи.

Мы распрощались с комсоставом и красноармейцами, дали им на дорогу продовольствия, и отряд двинулся в далекий и нелегкий путь.

Отправив пластунцев, партизаны сделали все, чтобы деникинцы не заметили, как они будут переправляться через реку. Чтобы сохранить лишнее оружие (500 винтовок), мы часть его спрятали в стогах сена, а часть в ямах, тщательно обложив сеном, чтобы уберечь от сырости.

Через несколько дней вернулись наши проводники. Они доложили, что все пластунцы переправились на пароме чрез

Десну в районе сел Золотинка и Найденовка, в пятидесяти верстах севернее Чернигова. Уже потом нам стало известно, что пластуны встретили на своем пути небольшой деникинский отряд, разбили его и соединились с частями Красной Армии. Оставаясь в тылу деникинцев одни \ мы стали обдумывать план наших дальнейших действий в условиях надвигавшейся зимы.

Шел уже конец октября, вот-вот должен выпасть снег, а одежда и обувь у партизан была очень истрепана. Единственный выход — обратиться за помощью к населению. Крестьяне окрестных сел пошли нам навстречу, и не больше чем через неделю партизанский отряд имел уже лучший вид.

И после того как мы вырвались из вражеского кольца и переправились через болото Трубайло, деникинцы не оставляли мысли уничтожить наш отряд, и тщательно к этому готовились. Они особенно поспешили ускорить ход событий, когда, по их предположениям, Пластунский полк должен был соединиться с партизанами. Командование белых планировало или окружить партизан, или же, если партизанам удастся прорваться, расположить свои части в каждом из тех сел, которые служили базами для партизан и откуда они черпали для себя продовольствие и пополнение в живой силе. Так деникинцы намеревались принудить нас сдать.

Считая сложившееся положение угрожающим, штаб партизанского отряда решил изменить свой первоначальный план. Согласно новому плану отряд разделили на четыре группы по 50 человек. Каждой группе определили отдельный сектор, охватывающий несколько сел, который должен был находиться под ее влиянием. Секторы распределялись с таким расчетом, чтобы каждая из групп не была удалена от административных центров. Таким образом, одна группа оставалась в районе Чернигова и сел Смолянка, Орловка, Грабовка, Олишевка; другая — в районе Козельца, сел Хошиновка, Мрин, Держановка, Галчин, Носовка; третья — в Нежинском направлении с охватом сел Дроздовка, Кукшин, Стодолы, Вересоч, Жуковка и Вертиевка; четвертая — в Борзнянском направлении, в районе сел Дремайловка, Хибаловка, Британы, Сиволож и других.

Штаб отряда должен был, как и ранее, руководить действиями всех партизанских групп, а также установить связь с Киевом, Полтавой и по возможности с командованием Красной Армии.

¹ Как потом выяснилось, все партизанские группы — Остапенко, Есипенко и Калиты — отступили вместе с частями Красной Армии. — *Н. Т.*

Ио новому плану, самым важным заданием для каждой партизанской группы была политическая агитация среди населения. Правда, эту работу партизаны проводили и раньше, но тогда она не носила такого систематического характера, как теперь. Для разъяснения новых задач агитационной работы штаб созвал инструктивное собрание представителей групп, специально выделенных для этой работы. Мы теперь охватывали своим влиянием территорию в несколько раз большую, чем раньше. Что касается боеспособности партизанского отряда, то она от реорганизации не ухудшилась, но даже стала еще более высокой.

Если и раньше деникинцы не имели никакой поддержки в своем тылу, то теперь они вовсе не могли появляться в том или ином селе небольшими силами. Все продовольственные запасы деникинцев, которые размещались в зоне действия партизан, попадали в наши руки или самого населения. Деникинцы выходили из себя и свою злобу вымещали на крестьянах. Как бешеные, врвались они в села и чинили расправу. Так, например, село Вересоч и хутор Хомина были уничтожены огнем из пушек.

Кулачество, которое в 1918 году активно помогало гетману, а потом с нетерпением ждало Деникина, в ряде случаев ввиду присутствия партизан становилось нейтральным.

Агитируя за Советскую власть среди крестьянства, мы с успехом справлялись с этим делом. И надо сказать, этому в немалой степени способствовали своими действиями сами деникинцы. За свое трехмесячное господство на Черниговщине им не удалось организовать хотя бы какой-нибудь административный аппарат. Так, сельских старост и волостных старшин белым приходилось назначать едва ли не каждую неделю. Если того или иного старосту не переизбирали, он сам бросал все и бежал в лес, зная, что за усердное исполнение своей должности ему не поздоровится от партизан.

При выборах старост и старшин в селах происходили своеобразные «церемонии», которые у деникинцев стали правилом. Обычно в село, где надо было выбрать старосту или старшину, сначала прибывал отряд белогвардейцев, который и сгонял народ на сходку. Затем собравшихся окружал вооруженный отряд с пулеметами. Если у белогвардейцев был под рукой пойманный «большевик», его тут же на глазах у всех расстреливали, а если такового не было, давали залп из винтовок над головами крестьян, и уже после этого в круг выходил начальник прибывшего отряда и «произносил речь», каковую для убедительности «подкреплял» площадной бранью, а то и кнутом.

Таким путем организовывали деникинцы свою власть на селе.

Что касается города, то, как нам было известно, там свирепствовала так называемая государственная стража, наварбованная исключительно из бывших жандармов и полицейских. Высшую общественную власть в уезде представляла «тройка». В эту «тройку» входили Филь из местечка Носовки, кажется, Талпа из города Нежина и хорошо известный нашим партизанам «земляк» из села Дроздовки П. С. Пилипенко, один из тех палачей, по доносам которого раньше немцы и гайдамаки истязали крестьян.

Кстати, надо сказать, что сельская власть, которую деникинцам удалось организовать, исполняла распоряжения не только и не столько их самих, сколько партизан, причем распоряжения последних выполнялись куда исправнее, нежели «господ».

В нескольких словах хочу сказать о петлюровщине и махновщине. И те и другие пытались как-то повлиять на партизанское движение на Черниговщине и взять его в свои руки. Особенно это было заметно в отношении партизанской группы, которая действовала на Козелецком направлении под местечком Носовка.

Петлюровцы, проникнув в среду партизан, начали с того, что стали агитировать носить стародавнюю казачью одежду. Однажды я заехал в эту группу и увидел в их лагере швейные машинки, которые быстро крутились: на них шили эту одежду. Но самое главное, петлюровцы агитировали за «самостийную Украину», против Советской власти.

Немало пришлось поработать нашим товарищам в этой группе, пока не вырвали ее из-под петлюровского влияния. Особенно много усилий приложили Андрей Хахуда и Сергей Покиньюборода, которые непосредственно работали здесь и руководили этой партизанской группой. Насколько распространено было влияние петлюровцев в этой группе, видно хотя бы из следующего примера. Когда эшелоны с советскими войсками отходили после оставления Киева в направлении на Бахмач, члены петлюровской организации из Носовки, которой руководили, кажется, Скалковский и другие, чтобы задержать движение наших эшелонов на север, разобрали в нескольких местах железнодорожное полотно. Нашим частям с большими трудностями удалось починить пути, чтобы пропустить эшелоны.

Чувствовалось и некоторое влияние махновцев. Это было в районе Нежина, где располагалась одна из наших групп, вы

деленная из партизанского отряда после реорганизации. Идеологом махновщины оказался Иван Маркович, который позже, после восстановления Советской власти, был осужден и расстрелян за уголовные преступления.

Действия махновцев начались с того, что они отказались выполнять приказы партизанского штаба, агитировали за террор против отдельных кулацких семей и раздел их имущества. Вообще все то, что они предлагали, трудно было отличить от самой настоящей уголовщины. «Деятельность» отдельных махновцев дошла до того, что они решили овладеть партизанской кассой. Но один из заговорщиков обо всем рассказал нам, и махновцы были арестованы недалеко от хутора Жатика, где в то время размещался наш штаб. Заговорщики признались в своих намерениях и просили помилования. Партизаны хотели их тут же расстрелять, но, снисходя к молодости, им поверили «на слово», поверили их заверениям, что они искупят свои позорные поступки и будут честно биться с врагом.

Работали вместе с нами и «боротьбисты». Их представитель Степан Бабка состоял при нашем штабе почти все время, руководя делом связи. Влияние «боротьбистов» было очень незначительным, они, как правило, всегда работали с нами в контакте и согласии.

Несмотря на все предпринимавшиеся нами усилия, так и не удалось установить связь с командованием Красной Армии до тех пор, пока советские части снова не заняли Чернигов в ноябре 1919 года. Чтобы договориться о связи, я перешел фронт и попал в расположение красных, которые занимали села Стодолы, Кукшган и Хотиновку, в 25 верстах к западу от Нежина.

Прибыв с двумя партизанами — Мальком и П. Точеным — в штаб Богунского полка, расположившийся в селе Дроздовке, я встретился с командиром полка Квятеком. Мы предложили богунцам свой план обхода деникинцев с тыла. После обсуждения Квятек с нами согласился, и мы начали готовиться к осуществлению плана.

Согласно плану, один из батальонов Богунского полка вместе с партизанским отрядом должен был пройти лесами между селами Вертиевка и Кукшин и у хутора Зруб перейти через болото Смолянку, которое к тому времени уже замерзло. Как только богунцы и партизаны пройдут болото, они должны занять позиции в тылу деникинцев и закрыть им путь к отступлению на Нежин, перерезав дорогу Кукшиц — Нежин. Другая часть Богунского полка вместе с группой партизан должна двигаться лесом от сел Орловки и Переходовки, с тем чтобы выйти в тыл деникинцам правее и, заняв дорогу Хотиновка —

Мрин, не дать возможности врагу ударить на Козелец. Третья группа Богунского полка и партизан должна наступать из Дроздовки на Стодолы. Мы полагали, что, в случае если нам удастся полностью выполнить намеченный план, деникинцам ничего другого не останется, как сдаться в плен.

Той же ночью — кажется, это было 17 ноября — был отдан приказ о начале операции. Партизаны, которые хорошо знали лесную местность, шли впереди. На рассвете мы обошли деникинцев. Завязался бой. Наши части, зайдя от Нежина, открыли огонь из винтовок и пулеметов. Белые сначала отвечали на наш огонь, но потом бросились бежать в направлении Козельца, где их встретили дружные залпы богунцев. И разыгралось побоище...

Деникинская конница бросалась из одной стороны в другую, но всюду ее встречали наши пули. Вражеская артиллерия была по всем направлениям, но сколько-нибудь серьезного урона нам не нанесла, тогда как отряды богунцев и партизан быстро взяли их в огненное кольцо и оттеснили к болоту Смолянка. Как только передние кони стали на лед, он тотчас же начал проваливаться, и кони увязали в болоте. Пушки застряли, еще не дойдя до болота, в глубоком снегу. Конные деникинцы, сгрудившиеся на болоте, почти все были скошены огнем наших пулеметов. Не больше 20 человек перебрались через болото на другую сторону.

Этот бой решил судьбу Нежина. Деникинцы бежали из города, не успев вывезти даже военное имущество.

Что касается партизан нашей группы, то часть влилась в Красную Армию, а часть осталась в Нежине, и из нее был сформирован отряд милиции. Я был назначен начальником уездной милиции.

Хотя мы и закончили воевать с деникинцами, но еще долго нам пришлось вести борьбу с разными бандами.

Таков был героический и тяжелый путь нашего партизанского отряда на Черниговщине в 1919 году.

Краткие биографические справки об авторах

Александрович Н. Л. (1888—1974) — член КПСС с марта 1917 г. Рабочий. За подпольную деятельность подвергался арестам в период австрогерманской оккупации и деникинщины. Во время борьбы с деникинщиной — член Пересыпского подпольного райкома партии и комитета политического Красного Креста в г. Одессе. После гражданской войны окончил Одесский институт инженеров морского транспорта. Находился на ответственной работе в органах Рабоче-крестьянской инспекции, на партийной и советской работе в Одессе, Николаеве и Владивостоке. Делегат X съезда КП(б)У, IX Всероссийского съезда Советов. Участник Великой Отечественной войны, политработник.

Бобрук М. Г. Род. в 1893 г., член КПСС с 1917 г. Во время деникинщины — член Геленджикского партийного подпольного комитета; в 1920 г. — секретарь Геленджикского горкома партии; в последующие годы — на ответственной работе в торговых организациях. Персональный пенсионер.

Бойко В. И. Род. в 1893 г., член КПСС с марта 1917 г. Рабочий. После Октябрьской революции избирался членом Новороссийского городского Совета и ревтрибунала. Во время деникинщины принимал активное участие в большевистском подполье, с октября 1919 г. возглавлял Новороссийский подпольный партийный комитет; после гражданской войны — на руководящей советской и хозяйственной работе на Кубани и в Казахстане. Делегат X съезда РКП(б) с правом совещательного голоса, делегат IX Всероссийского и II Всесоюзного съездов Советов. Персональный пенсионер.

Ботоев М. Д. Род. в 1895 г., член КПСС с 1912 г., рабочий. В годы гражданской войны — командир партизанского отряда в горных районах Северного Кавказа. В мирные годы — секретарь партийной контрольной комиссии, председатель ревтрибунала Горской АССР, зам. председателя исполкома Совета Северо-Осетинской автономной области, представитель Северной Осетии при Президиуме ВЦИК. По окончании Промакадемии находился на ответственной работе в химической промышленности. Персональный пенсионер.

Васильев-Шмидт А. Е. (1889—1937) — член КПСС с 1910 г. Во время деникинщины — председатель Ростово-Нахичеванского подпольного комитета РКП(б). После гражданской войны работал в Ростовской и Харьковской ЧК; с 1930 г. — на ответственной работе в Наркомате тяжелой промышленности СССР.

Воробьев С. А. Род. в 1891 г., член КПСС с 1920 г. После Октябрьской революции — один из организаторов красногвардейских отрядов на Кубани; во время деникинщины работал в большевистском подполье; участник разгрома Врангеля. С 1921 г. до ухода на пенсию в 1954 г. — на административно-хозяйственной работе. Персональный пенсионер.

Грибенник Х. И. Род. в 1896 г., член КПСС с 1918 г., рабочий. В 1918 г. — член Владикавказского Совета, в 1919 г. в составе коммунистического отряда участвовал в боях с белогвардейцами, в обороне Владикавказа; во время деникинщины вел подпольную работу, член Владикавказ

ской подпольной организации РКП(б), впоследствии член Терского областного ревтрибунала, затем на руководящей профсоюзной и хозяйственной работе. Участник Великой Отечественной войны. Персональный пенсионер.

Тумперт Б. В. Род. в 1895 г., член КПСС с марта 1917 г. Активный участник гражданской войны; в период австро-германской оккупации — член Одесского подпольного областного военно-революционного комитета и Одесского городского комитета КП(б)У; при деникинщине — председатель подпольного Морского районного комитета партии г. Одессы, член губернского ВРК и губкома КП(б)У. После гражданской войны — на руководящей работе в Черноморском морском пароходстве. В годы Великой Отечественной войны — активный участник одесского подполья. После войны работал капитаном-наставником Управления Арктической китобойной флотилии. Персональный пенсионер, почетный гражданин г. Одессы.

Долгин П. И. Род. в 1897 г., член КПСС с августа 1917 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны на Украине; командир отряда Красной гвардии в Харькове. Во время деникинщины — активный участник большевистского подполья на Дону и в Харькове; участник разгрома Врангеля. После гражданской войны окончил Харьковский медицинский институт, находился на работе в органах здравоохранения. Участник Великой Отечественной войны. Персональный пенсионер.

Егерев М. А. (1896—1967) — член КПСС с 1919 г. Рабочий. В годы первой мировой войны находился во Франции в составе русского экспедиционного корпуса; в 1919 г. возвратился в Россию; участвовал в партизанском движении в Крыму, являлся членом штаба крымской Повстанческой армии. После гражданской войны окончил Академию имени Тимирязева, работал агрономом, директором совхоза, находился на ответственной работе в Министерстве совхозов СССР. Участник Великой Отечественной войны.

Жугина Е. И. Род. в 1899 г., член КПСС с 1919 г. Во время деникинщины — участница большевистского подполья на Кубани. После гражданской войны — на партийной и профсоюзной работе. Затем — на работе в областных и центральных органах печати. Персональный пенсионер.

Ильина О. Ф. Род. в 1902 г., член КПСС с 1917 г., из рабочих. После Февральской революции избиралась членом Ростовского комитета социалистического союза молодежи; во время деникинщины — активная участница большевистского подполья на Дону. После гражданской войны — заведующая отделом по работе среди женщин Пермского горкома РКП(б), зам. заведующей женотделом Уральского обкома партии, инструктор ЦК ВКП(б). По окончании Московского механико-машиностроительного института работала инженером на предприятиях машиностроения. Персональный пенсионер.

Ингулов С. Б. (1893—1939) — член КПСС с 1918 г. Во время деникинщины — член Одесского подпольного губкома КП(б)У, возглавлял военный отдел. Затем — руководитель Одесского областного военно-революционного повстанческого штаба. После гражданской войны — на руководящей работе в аппарате ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б); был редактором «Учительской газеты», одним из редакторов Малой и Большой советских энциклопедий.

Китайгородский П. В. Член КПСС с июля 1919 г. Участник революционного движения с 1904 г. Неоднократно подвергался репрессиям. Во время деникинщины — член редколлегии подпольной газеты «Одесский коммунист». С 1922 по 1930 г. — на работе в Коминтерне, с 1930 г. — в Профинтерне. Автор многих трудов, главным образом по истории революционного и национально-освободительного движения в странах Востока.

Кожина К. К. Род. в 1904 г., член КПСС с 1920 г. В 1919 г. вступила в комсомол, была членом Симферопольского подпольного городского комитета РКСМ, зам. начальника разведки боевой дружины и связной Крымского подпольного областного комитета РКП(б). После освобождения Крыма от белогвардейцев — на службе в органах ВЧК; в 1921—1925 гг.—на комсомольской и партийной работе в г. Москве; с 1925 по 1942 г.—на службе в Советской Армии, последняя должность — помощник начальника разведотдела штаба Военно-Морских Сил на Дальнем Востоке. Полковник в отставке.

Кожухарь Н. Ф. Род. в 1894 г., член КПСС с 1917 г. Активный участник гражданской войны на Украине. С 1920 г.— на хозяйственной работе; по окончании Промакадемии в 1936 г. работал начальником ^ литейного цеха завода «Манометр*». Участник Великой Отечественной войны. В послевоенные годы снова работал на заводе «Манометр*». Персональный пенсионер.

Котляр-Тоница С. И. Род. в 1899 г., член КПСС с июня 1917 г. Работница. Активная участница большевистского подполья во время интервенции на Украине, заведовала экспедицией печала Одесского подпольного обкома КП(б)У; в период деникинщины — член Молдаванского подпольного райкома партии г. Одессы. После гражданской войны — на руководящей партийной работе. Персональный пенсионер.

Крылов П. Ф. Род. в 1899 г., член КПСС с мая 1917 г. Рабочий. После Октябрьской революции принимал активное участие в организации красновардейских отрядов в Ростове-на-Дону; во время деникинщины — на подпольной работе, затем сражался в рядах Краснозеленой армии Черноморья. После гражданской войны работал в органах ВЧК; с 1925 г.— на руководящей хозяйственной и профсоюзной работе. Персональный пенсионер.

Липина В. Н. Род. в 1894 г., член КПСС с 1916 г. За участие в революционном движении арестовывалась. Во время австро-германской оккупации — член Черниговского подпольного городского комитета КП(б)У; в период деникинщины — член руководящей большевистской подпольной «пятерки*» в г. Одессе; в первый период подполья возглавляла политический Красный Крест. После гражданской войны — на партийной работе: секретарь Тираспольского уездного комитета КП(б)У, зам. заведующей отделом работниц ЦК КП(б)У, зав. сектором Московского комитета партии, зав. отделом и член бюро Дзержинского райкома партии г. Москвы и др. Персональный пенсионер.

Ларина Р. Э. Род. в 1900 г., член КПСС с 1919 г. Во время деникинщины участвовала в большевистском подполье в Одессе; в декабре 1919 г. арестована деникинской контрразведкой и приговорена к 10 годам каторги. С 1920 г.— на партийной работе: инструктор Московского городского и Сокольнического районного комитетов партии. После окончания медицинского факультета МГУ работала по специальности. Персональный пенсионер.

Левикова Р. И. Род. в 1900 г., член КПСС с февраля 1917 г. Работница. Во время деникинщины — секретарь подпольного райкома партии Амур-Нижнеднепровского района г. Бкатеринослава. После гражданской войны — на партийной работе: зав. отделом работниц Днепропетровского губкома партии, зав. отделом Амур-Нижнеднепровского райкома партии, зав. орготделом и секретарь Павлоградского райкома партии. В 1931—1935 гг.— инструктор Московского областного и городского комитетов партии. После окончания Промакадемии работала инженером в системе Наркомата и Министерства электростанций СССР. Персональный пенсионер.

Левитин М. Я. Род. в 1897 г. В 1917 г. — красногвардеец; в годы гражданской войны во время австро-германской оккупации и деникинщины — активный участник большевистского подполья. В дальнейшем служил в органах ВЧК. С 1925 г. работал в Смоленске столяром-краснодеревщиком. Пенсионер.

Ленау М. Н. (1896—1946), член КПСС с июля 1917 г. Из рабочей семьи. Участник первой мировой войны, избирался в состав солдатского комитета; в числе других солдат 2-го и 8-го запасных пулеметных полков, отказавшихся идти в наступление летом 1917 г., был арестован и приговорен к расстрелу, освобожден Октябрьской революцией. Принимал активное участие в борьбе с мятежом Григорьева и деникинщиной, работал в большевистском подполье в г. Николаеве. После — на работе в партийной и советской печати, аппарате ВЦСПС. Избирался членом ВУЦИК. Делегат V конгресса Профинтерна в 1930 г.; избирался членом ВЦСПС. По окончании Премакадемии в 1935 г. работал управляющим и главным инженером Стальпроекта ГУМП, зам. начальника главка в Министерстве черной металлургии СССР и др.

Леонов Л. С. Род. в 1893 г., член КПСС с 1917 г. Во время деникинщины на Украине — зам. секретаря Екатеринославского, затем — секретарь Харьковского подпольных губкомов партии. После освобождения Харькова от белогвардейцев сражался в рядах 13-й армии Южного фронта. После гражданской войны — на советской и хозяйственной работе в Севастополе, Харькове и Москве. Персональный пенсионер.

Лучанская Р. М. (1895—1967) — член КПСС с 1915 г. Активная участница Февральской и Октябрьской революций в Киеве. Работала секретарем Пересыпского райкома КП(б)У г. Одессы. Во время деникинщины — член «пятерки» по руководству большевистским подпольем в Одессе. После гражданской войны — на руководящей партийной и профсоюзной работе в Киеве, Одессе, Тбилиси и Москве. Окончила Премакадемию. Занимала руководящие посты в системе Наркомата и Министерства химической промышленности СССР.

Нарцов Н. А. Род. в 1894 г., член КПСС с 1918 г. В 1918—1919 гг. — один из организаторов партизанских отрядов по борьбе с немецкими оккупантами, гетманщиной и петлюровщиной в Приднестровье, член Реввоенсовета этих отрядов, член иностранной коллегии по борьбе с интервентами, член Балтского уездного комитета партии, ревкома и уполномоченный по борьбе с григорьевщиной, командир Рыбницкого партизанского отряда. Затем — сотрудник политотдела 45-й дивизии. После гражданской войны находился на партийной, профсоюзной и научно-педагогической работе. Доктор исторических наук, профессор.

Полянская Г. П. Род. в 1894 г., член КПСС с февраля 1917 г. Во время деникинщины — член и секретарь Киевского областного подпольного комитета КП(б)У. В 1922—1932 гг. — на работе в аппарате ЦК партии Украины, редактор журнала «Коммунарка Украинь». Затем — на учебе в Институте красной профессуры в Харькове. С 1932 по 1963 г. — заведующая учебным отделом Высшей школы профдвижения в Москве, преподаватель Московского пединститута имени Ленина. Персональный пенсионер.

Пшеничный Н. А. Род. в 1899 г., член КПСС с 1919 г. Во время деникинщины — член Главного штаба Краснозеленой армии Кубани и Черноморья. Затем — секретарь Северо-Кавказского краевого подпольного комитета РКП(б). После гражданской войны находился на руководящей партийной и советской работе. Участник Великой Отечественной войны. В послевоенные годы руководил

Украинским научно-исследовательским институтом зерна, Львовским учебным комбинатом. Персональный пенсионер.

Расторгуев С. В. (1896—1973) — член КПСС с 1918 г. Рабочий. Во время деникинщины — один из руководителей большевистского подполья в г. Майкопе. После гражданской войны — на руководящей, советской, профсоюзной и хозяйственной работе. Участник Великой Отечественной войны, политработник.

Ретепун М. М. (1898—1972) — член КПСС с 1919 г. Рабочий. Во время деникинщины — связной Северо-Кавказского краевого подпольного партийного комитета с краснозелеными, командир партизанского отряда. После гражданской войны служил в органах ВЧК, находился на партийной, профсоюзной и хозяйственной работе. В годы Великой Отечественной войны был командиром разведки партизанского отряда.

Романов Е. В. Род. в 1893 г., член КПСС с 1918 г. Участник первой мировой войны; после Февральской революции — член президиума ревкома Александропольского гарнизона на Турецком фронте; после демобилизации из старой армии работал в Главных мастерских Владикавказской железной дороги в г. Ростове-на-Дону. Во время деникинщины — председатель подпольной партийной ячейки этих мастерских. В 1920 г. — председатель Те-мерницкого ревкома в г. Ростове-на-Дону; в последующие годы — на советской, профсоюзной и хозяйственной работе. Персональный пенсионер.

Савенко А. И. Род. в 1897 г., член КПСС с 1920 г. Во время деникинщины — активный участник большевистского подполья в г. Армавире. После установления Советской власти — член Армавирского ревкома, сотрудник Ставропольской ЧК, участвовал в борьбе с кулацко-белогвардейским бандитизмом. В 1931 г. окончил институт инженеров железнодорожного транспорта, работал начальником политотдела Северо-Кавказской железной дороги, затем — на руководящей хозяйственной работе. Персональный пенсионер.

Синченко Д. Ф. (1892—1959) — член КПСС с 1919 г. Участник первой мировой войны; после Февральской революции избирался членом ротного комитета, делегатом армейского съезда (Турецкий фронт). Во время деникинщины на Кубани вел активную подпольную работу; в 1920 г. участвовал в борьбе с кулацко-белогвардейским бандитизмом, с врангелевскими десантами. В последующие годы находился на советской работе, работал в ряде издательств, в Краснодарском краевом управлении по делам литературы и издательств.

Соболь В. Л. (1891—1967) — член КПСС с 1911 г. Участник революционного движения с 1905 г., неоднократно арестовывался, с 1912 г. находился в эмиграции. Вернулся в Россию после Февральской революции. В 1917—1918 гг. активно участвовал в борьбе за власть Советов в Одессе. В период иностранной интервенции был членом Одесского городского подпольного комитета партии, при деникинщине — членом подпольного Одесского совета профсоюзов. В последующие годы — секретарь Кировоградского окружкома партии, председатель ЦК профсоюза работников авиационной промышленности. Избирался членом ЦК КП(б)У, ВУЦИК, президиума ВЦСПС, председателем Международной организации металлистов.

Спирин Г. Я. (1900—1960) — член КПСС с 1918 г. В 1918—1919 гг. — активный участник большевистского подполья в Ростове-на-Дону; после провала Ростовского подпольного комитета партии в мае 1919 г. был арестован белогвардейцами и приговорен к расстрелу, замененному двадцатью годами каторги. После гражданской войны — на руководящей профсоюзной работе.

Топоровская Х. С. Род. в 1899 г., член КПСС с 1919 г. Активная участница большевистского подполья при деникинщине в Одессе. Была арестована контрразведкой и освобождена из одесской тюрьмы с приходом Красной Армии. В последующие годы — на руководящей партийной и профсоюзной работе. После окончания в 1931 г. Московского технологического института легкой промышленности работала техноруком на дубильном заводе, помощником управляющего треста «Дубитель», являлась научным сотрудником научно-исследовательского института кожевенной промышленности. Кандидат технических наук. Персональный пенсионер.

Точеный Н. И. Род. в 1892 г., член КПСС с сентября 1917 г. Кронштадтский матрос, участник штурма Зимнего дворца. В период австро-германской оккупации — член черниговского губернского подпольного комитета партии, член Центрального военного штаба во время вооруженного восстания против немецких оккупантов на Черниговщине в августе 1918 г.; во время борьбы с деникинщиной — командир партизанского отряда. Персональный пенсионер.

Хижняк П. К. Род. в 1902 г., член КПСС с 1920 г. Активный участник гражданской войны. После демобилизации из Красной Армии с 1924 по 1928 г. находился на руководящей комсомольской работе, избирался кандидатом в члены ЦК ЛКСМУ; с 1929 г. — на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе. Участник Великой Отечественной войны. Персональный пенсионер.

Черный В. Ф. (1896—1938) — член КПСС с 1916 г., кубанский казак. В 1918 г. — секретарь ЦИК Северо-Кавказской республики; во время деникинщины — начальник военно-революционного штаба Екатеринодарского подпольного комитета партии; с мая 1919 г. — председатель Северо-Кавказского краевого подпольного комитета РКП(б). В последующие годы — на руководящей партийной работе на Кубани, в Средней Азии, был зам. заведующего отделом ЦК ВКП(б). После окончания Института красной профессуры в 1927 г. — на преподавательской работе в московских вузах, профессор.

Яковер Б. М. (1888—1957) — член КПСС с 1918 г. Рабочий-печатник. За участие в революционном движении при царизме был сослан в Сибирь, освобожден Февральской революцией. Во время интервенции занимался печатанием в одесских катакомбах подпольной большевистской газеты «Коммунист*» и листовок, при деникинщине печатал подпольную газету «Одесский коммунист*». После гражданской войны был зав. отделом печати Одесского совнархоза, секретарем профсоюза печатников.

Янова А. М. (1898—1966) — член КПСС с 1919 г. Во время деникинщины была председателем подпольного Красного Креста в Харькове. После освобождения от белогвардейцев — зам. председателя губернской комиссии по оказанию помощи жертвам контрреволюции и семьям красноармейцев, зав. женотделом Харьковского уездного и окружного комитетов КП(б)У. Делегат I съезда Советов СССР. В 1926—1937 гг. — редактор журнала «Селянка України», преподаватель Московского текстильного техникума, в дальнейшем — на хозяйственной работе.

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Н. Петров.	3	М. Д. Ботоев.	126
К читателю		Подпольщики и партизаны	
С. Ф. Найда.	6	Осетии	
Предисловие		А. З. Дьяков.	134
В. Ф. Черный.		Красный Дагестан	
От инициативной группы до	17	И. П. Червяков.	147
краевого комитета		Освобождение политзаключенных	
Н. А. Пшеничный.		Х. И. Грибенник.	155
Нас вдохновляла партия боль* шевиков	30	Подрывали тылы врага	
Е. И. Жугина.		А. Е. Васильев-Шмидт.	160
Выполняя партийное поручение	42	Время, полное тревог	
Д. Ф. Синченко.		Е. В. Романов.	168
Полномочный представитель		Боевой отряд рабочего класса	
С. А. Воробьев.	51	О. Ф. Ильина.	174
Наши диверсии		Наши героини	
В. И. Бойко,	63	Г. Я. Спирин.	180
М. И. Романова,		Кровавая расправа	
Р. И. Шаинская.	70	П. Ф. Крылов.	190
На переднем крае		Взаимная помощь	
А. Ф. Акименко.		Р. М. Лучанская.	194
Смелые операции		В одесском подполье	
М. Г. Бобрук,	79	Н. Л. Соболев.	211
П. М. Пушнов,		Правда класса	
И. Ф. Ткаченко,	84	Х. С. Топоровская.	219
Д. В. Лискевич.		Ночи и дни	
С оружием в руках		В. Н. Лапина.	236
М. М. Репетун.		Явки, оружие, люди	
Партизанскими тропами		Б. В. Гумперг.	248
С. В. Расторгуев.	93	Одесские моряки действуют	
На воле и в тюрьме		Н. Л. Александрович.	254
А. И. Савенко.		Ропитовцы	
Работа в белогвардейских частях	101	Р. Э. Ларина.	263
П. П. Соркин.		Они победили смерть	
Тактика, подсказанная жизнью	114		
	118		

С. И. Котляр-Тонина. Это было на Молдаванке	271	П. И. Долгин, Кривавый путь деникинщины	341
П. В. Китайгородский. Живительный родник	274	Г. П. Полянская. Киевское подполье	351
Б. М. Яковер. Тысяча случайностей	285	Р. И. Левикова. За власть Советов	356
С. Б. Ингулов. Тихий Зигмунд	288	Н. Ф. Кожухарь. Героический Луганск	360
П. Т. Пастернак. Впсунская республика	291	Н. А. Нарцов. На Приднестровщине	365
С. Гайдук, С. Теселько. Непримиримая Баштанка	295	К. К. Кожина. Листовкой и винтовкой	371
М. Н. Ленау. Николаев. 1919 год	300	М. А. Егеров. В Крымских горах	383
Л. С. Леонов. На смену павшим вставали новые бойцы	312	П. К. Хижняк. Партизаны вступают в бой	392
А. М. Янова. Подпольный Красный Крест	322	П. И. Точеный. Партизанская рать	399
М. Я. Левитин. Боевые дела	332	Краткие биографические справки об авторах	409

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ
В тылу деникинской армии

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Л. Б. Ястребов*

Младший редактор
И. А. Дегтярева

Художник *М. Н. Вакушев*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Н. Е. Трояновская*

Подписано в печать с матриц 23 января 1976 г. Формат 60X84/16. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 25,34. Учетно-изд. л. 25,85. Тираж 100 тыс. экз. А00016. Заказ № 365. Цена 1 р. 09 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16.